АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

ЖЕРТВЕННЫЕ ЛЬВЫ

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знаменитый цикл Вадима Панова «Анклавы» продолжается!

Земля еще не пришла в себя после грандиозного эксперимента, проведенного на Станции «Наукома». Но человечество уже приспособилось к новым условиям существования, приняв жестокие правила игры на выживание…

Правительство Поднебесной бросает все силы на масштабный проект по прокладке к Станции железной дороги. В таежные дебри Сибири движется гигантский рельсоукладчик «Император Шихуанди». Командует им подполковник НОАК Чэнь Юйдяо – жестокая и стремительная как львица. Юный ломщик, известный под ником Листопад, предпринимает хакерскую атаку на компьютерные системы «Императора» и… исчезает. На поиски ломщика отправляется Илья Вебер, нанятый одним из высших чинов Республики Сибирь, загадочным машинистом по имени Терпение…

А между тем до начала операции «Бронзовое зеркало» остаются считаные дни…

- Андрей Фролов
  - Истовая вера не выбирает методов
  - Преступление против Родины не бывает ничтожным
  - Проба золота, из которого собрана клетка, точнее определяется изнутри
  - Обворованный вор вряд ли пойдет к судье
  - У хорошего пастуха под рукой всегда послушные псы
  - Сильный росток пробивает даже гранит
  - Умеющий сострадать утраивает свою силу
  - Талантливые личности необычайно многогранны
  - Никому не убежать от собственной тени
  - Прекрасный день обязан завершиться благочестивым поступком
  - В густой траве и уж – гадюка
  - Когда тянешь крупную рыбину, важно не оборвать леску
  - Искреннее гостеприимство часто становится основой взаимовыгодного сотрудничества
  - Маринованное мясо легче прожарить
  - Фехтование словами подчас выматывает пуще рубки мечами
  - Перелетная птица обычно следует поразительно точным курсом

- И через тысячу лет умение строить планы останется уделом избранных
- Некоторые беды предсказать незатруднительно
- Озарение кроется в груде мелочей. Важно лишь грамотно рассортировать
- Перемен обычно и не ждешь. А они все равно наступают
- Ключ к будущему человека хранится в воспоминаниях о его прошлом
- Не все, столетиями лежащее в земле, было похоронено
- Настоящий мастер не демонстрирует коронного удара раньше срока
- На пути титанических помыслов и преграды огромны
- Хороший ловчий давно разучился мешкать
- Умение признавать ошибки – еще один шаг к совершенству
- Молитва – цемент для неокрепшего духа
- В отличие от овцы, лев сам идет на заклание
- Настоящую цену предательства познаешь гораздо позже
- Пускаясь в погоню, глупо молить врага о передышке
- Не всякая добыча готова ею стать
- Спор двух драконов обычно кончается схваткой
- Убежденность в правоте дарит человеку крылья
- Долг чести отдается кровавыми процентами
- Умея, можно разговорить и камень
- Заброшенный невод рано или поздно нужно втянуть в лодку
- Дурные вести печалят, даже если их ждешь
- У каждого гения есть свои учителя
- Застигнутый врасплох враг обречен
- Ожидая подарка, невежливо поторапливать время
- Не всякий посмеет взглянуть в глаза умирающего врага
- Легче всего нанесенное оскорбление смывается слезами чужой боли
- Трудясь на двух господ, важно правильно расставить приоритеты
- Опаздывать некрасиво. А иногда – и опасно
- Признавать поражение чудовищно неприятно
- Важные вопросы нужно решать лично
- Опасно недооценивать скорость лесного пожара
- Первым на добычу кидается вожак стаи
- На некоторые поступки не стоит и решаться

- Если шакал забывает свое место, тигр выпускает когти
- У черного тоже бывают полутона
- Нелепо отказываться от возвращаемого долга
- Проигранный ва-банк вызывает жалость. Сыгравший – зависть к предвидению
- Заколотого быка не вернуть в стадо
- Ценнейшее сокровище проигравшего – затаенная месть
- Некоторые поступки достойны предельной решимости
- Путь домой наполняет сердца благодатью

Андрей Фролов
Жертвенные львы

Лишь почитая богов и
Храмы побежденных,
Спасутся победители.

Эсхил. Агамемнон

А сын грустит о матери,
а сын грустит о матери,
Ждет сына мать, а сыновей – Земля.
А звезды, тем не менее,
а звезды, тем не менее,
Чуть ближе, но все так же холодны.

Группа «Земляне», 1982 год

Хоть совсем не молись,
но не жертвуй без меры,
На дар ждут ответа;
Совсем не коли, чем без меры
закалывать.

Havamal (Речи Высокого, Старшая Эдда)

Истовая вера не выбирает методов
23 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

Десятилетия романтизации сетевых путешествий сотворили образ-клише, по своей мощи граничащий с архетипами древности. Благодаря тоннам электронной бумаги, изведенной журналистами и писателями, большинство пользователей уже давно сравнивало вход во всемирную паутину с нырком в бездонную глубину. В мировой океан Цифры, в толщу неизведанного и таинственного.

Листопад предпочитал личную метафору. Каждый раз входя в Сеть, он представлял себя капитаном-одиночкой, оседлавшим легкий скоростной буер – изящный парусник для катания по ледяным пустошам.

Коньки его воображаемой лодки были мощной техникой, купленной на деньги обеспеченного брата. Штурвалом – интуиция Листопада, еще в ребячестве проявившего недюжинные способности машиниста. А парусом, набиравшим плоть под тугим виртуальным ветром, являлся талант, сила которого росла с каждым днем. Без устали и заботы мчался этот буер по молчаливым белоснежным просторам сетевого мира, останавливаясь там, где Листопад считал нужным начать бурение льда.

Сейчас стреловидная яхта снова звала на борт. В особенное, полное надежд и обещаний странствие, во многом определяющее дальнейшую судьбу Листопада. Пропустить этот рейс юноша просто не имел права…

Умывшись холодной, пропахшей хлором водой, он вернулся в комнату. На ходу вытираясь бумажным полотенцем, еще раз осмотрел рабочее место, пытаясь определить, какие мелочи мог упустить.

Вот «раллер», на 60 % собранный его собственными руками. Он, бесспорно, не гравер, но кое на что оказался способен. Комплектующие куплены в разных местах планеты, электронные метки плат и сетевых карт уничтожены, чтобы службы сетевой безопасности не смогли вычислить не только местонахождение ломщика, но и биографию «железа».

Вот пара литров газированной воды в пластиковой бутылке, вот банка с мощным энергетическим напитком, вот суррогатный шоколад и запаянный в фольгу бутерброд из закусочной в

подвале. Никаких дополнительных стимуляторов, например, варки *динамита*, от которого могут закипеть мозги. Не говоря уже о пресловутом «синдине», применение которого Листопад откровенно презирал. Современный ломщик работает чисто, без химии, добиваясь всего при помощи гибкого ума и все той же интуиции, высокомерно насмехаясь над фальшивым могуществом «тритонов»…

Удобный офисный стул отрегулирован так, чтобы спина и зад не устали, даже если операция затянется. Батареи бесперебойного источника энергии заряжены на 100 %, так что молодому человеку не помешают даже возможные отключения электричества, до сих пор происходящие в городе. Шторы задернуты, не пропуская в окно ленивую жару августовского вечера, кондиционер работает исправно.

Увесистый оловянный солдатик – его счастливый амулет, водружен на законное место – перед тремя широкополосными дисплеями. Два настольных вентилятора нацелены на кресло, подкрепляя выдуманные ощущения мерзлого ветра пустошей, бьющего в лицо отважного сетевого путешественника.

Все готово, он не упустил ничего.

Усевшись за стол, Листопад вынул из-за ворота футболки серебристый кулон. Свет потолочной лампы упал на миниатюрную пластинку с искусным барельефом человечка, сжимавшего цифру 0 в поднятых над головой руках.

Юноша поцеловал образок, опустил на грудь напротив сердца. Отключил «балалайку», заменяя ее на другую – с черного рынка, умело взломанную и разогнанную, о существовании которой не знал даже брат. Время близилось, и уже совсем скоро начнется сдача экзамена, путь к которому был тернист и опасен…

Молодой человек вошел в Сеть, старательно изучив состояние «раллера» и настроек. Запустил все необходимые программы, выходя на стартовые позиции и выставляя первый уровень защиты. Неторопливо, с ленцой. Он не станет спешить, пока не получит сигнала. Через несколько минут он докажет «Мидгарду» не только свою работоспособность, но и умение выжидать.

Вызов пришел точно в назначенный час.

Листопад активировал очередной пакет защитных программ и ответил, даже не взглянув на экран коммуникатора, подключенного к «балалайке».

– Ты готов? – вместо приветствия спросил хриплый мужской голос, обладателя которого Листопад не видел ни разу в жизни.

Каким он был, его сетевой наставник? Умудренным седовласым старцем, пережившим кратковременный триумф нейкистов? Юнцом, сломавшим притяжение «синдина»? Или

способным к рукопашной широкоплечим гигантом, прозвище которого избрал? Листопад не знал, да и не задумывался особенно.

Главное – его воспитатель был неотступным сторонником идеологии «Мидгарда», умным и преданным общему делу, а большего юноша не требовал…

– Полностью, – смиренно ответил он, стараясь не выдать охватившего волнения.

В ступни будто закачали жидкого свинца, и Листопад упер ноги в специальную ортопедическую подножку кресла. Постарался изгнать мороз, сковавший спину.

– Жду сигнала к началу.

– Молодец, – скупо похвалил мужчина, которого Сеть знала под именем Порфириона. – Объект выдвинулся в соответствии с расписанием. Наши люди на исходной, можешь подключаться к их «балалайкам», вот адреса каналов.

Пальцы Листопада вспорхнули над «раллером», и в то же мгновение на крайнем правом дисплее открылись два окна. Довольно мощные «балалайки» исполнителей Порфириона считывали происходящее через глазные наноэкраны, с легкой задержкой передавая видеопоток на мониторы ломщика.

Сейчас оба бойца ехали в мобиле, за окнами которого раскинулась пасторальная сельская глубинка, пышущая зеленью. Водитель курил, картинка слегка мутнела от струй дыма.

– Соберись, Листопад, – хмуро приказал наставник, – следующего шанса может не представиться долго…

Юноша не ответил, сосредоточившись на работе.

Он и без лишних нотаций представлял, сколь удачно расписание и маршрут «товарняка» совпали с возможностями «Мидгарда», наконец получившего контроль над орбитальным спутником. Вообще, ломщику было бы комфортнее, если бы Порфирион не нависал над виртуальным плечом, лично контролируя операцию. Но просить воспитателя удалиться или замолчать, конечно же, не смел.

Изображение на правом дисплее сменилось. Мобиль остановился, и оба исполнителя вышли наружу, неспешно осматриваясь.

Информация поступала без звука, но Листопад ясно представил себе, как мягко хлопнули дверцы машины или хрустит под ногами галька сельской дороги. В действительности рабочую комнату ломщика наполняли лишь гул вентиляторов и липкое цоканье клавиш. Однако всесильная Сеть перенесла его сознание на тысячи километров на запад, позволяя докурить сигарету под полуденным солнцем Европы.

Листопад на ощупь взял со стола открытую бутылку с газировкой, смочил пересохшие губы. Наблюдать за исполнителями, одновременно выстраивая защиту канала и контролируя приближение объекта, было непросто. Легкая футболка намокла под мышками, не помогали даже направленные в лицо прохладные воздушные струи.

Исполнители Порфириона двинулись от мобиля. Их глазами молодой машинист рассмотрел белеющую вдали бетонную ленту «суперсобачьей» трассы, по которой приближался объект. Затем увидел башенку, к которой шагали бойцы, и сделал еще один глоток теплого напитка.

Бетонная вышка, какими усеяны обочины европейских магистралей для транспорта на электромагнитных подушках, медленно надвигалась. Казалось бы, сооружение не представляло собой ничего особенного – обыкновенный пост смотрителя, на «птичьих правах» подключенный к единой транспортной сети Европейского союза. Но именно благодаря таланту Листопада сейчас эта светло-серая четырехметровая башня превратится в оружие «Мидгарда»…

Один из бойцов подплыл к ограде из железной сетки, которой была обнесена вышка. Мощным импульсом отмычки сжег электронный замок, без промедления толкнул калитку. Широким шагом оба достигли входа в бетонную вышку.

Тот, что курил за рулем, остался снаружи, продолжая осматриваться. В руках второго, будто в популярной виртуальной игре, Листопад увидел «дыродел». Оружие поднесли к лицу, затвор приоткрылся, демонстрируя уже досланный в ствол патрон.

Когда в отмычке накопился новый заряд, исполнитель с пистолетом приставил ее к дверному замку, после чего по изображению пробежала вторая помеха. Все происходило в полной тишине, околдовавшей Листопада, заворожившей его и сковавшей мышцы.

Разумеется, он понимал, что нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. И все равно не мог равнодушно наблюдать, как его товарищи по вере собираются вскрывать скорлупу…

Человек Порфириона без лишней суеты вошел в башню. Почти не задержавшись на пороге, быстро осмотрел прихожую, открытую дверь в кухонный закуток, быстро поднялся по лестнице на второй этаж – в рабочее сердце диспетчерской.

Европейцы никогда не сажали в наблюдательные башни солдат или профессиональных охранников. Во-первых, трассы «суперсобак» были и без того неплохо защищены от террористических атак или случайных ЧП. А во-вторых, в

обязанности смотрителей не входила оборона дорог.

Тем не менее Листопад успел заметить штатную пистолетную кобуру, оттягивающую пояс невысокого пожилого араба, на которого боец Порфириона смотрел сверху вниз.

Возможно, не потянись тот с перепуга к оружию, его бы просто выключили.

Но едва пальцы смотрителя легли на мягкий клапан, принявшись расстегивать, перед глазами боевика появился готовый к стрельбе пистолет. Точь-в-точь как в виртуальной игре-шутере, уже помянутой ранее. Неуловимо и бесшумно дернулся затвор, из ствола выполз легкий дымок, блеснула отлетевшая гильза. Агонизирующий мир повсеместного дефицита многих заставил перейти на устаревшее оружие…

Араб в синей униформе, на рубашке которой расплывалось темное пятно, рухнул на спину.

Листопад закусил губу, стараясь успокоиться.

Так *надо*, и ему оставалось уповать, что сторож лишь ранен и сможет вызвать помощь, когда они завершат операцию…

– Подключаем звук, – приказал Порфирион, и юноша вздрогнул.

Завороженный беззвучным убийством старика, он успел забыть, что за происходящим наблюдает тот, кто все это затеял и спланировал. В голосе наставника не слышалось ни капли жалости или вины.

Машинист послушно активировал третий, самый надежный сегмент защиты, подключаясь к аудиоканалу чужой «балалайки».

Тут же стала слышна негромкая арабская музыка из проигрывателя на панели управления, дыхание стрелка, наполненные помехами переговоры других наблюдательных башен.

– Выключить приемник, – тихо распорядился Листопад.

В условиях жесткого дефицита времени это никак не могло стать его первой командой. Но игривые звуки восточных напевов казались такой насмешкой над произошедшим убийством, что его чуть не стошнило прямо на «раллер».

– Выполнять, – продублировал команду наставник, и не подумав упрекнуть юношу. – Рацию тоже выключить…

На этот раз Порфирион говорил на арабском, который для ломщика переводила «балалайка».

– Спасибо, – прошептал Листопад, когда широкая ладонь исполнителя дотянулась до приборной панели, выключая проигрыватель и обрывая шнуры радиостанции. – Опустись под пульт…

Ему подчинились молча и молниеносно, в сторону с грохотом

откатился отброшенный стул на колесиках.

– Открой панель, – продолжал инструктировать ломщик, наблюдая за происходящим через чужие глаза. – Слева две задвижки… да, теперь потяни край на себя. Перед тобой четыре шлейфа, видишь?

Боец действовал быстро, исполнительно, время уходило только на перевод команд Листопада на арабский. Стрелок протянул левую руку, поочередно ткнув пальцем в замеченные машинистом провода.

– Да, это они… второй слева шлейф имеет разветвитель, видишь?

Боец кивнул, отчего изображение дернулось, а Листопад недовольно поморщился.

– Головой не тряси, отвечай словами…

– Харашьо, брат, – ответили ему на русском с ужасным акцентом.

– Сейчас ты расцепишь этот блок… стой! У тебя будет всего десять секунд, после чего система пошлет сигнал неисправности в центр управления транспортом… За эти секунды ты должен подключить мой прибор, восстановив целостность контура. Нижний шлейф – в желтое гнездо, верхний – в красное. Ты все понял?

Казалось, исполнитель снова хотел кивнуть, но вовремя сдержался, негромко промычав.

– Приступай! – В разговор снова вмешался Порфирион.

В руках сидящего под пультом бойца оказался небольшой гаджет, разработанный и собранный самим Листопадом. В последний раз тот видел свое детище весной, когда по частям отправлял его в страны Европейского исламского союза по пяти разным адресам. Отметки, нанесенные яркой люминесцентной краской, были хорошо заметны.

Максимально вытянув шлейф из-под пульта, чтобы было удобнее, исполнитель разомкнул провода. Быстро, хоть и не совсем умело, подключил их так, как этого хотел машинист. И замер, шумно выдохнув и выругавшись. Восемь секунд… Они уложились, не вызвав лишних подозрений или интереса транспортного центра.

– Все, теперь ничего не трогай! – Листопад почувствовал, как оцепенение уходит, сменяемое привычной рабочей сосредоточенностью.

Больше не было горечи от убийства неповинного человека. Не было сомнений или тревоги. Осталась лишь цель, к которой ломщик пробивался через цифровые массивы. Остались сжавшееся в точку время и необходимость *доказать*. Себе,

наставнику, всему «Мидгарду» и глупому населению планеты.

На правый дисплей парень больше не отвлекался, краем глаза заметив, что второй исполнитель вошел внутрь, а его напарник поднялся с колен. Теперь закурили оба, поглядывая в панорамное окно, по периметру обрамлявшее башню.

Персональный буер юноши, выбравшего сетевое прозвище Листопад, поймал цифровой ветер, ринувшись вперед с ужасающей скоростью. Пальцы почти не отрывались от «раллера», в глазах парня замелькали рабочие таблицы и командные строки, заполнявшиеся заранее подготовленными формулами. Спутник «Наукома», чьими услугами они нагло и незаконно пользовались, покорно заливал в транспортную сеть потоки зашифрованных данных.

Не дожидаясь завершения всех почтовых операций, ломщик начал удаленную инсталляцию программ, разработанных им специально для «Мидгарда». Каждой клеточкой кожи он ощущал, с каким напряжением наблюдает за ним сейчас Порфирион, оценивая и подмечая любую мелочь.

Первые пакеты распаковались, мгновенно внедрившись в систему польского отделения транспортной сети Союза. Специальные ключи открывали замурованные до поры двери, и уже через несколько минут Листопад смог получить доступ к необходимым ему массивам.

Объект, как и было рассчитано, уже приближался к зоне проведения операции. Загрузив в центральный процессор выбранного локомотива еще одну программу, которой мог откровенно гордиться, юноша улучил секунду, чтобы смахнуть с бровей пот и сделать еще один глоток сладкой воды.

– У меня все готово, – сообщил он Порфириону, не узнав собственный голос.

– Действуй! – без заминки ответил тот.

И тогда Листопад, находящийся в четырех тысячах километров от места проведения операции, активировал сразу все программы для атаки на транспортную сеть.

Через долю секунды грузовая «суперсобака», следовавшая по курсу Анклав Москва – Мюнхен, сошла с ума. Пилоты, находящиеся в кабине локомотива, еще какое-то время пытались вернуть управление, но почти сразу убедились, что обречены.

Через несколько минут состав резко увеличил скорость, доведя ее до критической. Сделал он это на избранном «Мидгардом» отрезке трассы, где высокое бетонное ограждение до сих пор не восстановили после Инцидента. Практически в то же мгновение из строя вышло большинство элементов системы экстренного торможения. После этого направленный

электромагнитный импульс привел к взрыву сразу несколько подушек под передними вагонами, сорвав «собаку» с трассы.

Пьяной змеей цепь вагонов скользнула по сочно-зеленому склону холма, сминая столбы электропередачи и ограждения сельскохозяйственных угодий. Скомкалась, с лязгом и серией взрывов превратилась в мешанину из платформ и цистерн, а затем начала замедляться, в агонии пропахав в плодородном европейском черноземе не один десяток саженей.

Системы пожаротушения, перепрограммированные ломщиком, не сработали, превратив «товарняк» в ярко полыхающий костер ценой в миллионы евродинов.

– Операция окончена, – хрипло скомандовал Порфирион, – поздравляю с удачным исходом. Зачистить объект.

Переведя взгляд на правый дисплей, молодой ломщик заметил, что оба исполнителя крепят к стенам и пульту управления небольшие термические заряды. Даже если пожилой араб выжил под поцелуем «дыродела», шансов уцелеть у него не оставалось.

Как и у всех, кто стал врагом Геоса.

Как и у всех, кто должен погибнуть, пока «Мидгард» не одержит победу, доказав всему миру, какую ошибку тот совершает…

Потому что «суперсобака», еще десять минут назад летевшая из московского Шарика, направлялась в крупнейшие научно-исследовательские центры европейских корпораций. Ее отправной точкой был вовсе не русский Анклав – почти двенадцать часов назад она стартовала с севера, с Кольского полуострова, загрузившись прямо на складах знаменитой Станции.

«Суперсобака» везла баварским ученым образцы грунта, воздуха, газов и минералов, добытых в чужих мирах. А это значило, что в войне с «Мидгардом» она стала врагом, которого уничтожили без сомнений или жалости.

Порфирион отдал последние приказы, после чего каналы связи оборвались, оставив Листопада в почти полной тишине. Стало слышно, как мерно гудят вентиляторы, а еще машинист тут же почувствовал, как нагрелась «балалайка» в затылке и «раллер» под пальцами.

Какое-то время он сидел неподвижно, а затем припал к горлышку бутылки, опустошив ее до дна. В несколько широких укусов, почти не жуя, проглотил бутерброд.

Встал, затравленным взглядом осмотрел комнату и принялся отключать оборудование.

Настало время заметать следы…

Преступление против Родины не бывает ничтожным
22 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

Музыка обрушивалась высоченными девятибалльными волнами, мягкими, но беспощадными. Мощная акустическая система, спрятанная в стенах и потолке спальни, в самых ничтожных мелочах передавала звучание старинных инструментов. Настолько, что иногда подполковнику казалось, будто в комнате присутствует самый настоящий оркестр цо-пучи, исполняющий придворную музыку.

Загадочно постанывали под щипками пальцев струны цитры. Потоком гармонии и вселенского порядка в мелодию вплетались трели древних флейт и свирелей пайсяо. Перекликались бронзовые колокольчики, негромко и гулко стучали многочисленные барабаны.

Не открывая глаз, подполковник Юйдяо протянула правую руку, забирая с журнального столика высокий стакан с ароматным зеленым чаем. Сделала большой глоток, улыбаясь от удовольствия. Как наполняет струя пустой сосуд, покой и умиротворение наполняли душу женщины. Жаль, что эйфория продлится недолго, вытесненная рутиной служебных обязанностей…

Конечно, для достижения более длительного эффекта церемонию чаепития следовало провести в соответствии со старинными традициями. Но сделать это не позволяла жесткая нехватка времени. А также отсутствие семьи – неизменного спутника всех чаепитий великой страны.

Однако целебный напиток, так или иначе, оставался одной из «семи первооснов, потребных человеку каждый день». А потому Юйдяо готовила его упрощенно, без длительных ожиданий, промывки заварки и многократных настоев.

Инструментальная композиция закончилась, ей на смену пришла другая, куда более агрессивная и строгая. Подполковник немедленно открыла светло-карие глаза, хищно прищуриваясь в ответ на грохот боевых барабанов. Теперь просторную спальню наполняли не задумчивые и преисполненные гибкости старинные ритмы, а настоящий армейский марш.

Именно такой музыкой Чэнь Юйдяо завершала скоротечные полчаса полуденного отдыха, выделяемые себе на воссоздание

гармонии с окружающим миром. Иногда, хоть и нечасто, настроение менялось, и тогда на смену народным мотивам приходила патриотическая песня начала XX века.

Эти гимны, исполняемые симфоническими оркестрами прошлого, напоминали подполковнику о смутных временах, когда Поднебесная была слаба. Когда стонала под сапогами японских интервентов, собирая силы перед могучим тигриным рывком, в результате которого какие-то жалкие сто лет вернули Китаю славу самой могучей державы мира.

Не дожидаясь, пока мелодия стихнет, подполковник поднялась из удобного кресла. Оказалась на ногах одним плавным движением, грациозным и стремительным. Большим глотком допила чай, вернула стакан на столик. Повернувшись к зеркалу на стене, придирчиво осмотрела сидящий в обтяжку мундир, поправила короткие волосы, отливавшие густой бронзой.

Скуластое лицо женщины не выражало никаких эмоций, прямой рот казался нарисованным бледно-розовым карандашом, едва различимый макияж был нанесен расчетливо и тактично. Какие бы чувства или волнения ни царили в душе подполковника, более чем двухтысячный комплекс должен видеть только это лицо – бесстрастное и строгое, как законы Поднебесной.

Приказ, отданный Чэнь в «балалайку», был мгновенно сброшен в акустическую систему, прервав военный марш на оглушительном ударе целого десятка литавр. Аккуратно натянув на бронзовую копну фуражку со сверкающей кокардой НОАК, Юйдяо вышла из спальни.

Без привычной вибрации под ногами она чувствовала себя неуютно. Будто титаническое металло-титапластовое чудовище, в чьих недрах они поселились, внезапно умерло, так и не объявив виновного в своей гибели.

Взявшись за дверную ручку, подполковник заставила себя отбросить лишние мысли, в особенности – столь метафорического характера. Разумеется, чудовище живо, просто вздремнуло на сутки, выслав вперед мобильные буровые модули. Совсем скоро его путь продолжится, и тогда металлический пол, покрытый бледно-желтыми циновками, снова завибрирует под ногами, создавая ощущение легкой корабельной качки.

Чэнь вышла из жилых апартаментов, прислушалась, как электронный замок запирает дверь. Двинулась по пустому коридору, выкрашенному в скудные светло-зеленые цвета, попала в прохладный холл. Миновав лифты, четким строевым шагом пересекла казармы младших офицеров, привычно читая таблички с фамилиями, украшавшие ряды однообразных келий.

По дороге к лестнице подполковнику не встретился никто.

Во-первых, получившие увольнительную подчиненные предпочитали проводить свободное время в барах на нижних уровнях комплекса. Во-вторых, дневное расписание подполковника было хорошо известно всему гарнизону, а лишней встречей с Чэнь Юйдяо мог грезить только умалишенный.

Подполковник позволила себе быструю кривую улыбку.

Она была прекрасно информирована о своей репутации среди подчиненных. И о придуманном ими жутком прозвище – тоже. Пусть.

Там, где царит страх, властвует и подчинение. Беспрекословное, молчаливое, покорное. Именно этого Юйдяо и требовала от вверенного ей гарнизона, не мешая распространению самых ужасных слухов о себе.

По узкой металлической лестнице подполковник взбежала легким пружинистым шагом, никак не вязавшимся с ее сорокалетним возрастом. Поднявшись на три этажа, на секунду замерла перед дверью, переводя дыхание. Одернула полы кителя и поясную кобуру с длинноствольным «Тип-QSZ-068», вошла.

Секретари, посыльные и офицеры связи, встреченные в коридорах оперативного командного центра, тут же распрямляли плечи, дробно щелкая каблуками ботинок и залихватски отдавая подполковнику честь. Она осмотрела каждого – быстро, внимательно, но не задержавшись ни на одном из восьми напряженных лиц.

Приложив ладонь к блестящему козырьку фуражки, Юйдяо прошла мимо застывших подчиненных, толкая вбок раздвижную дверь личного кабинета.

В приемной, как обычно, возвращения старшего офицера дожидался старший лейтенант Ху, которого сослуживцы да и сама подполковник чаще именовали прозвищем Болло. Адъютант вытянулся в струну, едва в коридоре стихли разговоры, и продолжал держать стойку, пока Чэнь не взмахнула белыми перчатками, зажатыми в левой руке.

Секретарь-машинистка, червем психопривода подключенная к внутренней сети комбайна, не шелохнулась и на старшего по званию даже не взглянула – в свое время Юйдяо лично одарила ее соответствующим приказом, чтобы не отрывать от работы.

– Докладывайте, товарищ старший лейтенант, – негромким глубоким голосом приказала Чэнь, проходя за рабочий стол-дисплей у дальней стены.

Так же как жилые помещения коменданта, кабинет имел настоящее окно, сейчас наполовину прикрытое легкими жалюзи из искусственного бамбука. За пуленепробиваемым стеклом можно было разглядеть крутобокий склон горы, редко усеянный

уцелевшими в Перерождении соснами и кедрами – с высоты семнадцатиэтажного дома открывался величественный, в полной мере панорамный вид.

Августовский полдень набирал силу, и при должном уровне фантазии можно было вообразить даже приятный теплый ветер, беззаботно ласкающий раскидистую цепь кряжей. Кряжей, которые им еще предстояло перепахать, подобно тому, как буйвол взрыхляет плодородное поле…

Женщина отложила головной убор на стеклянный край стола, раздвинула на затылке густые бронзовые волосы, нащупала разъем «балалайки» и подключилась к системам комплекса. Внутри прозрачной, похожей на омут столешницы-экрана перед подполковником побежали оперативные данные о состоянии комбайна.

Но текущие дела Чэнь просматривала вполглаза, не спуская проницательного взгляда с верного лейтенанта Ху.

Адъютант плотно задвинул створку на место, умостил фуражку на сгибе локтя. Как всегда наедине с хозяйкой, Болло сбросил с плеч наигранное солдафонское напряжение, без приглашения опускаясь на стул напротив Юйдяо.

– Немедленного рассмотрения требуют два вопроса, товарищ подполковник.

Лейтенант был невысоким, плотно сбитым мужчиной, в перспективе склонным к полноте, и его низкий голос только дополнял картину угрюмого крепыша.

– Сегодня в 6.40 патруль внешнего периметра задержал двух нарушителей границы. Мы не можем точно определить, каким образом нарушителям удалось преодолеть буфер милитаризованной зоны, но эти двое русских почти добрались до комплекса…

– Сибиряков, – негромко поправила адъютанта Юйдяо. – Теперь, Болло, правильнее говорить о наших соседях именно так.

– Так точно, товарищ подполковник, – без заминки продолжил помощник, едва заметно склонив голову. – Судя по предварительному допросу и опознанию, задержанные являются обыкновенными крестьянами из числа недовольных строительством «Звездного Пути». Никакого специального оборудования или оружия у них обнаружить не удалось. «Балалайки» и разъемы отсутствуют, и только у одного найден имплантированный чип слежения, применяемый на территории России. Чип неисправен. Ведут себя агрессивно, на вопросы отвечать отказываются, позволяют высказывания националистического характера.

– Ясно, – сухо отрезала Юйдяо, скользящими движениями

пальцев по стеклу стола отбрасывая в сторону изученные электронные документы. – Депортировать нарушителей на территорию Сибирской Республики, сдать на руки пограничным частям Сибирского казачьего войска. Насилия не применять, оформить протокол по всем правилам.

– Будет исполнено, товарищ подполковник. Второй вопрос касается нарушения внутренней безопасности комбайна. – Болло на мгновение замолчал, сортируя файлы «балалайки», выводимые на напыленный глазной экран. – Сегодня в 8.15 в складской зоне № 115 задержаны трое рабочих станции, пойманные с поличным при краже съестных припасов. Мы выясняем, каким образом им удалось проникнуть на склады.

– Украдена коробка рисовых галет весом в восемь цзиней, – констатировала Чэнь Юйдяо, бегло просматривая поступивший от адъютанта файл. – Сопротивления при задержании нарушители не оказали.

– Так точно, товарищ подполковник. Задержанные дожидаются вашего решения. – Болло замялся, и Юйдяо тотчас насторожилась, будто лисица, учуявшая свежую кровь. – Я посчитал, что вы захотите лично провести допрос.

Ну конечно.

Верный Болло, с одинаковым рвением вычисляющий врагов Поднебесной и выискивающий своему подполковнику новые игрушки. Один из немногих людей на комбайне, посвященный в секреты ее безобидного хобби. Значит, старший лейтенант Ху уверен, что кто-то из задержанных сможет заинтересовать начальницу?

– Доставь задержанных в Перламутровую комнату. – Она отстегнула от затылка шнур психопривода, поднимаясь из-за стола.

Болло предупредительно оказался на ногах мгновением раньше старшего офицера. Отрывисто кивнул, отдал ряд распоряжений в закрепленный на петлице интерком.

Надев фуражку, Чэнь поправила бронзовые локоны, подходя к неприметной двери в левой стене. Дождалась, пока адъютант подаст знак, подтверждая готовность, и сдвинула обшитую пластиком створку.

Свое название Перламутровая комната получила не просто так.

Серебристые переливающиеся стены создавали иллюзию пространства, не имеющего границ. Перламутром же были окрашены потолок и пол, а также немногочисленная мебель – длинный узкий стол, два стула и высокий шкаф в углу. Окон помещение для допросов не имело, но после спартанской

обстановки рабочего кабинета даже это не подтачивало величие сверкающего и мерцающего помещения.

Болло успел выдать все необходимые распоряжения, и теперь у дальней стены рядком стояли трое мужчин. Понурые, прячущие лица, одетые в однотипные робы работников каменоломен.

Подполковник неспешно вошла в Перламутровую комнату. Дождалась, пока помощник проскользнет следом, закрывая дверь. И только после этого заняла стул.

Солдаты, конвоирующие нарушителей закона, успели ретироваться, но Юйдяо знала, что сейчас не одна пара глаз зорко наблюдает за происходящим через спрятанные в стенах камеры. Впрочем, в случае непредвиденной ситуации подполковник легко могла постоять за себя сама, даже не прибегая к помощи пистолета.

Какое-то время Чэнь молча рассматривала задержанных. Она хорошо представляла себе, что сейчас происходит в их низких пыльных душонках. Какие страсти и страхи разрывают сейчас мужчин, покусившихся на государственное добро, предназначенное для тех, кто строит ее родному народу дорогу в новый мир.

Двое были откровенными заморышами. Жилистые, невысокие, какими становятся все, кто много лет возится с отработанной горной породой. Крайним справа стоял почти старик: свалявшиеся поредевшие волосенки, тонкие усы, помеченные сединой. В центре находилась более молодая версия пожилого китайца – пройдут годы, и если дитя комбайна не сменит род деятельности, превратится в живую копию. Только волосы погуще, их еще не успело высветлить, погрызть и высушить время, да в плечах чувствуется чуть больше силы.

А вот третий субъект, переминавшийся слева, вызвал у Юйдяо неподдельный интерес. Теперь она понимала, зачем Болло привел троицу на личный допрос. Да, определенно, любопытный паренек.

Лет двадцати пяти, вряд ли больше. Широкоплечий, статный, высокий, с густо-черной копной. Вероятно, прибыл в комплекс не так давно, потому что изнурительные нагрузки еще не успели подкосить его богатырскую стать.

Не торопясь начинать разговор, подполковник взглядом ощупывала заключенного, отмечая великолепно развитую мускулатуру, крепкие кисти, толстую шею. Отличный жеребец, такие попадаются нечасто…

– Почему вы здесь, товарищи? – внезапно и звонко спросила она, заметив, как вздрогнули все трое.

Вопрос этот, иногда звучавший под перламутровыми сводами

несколько раз за день, был отрепетирован Чэнь так добротно, что неуютно шевельнулся даже старший лейтенант Ху.

– Молчите?! Я отвечу за вас…

Юйдяо поднялась со стула, небрежно бросила фуражку на стол. Бросила так, чтобы кокарда оказалась повернутой к заключенным, смотревшим вниз. Легким движением оправив волосы, комендант заложила руки за спину и неожиданно, совсем не по-женски, хрустнула шеей.

– Вы нарушили закон! – рявкнула она так, что стоявший справа старик пошатнулся. – Посягнули на собственность Поднебесной, наплевав на правила! В древнем прошлом нашей великой державы за подобное вы бы лишились носов или глаз. С детства крадет иголки, станет взрослым – украдет золото… Так говорили предки, а они были мудры. Что будет с вами, товарищи, дальше? Сегодня украл, завтра – убил, послезавтра предал страну?!

Она неспешно обогнула стол, прохаживаясь вдоль незадачливой троицы. От заключенных несло потом, пылью и страхом. Диким, достигшим пика, за которым слабые рассудком падают в бездонную пропасть безумия.

– Вы трое – проклятые судьбой воры! – Подполковник не кричала, но ее хорошо поставленный командирский голос разлетался среди мерцающих стен эхом церковных колоколов. – Ничтожные личинки, мерзкие опарыши на теле китайского народа. Вы пытались украсть еду не у меня. Не у Председателя. Вы крали ее у родных братьев и сестер, возомнив, что вам можно все!

Она подступила к молодому силачу, жадно вдыхая его резкие дразнящие запахи. Чуть не сбилась с заготовленной речи, но удержала себя в узде. Удержала, предвкушая сладкое и от того заводясь еще сильнее.

– Пока мы работаем, еще не окрепшая после Перерождения республика снабжает нас продовольствием, обделяя собственных детей, матерей и дедов. Но вам этого мало, не так ли?! Вам хочется больше! Вам хочется, чтобы караваны с продовольствием шли беспрерывно, и вы могли жировать без меры, обрекая провинции Поднебесной на мучительную смерть от голода?! А быть может, вы хотели продать еду на черном рынке, чтобы потратить деньги на проституток или наркотики?!

Подполковник замолчала, облизнув пересохшие губы. Подавила восстающую из глубины сердца злость, способную помешать ответственной работе. Да, она верила тому, что говорила, и от того слова яростной проповеди били пленников больнее плети.

– Будь моя воля, – с презрением продолжила Чэнь, поочередно осматривая каждого из заключенных, – я бы вас расстреляла. Немедленно. На глазах у сотен. А запись казни выложила во внутреннюю сеть комплекса, чтобы отбить соблазн у тех, кто пойдет по вашим следам!

Старик чуть не упал в обморок, но стоящий в центре вор подхватил его за локоть. Сжался, будто за эту вольность подполковник могла ударить его или даже убить на месте, крепко зажмурился.

– Но ваша казнь запомнится жителям комбайна на неделю, может быть – на две, – процедила Юйдяо, презрительно не обращая внимания на шатающегося старика. – А о том, что справедливое наказание настигнет любого гражданина Поднебесной, помнить нужно всегда! Старший лейтенант Ху!

– Здесь, товарищ подполковник! – Болло щелкнул каблуками высоких армейских ботинок.

– Этим двоим, – мотнула головой Чэнь, – по сорок ударов палкой. Публично. Затем в карцер на две недели, вести прямую трансляцию в сеть комплекса. Этого, – она хищно прищурилась, едва удерживаясь, чтобы не схватить свою жертву за блестящие черные пряди, – на дополнительное дознание, отконвоировать лично.

– Будет исполнено, товарищ подполковник! – лихо козырнул адъютант, снимая с пояса мягкие самозатягивающиеся наручники.

Дверь открылась, вошли конвоиры.

Теперь без чувств грозил остаться и второй из заключенных – его так же, как старика, выводили из Перламутровой комнаты под локотки. А вот молодой силач, *избранный* подполковником, казалось, наконец-то сопоставил все, что когда-либо слышал про грозную Чэнь Юйдяо.

Ноги его приросли к полу, плечи окаменели, и старшему лейтенанту Ху пришлось даже нанести пленнику легкий удар пальцами в шею, чтобы заставить того заломить руки.

Зажав заключенному болевой центр на предплечье, Болло повел его к двери, будто стреноженного бычка. Подполковник, надевая фуражку, провожала черноволосого долгим, полным голода взглядом.

Сегодня вечером, когда ее рабочий день подойдет к концу, она вернется в спальню, которую они с Болло называли «помещением дополнительного дознания». И тогда гармония вселенной до самого краешка наполнит душу ее, преисполнив силой.

Проба золота, из которого собрана клетка, точнее определяется изнутри
21 день до начала операции «Бронзовое зеркало»

Умеет гулять казак.

Во все времена умел, что кубанский, что сибирский. Вот и сейчас было видно – всей душой веселятся служивые, искренне, чтобы через край перехлестывало. Человек тридцать кутило, а шум над открытым летним кафе стоял такой, будто собрали целую роту.

С одного края пела гармонь, слышался стройный хор густых мужских голосов. С другого – хвалились удалью молодые урядники, подбрасывая и ловя обнаженные шашки. Стальные клинки агрессивно сверкали под яркими лампами, освещавшими кафе, отчего по глазам били «зайчики».

Отточенные под бритву шашки, конечно, являлись анахронизмом, обязательной частью военной формы Сибирского казачьего войска, и на фоне современного камуфляжа, грозных «коловоротов» или «разгрузок» смотрелись дико. Однако зрелище завораживало именно своей дикарской простотой, напоминая о временах, когда на врага ходили в лихую кавалерийскую атаку.

Вебер задержался на перекрестке, с легкой улыбкой наблюдая за праздником.

Вероятно, там чествовали получение новых чинов – нескольких парней явно держали в центре внимания, постоянно похлопывая по есаульским – без звезд, погонам. Официанты подносили новые бутылки с ледяной водкой, закуски только и успевали обновляться.

Правоверная часть ватаги к алкоголю не прикладывалась, но и смотрели без осуждения. Сейчас таких в СКВ немало, почти половина, на дворе не XIX век, когда мусульманские татары составляли всего процент воинства. Пили кисломолочное или просто холодный чай, на хмельных друзей не обижались, а шумели неподдельно, честно разделяя радость.

Над пластиковыми столами кафе вообще царила атмосфера дружелюбия, а испугаться разгоряченной праздником братии мог только приезжий или плохо знающий казачьи традиции.

Старшины и полковники, негромко обсуждая что-то личное,

сидели в стороне, на забавы младших чинов взирая с отцовской теплотой. Только иногда кто-то позволял себе крякнуть с ехидной улыбкой, покручивая ус – в нашу молодость, мол, мы с саблями-то ловчее управлялись. Фуражки с алыми околышами лежали на коленях и столах, воротники были расстегнуты, в пальцах лениво дымились сигареты. Ночной город опутывала летняя духота, влажная и пропахшая свежим глинопластиком.

Новосибирцы, напротив кафе предпочитавшие ускорить шаг, на веселящихся служивых смотрели все же с опаской, настороженно. Полицейские – с умеренным любопытством, тремя небольшими группками патрулируя окрестности. Вели наблюдение, фиксировали каждый шаг, но с замечаниями не лезли. Сегодня «барсам», а в частности – казакам, дозволялось многое, почти как во времена советских революций.

Еще раз оглянувшись на пирушку, Вебер побрел дальше. Вниз и вниз по Красному проспекту, как делал почти каждый вечер. Почти каждый вечер, теплый, душный и тягучий, будто сосновая смола.

При воспоминаниях о лесе Илья машинально потянул носом воздух, не почуяв ничего, кроме обычного городского набора ароматов – бетон, асфальт, пыль и жженая резина мобильных покрышек.

Эх, нужно будет на выходных взять да всей семьей выехать на природу. Пусть совсем недалеко, к Обскому водохранилищу, где берег уже укрепили и риск обрушения минимален. Но хотя бы туда – полной грудью вдохнуть морскую свежесть и запах сочных березовых листьев. Несмотря на то что Вебер считал себя полноценным городским жителем, не так давно готовясь к переезду в шумный Анклав, летний город иногда выматывал до одурения…

Прохожих было немного. Восстанавливающийся после Инцидента город все еще боялся сам себя, расползаясь по норам с наступлением вечера и освобождая от пешеходов даже самые центровые улицы. Гуляки скоро тоже разбредутся, нечего честным людям в ночи шастать – освещение отключат ровно в полночь.

На душе было тоскливо, но Вебер продолжал тешить себя надеждой, что сегодня обойдется без обычной программы. От программы, *превратившейся* в *обычную* последние пару недель, если быть точнее. От программы, с которой так не согласна Светка…

Илья остановился напротив старинной мечети, построенной через дорогу от еще более старинного православного храма. Довольно долго, потеряв счет минутам, разглядывал оплоты Традиций, вспоминая увещевания супруги.

Нет, он еще не настолько потерялся в себе, чтобы искать спасения за стенами одного из этих строений. И очень хотел верить, что до такого не дойдет. Уж лучше бутылка «Сокровищ» и тревожный сон, чем исповеди и молитвы…

Отвернувшись от величественных храмов – краснокирпичного и белостенного, с изумрудными куполами, Илья чуть не сбил с ног невысокого старика. Вовремя отшатнулся, избегая прикосновения к пыльной накидке, небрежно отмахнулся. Но тот, как оказалось, совсем не собирался просить милостыню.

Отступив на пару шагов, Вебер убедился, что перед ним один из тех, кого Светка называла «шизами», не позволяя Верочке лишний раз даже смотреть в сторону сумасшедших.

– Думаешь, это конец? – деловито осведомился безумец, будто продолжая прерванный разговор. – Нет, мил человек, это начало конца. Впереди ждет нас суд небесный, и только избранные вознесутся! Мучения многие, на Земле творимые, только испытание последнее, Господом уготованное!

Угораздило же Илью оказаться под стенами собора…

Вебер поморщился, зашагав к арке пешеходного перехода, нависавшей над проспектом. Но старик не отставал, продолжая бормотать, как заведенный. В водянистых глазах его что-то лучилось – что-то неестественное и выдававшее человека, перешагнувшего границу привычной объективной реальности. Нечто, с одинаковой легкостью заставляющее людей орешками щелкать немыслимые теоремы или лепить сказочные башенки из собственного дерьма.

– Первый ангел протрубил, и самое страшное впереди! Кайся, грешник, кайся, ибо нет спасения ни тебе, ни семье твоей, пока…

Вебер резко обернулся на каблуках, и сумасшедший тут же сдал назад. Взглянул на перекошенное лицо мужчины, к которому имел неосторожность обратиться, и поспешно ретировался за церковную ограду. Илья хотел зарычать на «шиза», но тот все понял без слов, как бродячая собака понимает, что сейчас ее будут бить. Или, возможно, убивать.

Выдохнув, Вебер продолжил прогулку, только сейчас обнаружив, как крепко сжал кулаки.

Определенно сверх меры развелось нынче пророков и проповедников, имеющих собственную точку зрения на Инцидент. И хотя спецслужбы Гилярова продолжали тотальные чистки, прижимая «к ногтю» самых громкоголосых, умалишенных не убывало. Секты «Копья Господнего», последователи «Геи», «Звездные колонисты» и многие другие – на вскопанной хаосом почве прорастали тяжелые колосья массового помешательства, и горе тому, кто вкусил их зерен…

Хватало на улицах и субнормалов с их пограничными расстройствами сознания. Утерявшие безграничные блага Сети, они уже четвертый год превращались в беспомощных моральных инвалидов. Официально большинство субнормалов составляли «тритоны», но Вебер встречал в их рядах и бывших знакомых, которых когда-то считал нормальными.

Илья перешел многополосную трехэтажную трассу, через стеклянный потолок пешеходного моста рассматривая самые верхние уровни проспекта. По ним, почти незаметные снизу, с гулом летели редкие мобили «Скорой помощи» и армейские машины.

Часы, расположенные в уголке его глазного наноэкрана, показывали, что до полуночи оставалось полтора часа. Наверное, жена уже уложила Верочку и садится читать книжку. Смотреть в страницы пустым взглядом, дожидаясь его, блуждающего по ночному Новосибирску, как неприкаянная душа бродит по старинному замку.

Конечно, она и сегодня не хотела его отпускать.

Даже купила бутылку хорошего коньяка, который раньше они могли позволить себе только на Новый год. Пусть бы пил, но лишь бы дома. А Илья все равно ушел – ноги сами несли за порог, и заглушить их зов не могли даже Светкины слезы.

Мог ли он считать себя плохим отцом и мужем, если каждый вечер уходил из дома в любимый бар? Вебер продолжал верить, что нет. Он честно отвозил дочь в школу, так же честно забирая ее после обеда. Ходил за покупками, возился по дому, оплачивал счета и баловал жену походами в театр или дорогими обновками.

В принципе, теперь они могли позволить себе даже прислугу или личного водителя, но приняли совместное решение, что делать этого не будут. Богатство определяется не уровнем жизни, а отношением к деньгам. И Илья был очень рад, что их с супругой взгляды на этот вопрос все еще остались одинаковыми. Даже после выполнения его последнего задания. *Последнего*…

На душе было тускло, и теперь Вебер откровенно завидовал казакам, с такой легкостью превратившим обычный вечер в настоящий праздник. На душе было бесцветно. Ее, словно старое зеркало, покрыл слой мертвенно-бледной пыли. Пыли, под которой Илья уже не мог рассмотреть собственного лица.

Деньги, полученные за операцию на «Куэн Као», не принесли радости. Нет, безусловно, семья была довольна, и это стоило пролитой в бою крови. Смогли переехать в отличную квартиру на Речном вокзале, купили мобиль. Вера пошла в отличную школу, где учились дети чиновников Правительства и богатых купцов. Начали делать качественный ремонт, больше не вспоминали про

нехватку лекарств или продуктов, обновили гардеробы.

Три месяца назад, оседлав волну вседозволенности, Илья накупил себе кучу гаджетов и оружия, только позже осознав, что ему попросту негде его применять. Теперь обновки казались до обиды лишними, перестали дарить даже оттенки радости, и он запер покупки в одной из многочисленных кладовок…

Вебер неторопливо поднялся на еще один уровень города, заметив впереди знакомые огни «Трех пескарей». Ладно, он заглянет туда, но совсем ненадолго. И, если будет возможность, попробует не напиваться…

В последний месяц он все чаще задумывался о том, как живут верхолазы. Миллионеры, например. Или даже миллиардеры. Пытался представить себе существование людей, имеющих *все*. Способных позволить себе любой каприз, любую прихоть, любое желание, несмотря на его мимолетность и бешеную цену.

Себя он к таковым благоразумно не относил – денег, полученных от Колокольчика-Терпение было много, хоть лопатой греби, но не миллионы. Но и без того Илья считал, что обеспечен. И не только лично – обеспечены его любимая жена и единственная дочь, причем на годы вперед. Обеспечена вся семья.

Но как тогда живут те, у кого этих самых денег в разы больше? Чем дышат они, какие страсти их обуревают? Коллекционирование древностей? Возможно… Путешествия? В современном мире, еще не до конца оправившемся от удара, это было крайне рискованно. Меценатство? Может быть, кто-то находил удовольствие и в этом. Или, воплотив самые сокровенные мечты, машинально продолжаешь ненасытно грезить, планируя без остатка покорить этот продажный мир?..

Сам Вебер, в одно мгновение обретя все, о чем мечтал с момента поступления в московскую СБА, вдруг понял, что попал в тупик. В примитивную ловушку, построенную собственными руками…

Понял, что стал заложником новой машины, квартиры и кучи вещей, накупленных сразу после его возвращения из Тайги. Неужели это на самом деле было все, к чему он стремился, зарабатывая на жизнь тем, что умел делать лучше всего?

Широкоплечий охранник «Трех пескарей» даже не стал сверять его фото с данными «балалайки».

Илью тут знавали давно, еще когда он и сам работал вышибалой. Работал, даже не представляя, какой милосердный фортель совсем скоро подкинет ему судьба…

Этого конкретного мордоворота Вебер не знал, но здоровяк расплылся в приветливой улыбке, протягивая руку. Ничего, друг, когда-нибудь и ты будешь приходить сюда, благосклонно

улыбаясь крепышам на входе. Будешь приходить, чтобы за пару часов просадить зарплату среднестатистического каменщика или монтера…

Внутри, как обычно, царили приятный полумрак и красивый дым, выбивавшийся из дверей кальянных комнат. В мягком свете ламп, стилизованных под масляные светильники, виднелись деревянные стены и мебель, выполненная в слегка вычурном стиле. Из динамиков звучала негромкая восточная музыка, ненавязчивая и спокойная – живые концерты в кабаке проводились только по выходным.

Нашествия полчищ посетителей не наблюдалось, но и пустующим заведение не казалось. За столиками и стойкой сидело человек двадцать, часть которых тут же принялась кивать или салютовать Илье. Рассеянно отвечая на приветствия, Вебер торопливо прошел на привычное место. О том, что ему уже искренне рады алкоголики-завсегдатаи, он обязательно задумается, но не сейчас…

Закрывая изящную дверцу кабинета, заметил стайку поднебесников, оккупировавших дальний угол зала. Сидели тесно, сбившись в плотную многоголовую кучку, будто заговорщики. Наверняка нелегалы, переправленные на территорию новой Республики с помощью Триады.

Подумать только – их правительство строит титанический «Синцзи Люйсин», а они продолжают бежать в чужие страны в поисках лучшей доли, как делали их предки сотни лет назад! Хотя эти – вряд ли нелегалы, не того уровня кабак. Скорее сами бандиты…

Включив бра, Вебер опустился на диван, сдвигая меню, пепельницу и стойку с салфетками на край стола. Администратор появился ровно через десять секунд, хоть по «балалайке» засекай – после двух первых визитов Вебера он перестал посылать официантов, обслуживая дорогого гостя лично.

– Привет, Илья!

– И тебе, Алишер, не болеть!

Вебер пожал протянутую руку. Ему нравилось внимание, оказываемое администрацией, и он предпочитал верить, что в этом есть хотя бы треть настоящей симпатии.

– Давай как обычно…

– Графинчик?

– Давай графинчик… – Оценив настроение, Илья пришел к выводу, что еще не готов заказать целую бутылку «Сокровищ Сибири». Пока, во всяком случае… – Грибочки есть? Давай. И рыбки нарезку.

– Считай, уже сделано, – тепло и вежливо улыбнулся

администратор. – Сегодня чудесный клюквенный морс завезли, поставить?

– Непременно, – решительно кивнул дорогой гость.

Морс, конечно же, был синтетический, из гадких заменителей, на худой конец – из жмыха. Но Вебер все равно снова вспомнил тайгу, где еще можно было найти настоящую ягоду. Сочную, кислую до сведенных скул, но такую вкусную и полезную…

– Оставь дверку, Алишер, – бросил он в спину исчезающему администратору.

Тот с полупоклоном задержался на пороге, молча фиксируя дверь в личный кабинет и позволяя Илье рассматривать полупустой зал «Пескарей». Несколько мужчин в костюмах вкушали поздний ужин, попивая шербет, остальные посетители исключительно напивались. Как и он сам.

Тесно, очень тесно в кабаке. И в доме тесно – в новой пятикомнатной квартире с видом на величественную реку. Во всем Новосибирске тесно. А ведь он так стремился сюда: и полугода не прошло с тех пор, как готов был все отдать за возвращение в родной угрюмый город, к многоэтажкам и скоростным шоссе…

Расторопный Алишер принес поднос. Аккуратно и быстро выставил перед Вебером запотевший графин с водкой, несколько тарелок, завернутые в салфетку столовые приборы. Плеснул в граненую стопку пятьдесят граммов пахнущей кедром жидкости, удалившись так же незаметно, как появился.

На «балалайку» пришло сообщение от Светки, но Илья даже не стал открывать. Вместо этого зажмурился, вспомнив лица супруги и дочки, и выпил за своих девочек, мысленно пожелав обеим здоровья. Закусил кусочком рыбы, тут же наливая вторую. Опрокинул еще раз, морщась от крепкой горечи, заел перемазанным в сметане грибом.

– Мы же русские все, – донеслось из зала, – одной кровушки… ну как нам делиться, границы строить?.. – подвыпившая компания из четырех человек о чем-то спорила за стойкой на повышенных тонах. – Заборами родство не отгородить, ну скажи, Леха!

Илья налил себе третью, не торопясь пить.

Только тут, опрокинувшего пару стопок и погрузившегося в хмельной гам «Пескарей», его отпускала печаль, державшая за сердце весь день. Только тут образы недавнего прошлого начинали меркнуть, уступая место повседневным хлопотам и заботам. Только тут таял в сознании образ молодой метелки с шикарной светлой косой и паренька, так рано ставшего

мужчиной.

Скучал ли он по ним, столь неожиданно появившимся в его жизни и столь же неожиданно ее покинувшим? Да, наверное…

Вебер выпил третью стопку, пожелав Варваре и Митяю найти свое счастье, уберечь спасенных детей и благополучно добраться до… добраться, куда бы они ни шли в эту самую минуту.

– Да ничего вы без нас не сможете! Ни-че-гошеньки! – Один из парней у стойки, кажется, оседлал любимого конька. Дерзкого и опасного конька. – Ну что такое Сибирь без России? Диких татар пристанище? Новая провинция Китая? Да куда ж вы лезете, родненькие?

Язык оратора заплетался, а сам он норовил вот-вот сползти с высокого барного стула. На него косились, но пока молчали. В дверях кухни появился Алишер, озабоченно наблюдающий за громкоголосым посетителем.

Вебер отвернулся, подавив желание закрыть дверь в кабинет. Личное пространство для пьянства создавало иллюзию уединения. Но если запереться тут в одиночестве, он точно накидается так, что Светлана не оценит. Она, впрочем, все равно не оценит…

Неужели ему так не хватает предыдущей работы?

Вот уж дудки… Не для того горбатился на таинственного дядю, не для того сотни километров тайги истоптал, чудом в живых оставшись. Так почему тогда на сердце кошки скребут, а рука к стакану тянется? Илья налил себе, выпил, закусил. Почти машинально налил еще. Водка была хорошая, дорогая, такую он раньше даже в мыслях позволить не мог, а тут глушит, будто водицу родниковую…

А после седьмой мысли спутались.

«Понесли ботинки Витю», вспомнилась Илье очередная присказка отца, а ботинки уже несли «Витю» в зал, где все громче распалялся горлопан.

– Нельзя же так борзеть, ну нельзя! – «Оратор» слез со стула, навалившись на плечи сразу двоих товарищей и грозя стянуть на пол и их. – Все понимаю, волюшки захотелось, но и одуматься срок пришел… У нас без металла заводы стоят, народ в землянках ютится, а вы тут в независимость играете… эх, дурни… вот найдем нового Ермака, приедет он по ваши души, ох, вспомните мои слова…

– А ты сам-то откуда будешь?

Вебер не заметил, как очутился за спиной болтуна, негромко похрустывая костяшками пальцев. Алишер, внимательно наблюдавший со своего поста, головой покачал неодобрительно, но вышибалам дал знак не лезть. Если Илья начинал бузить – а

это он делал все чаще и чаще, – то за битую посуду и мебель платил сполна, про моральный ущерб не забывая…

– А?.. Чего?.. – Громкоголосый пьяно развернулся, фокусируя взгляд на Вебере. – Из Ярославля я, а твое какое дело? Знаешь город такой? Древний город… ик… его построили, когда вы тут еще белок руками ловили… Или, может?..

Закончить мысль он не успел, а произошедшее в следующие пару минут Илья помнил обрывками.

Он все-таки ударил нахала.

Может, и несильно, но тому хватило. Потом его друзья вздумали заступаться. Не просто потащили приятеля прочь, а в лицо полезли, кулаками замахали. Вскипело, выплеснулось, рвануло наружу – одного Вебер нокаутировал сразу, еще двоих бил долго, с удовольствием.

Потом его куда-то оттаскивали, бережно держал за плечи встреченный на входе здоровяк, что-то успокоительно нашептывал Алишер. Избитых вежливо выводили из «Пескарей», выдав по целому вороху салфеток зажать кровоточащие носы. Китайцы из своего угла смотрели надменно, будто потешаясь над варварством сибиряков. Остальные аплодировали, поднимая в честь Вебера стаканы и стопки.

Илья хотел выпить еще, пытался заказать новый штоф «Сокровищ», но Алишер не позволил. Аккуратно считал с «балалайки» дорогого буяна необходимую сумму, вызвал извозчика.

– Дело тебе найти нужно, Илья…

Стояли уже на улице, у самого крыльца. Администратор курил, тоскливо осматривая пошатывающегося Вебера.

– А то совсем сопьешься. Дочка потом что скажет?..

Илья хотел ответить, что это не его, в общем-то, собачье дело. И что семью трогать не позволит никому. Но смолчал – внимание постороннего человека оказалось неожиданно приятным и трогательным. Он тут же предложил Алишеру выпить, но тот мягко и решительно отказал.

Мотнул головой на припарковавшийся у «Трех пескарей» мобиль с «шашечками» на борту.

– Езжай, Ильюха, домой, машина оплачена. Поспи. Захочешь, приходи, конечно, тебе всегда рады будем. Но все равно задумайся. Нельзя себя гробить, нельзя.

И он поехал. Потирая разбитые кулаки, раз за разом прокручивая в памяти слова Алишера и на самой границе сна размышляя, что не стоило напиваться перед заданием… Стоп! Перед каким-таким заданием? Нет больше заданий. Нет больше работы. Есть благополучная сытая жизнь городского жителя. А

пожелай, и биографию перепишут, хоть в Москву уезжай…

Так его извозчик домой и доставил – разбитого, словно это он в драке проиграл, шатающегося и задумчивого.

Светка, разумеется, плакала.

Обворованный вор вряд ли пойдет к судье
20 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Шахта оказалась значительно теснее, чем он предполагал. Узкое гулкое жерло из оцинкованного железа, будто нацеленный в небеса ствол гигантского орудия. Изначально, еще на стадии изучения планов небоскреба на голографических картах, он планировал, что каждые двадцать футов будет давать себе отдых, упираясь спиной в одну стену и мягкими рифлеными подошвами – в другую.

Реальность оказалась не так комфортна – размеры колодца для сброса грязного белья не позволяли взрослому мужчине упереться в стену даже коленями. А потому переводить дух приходилось, поочередно повисая то на одной, то на другой руке. Излишне говорить, что болтающийся на поясном тросе мешок с амуницией и оружием с каждым таким «привалом» становился все тяжелее…

Но Буньип не имел привычки жаловаться на свою работу.

Поэтому стискивал зубы, старался дышать спокойнее и тише и продолжал лезть вверх, мерно переставляя по гладкой стене вакуумные присоски, за которые держался. Мешок, подвешенный под ногами, увесисто раскачивался. Восемь десятков футов оцинкованной кишки – теснота, темнота и никакой страховки.

Проникать в хозяйственные блоки особняка было куда проще. Никаких тесных лазов, никакого риска сорваться и застрять, предварительно переломав кости. Только вежливые разговоры, демонстрация хороших манер и ломаная «балалайка», открывающая нужные двери. Пробравшись на технические этажи небоскреба на Медоу-Гейт-авеню, Буньип сделал то, что умел, виртуозно.

Перевоплотился.

За короткий срок стал совершенно новым человеком, с новыми привычками, манерой разговора, осанкой и набором жизненных ценностей. Словно хамелеон, в тысячный раз поменял окраску, продолжая забывать, кем является на самом деле.

Сегодня пришел черед превратиться в покорного слугу.

Средний рост, средний вес, короткие темные волосы, широкий лоб, нос с легкой горбинкой – типичный житель Британского Халифата, то ли из турок, то ли из восточных

славян. Узнай местные безопасники, что родиной новенького слуги являлась почти утонувшая Австралия, они бы сильно удивились.

Конечно, головорезы Хамада бен Зайеда насторожились. В доме шейха не было принято менять прислугу, особенно в отсутствие хозяина, а все попадавшие в штат проходили строжайшую проверку. Но жилые этажи предстояло экстренно готовить к возвращению господина из Эль-Парижа, а сразу пятеро слуг угодили в больницу с лихорадкой. Ну как назло, иначе и не скажешь, наверняка отравились привозными фруктами…

Поэтому, когда один из заболевших передал начальнику СБ личные рекомендации на своего троюродного кузена, отказываться от помощи было грешно.

Так Буньип попал на два из пяти верхних этажей престижного небоскреба, занимаемых шейхом бен Зайедом. В царство стиральных машин, кухонных комбайнов, гладильных аппаратов и складских помещений. Документы дублера оказались в порядке, доступа в жилую часть апартаментов прислуга его уровня все равно не имела, а потому контроль за новеньким оказался формальным, совершенно не обременительным.

Конечно, без выполнения лакейских обязанностей не обошлось.

Почти весь день, до самого вечера Буньип покорно таскал, застилал, протирал, начищал, поливал и перетаскивал с перерывами на намазы. На кухню приходили все новые и новые коробки с продуктами, требующие стирки шторы и скатерти сыпались непрерывным потоком, гели для чистки стекол заканчивались совершенно нереальными темпами.

И только под вечер, когда всем слугам было выделено по паре часов на отдых, он смог перевести дух, выходя из роли мальчика на побегушках…

Ускользнуть от присмотра старшего слуги, под чье руководство попал, оказалось нетрудно. Точно так же без особенного труда он смог обнаружить балкон, под которым спрятал снаряжение. Сумка с гаджетами и пистолетом была подвешена на тонком прозрачном шнуре, который Буньип еще вчера укрепил под балконом с нижних, менее охраняемых этажей небоскреба.

Скидывая изрядно осточертевшую форму прислуги, хамелеон рассматривал ночной Шеффилд. Отсюда – с верхних этажей высотки, было видно немалую часть юго-западного города, и это даже несмотря на лес многоэтажных жилых гигантов, грамотно расставленных по старинному району Сотхолл.

Всего в километре к западу играло свинцовыми волнами

озеро Ротер Вали и шумели по берегам искусственные камыши. Когда-то тут располагался чинный и тихий район милых двухэтажных таун-хаусов, с парком, полями для гольфа и благоустроенным водоемом.

Но ритм современной жизни и рост населения решили по-своему, подменив размеренность окраины на блеск дорогих высоток нового центра. Умеют жить европейские шейхи, нечего сказать – презрев дороговизну земли, они сумели сохранить даже старинные поля для гольфа, хорошо различимые за озером…

Застегнув на горле тончайший комбинезон из черной кевлайкры, Буньип вставил наушник, через который собирался прослушивать радиопереговоры охранников. Наспех взгромоздил на плечи сложную сбрую с амуницией. Пощелкал карабинами, ювелирно подгоняя жилет по телу, и ящеркой проскользнул к пустующим прачечным.

Нырнул в лаз, сжимая в руках вакуумные присоски, активировал на глазных наноэкранах режим «сова». И только тут обнаружил, что колодец оказался теснее, чем предполагалось…

Тонкое шипение воздуха, выпущенного на волю из-под присоски. Взмах руки. Мягкий шлепок, когда удобная полусфера взасос целует стенку. И так раз за разом, вверх и вверх, подтягивая восемьдесят килограммов тела, не считая амуниции. Размеренно и плавно, словно не по вертикальной стене карабкался, а создавал карандашный набросок на девственном холсте.

Когда Буньип оказался на необходимой высоте, он зафиксировал сразу обе присоски.

Пробросил через рукоятки трос, закрепив на альпинистских карабинах на груди, и повис, давая отдых гудящим рукам. Вынул из подсумка на животе тонкий щуп видеоискателя, просунул стекловидный шнур в коридор.

Камеры внутреннего наблюдения уже должны барахлить – на поясе Буньипа болталась крохотная коробочка блокиратора, создающего необходимый уровень помех. Значит, пока машинисты шейха не найдут неисправность, на жилых этажах усилят патрулирование. Но как раз к этому австралиец был полностью готов.

Убедившись, что выстеленный ковром коридор пуст, а эфир не разрывают вопли о вторжении, он одним рывком пролез в люк для сброса, перекатываясь на плечо. Еще не успев вытянуть из шахты вещмешок, обнажил пистолет с глушителем, прислушиваясь к окружающей тишине.

Оружие не имело названия, было выполнено по индивидуальным чертежам, но больше всего напоминало модели

«дыроделов», применяемых в европейских подразделениях спецназа. Четко рассчитанная балансировка, длина рукояти, нестандартный боезапас, вес и длина – все было подогнано под заказчика и его манеру ведения боя. За уменьшенный калибр и почти неощутимую отдачу сам Буньип ласково называл оружие «дыродельчиком».

Свободной рукой выдернув из колодца мешок, он сноровисто набросил ношу на плечи, превращая в рюкзак. На ощупь вынул из-за спины выпуклый диск детектора, вприсядку добрался до угла. Видеоискатель, через «психопривод» подававший информацию прямо на один из глазных экранов, отчитался, что ведущий к лифтам коридор тоже пуст.

Сдвинув в сторону напольную вазу с комнатной пальмой, Буньип прикрепил детектор к стене за растением, включая прибор.

В другом глазу активировалась объемная карта жилых этажей. Бледно-розовая точка в одном из ответвлений – он сам. Изумрудная точка в просторном зале северной части здания – его цель. Прижавшись к одной из стен и выставив пистолет перед собой, Буньип двинулся вперед.

Он не стремился убивать, особенно если не это являлось оговоренным заранее заданием. Однако, если на пути к цели вставало препятствие, австралиец убирал его быстро, умело и без лишних раздумий.

Поэтому, когда из комнаты слева в коридор вышел высокий бородатый араб в черном костюме и с компактной «дрелью» на перевязи, Буньип среагировал мгновенно. Не успел охранник даже заметить чужака, как первая пуля пробила ему горло, а вторая угодила в левый глаз. Стрелять в грудь, защищенную не хуже его собственной, специалист по деликатным поручениям отучил себя давно…

Выстрелы были бесшумны, как шелест глянцевых страниц, но с этой секунды у Буньипа осталось совсем немного времени. Прервавшийся сигнал «балалайки» убитого скоро заставит парней на посту охраны нервничать. А еще через пару минут труп обнаружат, подняв настоящую тревогу. Впрочем, к этому моменту Буньип уже и вовсе планировал покинуть границы Сотхолла…

За гильзы человек-хамелеон не опасался. Как и само оружие или пули, они были изготовлены на заказ и сгорали еще в полете, оставляя после себя бесцветное облачко дыма.

Все еще прижимаясь к стене, он двинулся вперед мелким шагом, держа пистолет точно перед лицом и максимально сгруппировавшись. Еще двоих охранников, вышедших навстречу из каминного зала, расстрелял столь же хладнокровно и метко,

как первую жертву.

Парадные гвардейцы, иначе и не назовешь – они были расслаблены и вальяжны, совершенно не ожидая столь дерзкого проникновения в апартаменты шейха и всецело полагаясь на электронику… Один из них все же успел среагировать, вскидывая оружие, но просигналить не смог – особенная пуля буравчиком вышла из его затылка, уничтожив «балалайку».

Не успели тела опуститься на ковер коридора, как Буньип уже перепрыгивал через убитых, направляясь к закрытым дверям библиотеки.

В этот момент на этаж и поднялся кто-то из старшей обслуги.

Едва человеческая нога пересекла луч детектора, спрятанного за пальмой, на установленное в подвале крохотное взрывное устройство ушел приказ. Хлопок, наверное, не услышали даже подвальные сторожа, таким неприметным тот был. Однако силы заряда хватило, чтобы вывести из строя систему освещения верхних этажей комплекса, погрузив квартиру шейха в темноту.

В глазах Буньипа все стало таинственно-зеленым, когда режим «сова» послушно отреагировал на изменение освещения.

Он подскочил к дверям, присаживаясь на корточки, но вламываться в библиотеку не спешил. Теперь, когда охрана переполошилась, действовать напролом было рискованно. Поэтому австралиец чуть приоткрыл одну из створок, просовывая внутрь подвижный щуп видеоискателя.

Охранников, застигнутых отключением света в библиотеке, оказалось двое. Не растерялись, включили режимы ночного зрения, «дрели» сняты с предохранителей и наведены на вход и окна. Вот только вход был другим, а совершенно не тем, за которым притаился Буньип.

Торопливо, пока гвардейцы шейха не сменили позицию, он спрятал щуп, вскинул пистолет и мягко проскользнул внутрь. Выстрелил в ближайшего, стоящего боком, но не очень удачно – вместо виска пуля попала в лицо, начисто отрубив породистый турецкий нос. Вторая была точнее, угодив бойцу ровно под скулу и окончательно выведя из строя.

Напарник подстреленного оказался на удивление проворен и быстр.

Еще не успел его окровавленный товарищ завалиться за богатое кресло, как тот уже прыгал за громадный диван, прямо в прыжке открывая ответный огонь. «Дрель» запела пронзительно и тонко, как чудная заморская птица, а дверная коробка справа от Буньипа мгновенно покрылась целой россыпью неаккуратных дыр.

Переместившись в укрытие – за тяжелый бронзовый столик

для свечей, – австралиец перевел дух. Противостояние затягивалось, что увеличивало шансы на прибытие подкреплений, а это в планы по проникновению не входило.

Он развернул перед левым зрачком список заготовленных боевых программ, активировал одну. Сигнал «балалайки» поступил на ретранслятор в заплечной ноше, оттуда радиоимпульс ушел за пределы здания. Через миг на крыше торгового центра на соседней Скул-роуд ожил механический штатив, наведенный на южный фасад жилой высотки.

Две небольшие ракеты, установленные на самодельной рельсе-направляющей, активировали двигатели, рванувшись вперед и вверх. Мощность их была смехотворной, неспособной даже выбить пуленепробиваемые витражи, а основой вообще послужили фейерверки, но Буньип рассчитывал именно на шумовой эффект.

Спустя несколько томительных секунд заряды ударили в балконы и окна южной части апартаментов Хамада бен Зайеда, взорвавшись красочно, с фонтанами искр, цветных огней и гулкой ударной волной.

Едва прогремел взрыв, Буньип пошел в атаку, пригибаясь за витринами, в которых хозяин пентхауса хранил жемчужины коллекции. Атака на южный фасад отвлекла не только стражников, спешащих в библиотеку – она также заставила замешкаться его непосредственного противника, укрывшегося за диваном. Обогнув автоматчика, незваный гость шейха упал на пол, ныряя под новую очередь «дрели», и метко вогнал пулю в лоб араба.

Вскочил, зажмуриваясь – аварийные генераторы включили в квартире свет, неожиданно ударив по глазам, не успевшим среагировать и сменить режим зрения. Перед зрачками еще плавали яркие бесформенные пятнышки, а Буньип уже мчался по длинной просторной комнате, занимавшей весь северный фасад.

Его цель находилась в самом дальнем конце, в обыкновенной витрине, не отличающейся от других, хранящих старинные фолианты или манускрипты. Ах, сколько таинственного и древнего было в коллекции шейха! Но австралийца интересовала одна-единственная вещь, а потому он не удостаивал бесценные сокровища даже коротким взглядом…

Если верить его патрону и заказчику, бен Зайед завладел этой вещью в дни Катаклизма. Ходили даже разговоры, что Хамад принял личное участие в эвакуации Каирского Египетского музея во время наводнений в Северном Египте. Поговаривали, что он трудился, как обычный работник, дважды чуть не погибнув, но раздобыл артефакт, более не унеся из хранилищ музея ничего.

Едва заметив необходимую витрину, Бунип упал на колени, сбрасывая с плеч сумку. Расстегнул боковые карманы, вынимая заряды, метнулся к огромным окнам. Рывком сорвал тяжелые шторы, напрочь отломав гардину, швырнул геологическую взрывчатку на стекло. Погруженная в желеобразные коконы из клейкой пеномассы, та разом присосалась к гладкой поверхности, активировались встроенные таймеры.

Снова забросив сумку за спину и плотно зафиксировав ремни, Буньип обернулся к витрине. Отлитый из бесценного электрума, украшенный перламутром, ляпис-лазурью и сердоликом, скорпион величественно сверкал под лучами витринных прожекторов. Скорпион Сехмет, нагрудная подвеска эпохи Тутмоса III, лишившая покоя его хозяина в непроницаемой наномаске, – он был перед Буньипом, только протяни руку.

Тот протянул.

Прицелился в угол витрины, нажимая на спуск. И не успело разбитое стекло стечь на пол звенящим водопадом, уже выхватывал артефакт из мягкой подставки, пряча в специальный клапан на груди. Под присмотром камер и патрулей-автоматчиков шейх не увидел смысла в изготовлении непробиваемых витрин или сложных систем блокировки. За что и поплатился…

Грохот выбиваемых библиотечных дверей совпал со взрывом прикрепленных к окну зарядов. Секцию толстого стеклопакета вынесло наружу, разламывая на куски. Ворвавшиеся внутрь гвардейцы попадали на пол. А австралиец уже спрятал оружие в кобуру и бесстрашно прыгал в образовавшийся проем, одновременно натягивая на затылок плотный кевлайкровый капюшон.

Конечно, рост жилого здания в центре Шеффилда не мог сравниться с величием корпоративных небоскребов Европы, достигающих почти полторы тысячи футов. Но Буньипу и не требовалась беспредельная высота – пуленепробиваемый комбинезон имел вставки из плотной синтетики, одним движением трансформируясь в вингсьют. Оттолкнувшись от края, Буньип резко бросил себя в ночную летнюю мглу, освещенную неоном и прожекторами рекламных дирижаблей.

Раскинул руки, на прощание услышав за спиной громкую арабскую брань, развернул «крылья» костюма, набирая в них воздух. Сердце привычно защемило, когда заряд адреналина ударил в него с первобытной силой – в независимости от количества сделанных прыжков, австралийцу каждый раз становилось по-настоящему жутко.

Он летел вдоль Медоу-Гейт-авеню, почти незаметный сверху

– хамелеоновый камуфляж на спине «белки-летяги» делал ее размытым пятном на фоне строений. Буньип даже улыбнулся, представив себе озадаченных охранников, столпившихся в проломе и бесцельно размахивающих «дрелями».

Улица заканчивалась. Человек-хамелеон проскользнул над крохотным старинным кладбищем Бейтон, повернул налево и рванул кольцо.

Сердце колотилось, будто обезумевшее, в висках пульсировала кровь. Как только купол вышел из сумки, Буньип мгновенно ухватился за стропы, удерживая их от перехлеста.

Пустырь на самом краю кладбища быстро приближался.

Австралиец сгруппировался и почти сразу рухнул на специальный спортивный мат, благоразумно уложенный под кованой оградой за несколько часов до начала операции. Посадочная площадка, от лишних глаз чуть прикопанная и присыпанная пылью, пружинисто приняла прыгуна, избавив от лишних синяков и растяжений.

За несколько секунд Буньип отстегнул стропы, сбрасывая крохотный невесомый парашют. Настороженно осмотревшись, специальными ремешками притянул к бедрам и бицепсам отслужившие «крылья» вингсьюта и бросился к кустам.

Рев мотоциклетного двигателя взрезал тишину над ночным городом, когда обтекаемый болид вырвался на Хай-стрит, стремительно удаляясь на запад Шеффилда. Пилот, облаченный в черный комбинезон с меняющей окрас спиной, улыбался, пряча ничем не примечательное лицо за забралом мотоциклетного шлема.

У хорошего пастуха под рукой всегда послушные псы
19 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

– Нападай! – скомандовал Кипяток.

И фыркнул, хлопая себя по щекам.

Рядовой «сорокдевятка», сегодня ставший его спарринг-партнером, по-бычьи наклонил голову, бросаясь вперед. С криком, побеждающим страх, разбегаясь через разделяющие бойцов метры, подпрыгивая на последнем шаге.

От удара ногой Квон Пэн, которого кроме прочего называли Кипятком, легко увернулся, подстраховавшись локтем. А потом, пока «сорокдевятка» не успел восстановить равновесие, атаковал двумя ударами рук в голову, и с левой ноги – туда же. Из носа рядового брызнула кровь, но второй хук тот свел, ступню также принял на приподнятое плечо.

Однако Кипяток и не думал останавливаться. Сократив дистанцию, он охватил шею противника ладонями, наклоняя того лицом вниз, и принялся бить коленями. «Сорокдевятка» сжался, сомкнув предплечья в подобии щита, и начал пятиться, но пока успевал блокировать короткие мощные удары, нацеленные в корпус.

Пэн пытался достать его одиннадцать раз, оттеснив к самому краю импровизированного ринга, когда паренек наконец-то вывернулся, ответив молниеносным выстрелом ноги. Теперь щенок не испытывал ни капли страха: каждый «сорок девятый» знал – будешь халтурить в бою с боссом, тебе сломают кисть. А вот если проявишь силу, постаравшись не повредить Большого Брата, твои умения оценят по достоинству…

Поэтому он вновь ринулся в атаку, попробовав дотянуться до Квон Пэна двумя короткими выпадами в горло. От обоих Кипяток увернулся с обычным изяществом, а затем провел два жгучих и быстрых удара в правую почку «сорокдевятки», завершив серию звонким щелчком в ухо. Рядовой зажмурился от боли, наугад рубанул с левой руки, но босс уже разорвал дистанцию.

Переместился чуть в сторону, размашисто ударил ступней в левую голень, заставляя противника почти упасть на колено. Сразу, даже не замахиваясь для новой атаки, обрушил вскинутую ногу на шею «сорокдевятки». А потом опять навалился всем телом, повторно хватая за шею и целя коленями в живот.

Многочисленные зрители поединка, среди которых преобладали такие же «сорок девятые» номера, одобрительно зашумели, кто-то захлопал в ладоши. Пэн не обратил на аплодисменты внимания. Его оппонент еще был силен и полон решимости дать отпор.

Вместо того чтобы сбивать колени, летящие в корпус, теперь тот ринулся вперед, заставив босса попятиться на несколько шагов. И почти сбил захват с шеи, когда невольно открылся.

Таких ошибок Квон Пэн своим воинам не прощал и мгновенно наказал невнимательность «сорокдевятки», проведя коленом отличный удар в его опущенное лицо. Солдат отшатнулся, покачнулся, утер брызнувшую на подбородок кровь, скривился и зарычал.

Несколько секунд они танцевали друг напротив друга, прицеливаясь и готовя атаки. Лицо рядового было искажено от боевой ярости, Кипяток оставался внешне спокоен – лишь горели диким пламенем миндалевидные глаза.

Первым не выдержал «сорок девятый».

Бросился вперед, проведя несколько обманных выпадов, но получил джеб в челюсть. Пытаясь закрепить преимущество, Пэн начал осыпать его градом ударов со всех сторон, руки босса мелькали с немыслимой скоростью. Большинство атак рядовой свел или сблокировал, но теперь ему приходилось только обороняться, без малейшего шанса начать контратаку. Ухо его опухло, кожа на скуле лопнула, один зуб треснул.

Пэн продолжал запутывать противника, лупя руками со всех сторон и больше не пытаясь достать ногой. Дождался, пока «сорокдевятка» откроется и провел рискованный свинг в левую щеку, вложив в атаку всю массу и скорость. Попал, причем очень ладно!

Паренька повело вправо, глаза его затуманились, а Кипяток зафиксировал преимущество быстрой серией хуков. После третьего солдата откинуло еще дальше, ноги подкосились, и тогда босс пошел в последнее нападение. Бросился в пояс, змеей проскальзывая за спину спарринг-партнера. Охватил обеими руками за корпус, распрямил согнутые колени и резко выгнулся на «мостик», бросая противника через голову.

Рухнули грузно и громко, чем вызвали новую волну одобрительных возгласов и хлопков. «Сорок девятый» приземлился на шею и правое плечо, чудом избежав соприкосновения затылка с железным полом. Квон Пэн сразу отступил на короткий шаг, оценивая его состояние, парень пытался встать, держась за поврежденную шею, но сдаваться еще явно не собирался.

Хищно улыбнувшись, босс снова бросился на него, теперь подхватив под бедра. Рванул на себя, опрокидывая на спину. Прыжком оседлал и что есть мощи начал стегать сверху вниз, уже не особенно следя за техникой. Ярость и азарт, когда-то подарившие ему недоброе прозвище, полностью утопили разум в багровой дымке, и босса больше не тревожило, останется ли «сорокдевятка» цел…

Прежде чем со всех сторон к бойцам кинулись зрители, Кипяток успел нанести противнику десять, а то и целую дюжину ударов в лицо, грудь и живот. Сначала поверженный пытался прикрываться локтями, но затем ослаб и после очередного выпада потерял сознание, безвольно снося побои.

Затем босса окружили.

Крепко, но бережно подхватили, повисли со всех сторон, принялись оттаскивать и что-то кричать. Кипяток рычал, пытаясь вырваться и добить жертву, но его волокли прочь, все дальше и дальше от бесчувственного тела, булькающего кровью. Прижали к полу, брызнули в лицо чем-то ледяным, взяли в добротный захват. И благоразумно держали до тех пор, пока рассудок не начал возвращаться к Квон Пэну.

– Хватит! – пересохшими губами повелел тот. Глазами вращал все еще дико, но выскользнуть или вернуться в драку уже не пытался. – Отпустите, я сказал… все нормально…

Его аккуратно подняли на ноги, с поклоном протянули бутылку минеральной воды и полотенце. Расступились, с опаской поглядывая, миновал ли боевой припадок.

Фыркнув и помотав головой, Кипяток вылил полбутылки на запрокинутое лицо, остальное выпил. Небрежно вытерся, чувствуя, что пара ударов противника все же достигла цели, разбив ему губу и нос.

– Как он там?

Вопрос босса был брошен худощавому, но жилистому Цзи – одному из инфорсеров, в сложной системе «Союза Земли, Небес и Человека» имевших общий номер 426. Тот опустился на корточки рядом с побежденным, наблюдая, как другие «сорокдевятки» пытаются привести собрата в чувства.

– Жив, Большой Брат, – почтительно кивнул Цзи снизу вверх, поднимаясь на ноги. – Ты одержал славную победу, прими мои поздравления!

– Отнесите его в медицинский блок, – распорядился Пэн, стягивая мокрую от пота и минералки спортивную майку и обнажая трехмерные цветные татуировки на руках и груди. – Когда придет в себя, я снова хочу видеть этого «сорок девятого».

– Будет исполнено, Большой Брат, – снова кивнул Цзи, а

затем грозно зыркнул на копошащихся вокруг раненого бойцов, поторапливая выполнять приказ.

О том, что такое еженедельные схватки с Квон Пэном, не знали лишь самые новенькие, только-только прибывшие из *дома* на усиление. Впрочем, и те довольно быстро знакомились с кулаками босса, постигая местные законы.

Драки были необходимы – только так начальство могло определить уровень подготовки своих бойцов. Только так Большой Брат мог спустить пар, выплеснуть накипь непростого характера, никого не убив. Хотя иногда доходило и до этого…

Сунув промокшую одежду ближайшему солдату, Кипяток, не глядя, принял из чьих-то рук свежую сорочку. Набросив на еще разгоряченное тело, спустился с металлической площадки, отведенной под рукопашные бои.

– Что у тебя там еще?

Цзи, осознав, что вопрос босса снова адресован ему, двинулся следом, замахав на «сорокдевяток» руками – шевелитесь, ленивые обезьяны!

– Прибыла новая партия работников, Большой Брат. Я посчитал, что ты пожелаешь увидеть их.

– Ладно, только быстро, хочу принять душ. – Квон Пэн провел рукой по влажным рыжим волосам, голодным тигром осмотрев жилище братства.

Они шли через огромный зал, из-за нескладных пропорций длины к ширине казавшийся тоннелем. Здесь, в этом самом зале, по проекту предназначенном под склад бульдозерных запчастей и отсек для ремонта грузовиков, и располагалось логово Кипятка. Причем с самого *начала*, еще до того, как грандиозное строительство было завершено и гигант отправился в путь. Потому что, имея много денег, можно открыть любые двери. Равно как и закрыть…

Нанятые братством дизайнеры постарались на славу – почти *му* площади когда-то промышленного помещения грамотно распланировали на целый десяток зон.

Жилая, где Квон Пэн спал и ежедневно удовлетворял плотские желания, была отрезана стеной из ширм, покрытых национальными китайскими сюжетами. На самом деле ширмы были изготовлены из кевлайкры, но знать об этом полагалось немногим.

Глухими перегородками из матового стекла была отгорожена зона самой настоящей сауны, где босс и старшие офицеры с потом выгоняли из себя злость и усталость. Была тут и оружейная, обнесенная рабицой, где хранился запас «дрелей», «дыроделов» и клинков. А еще зона для видеоигр и просмотра

фильмов, тренажерный отсек и ринг для схваток, рабочий кабинет машинистов, кухонный блок и своеобразная зона отдыха, где на шести огромных диванах коротала время свита Большого Брата – Пэна.

В отдельной нише, недалеко от бронированных входных дверей, виднелся старинный алтарь Будды. По приказу Кипятка там беспрерывно курились дорогие благовония и чадили лампы, а сам босс регулярно приносил жертвы, испрашивая небеса о поддержке в начинаниях или удаче…

Боевой азарт отступал под напором нехитрой дыхательной гимнастики, с помощью которой Квон Пэн хоть как-то контролировал свой вспыльчивый характер. Застегнув сорочку на две нижние пуговицы, он пригладил огненные волосы, возвращая прическе хотя бы подобие знаменитого, известного на все поселение рыжего гребня.

В протянутую вбок руку легли узкие черные очки, которые Кипяток немедленно надел. Он пренебрегал так называемыми «балалайками», предпочитая не уродовать затылок даже ради миллионов удобств, а потому по старинке пользовался внешними экранами. Самыми современными и мощными, управлять которыми можно обычным движением зрачка.

Наверное, именно эта неприязнь ко встроенной в человека электронике помогла Пэну без ощутимого дискомфорта выдержать Перерождение и не стать минусом, когда сломалось *все*, включая сеть и космический флот…

– Заводи новеньких, – разрешил он, опускаясь на один из кожаных диванов в общей зоне. На самый большой, точно напротив многослойной двери, возле которой отирались двое рядовых боевиков с бесшумными «дрелями». – Посмотрим, кого принесло к берегам нашей скромной обители кармическим прибоем…

Цзи вежливо рассмеялся, за ним шутку негромко оценили окружающие босса «сорокдевятки». Смех стих, когда инфорсер дал знак, а автоматчики распахнули двери, связавшись с внешней охраной убежища.

Новоприбывших оказалось семнадцать человек, и на этот раз ни одной женщины. Вошли медленно, робко толкаясь и норовя вытолкнуть вперед кого-то из соседей. Взглядов не поднимали, изучая пол, опасаясь даже краем глаза рассмотреть святая святых знаменитой «Алмазной кобры». Одето стадо было в едином стиле, небогато и блекло. Впрочем, в низком уровне достатка сородичей, прибывавших в поселение взамен умерших или убежавших, Кипяток никогда не сомневался.

Демонстративно покачивая оружием, рядовые «сорокдевятки»

расставили рабочих в несколько рядов. Лязгнули дверные засовы, и от босса не укрылось, как вздрогнули плечи сразу целой дюжины новеньких. Впрочем, так было всегда – он привык к человеческому страху, которым питался, словно бабочка нектаром…

Кипяток привык к чужому страху, который перед ним испытывали почти все. В том числе – нисколько не робкие люди, вроде этих семнадцати, еще верящих в торжество законов. И ведь совсем не заморыши или оборванцы, поджимающие хвосты при каждом громком звуке. В каком-то смысле даже избранные, тщательно отфильтрованные среди тысяч желающих отработать долг перед Родиной на одном из величайших объектов, когда-либо возведенных Поднебесной. Но они уже начинают понимать, что к чему…

– Вам всем выпала огромная удача! – хорошо поставленным голосом рявкнул Кипяток, с удовольствием заметив, как от выкрика покачнулись еще двое. – Судьба избрала вас среди множества подобных!

Он мягко вскочил с дивана и вскинул руки, с резким хлопком соединяя ладони над головой. Повернулся в сторону алтаря, истово потрясая сведенными кистями в сторону статуэтки Будды.

– Воспользуйтесь своим шансом, и следующие поколения ваших семей будут жить в достатке и уважении!

Несколько человек поклонились алтарю, но большинство продолжало созерцать пол, демонстрируя узаконенное равнодушие к старинной Традиции.

Квон Пэн плотоядно улыбнулся, опускаясь обратно на диван. В наступившей тишине было слышно, как скрипнула обивка.

– Вы знаете, кто я такой? – вкрадчиво спросил он стоящих перед собой людей, не решавшихся поднять на него глаз. – Вам известно, кто я?

Конечно, они смолчат. Даже если кто-то и слышал про Кипятка, то никогда не решался озвучить свои мысли. Зачем, если этот импульсивный человек с гривой рыжих волос сейчас и сам все расскажет?

Пэн уже приготовился продолжить речь, как вдруг услышал:

– Я знаю, Большой Брат, кто вы такой…

Сказано было негромко, но внятно.

Инфорсер Цзи бросил на босса короткий взгляд, смущенный сбоем в привычном сценарии. Но вместо злости на лице Кипятка отразилось любопытство. Подавшись вперед, он внимательно рассматривал невысокого паренька, осмелившегося открыть рот.

Лет двадцать, вряд ли больше. Из крестьян, судя по всему. Акцент выдает жителя южных провинций. В меру коренастый, в

меру худой – самый обычный парень в толпе себе подобных. Слуга своего народа, сумевший пройти отбор.

– Говори, – позволил босс.

– Вы, Большой Брат Квон Пэн, *сан шу* – отец местного отделения уважаемого и могущественного «Союза Небес, Земли и Человека», больше известного на всем «Звездном Пути», как «Алмазная кобра»! – почтительно поклонившись, отчеканил молодой человек. Только теперь Кипяток разглядел, как сильно тот волнуется и потеет, не решаясь поднять руку и утереть взмокшие виски. – Мой папа, провожая в дальнюю дорогу, объяснил мне все, что полагается знать новенькому…

– Молодец, твои речи верны, – широко оскалился Пэн, в подтверждение слов потрясая расслабленной кистью в сторону смельчака. – Ты проявляешь уважение и почтение, входя в чужой дом! Это делает честь и тебе, и твоему отцу.

Бегло просмотрев досье парня на экране своих очков, Кипяток приопустил их на нос, бросив на Цзи короткий выразительный взгляд. Инфорсер, перехвативший послание господина, сразу все понял – за бойким новичком стоит присмотреть. Вдруг да выйдет толк и бывший крестьянин попробует стать «сорокдевяткой»?

– Ты сказал верно! – повторил босс «Алмазной кобры», теперь обращаясь ко всем остальным. – Меня зовут Квон Пэн, но меня часто называют и Большим Братом… Если вы считаете, что в этом удивительном месте правят офицеры НОАК или контрразведчики Председателя, – вы ошибаетесь. Настоящий хозяин здесь – я. А потому и законы следует исполнять мои.

Он снова поднялся с дивана, демонстрируя новым работникам воистину звериную грацию. Провел рукой по волосам, еще влажным после схватки с безымянным 49-м.

– Сегодня в отделе кадров вы были распределены на будущие рабочие места, – продолжил он, прохаживаясь вдоль человеческих рядов. – На кухни, в прачечные, в котельные или ремонтные мастерские. Там вы будете честно нести вахты, получая за это заработную плату и отдавая гражданский долг всему китайскому народу.

Пэн сделал паузу, поверх напичканных электроникой очков осмотрев пятерых, стоявших ближе всего. Плечи работников поникли, головы опустились еще ниже. Одно дело – предполагать печальный исход встречи, и совсем другое – дождаться его…

– Чтобы вы, одурманив мозг опиумом или сибирской водкой, не спустили все сбережения на продажных девок или запрещенные фильмы, – повысил голос Кипяток, – половина ваших накоплений будет ежемесячно переводиться на счета «Алмазной кобры». Вы понимаете, какую выгодную сделку я вам

предлагаю? Этим мы не только поможем нашему государству, обезопасив страну от оттока юаней, но и обеспечим вам безбедный отдых после завершения вахты!

Кипяток остановился, качнувшись на каблуках и демонстративно потрясая ладонью.

– Помните, что также мы даем вам возможность увеличить накопления. Половина вашей заработной платы, поступившая на наш счет, станет обрастать процентами. Конечно, не такими огромными, как могут предложить Пекинские банки. Но это лучше, чем бездарно зарывать монеты в землю. Вот что значит настоящая забота… Поэтому перед тем, как покинуть мое гостеприимное жилище, позвольте господину Цзи сосканировать персональные данные ваших «таблеток» и «балалаек».

Пэн глубоко, полной грудью вдохнул запахи страха, волнения и досады, исходившие от стоящей у дверей толпы. Отвернулся, чтобы скрыть торжествующую улыбку, и легким прыжком вскочил на возвышение с диванами.

– И помните – если у вас беда или нужна помощь, или вы столкнулись с проблемой, которую не можете решить: не идите к военным. Приходите ко мне, и я помогу быстро, без бюрократии, волокиты или шумихи. И главное – я помогу справедливо!

Он навзничь рухнул в пуховые объятия уютного дивана, медленно утопая в его поверхности. И несколькими секундами позже – когда Цзи уже двинулся к рабочим с зажатым в руке «раллером», – вдруг приподнялся, словно вспомнив что-то важное.

– И еще… – добавил Кипяток таким зловещим голосом, что на месте замер даже приступивший к работе инфорсер. – Хочу, чтобы вы знали кое-что еще. Если среди вас есть презираемая мной шваль вроде карманников, мелких мошенников, насильников или шулеров, лучше бегите… Ибо, если я пойму, что вы обижаете тех, кого мой «Союз» поклялся защищать много веков назад, вам откроется прозвище Квон Пэна. И тогда вы позавидуете даже жертвам Желтой Паучихи…

Сильный росток пробивает даже гранит
18 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Душа подобна храмовой масляной лампаде. Огонек ее горит столь же ярко, сколь полезно и мудро проживает человек отведенный ему в этом мире срок. Масло же в этой «плошке» – это устремления, чаянья, чувство долга и отдача любимому делу. Точно так же, как настоящее масло, эти двигатели человеческой судьбы могут быть разбавлены водой тщеславия, прогоркнуть от зависти или испариться от лености и безделья, которым зачастую посвящают жизнь.

Подполковник подразделения № 9 Народно-освободительной армии Китая Чэнь Юйдяо точно знала, что огонек ее лампады теплится ровно, ярко и не испытывает недостатка в масле. Преданность Родине и самоотверженность, с которыми женщина больше двадцати лет служила в рядах НОАК, подтверждали это без труда. А год назад, когда майора контрразведки Юйдяо повысили с назначением на пост военного коменданта объекта «Тип-0099», это пламя вспыхнуло с новой силой.

Разумеется, как в жизни любого смертного, порывы космических ветров несколько раз пытались погасить лампаду подполковника. И речь вовсе не о шальных пулях локальных конфликтов и контртеррористических операций, в которых принимала участие Чэнь, хотя и таких ситуаций хватало с избытком. Вместе с миллионами огней по всему свету, ее личную чуть не погасило Перерождение, встряхнувшее планету ровно четыре года назад.

Когда все *случилось*, майор Юйдяо несла службу на подземной базе НОАК, спрятанной недалеко от Тайюаня. База была построена в зоне средней сейсмической активности, потому полного обрушения, как например, на объектах близ Цзинаня или Таншана, не произошло.

Но ровно на сорок четыре дня перепуганный гарнизон оказался отрезанным не только от связи с внешним миром, но и от поверхности. 44 дня – две несчастливые четверки, о негативном свойстве которых говорили чуть ли не со времен Империи Цинь.

Какой бы вымуштрованной и организованной ни была армия Поднебесной, паники избежать не удалось. Полковник,

командовавший гарнизоном, погиб во время землетрясения вместе с двумя десятками солдат и офицеров. А еще сотня выжила, чтобы на глазах сослуживцев превратиться в полоумное неуправляемое стадо, едва не уничтожившее само себя.

Произойти этому не позволила именно Юйдяо, сразу взяв командование в свои руки.

Тридцатипятилетняя майор отлично понимала, что эвакуацию и раскопки могут начать далеко не сразу. Быть может, и вообще через год. Но она не растерялась, собрав союзников и быстро вернув армейские порядки. Кнутом и пряником подтянула дисциплину замурованных под землей людей, грамотно распределила припасы, расчистила вентиляционные шахты.

Да, приходилось расстреливать однополчан, в том числе лично. Да, приходилось в зародыше давить бунты и голодные волнения. Приходилось взвешивать, оценивать и принимать непростые решения.

Но она справилась. Наверняка западным варварам, коими являлись жители Католического Вуду или России, казалось, что могучая Поднебесная устояла, не дрогнув вообще. Но варварам и необязательно знать, с каким трудом и самоотверженностью люди, подобные Юйдяо, гасили вспыхнувший в сердце Китая пожар хаоса и паники…

При сложении две четверки дают восемь, и это число принесло Чэнь Юйдяо большую удачу. После того как семь десятков уцелевших военных поднялись на поверхность истрепанной Перерождением страны, майора представили к многочисленным наградам. А огонек лампады загорелся с новой энергией.

Ей, как и миллиардам землян, не повезло – им выпало жить в эпоху столь страшных перемен. Но когда кто-то ломался, не выдерживая давления обстоятельств, Чэнь только крепла, чтобы и дальше служить стране.

Строить объект под названием «Тип-0099 «Император Шихуанди» начали спустя почти два года после катастрофы, бросив на него невероятное, расточительно огромное количество человеческих и производственных ресурсов. И ни для кого не стало неожиданностью, когда к разработке проекта – тогда еще секретного – привлекли такого специалиста, как Чэнь. А когда через тринадцать месяцев комплекс был достроен и прошел первую пробную трансформацию на полигоне Хух-Хото, Юйдяо получила заслуженное и ожидаемое назначение.

Она по праву считала комбайн своим детищем.

Еще на стадии разработки опекая «Императора» от промышленных шпионов государств и корпораций, Чэнь сразу

сроднилась с передвижным городом, подарившим Китаю надежду на новый мир. И потому входила на борт завершенного комплекса с чувством необычной, переполняющей через края гордости и неуемной силы.

Разумеется, «Император Шихуанди» был гигантом. Махиной, колоссом, одним из новых Чудес Света, рожденным трудолюбивыми руками китайцев. Но народ, когда-то воздвигнувший на своих границах «Стену в десять тысяч ли», способен и не на такие свершения, Юйдяо была точно уверена в этом. Хоть иногда и задумывалась, что в создании комбайна ее сограждане, в буквальном смысле слова, превзошли сами себя.

ПТК – передвижной терраформирующий комбайн, взлетал к облакам на высоту почти 22 чжана, что было всего втрое меньше старинных американских небоскребов. Одновременно громоздкий и обманчиво хрупкий, он завораживал своим индустриальным, далеким от изящества и легкости дизайном. Механический тягловый вол, медленно пробивающий дорогу в горной тайге и с грацией мамонта пересекающий монгольские пустоши.

Это был настоящий город – многоуровневый, шумный, со своим пропахшим машинным маслом «дном» и изящными «пентхаусами», дорога в которые открывалась только избранным. Он стал миниатюрной – если такое сравнение применимо к мобильному комплексу массой в дюжину тысяч европейских тонн – копией цивилизованного мира.

С одной лишь разницей – этот цивилизованный мир так и не познал, куда держит путь. Куда направляется ПТК, Чэнь Юйдяо знала точно – великанским плугом машина взрезала перерожденную планету, оставляя за собой своеобразный след – многополосную железную дорогу, получившую полное надежды название: «Звездный Путь».

Комплекс воистину стал триумфом китайских инженеров, проектировщиков, военных, металлургов, машиностроителей и тысяч разнорабочих, в рекордные сроки воздвигших странствующий город для прокладки «Пути». Имена их всех – многих и многих, живых и отдавших стройке жизнь, были заботливо высечены на тонкой бронзе, покрывавшей памятную стелу недалеко от заводов и полигона Хух-Хото.

Неповоротливый, управляемый целым легионом специально обученных машинистов, «Шихуанди» с черепашьей скоростью и таким же упорством полз на северо-запад.

В арсенале комбайна, размещенный в ангарах или караваном плетущийся за кормой, находился весь парк техники, необходимой для строительства дороги к звездам. Многочисленные экскаваторы, в том числе один роторный и один

карьерный, бульдозеры, погрузчики, самосвалы – когда вся эта стая железных трудолюбов высыпала из темных недр комплекса, Юйдяо казалось, что по улице следует палантин с тучным господином, окруженным свитой и слугами.

Все они суетились, чтобы толстяк не подумал ворчать, засыпали реки и овраги гравийными подушками, пробивали, расчищали, отгружали, прессовали и вскрывали…

Охрану передвижного комплекса обеспечивало специально сформированное подразделение бронепехоты, командование которым и было доверено подполковнику Юйдяо. Лучшие бойцы НОАК, отобранные по всей Поднебесной, шли на службу с честью и гордостью, одинаково добротно неся караульные службы, выполняя полицейские функции или отлавливая диверсантов и провокаторов.

Сама железная громада какого-то особенного вооружения не имела, его все равно пришлось бы демонтировать при пересечении границ Республики Сибирь. Но несколько противовоздушных комплексов, равно как и целая сеть гнезд со стационарными «ревунами», отвесные бока исполина все же украшали.

Словно пасту из тюбика, выдавливал «Император» ленты железной дороги, почти не останавливаясь в своем монотонном занятии. Вдоль новорожденного «Звездного Пути», на некотором отдалении от флагмана следовала еще одна шумная свора дорожной и железнодорожной техники, с высот гиганта казавшаяся никчемной мелюзгой.

Эта «мелочь» доводила до ума насыпи, укладывала асфальт и глинопластик, тратила сотни тысяч тонн цемента, боязливо не приближаясь к зоне работ стратегического государственного объекта.

По этим же – уже построенным – железнодорожным артериям на комбайн поступала половина затрачиваемой чудищем энергии. Редкие цистерны с драгоценной соляркой и многочисленные вагоны угля, гигантские батареи Ллейтона, едва умещающиеся на открытых грузовых платформах, усовершенствованные панели солнечных накопителей и резервуары с природным газом – иногда казалось, вся страна работает только для того, чтобы поддерживать в ПТК биение пульса.

Все эти сокровища беспрерывно поставлялись в комплекс уже ровно год, напоминая кормежку ненасытного великана – прислужники и лакеи все несли и несли хозяину новые смены блюд, едва успевая оттаскивать в сторону пустые тарелки и утятницы.

Конечно, основным источником жизни комбайна были

ядерные реакторы, оберегаемые людьми Чэнь Юйдяо пуще зеницы ока. Но силы этих реакторов тратились экономно, прагматично, даже скупо, зачастую обделяя теплом и светом вспомогательные службы или жилые отсеки для низшего персонала. Им – недовольной, но покорной половине комплекса, предстояло довольствоваться архаичными ТЭЦ, многотонными монолитами сменных батарей, а иногда и вовсе локальными котельными.

А город все полз и полз вперед, упиваясь мощью и уготованной исторической миссией. Рушил уцелевшие в Перерождении горы, словно праздничный пирог рассекал склоны, вырубая из них гигантские ломти, бесцеремонно вторгался в места, испокон веков считавшиеся дикими и неприступными.

Когда операторы собирались подкорректировать курс, требовалась стационарная подзарядка или возникали непредвиденные заминки, ПТК вставал на якорную стоянку, трансформируя часть себя и превращаясь в настоящий муравейник.

Тогда модули и блоки комплекса на специальных направляющих выдвигались из его брюха и боков в разные стороны, образуя многочисленные террасы и тем самым распределяя чудовищную массу объекта по наибольшей возможной площади. Чтобы траки колосса не тонули в грунте, активировались специальные упоры и воздушные подушки. Рабочие мачты, штанги и краны прятались в пазы, а большинству персонала инструкция предписывала проводить на борту «Императора» как можно меньше времени.

Вот тогда-то «Шихуанди» на самом деле превращался в раскладной бродячий цирк, какими славились дороги средневековой Европы. Владельцы закусочных, лавок, мастерских и различных не совсем легальных салонов спешили наружу, чтобы успеть разбить свою палатку на самом выгодном месте, причем как можно ближе к комбайну.

В такие дни пространство вокруг титана покрывалось пятнами разноцветных полиэтиленовых тентов и палаток, флагами с символикой частных торговцев, рекламными вывесками и легкими мачтами с гроздьями прожекторов.

И именно тогда становилось по-настоящему ясно, как много людей живет в титапластовом брюхе увальня, решившегося на утомительное путешествие из глубин Поднебесной на задворки дикой России.

Пять сотен механиков и электриков. Полторы сотни машинистов, управляющих внутренней сетью комбайна. Почти шесть сотен отборных солдат и офицеров НОАК, оберегающих комплекс от возможных посягательств неизвестного противника.

Четыре сотни человек обслуживающего персонала – поваров, врачей, хронистов, картографов, геологов и сейсмологов. Остальное – рабочие. Плюс посольство Сибири и консульский отдел при нем, гражданская администрация из высоколобых и чиновников, небольшое подразделение противовоздушной обороны, обслуга негосударственных предприятий отдыха и питания.

Чэнь Юйдяо не любила признавать собственные слабости. Но эту отрицать было бы совершенной нелепостью – даже комендант ПТК со всеми ее сканерами, наноскопами и системой электронной идентификации персонала не могла назвать *точную* численность живущих под ее ногами людей…

Именно это могло стать настоящим бедствием комбайна. Могло бы, если бы не железная рука подполковника, среди жителей станции получившей зловещее прозвище Желтый Каракурт…

Да, в комплексе хватало проблем с проституцией, азартными играми и наркотрафиком, налаженным вездесущей Триадой еще на стадии строительства гиганта. Но рано или поздно Каракурт доберется и до них, уничтожив скверну без сомнений и жалости…

В уголке правого глаза замерцал вызов по внутреннему служебному каналу.

Чэнь откинула раздумья вместе с легкой простыней, которой укрывалась. Рывком встала на ноги, бросив короткий взгляд на лежащего рядом мужчину. От былой силы и молодой мощи, искрящихся еще несколько дней назад, теперь не осталось и следа…

Грациозно ступая по мягкому светло-серому ковру, Юйдяо подошла к зеркалу, с задумчивым прищуром рассматривая отражение своего обнаженного тела, перепачканного красным. Красивого тела, поджарого, хищного, без единой жировой складочки, обычно присущей большинству женщин ее возраста.

Нарушая безупречность обнаженной красоты, внутри отражения текли сжатые данные разных отделений штаба: отчеты, оперативные сводки и динамические диаграммы о жизнедеятельности комплекса – в жилище коменданта к сети было подключено практически все. Стоило задрожать лишь одной, самой дальней нитке огромной паутины, и восседающий в ее центре паук уже знал об этом…

Сигнал персонального вызова все еще мерцал под веком, и подполковник пришла к выводу, что, осознанно рискуя навлечь ее гнев, подобную настойчивость мог проявить только один человек.

– Я внимательно слушаю, Болло, – легко щелкнув пальцами, она ответила на вызов, возвращаясь к огромной кровати. –

Надеюсь, ты помнишь, что сегодня у меня день отдыха?

– Искренне прошу прощения, товарищ подполковник! – без малейшего оттенка вины отчитался старший лейтенант Ху. – Но в штаб только что поступила информация, требующая вашего немедленного ознакомления…

– Пересылай.

Поглаживая большим пальцем подушечку мизинца, Юйдяо активировала стрелочку указателя на глазном наноэкране. Ввела личный код доступа, наблюдая за пересылкой документов в ее персональную «балалайку». Из Пекина… Даже если не срочно, то уж любопытно наверняка – Болло не зря нарушил ее уединение.

– Докладывай, – приказала она, не торопясь открывать файлы с маркерами правительственных служб.

Прислушиваясь к звучащему в голове голосу адъютанта, Чэнь присела на край кровати, проведя свободной рукой по гладкому мужскому плечу. Кожа уже начала остывать, мышцы медленно каменели, а густые пятна крови неумолимо впитались в мятую простыню.

– Постоянный комитет собрания народных представителей и Центральный военный совет одобрили зарубежную информационную кампанию вокруг прокладочного комплекса, товарищ подполковник…

Юйдяо ласково потрепала черные и сухие, будто ковыль, волосы своей новой игрушки. Сломанной игрушки… Позабавилась с прядками, чувствуя запредельный холод, исходящий от мужской кожи.

Встала, набрасывая перемазанную кровью простыню на коченеющий труп. Новости, озвученные Болло, заставляли растущее возбуждение меркнуть, уступая место привычной рабочей сосредоточенности.

Дозволен доступ представителям семи крупнейших мировых информационных агентств, – продолжал краткий доклад ее помощник, – подробные данные в приложенных документах.

– Благодарю за службу, товарищ Ху. – Широким шагом Чэнь отправилась в душевой отсек, больше не поворачиваясь к кровати, полчаса назад пылавшей горнилом, в котором любовь переплавилась в ярость. – И еще… Дополнительная разработка заключенного номер два-два-один-семь-три завершена. Товарищ старший лейтенант, прошу подняться в кабинет дознания для наведения порядка.

Болло поможет, как делал это уже не раз.

И даже не десять раз. И не двадцать. Желтый Каракурт не просто так заработала свое прозвище, но Юйдяо была уверена, что тошнотворный мужской страх, окружающий ее, будто аромат

мощнейшего парфюма, только помогает ей управлять вверенным объектом.

Пока она будет принимать душ, отключив мониторы и выложив «балалайку» на стеклянную полочку под зеркалом, адъютант избавится от трупа. Сдаст постельное белье в частные прачечные на нижних уровнях комбайна, а затем скрупулезно вычистит спальню, не оставив от побоища и следа…

Тревожило другое – новости, принесенные Болло так неожиданно и несвоевременно. Совсем скоро в комплекс понаедут дикие, невоспитанные и наглые американцы, арабы, индусы. Станут вынюхивать, выспрашивать, делано восхищаться и петь дифирамбы мощи китайского народа.

Встав под тугую струю воды, Чэнь наклонила голову, брезгливо сковыривая ногтем бурые потеки, засохшие на ее небольших грудях. Эх, прибавится хлопот… Для того, чтобы понять это, не требовалось даже брать в руки «Книгу перемен».

О том, что иностранные делегации узнают что-то секретное или выставят ПТК в невыгодном для республиканской идеологии свете, Юйдяо не волновалась. Активность «балалаек» журналистов будет ограничена, они получат специальные приборы слежения, а все отснятые материалы пройдут жесточайший контроль целой армии цензоров.

А вот в том, что одного-двух журналистов не изобьют в борделях, не обчистят в нелегальном казино или не накачают опиумом, подполковник сомневалась… Ох, прибавится хлопот ее воякам, ох прибавится!

Впрочем, в дальней дороге не бывает легкой поклажи, как говорили в старину.

Чэнь Юйдяо выключила воду, медленно и старательно вытерлась толстым тяжелым полотенцем.

Она сегодня же внимательно изучит присланные Ху материалы. Проанализирует личности каждого из аккредитованных журналистов. Через собственные каналы в столице выяснит об этих людях все, что может знать международная разведка Поднебесной.

А затем с достоинством примерит маску радушной, хоть и строгой хозяйки. И терпеливо переждет несколько дней, отведенных на съемки документальных картин о новом Чуде Света.

Умеющий сострадать утраивает свою силу
17 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

В вагоне правили смрад и духота, изгнать которые не помогали даже распахнутые окна.

Десятки немытых, разгоряченных тел в несвежей одежде окружали его, давили, толкали, пытались отодвинуть в сторону, чтобы урвать хоть кусочек сиденья. Больших усилий стоило не морщиться, чтобы не привлечь недовольства наполнявших вагон грубых и недалеких крестьян.

– Куда ж ты прешь, овца?! Не видишь, тут дети?!

– Уступите место инвалиду! Пожалуйста, я больше не могу стоять, ну хоть до Балахты… проявите же сострадание…

– Куда сумку пихаешь? Мое место, нечо тут!..

– Да проходите же, в конце концов! Свободно же вон, в центре…

Голоса неслись с обоих концов вагона – проводники запускали сразу во все двери. Голоса гудели, жужжали, досадливо мешали не то чтобы вздремнуть, но и элементарно сосредоточиться.

Наконец новая партия пассажиров закончила утрамбовываться, и Листопад услышал, как лязгнули запоры на дверях. Железнодорожный состав медленно тронулся, покидая платформу все еще лежащего в руинах городка.

Стоявших перед ним людей качнуло, кто-то чуть не упал, кто-то принялся браниться.

А ведь когда-то в таких вагонах ездили по билетам, пусть и не самым дорогим. А теперь, в условиях жесткой нехватки исправных тепловозов, даже в четырехместные купе пускают только на сидячие места. Ну а шанс получить полку в личное пользование выпадает, только если ты готов щедро раскошелиться. Что уж говорить про плацкарты, где пассажиров в прямом смысле набивают без счета?

Листопад вытянул шею, пытаясь сквозь заполнявшую проход толпу рассмотреть свою сумку, лежащую на самой верхней полке. Пузатый вещмешок оказался на месте, хоть теперь его и смяли чьим-то новоприбывшим баулом.

В той поклаже не было столь важных вещей, как в рюкзачке, который молодой человек прижимал к коленям. Но и ее потерять

будет обидно – именно там находилась приличная одежда, в которую ломщику предстоит переодеться перед проникновением…

Парень покосился в открытое окно. Несмотря на долгие, натурально резиновые одиннадцать часов, что он провел, зажатый между толстой теткой и сонным стариком, на свое место жаловаться было грешно. Поезд от Новосибирска до Абакана шел прямой, значит, не нужно делать пересадку в только что покинутом Ачинске. А сидячее место позволяет даже поспать! Очередные одиннадцать часов, и он сможет вздохнуть свободно, оставив за спиной самую муторную часть путешествия.

Особенного выбора у Листопада все равно не было – перемещаться в общем вагоне, где транспортная полиция уделяет идентификации «таблеток» и «балалаек» до смешного мало внимания, гораздо надежнее, а покупка билета не требует электронной регистрации документов. Не вертолетом же ему лететь – такой маршрут вычислят мгновенно…

За окном вечерело. Над Сибирью наступала короткая летняя ночь, на финише которой состав прибудет в конечный пункт. Стараясь не обращать внимания на толкотню, ругань и вонь, Листопад рассматривал раскинувшиеся снаружи поля, холмы и рощи. Совсем скоро они сменятся бескрайними степями Хакасского посада, нарушить медитативное уединение которых не смог даже так называемый День Станции.

Красиво, все это очень красиво… Листопад был всецело убежден, что очарование Геоса можно найти не только в пышной зелени березовых лесов или в изумрудной бездне тропических джунглей. Его можно обнаружить и в однообразной пустыне, и в безжизненных скалах, и в унылых, слепящих глаза ледниках. Потому что все это – часть планеты, часть огромного живого существа, едва уцелевшего в смертоносной схватке с человеком.

Признаться откровенно, парень так до конца и не разобрался в запутанной идеологии организации, называвшей себя «Мидгард». Так и не понял разницы между древнегреческой богиней земли Геей и неким Геосом-Иерархом, ставшим единым воплощением планетарной души и ее живой сущности. Но в то, что населенный миллиардами человечков мир был живым, Листопад верил всем сердцем. А значит – ему по пути с Порфирионом и его коллегами.

Иерарх виделся ему живым организмом, способным испытывать радость, счастье и печаль, отчаяние и боль. Боль дикую, неуемную, которую его заставляли чувствовать не одну сотню лет, с развития так называемой цивилизации.

Однако последний удар, четыре года назад нанесенный

главным врагом Геоса, был стократно сильнее терзаний, которые доставляли люди своей Матери буровыми вышками, карьерными экскаваторами, ядерными взрывами и сжиганием озонового слоя.

Этот выпад нанесли Копьем, пробившим самое сердце планеты, но так и не умертвившим ее. Это был удар изменника, готового уйти к молодой и более крепкой любовнице и удумавшего тайно заколоть супругу. Нападение неожиданное, болезненное, исподтишка.

Листопад стиснул зубы, по его умиротворенному лицу невольно прошла дрожь. Он никогда не видел своего врага лично, но с помощью подчинившей пространство Сети это было необязательно – настанет день, и они дотянутся до *него* через расстояние. И тогда даже лучшие защитные системы Пирамидома не смогут остановить возмездие.

Юноша прищурился, вспоминая газетные снимки предателя, заставившего планету медленно подыхать от мощнейшего удара Станции. Вспоминая осанку и безжизненные глаза ненавистного Мертвого, хозяина растущего на дрожжах Анклава Москва, Листопад вздрогнул…

Бабка, сидевшая напротив, вернулась из туалета, умело пробивая путь в толпе, перекрывшей проходы вагона. Тут же вступила в спор с сухопарым мужичком, попросившимся «посидеть, пока не вернешься, место посторожить».

Теперь «сторож» отпирался. Освобождать место или слушать бабкины вопли не желая наотрез. Убедившись, что устные аргументы силы не имеют, шустрая бабулька ловко схватила наглеца за ухо, с хрустом вывернула, резко рванула вверх.

– Ах ты ж, гаденыш такой неблагодарный!

«Сторож» нечленораздельно заскулил и взвился с лавки, пытаясь вырваться. Бабка тут же юркнула на седушку, гнездясь, будто на насесте. Они еще долго препирались, громко и вульгарно, но Листопад предпочел отвернуться, возвращаясь в размышления…

Да, сущность по имени Геос человек начал убивать не вчера.

Задолго до активации Станции, задолго до чудовищного замысла Максимилиана Кауфмана, решившего предать родную планету. Ее топили в миллионах литров сброшенной в океаны нефти, жгли в локальных ядерных конфликтах, травили угарным газом, бактериологическим оружием и выбросами химических предприятий. Но только Инцидент наконец-то позволил всем последователям Иерарха объединиться, найдя в себе силы для священной войны.

Однако главное преступление против Земли состояло отнюдь не в уколе Копьем. И это, с точки зрения Листопада, было

страшнее всего. Главное преступление состояло в том, что Мертвый призывал человечество покидать родную Мать. Уходить, оставляя раненую старуху умирать в одиночестве, холоде и нищете… Возомнив себя Божеством, он даровал пастве путь к звездам, наплевав на отчий дом.

Люди, как и ожидалось, дар Мертвого приняли с распростертыми объятиями.

Глупые люди, слабые духом и неразумные.

Именно им, заблудшим и поверившим лживым речам «Наукома» и его кукловодов, «Мидгард» должен объяснить правду. Открыть глаза. И ради этого приза – миллионов человеческих судеб, без которых Геос умрет, – они будут бороться. Пусть даже так жестоко, как это произошло пять дней назад в Европе.

Купе плацкартного вагона разделилось на две противоборствующие стороны, ругаясь в полный голос за права бабульки и мужичка с опухающим ухом. Глядя на перекошенные неприязнью лица, Листопад невольно улыбнулся. Пока вокруг кипели фальшивые страсти, юноша испытывал гордость. Настоящую, густую, жгучую, переполняющую его гордость.

Он смог пройти последнее испытание Порфириона, могучего мифического гиганта, рожденного от божественного союза Урана и самой Геи. Смог доказать профессионализм, решительность, преданность делу «Мидгарда».

Да, в силу своего возраста Листопад испытывал легкую вину и жалость по отношению к убитым пилотам «суперсобаки» или арабу-смотрителю. Но гордость была сильнее, и печаль отступала.

Без какой-либо помощи он написал нужные программы. Закупил комплектующие, собрал оборудование, переслал его исполнителям. Провел личную часть операции без запинок. И ушел налегке, уничтожив следы.

Из заброшенной квартиры, в которой тихой мышкой обитал последние пару недель, Листопад прихватил только небольшую сумку с одеждой, набор для маскировки, горсть рабочих гаджетов и бесценный «раллер». Вспомогательные станции, сетевые карты, незарегистрированные коммуникаторы, дисплеи и даже удобное рабочее кресло пришлось бросить. Сжечь, как и приказывал Порфирион. Заложить крохотное взрывное устройство, изготовленное по чертежам из Сети, и спалить, как исполнители выжгли башню дорожного диспетчера…

Гомон в купе стихал, словно рокот удаляющейся бури. Партия бабульки победила, криками доказав – поход в туалет в переполненных вагонах считался едва ли не священным, и посягать на сидячие места «отлучившихся» могли только

беспредельщики. Сухонький мужичок, проигравший яростный спор, удалился в другое купе, бормоча ругательства и потирая красное ухо.

Терпеть… Терпеть весь этот бардак и выжидать – вот что приказал себе Листопад, намеренно свернувший пульсирующие часы в уголке глазного наноэкрана. Он не будет каждый миг поглядывать на оставшееся до прибытия время.

Пусть юноша умел управлять чувствами не столь умело, как легендарный братец, он терпеливо дождется, пока поезд прибудет в Абакан, не подгоняя минутную стрелку. Там ему потребуется всего полчаса в мужском туалете, чтобы сменить «балалайку», активировать нужные приборы и чипы, переодеться, а потом…

А потом он двинется дальше по выданной Порфирионом путевке. Вступит в очередную фазу новой операции «Мидгарда», важной, рискованной и дерзкой. Продолжит выполнять миссию, право на которую заслужил своей атакой на европейский грузовой транспорт.

Листопад жадно вдохнул спертый воздух, поудобнее умостив компактный рюкзак на коленях. Оправил кепку, чуть приподняв козырек. Лысина отчаянно потела, но головной убор прятал от лишних взглядов бритую кожу и татуировки, причисляющие молодого человека к его профессии. Лучше уж потеть, чем выслушивать от тупых сельчан упреки, что «ваша тритонская братия чуть не устроила Конец Света»…

В свои семнадцать лет, в отличие от большинства сверстников, паренек был далеко не наивен.

Безусловно, он понимал, по какой такой исключительной причине для выполнения нового задания Порфирион избрал именно его. Однако в целом это совсем не оскорбляло – среди всех русских членов движения «Мидгард» шансов на успех больше всего было именно у Листопада. А если выполнить приказ поможет знатное родство – что же в этом зазорного?

Однако глубоко внутри, где юношеское тщеславие волнами билось о скалы крепнущего характера, ломщик верил, что если бы не его талант, наставник избрал бы другого. Окажись уровень умений молодого машиниста ниже, а обучаемость не такой легкой, осмелился бы Порфирион делать ставку только на происхождение? Конечно, нет. От понимания этого факта становилось еще жарче, а губы непроизвольно растягивала довольная улыбка.

Листопад задремал. Плавно утонул в тягучих грезах, уже не обращая внимания на толкотню, вонь и разговоры. Несколько раз просыпался, не упуская плен сна, заставлял его вернуться и поглотить себя. Один раз протолкался до туалета.

Какой-то парнишка предложил посторожить место взамен на час отдыха, и юноша согласился, ему было не жалко. В отличие от предыдущего смутьяна, новый «сторож» не стал претендовать на сиденье или конфликтовать. Едва час миновал, Листопад растолкал парня в плечо, и тот сонно поплелся курить в тамбур.

Когда солнце поднялось над хакасскими степями, освещая старинные таинственные менгиры, рассыпанные по равнинам, пассажирский состав прибыл в Абакан. Дождавшись, пока шумная толпа вывалит наружу, Листопад размял затекшие мышцы, покрутив кистями рук, забрал с полки мятую сумку и вышел на перрон.

Летняя жара еще не успела обрушиться на город, а потому молодой человек какое-то время просто стоял на месте, наслаждаясь прохладой и ветерком. Полностью уверенный в себе, он даже не сдвинулся с места, когда мимо пробрел полицейский патруль. Вежливо поздоровался, когда сержант все же решил обратиться к застывшему приезжему, устроив выборочную проверку документов.

Столь же вежливо и предупредительно Листопад показал ему затылок с заглушкой, якобы заменявшей утраченную «балалайку». Протянул под сканер руку, безбоязненно поглядывая на побежавшие по экрану данные.

Его «таблетка» не была вшита под кожу – когда-то в трущобах знакомый пластик удалил из руки машиниста кусочек плоти, устроив в предплечье настоящий тайник. Теперь чип прятался в этом углублении, прикрытый обыкновенным, хоть и очень качественным, гримом.

Отдав честь добропорядочному и законопослушному гражданину, наряд полиции удалился прочь. Улыбнувшись приходу нового дня, ломщик зашагал к зданию вокзала.

Конечно, встречай Абакан проверкой уровня анклавных безов, с их стационарными сканерами и наноскопами, незамысловатые хитрости Листопада треснули бы, как гнилой орех. Но он знал, к чему готовился, а потому совершенно не нервничал.

Планы вокзала изучил заблаговременно – едва попав в здание, незамедлительно прошел в туалеты. Заперся в кабинке, быстро переоделся, сквозь зубы ругаясь на тесноту. Джинсы машиниста заменили легкие летние брюки, способные подойти в том числе к костюму. Подпоясаны брюки были ремнем, причем из настоящей кожи. Вместо яркой молодежной майки с коротким рукавом на плечи легла сорочка, в меру демократичная, сколь и деловая.

Все это, с иронией вспомнил он, было подарками брата.

Приветом из далеких-далеких времен, когда сохранение дружбы еще казалось возможным им обоим…

Кепку парень спрятал в сумку. Набросил на шею и аккуратно затянул синий галстук, которого в обычной жизни не носил отродясь. Рюкзак также исчез в брезентовом бауле для вещей, а его содержимое перекочевало в простенький, но дорогостоящий портфель, который Листопад повесил на плечо.

Перевел дух. Взглянул на часы глазного экрана.

Поезд прибыл с пятнадцатиминутным опозданием, которого юноша ожидал. Значит, уже больше двух часов назад виртуальная сетевая личность, представившаяся его секретарем, совершила запрограммированный звонок в абаканское отделение БАРСа, поставив служивых перед фактом…

Лезвием перочинного ножа Листопад приподнял грим, прикрывающий изуродованное хирургией предплечье. Достал «таблетку», без лишних колебаний бросил ее в унитаз. Затем вынул заглушку и вставил в затылок «балалайку». Новехонькую, буквально вчера разработанную «Наукомом». Причем не ломаную, а родную, зарегистрированную по всем законам. Еще одна, старая и полуживая, лежала в «секрете» кейса, храня любовно сконструированную личность дальневосточного полукровки.

Затем он активировал генератор помех в клапане сумки, пока выставив уровень «шума» на минимум. Если же военные захотят устроить незамедлительную проверку, ломщик успеет переключить прибор, обрывая связь со спутником.

В туалеты входил молодой шалопай в кепке и с рюкзаком.

Вместо него на утреннюю улицу Абакана вышел совсем другой человек.

Статный, аккуратно одетый – в нем с первого взгляда угадывался мелкий чиновник или начинающий предприниматель, путешествующий поездами. На плече его висел рабочий портфель для планшетного компьютера и необходимой канцелярии, в левой руке покачивался похудевший вещмешок.

Как бывало и в старину, к видному приезжему со всех сторон направились ямщики – водители припаркованных неподалеку мобилей. Принялись наперебой зазывать недорого доехать в любую точку города, но Листопад только покачал головой, сделав легкий жест свободной рукой. Он точно знал, куда направляется, и собирался сделать это пешком.

Обиженные извозчики еще какое-то время брели за ним. Самые нетерпеливые отсеялись почти сразу, а затем и остальные, пока наконец вся стайка водителей не оставила скупого юношу в одиночестве. Тот вздохнул свободно, улыбаясь тому, что какие-то

вещи на планете неизменны, даже по прошествии многих веков.

Абакан оказался приятным небольшим городом из числа тех, кто не потянулся небоскребами к самым облакам, а сохранил самобытность и определенное очарование провинциального центра.

Всесильный Инцидент зацепил и его, притопив и расшатав. Но местный посадник работал на совесть, чему способствовал растущий контингент «барсов», а потому руин почти не осталось – на месте порушенных зданий виднелись свежие надстройки из газобетона и глинопластика.

Здание ближайшего отделения БАРСа Листопад нашел с легкостью человека, хорошо знавшего маршрут. Это оказался массивный семиэтажный дом, в котором когда-то располагался штаб местного отделения внутренних войск. После того как Ростислав Гиляров начал строить свою Республику, кабинеты и подвалы семиэтажки заняли секретариаты и отделения новой Сибирской Армии.

Ладони вспотели от возбуждения, и Листопад заставил себя сделать несколько глубоких вдохов, изгоняя непрошеный мандраж. Если его поймают, ничего смертельного не произойдет, но операция будет провалена и перенесена на неопределенный срок. Кроме того, в следующий раз Порфирион пошлет совершенно другого ломщика…

Проскользнув в раздвижные двери на фотоэлементах, Листопад оказался внутри. Бегло осмотрел приемный покой, отгороженный от холла массивными железными турникетами, рамками наноскопа, дозиметра и кабиной дежурного, наблюдавшего за гостем через пуленепробиваемое стекло. Подошел, опуская сумку на покрытый трещинами пол.

– Здравствуйте, – как можно приветливее сказал он рядовому, склонившемуся над мониторами внешнего наблюдения. – Пожалуйста, пригласите дежурного офицера…

– По какому вопросу?

Дежурный с суконным барсом на левом камуфлированном рукаве интересовался грубовато, но без особенного хамства. Голос его раздавался из крохотных динамиков, размещенных над головой юноши. Вместо ответа тот наклонился, почти прижимаясь глазом к объективу сканера, и позволил электронике считать со зрачка визитную карточку, разработанную специально по такому случаю.

– Ожидайте… – равнодушно протянул рядовой, связываясь с кем-то по внутреннему коммуникатору.

Младший лейтенант появился в кабине контрольного пункта, будто караулил за дверью. Заинтересованно, хоть и мельком,

взглянул на визитера, бегло ознакомился с данными электронной визитки. Густая бровь его поползла вверх, и он посмотрел на Листопада совершенно иначе.

– Пожалуйста, встаньте на площадку для идентификации личности, – попросил он, указав в сторону от кабины.

Юноша послушно отошел от сумки на несколько шагов. Встал на специальную площадку со схематически нарисованными ступнями ног, прижал затылок к прорезиненной щели сканера. И практически тут же услышал щелчок, с которым разомкнулись турникеты.

– Здравствуйте, – поздоровался он с лейтенантом, забирая вещмешок и проходя в холл. – Мой секретарь должен был ввести вас в курс дела…

– Да-да, конечно. – Покинув кабинку, офицер протянул ему руку. – Мы ждали. Официальный запрос на посещение «Ильи Муромца» придет позже?

– Нет, – мягко отрезал Листопад, отвечая на рукопожатие.

Именно в эту секунду решалась судьба всей его авантюры, но ломщик чувствовал себя на удивление спокойно и уверенно.

– Мой визит в сибирское посольство является неофициальной операцией Министерства и должен оставаться инкогнито.

Лейтенант замялся, с интересом глядя на юношу, и по всему было заметно, что его распирает от незаданного вопроса. Чтобы подбодрить офицера, Листопад улыбнулся, откровенно дозволяя проявить интерес.

– А вы, Степан Анатольевич, случайно не приходитесь?..

– Совершенно верно. – Теперь кивок ломщика был четким и по-армейски коротким. – Я его родной брат, как и указано в документах. Но в своей карьере стремлюсь добиваться всего сам, без протекции.

Все честно, ни слова лжи или полуправды.

За одним-единственным исключением – Листопад никогда не служил в ведомстве брата и не получал от того приказов. Это крохотное дополнение к своей биографии, так же как семидневную визу или уровень дипломатической неприкосновенности, он создал сам. Разумеется, сделав так, чтобы новые данные совпадали с имеющимися у «барсов» досье.

Для этого, к сожалению, пришлось-таки воспользоваться преимуществом происхождения. Но член «Мидгарда» не имел прав на сомнения. Даже если противостояние отбрасывало старшего брата на другую сторону баррикады…

– Мне необходимо как можно скорее попасть на «Илью Муромца». – Теперь он позволил себе легкое давление на лейтенанта. – Мой секретарь запрашивал у вас скоростной

вертолет, он готов?

– Да, безусловно. – Военный кивнул. – Мы произвели необходимые проверки, для вашего визита нет никаких преград. Если желаете, вылет может быть организован в течение получаса.

У Листопада отлегло от сердца. Фальшивки, разбросанные им по правительственной сети, не только не оказались разоблачены, но искренне убедили местных «барсов» в законности его визита. Не без понимания, *кем* является молодой чиновник, разумеется – слишком многие дела в России и Сибири делались именно так…

Он тепло, по-настоящему искренне улыбнулся младшему лейтенанту.

Одна из самых непростых и рискованных фаз операции Порфириона прошла успешно, и теперь ломщику лишь оставалось сесть в вертолет. Когда в Новосибирске опомнятся, чтобы остановить самозванца, он уже вступит на борт «Муромца».

– Моя поездка не будет долгосрочной. – Листопад почтительно склонил голову, всем видом прося военного об одолжении. – Я мог бы на какое-то время оставить здесь на хранение эту сумку?

Талантливые личности необычайно многогранны
15 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Простой карандаш с твердым грифелем кротко скользил по поверхности листа, оставляя за собой ровный, казавшийся чуть пыльным след. Останавливался ненадолго, почти не отрываясь от бумаги, а затем снова выписывал виражи и причудливые повороты. Карандаш словно отмечал грань, где из-под белоснежной пустоты вдруг проявлялась картина, до поры скрытая тонким льдом.

Буньип любил карандаши. Обыкновенные грифельные карандаши, один вид коробки которых заставлял сердце специалиста по деликатным поручениям учащенно биться. Их божественный, несравнимый ни с чем запах, хрупкость стержня, приятное тепло деревянной оправы в руке. Тепло настоящего дерева! Когда Буньип покупал новую упаковку, он не жалел денег на самые старинные и дорогие технологии. Можно было бы даже сказать – он любил их больше всего на свете. Если бы кроме карандашей австралиец вообще любил хоть что-то.

Буньип уважал честность карандаша. Тот никогда не соврет, в отличие от безвольной акварели или неестественно ярких масляных красок. Только карандаш покажет настоящую границу между рисунком и пустотой. Только карандаш может всего двумя штрихами ухватить самую суть предмета, человека или события, и это могущество не под силу ни мелкам, ни кисти.

Буньип считал себя похожим на карандаш и потому упивался его простотой. Зачем делить мир на миллиарды оттенков, когда все, совершенно *все,* при внимательном рассмотрении сводилось лишь к белоснежному цвету или его отсутствию – черному росчерку карандаша, выявляющему суть мироздания?..

Черно-белый мир прост и грациозен. Он не заставляет попусту терзаться и не оставляет в душе недожеванные полунамеки или блеклые тона. Точно так же, как действует карандаш, предпочитал действовать и сам Буньип – мысленным взором представлять основные линии будущего наброска, а затем резкими росчерками создавать в податливом пространстве свою цель. Ничего лишнего – только белая бумага и темные линии плана, воплощенного в жизнь.

Это не делало характер австралийца покладистым или

компанейским, но он с легкостью обходился без жены и друзей. Особенности работы, которой Буньип зарабатывал на жизнь и беззаботную старость еще до Катаклизма, вообще не предполагали наличие близких знакомых или родни, а потому особенности «черно-белого» восприятия мира не казались неудобными. Ни ему, ни его заказчикам.

Точнее сказать, одному-единственному заказчику.

Человеку, через год после Катаклизма приметившему его незаурядные способности. Человеку, не просто предложившему разовый заказ, но обеспечившему регулярный пансион. Единственным условием нового спонсора была немедленная отставка австралийца из «официальных» структур dd, а также недопустимость приема заказов от посторонних клиентов.

Пересчитав поступившие авансом доллары на трудодни, Буньип остался вполне доволен, согласившись на заключение необычного контракта. Работой постоянный хозяин не перегружал, а задания его были настолько оригинальны и любопытны, что австралиец брался за них с неподдельным интересом…

Он поднял рисунок на уровень глаз. На белоснежном листе очень дорогой и качественной бумаги был грубо, без деталей, в самых общих чертах нарисован кот. Однако динамика животного, какие-то едва заметные черты его шаловливого характера и стремление прыгнуть вперед были настолько грамотно уловлены художником, что казалось – сейчас набросок оживет!

Довольно улыбнувшись, Буньип отложил рисунок в высокую стопку других, возвышающуюся на углу стола. Бережно зажал карандаш в пальцах, взял бритвенно-острый нож и принялся осторожно, чтобы не снять ни одной лишней стружки, очинять грифель, напоминая робкого резчика по красному дереву.

Буньип… Болотный демон, раздирающий ночь пронзительным воплем. Стоило признать, что необычному заказчику наемник был обязан не только цифрам на банковском счете, но и зловещим прозвищем. Окрестив нового работника именем злого духа из мифологии австралийских аборигенов, тот словно давал понять, что знает о нем значительно больше, чем можно найти в открытом сетевом доступе.

С тех пор – уже почти три года – Леон Брейгель пропал без вести, уступив свою монреальскую квартиру, воспоминания, фальшивую биографию, сбережения и даже тело существу по имени Буньип…

Он уже приготовился приступить к новому рисунку, как в «балалайке» раздался сигнал. Спутниковый коммуникатор, лежащий в холле его уютной квартирки, заливался трелями.

Особенный коммуникатор, номер которого был известен единственному существу на всей умирающей планете.

Буньип встал из-за рабочего места, аккуратно откладывая остро заточенный карандаш на край чистого листа. Неспешно прошел в холл, подобрал со столика коробочку коммуникатора. Вместо того чтобы подключить его к «балалайке», вставил в специальный паз огромной стереопанели, занимавшей почти всю стену. Сунул в сканер листок с рисунком, только после этого ответив на вызов.

Экран заполнила фигура: немного нелепая, немного зловещая. Когда Брейгель впервые выступил в контакт с этим человеком, он был готов забавляться. Чуть поближе узнав мужчину, именовавшего себя Циклом, он избавился от неуместной иронии.

Шею, плечи и даже кисти появившегося на экране человека скрывала алая накидка, сшитая, казалось, из густой артериальной крови. Голову же, отметая любую попытку узнать о собеседнике хоть что-то, обволакивала зеркальная наномаска, напоминавшая рыцарский шлем. Сейчас в ней не отражалось ничего, словно хозяин маски был способен управлять отражаемостью поверхности.

– Доброго дня, Буньип, – поздоровался Цикл бархатным голосом, почти не искаженным его личиной. – Как поживаешь?

– Здравствуй, Цикл, – незатейливо ответил наемник, подходя к бару. – С удовольствием, если тебе это интересно…

Он вынул из шкафа бутылку односолодового виски, простого и безумно дорогого, как и любимые карандаши. Щедро плеснул в широкий стакан. Глотнул и только после этого сел на диван сбоку от стереопанели.

По взаимной договоренности, Цикл не имел прямого видеоконтакта со своим работником, во время диалога рассматривая карандашный рисунок, изображающий торчащее из болота чудовище.

Этот набросок Буньип делал заново перед каждым очередным сеансом связи. Если в один не совсем прекрасный день хозяин насчитает в оскаленной пасти четыре, а не три языка, он уничтожит все следы, навсегда забыв о существовании верного специалиста…

– Чувствуешь себя героем? – не торопясь переходить к делу, поинтересовался Цикл.

В правом нижнем углу панели появилось окно крупного новостного канала, передающего сюжет о недавнем скандале на островах Британского Халифата.

«Напомним, что 14 августа на шеффилдскую резиденцию

шейха Хамада бен Зайеда было совершено вооруженное нападение отряда радикально настроенных националистов, – пробился в их диалог голос тележурналистки, ведущей репортаж со знакомой Медоу-Гейт-авеню, которую Буньип в последний раз видел с высоты полета. – По счастливому стечению обстоятельств сам шейх, да и впредь хранит его Аллах, в момент штурма находился в Эль-Париже, а нападавшим дали отпор его лучшие гвардейцы. Сегодня нам стали известны новые подробности этой трагедии. Из источника, пожелавшего остаться неизвестным, наш канал смог установить, что за покушением на Хамада бен Зайеда стоит молодая неофашистская группировка «За Европу без мусульманства», только в этом году взявшая на себя ответственность за два террористических акта и целый ряд покушений на видных деятелей исламского мира…».

– Говорят, ты убил семерых охранников?

Зеркальная голова Цикла заинтересованно склонилась набок, окно с телерепортажем свернулось в точку.

– Ты стал верить журналистам? А еще они говорят, что перестреляли дюжину националистов, – скупо улыбнулся Буньип. – Я отработал всего пятерых, и то один вполне мог остаться жив.

– Я так и думал… Кстати, друг мой, я еще не сказал тебе спасибо. Это была отличная работа! И главное, очень быстрая, без лишних затрат на длительную подготовку.

В пальцах Цикла, затянутых в красную кожу перчаток, что-то блеснуло. Присмотревшись, Леон без удивления разглядел скорпиона Сехмет, три дня назад отправленного хозяину экспресс-почтой.

– У меня есть новое поручение для тебя, – наконец перешел к сути разговора человек без лица.

– Так быстро? – спокойно поинтересовался Брейгель. – Новая вещица?

Он уже привык, что его наниматель питает слабость к предметам старинных культов и Традиций. Новое задание, касающееся поиска старинной иконы или ацтекской маски не стало бы неожиданностью. Леон не имел ни малейшего представления, на кого работает стеклянный шлем, но предполагал, что тут не обошлось без интересов одной из новых трансконтинентальных корпораций. Однако ответ Цикла сумел удивить наемника:

– Не совсем. – Красная перчатка продолжала поглаживать египетское украшение. – Точнее говоря, не только. Конечно же, ты знаешь, что Китайская Народная Республика строит грандиозную железную дорогу к Станции корпорации «Науком». Воистину

титанический проект, требующий огромных денег и человеческих ресурсов.

– Я смотрю новости.

– Тогда ты должен знать, что сейчас проект «Звездный Путь» прорубается через Саянские горы, приближаясь к Хакасии – юго-восточной провинции Сибирской Республики.

– Слышал и об этом.

– Скоро строительство доберется до Алтайских Саян, входящих в сферу моих интересов. – Цикл поправил накидку на плечах, отчего по маске прокатился алый блик. – Меня интересуют предметы культа алтайских колдунов. Я хочу, чтобы ты отправился в район разработок и постарался отыскать вещь, которую местные жители знают как бубен Усюги Ороон, или Врата Ульгеня. Если не обнаружишь ни единого образца, попробуй узнать о судьбе иных подобных артефактов.

Буньип сделал новый глоток обжигающего виски.

Он не любил вино и пиво, с их «богатыми» оттенками и послевкусиями, в которых гурманы находили аромат августовского солнца или легкую свежесть хмеля. Как и во всем другом, Брейгель ценил в шотландском напитке честность вкуса и прямоту эффекта.

– Как я понимаю, это еще не все?

– Не раз говорил, что мне приятно иметь с тобой дело, Буньип. – Леон мог поклясться, что человек под маской улыбнулся. – Да, это еще не все. Нам стало известно, что к проекту приковано повышенное внимание юной, но весьма дерзкой организации «Мидгард». Информация эта обрывочна и недостоверна. Я хочу, чтобы ты стал моими глазами на объекте поднебесников и выяснил, чего члены «Мидгарда» хотят от китайцев.

– Шпионаж, сбор данных и поиск одного предмета – я верно понимаю задание?

– Абсолютно точно. – Зеркальный шлем склонился вперед. – Все необходимые данные и аванс на подготовку к миссии уже отправлены на твои сетевые ресурсы.

– Каким временем я ограничен?

– Ты должен появиться на строительной площадке поднебесников в течение полутора недель. Тебе ведь хватит этого на разработку операции?

– Безусловно.

Человек в красном плаще величественно взмахнул рукой, точно зная, что Буньип сейчас внимательно наблюдает за его изображением. После этого связь прервалась.

Одним глотком допив виски, Леон поставил пустой стакан на

подлокотник дивана, направляясь к компьютеру. Задумался, остановился.

Свернул в рабочий кабинет – просторный и светлый, в котором занимался рисованием.

Сначала он сделает еще пару набросков и только после этого ознакомится с файлами Цикла. Сделает несколько черно-белых рисунков, в точности отражающих характер непростой современной жизни.

Никому не убежать от собственной тени
14 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Пробиваться через громадный этаж было сложнее, чем миновать густые таежные буреломы.

Следуя за повелителем царящего вокруг делового бардака, Илья старался не отставать. Это было не так-то легко, даже несмотря на разницу в физической форме. Беспрерывно извиняясь и стараясь не налетать на сотрудников, Вебер то и дело терялся в человеческих водоворотах, оттиравших его от коляски.

В который раз он поблагодарил судьбу, выбравшую для него *иной* путь – представить себя безвольным винтиком хитроумного офисного механизма Илья не мог совершенно. На матерых бандитов, лесных пионеров или «кротов» он смотрел менее затравленным взглядом, чем на офисный планктон, шныряющий мимо по этажу Министерства.

Человек, принимавший гостя в своем царстве, напротив, чувствовал себя рыбой в кристально чистой воде. Умело маневрируя в людских потоках на юркой инвалидной коляске, он так и норовил оторваться от Вебера, поглощенный валом работы.

Его блестящий бритый затылок, украшенный профессиональными татуировками, оставался последним путеводным маяком, по которому Илья находил дорогу между людскими спинами. Из «балалайки» инвалида свисал «психопривод» с разветвителем, к которому были одновременно подключены два коммуникатора, «раллер» и пяток других гаджетов.

– Нет, акценты расставлены не совсем верно… – Человек остановил коляску прямо посреди коридора, и поток сотрудников мгновенно разделился, обтекая ее. Возле шефа остались двое подчиненных, с которыми и общался влиятельный машинист. – Когда мы пишем о переделе влияния и возможной смене династии, стоит учитывать не только рост цен на ресурсы или драгоценные металлы. Я хочу, чтобы вы скорректировали сюжет…

Пальцы человека в инвалидном кресле опустились на клавиатуру «раллера», когда он принялся вносить правки в новостной блок.

– Выводите на передний план религиозное противостояние суннитов и шиитов. Приведите историческую справку, покажите

процентовку жителей королевства. Пусть зрителю станет очевидно, что волнения начались из-за бесчинств шиитской семьи шейха и его приближенных, а отнюдь не из-за хлеба или налогов…

Он на какое-то время замер, уставившись в пустоту, и Вебер догадался, что принимающий его человек просматривает препарированный сюжет на одном из глазных наноэкранов.

– В остальном порядок: перепишите подводку, добавьте справку и давайте в эфир. Что там еще? – Он повернулся к подошедшей девушке, принимая протянутый планшет. – Ага, вот и наша техника…

И вдруг спохватился, наконец-то вспомнив про гостя, завертел лысой головой.

Вебер, терпеливо подпирающий стену коридора, небрежно взмахнул рукой, привлекая его внимание. Человек в инвалидной коляске поманил, призывая следовать за собой, и продолжил движение. Симпатичная девушка в хиджабе, дожидавшаяся, пока министр просмотрит данные на планшете, засеменила рядом.

Илья вздохнул, отлепился от стены и зашагал за ними.

Вебер вошел в здание республиканского Правительства больше часа назад, но до сих пор не успел перекинуться с высокопоставленным знакомым и парой слов. Минут двадцать, конечно, ушло на досмотр и проверку в службе безопасности, но даже полчаса блуждания по этажу Министерства за коляской калечного – много.

Терпение сам выслал ему приглашение.

Открытый «балалайкой» файл, укол в сердце – на мгновение Илье показалось, что многоликий машинист научился читать его мысли и зовет, чтобы сорвать маски с самого сокровенного. Глупое, слабое сердце, вдруг возомнившее, что вернулись старые времена.

Затем Илья справился с собой, сухо ответив по Сети, что рассмотрит возможность визита в здание Правительства. С тех пор прошло меньше двух суток, после чего Эдуард повторил приглашение. Настойчиво и кротко дав понять, что мобиль заберет гостя в течение часа.

И вот он тут, пытается догнать коляску в переполненных людьми коридорах и съемочных площадках, а министр государственной информационной политики и компьютерной безопасности Республики Сибирь все так же остается неуловим…

– Я лично подготовлю все сюжеты на данную тему. – Человек, которого до событий на Станции Сеть знала исключительно под именем Терпение, поднял голову, натянуто улыбаясь помощнице. – Вы пока можете заниматься волнениями нацистов в

Баварском султанате. И помните, Алена, я жду не обычный сюжет, я жду аналитическую программу с выводами и прогнозами.

– Конечно, Эдуард Анатольевич, будет сделано, приступлю прямо сейчас.

Она забрала планшет, дождавшись, пока шеф скопирует нужные данные на свой «раллер». Ушла быстро, но без суеты.

– Представляешь, сюжеты про столкновения белых нацистов с европейскими мусульманами приходится вставлять в каждый второй выпуск новостей. – Он обернулся к Веберу, будто подыскивая оправдание своей загруженности. – Кажется, кое-кто из потомков Верцингеторикса и Нибелунгов только после Инцидента осознал, кому сегодня принадлежит земля их отцов…

– Позвал меня, чтобы прочитать курс новейшей истории? – Илья подошел к инвалиду, с опаской поглядывая по сторонам – вот-вот, да набежит кто-то из помощников, снова отвлекая Терпение от разговора. – Ты ведь хорошо знаешь, что я не интересуюсь геополитикой.

– Да помню… – Министр отмахнулся, затем развернул коляску, направляя ее в тихое ответвление коридора. – Это я к тому, Илья, что любая информация должна подаваться дозированно, тщательно взвешенная на порции и с нужным количеством приправ. Так, чтобы не напугать союзников и вселить ужас в сердца врагов.

Потеребив нагрудный бэйдж с яркой надписью «Гость. Допуск уровня 2», Илья последовал за Эдуардом, даже не пытаясь помочь тому катить коляску. Жужжа аккумуляторами, чиновник свернул в новый коридор, и Вебер ускорил шаг. Теперь стало слышно, как шины умиротворенно и приятно шуршат по полированному бетонному полу.

В этой части этажа, полностью отведенного под Министерство информационной политики и безопасности, было почти безлюдно. Ни шумных студий с яркими софитами, ни монтажных цехов с суетливым персоналом. Кажется, Терпение наконец-то соизволил уединиться, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз…

– Вот, например, – продолжал разглагольствовать тот, направляя коляску еще глубже в лабиринты этажа, – заяви мы о том, что восстанавливаем нефтепроводы Ванкора, законсервированные еще во времена Нефтяного Голода. Новость-то какая! Жареная, сенсационная! Но ведь мы оба понимаем, что это сразу наводнит Республику шпионами, а небеса – разведывательными беспилотниками.

Он покосился на Вебера, равнодушно молчащего в ответ. Лихо притормозил у простенькой двери кабинета без вывесок.

– А вот о том, что на западные пограничные заставы БАРСа поступило полторы сотни новых танков и сорок боевых вертолетов, стоит трубить на весь мир. – Он взглянул в трубку сканера, позволяя считать с сетчатки электронный ключ. Дверь открылась с таинственным шипением. – Например, танки уже переименовали в «РГ» – Ростислав Гиляров. Внушает трепет? Вот увидишь, Илья, мы еще настоящий военный парад проведем! На День Независимости, например.

По-прежнему молча, Илья вошел в кабинет вслед за министром, которого он еще совсем недавно знал совсем не как министра. Вслед за человеком, обманувшим его, поставившим на грань гибели, но не предавшим, как того можно было ожидать.

– Ну, здравствуй, наконец-то, Леший! – Резко развернувшись на месте, Терпение расплылся в приятельской улыбке.

Как и ожидалось, комната была хорошо экранирована и не содержала ничего лишнего, даже окон – только пару удобных кресел, стол с набором для чая и кофе, низкий журнальный столик с пепельницей. Идеальное место для переговоров.

Не спеша отвечать на приветствие, Илья оглянулся на плотно закрывшуюся дверь. Вынул руки из карманов штанов, неспешно прошел вперед, опустился в кресло.

– И тебе не болеть, Колокольчик, – ответил он, прищуриваясь.

Эдуард, как и ожидалось, на это поморщился, с деланым раздражением отмахиваясь от гостя.

– Да ну тебя, Илья, сколько можно?

Какое-то время Вебер рассматривал его – худого, в мешковатом костюме и мятом галстуке, парализованного ниже пояса, совсем не отвечающего звучному и могущественному чину министра. Решил, что старую распрю продолжать не станет, хоть и шевельнулись в душе глубинными рыбинами непрошеные воспоминания.

– Как там… в Тайге?

И ведь не хотел этого вопроса задавать, а вырвался, гад такой! Против воли вырвался, памятью подстегнутый. Чувствуя, что краснеет, Илья спешно закопал неловкий вопрос в шелухе лишних слов.

– Ну, я припоминаю… ее вроде в реестр республиканский включать собирались? Перепись проводить… посадника ставить…

Но Терпение заметил, прищурился.

– Не до Тайги сейчас, Илья. – Он выразительно покачал бритой головой, заставив Вебера порозоветь еще сильнее. – Перепись отложили до следующего лета, может, и дольше. Да и реестр подождет. Нормально там все, без перемен. А у нас поважнее дела появились, ты уж поверь…

– Да верю! – Илья был рад, что министр хочет увести разговор с неприятной темы. Потому следующий вопрос задавал с неподдельным любопытством: – Кстати, подслушал тут случайно… а на какие же такие шиши танки закупаем? Или скупаем у арабов то, что сто лет назад сами же и продавали?

– Нет-нет, что ты! – Эдуард натянуто улыбнулся, отмахиваясь пальцами.

Смущение, посетившее министра, когда гость вдруг вспомнил о полукриминальном поселении нефтеразведчиков, уступило место легкой деловой прохладе.

– Совсем новые машины идут, еще вчера с заводов «Наукома». Качество – высшее. А шиши, если тебе интересно, китайские. Если бы ты только знал, сколько поднебесники платят Республике в рамках договора «Звездный Путь»…

Он задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Взглянул на Илью искоса, будто раздумывая, не предложить ли чаю. И вдруг продолжил без вступлений, хоть и отводя глаза:

– Кстати, по этому поводу, можно считать, я тебя в гости и позвал. В курсе, что за проект?

Ну, вот и к сути подобрались… Глупое сердце Вебера екнуло еще раз, но он приказал волнению сгореть, вместо азарта вдруг ощутив раздражение на самого себя. Кивнул, хоть вышло и не очень убедительно. Чтобы хоть чем-то себя занять, отключил и вынул «балалайку», демонстрируя ее Эдуарду.

– Здесь это необязательно, – вежливо покивал в знак благодарности тот. – Итак?

– Слышал, конечно, – пробурчал Илья, возвращая гаджет в затылок, но не включая. – Строят узкоглазые дорогу свою, горы ломают. Вроде до Анклава Москва хотят дотянуть, если верно все. Мы им что-то вроде коридора обеспечиваем. За деньги, разумеется. На которые потом танки и ракеты покупаем…

Чтобы скрыть эмоции, он встал, настраивая кофейный аппарат. Протянул пустую чашку в сторону министра, но тот помотал головой, отказываясь. Тогда Илья налил только себе, не стесняясь в крепости искусственного кофе.

– Почти все верно, но не совсем, – подал голос Терпение, когда гость перестал бренчать фарфоровой ложечкой. – Дорогу тянут не до Анклава, а до Станции. Насколько известно, по договоренности с «Наукомом», планируют начать оттуда колонизацию новых земель. Главное детище проекта – терраформирующая самоходная станция. Эдакая гигантская гусеничка, из подбрюшья которой тянется сверкающая ниточка новенькой железной дорожки.

– Здорово, – с легким сарказмом промычал Илья, все еще коря себя за излишнее волнение. Глотнул кофе, чуть не сморщившись от горечи. – Позвал меня, чтобы прочитать лекцию о промышленной мощи китайцев? Если вспомнишь, у меня с ними в последнее время отношения как-то не складывались…

– Терпение, друг мой, только терпение, – улыбнулся Эдуард, задвигая «раллер» в специальный паз за подлокотником и отключая клубок психоприводов.

Улыбка у машиниста, как успел отметить Илья, была какая-то вымученная, неестественная.

– А что ты слышал, Леший, про людей, называющих себя «Защитниками Геи»? В Сети они также именуют себя организацией «Мидгард». Это такие фанатики, убежденные, что человек не имеет права покидать Землю, чтобы не убить ее…

Он вдруг закашлялся, жестко и сухо, неожиданно напугав Вебера. Приступ длился недолго, но за это время на высоком лбу Эдуарда вздулись вены, а глаза налились кровью. Вынув из нагрудного кармана крохотный ингалятор, министр информационной безопасности глубоко вдохнул лекарство, после чего плечи машиниста безвольно опустились.

– Прости, никак бронхит не уймется, – неумело, но горячо соврал он, пряча ингалятор. – Так вот… На самом деле последователи Геи – обыкновенные террористы. Да, идеология их оригинальна и взросла на непростой почве, за появление которой мы должны быть благодарны каперам «Наукома». Но стратегия «Мидгарда» – стратегия террористов, и не стоит обольщаться громкими лозунгами. Мои аналитики пока не могут определить, кто стоит за этой новой силой, но обороты она набирает…

Вебер слушал внимательно, все еще не улавливая сути. Не для того Терпение притащил его на переговоры, чтобы рассказать про чудеса китайцев и посетовать на безумцев, помешанных на греческой мифологии. Однако связи он пока не видел, а потому молчал, прихлебывая горячий напиток.

– Ты же знаешь, как я отношусь к сектантам, – осторожно вставил Илья, поглядывая на министра поверх белоснежной чашки. – Почти как к геополитике.

– Да знаю… – Пальцы инвалида опять отбили дробь по подлокотнику. – И моя просьба о встрече – вовсе не желание рассказать тебе о «Мидгарде». У меня есть задание, Илья, но нет человека, способного выполнить порученное…

Наступила тишина, в которой, как Веберу казалось, стали слышны, оглушительные удары его неугомонного сердца. Он облизнул пересохшие губы, смягчить которые не помогал даже кофейный напиток. Над дверью мерно отмеряли время старинные

часы в деревянной оправе.

– Знаешь, Терпение… – негромко ответил он, чувствуя на лице внимательный взгляд высокопоставленного машиниста. – После крайней совместной операции у меня нет особенного желания снова работать на… на вашу структуру.

Он сразу вспомнил, как вернулся из Тайги.

Воспоминания были смешанными, наполовину радостными, наполовину тяжкими. Особенно хорошо мышцы помнили вес черного футляра с привязанной к нему гранатой, а остальное представлялось едва ли не декорациями.

Взрывать все же не пришлось. Терпение не только сдержал слово, что было вообще нехарактерно для этого проклятого мира, ухитрившегося выжить. Но и представил наемника самому Президенту Гилярову. Без фамилий, чинов или наград, но это было немалой честью, и Илья сумел взглянуть в глаза человеку, поднявшему Сибирь из руин. Сильному человеку, никогда не опускавшему рук, способному идти до конца.

Тот долго тряс кисть Вебера, велеречиво благодаря за спасение детей и успешное, насколько это оказалось возможным, решение весеннего инцидента на «Куэн Као». Однако желания и дальше работать на Эдуарда-Колокольчика у Ильи так и не появилось – уж очень это неприятно, когда тобой играют втемную…

Вероятно, Терпение ждал подобного ответа.

Кивнул, задумчиво потирая гладко выбритый подбородок.

– Видишь ли, Илья… Поручение, о котором я говорю, не имеет прямого отношения к Ростиславу Михайловичу Гилярову. И к Правительству оно отношения не имеет. А вот к судьбе Сибири, возможно. Моя просьба, Леший, весьма *личного* характера, но если ты откажешь, последствия могут оказаться…

Он замолчал точно в нужном месте, подогревая драматизм ситуации, но Вебер лишь скривил губу. Умом понимал – откажись, Ильюша, похвали выпитый кофе и «экскурсию» по Министерству, и уходи. Немедленно.

Но сердце продолжало нашептывать, и сил не оставалось даже встать из кресла. Сердце уговаривало хотя бы выслушать бывшую «напарницу» ломщика. Ведь позволив Терпению высказаться, он ничем не будет ему обязан…

– О чем ты говоришь? – наконец спросил Илья, проклиная себя за малодушие.

Пожалуй, сегодня он снова пойдет в «Три пескаря». Выпьет, постаравшись утопить в вине то, что инвалид вообще вспомнил о существовании наемника…

– В секту «Защитников Геи» угодил мой младший брат, – тихо

ответил Эдуард, глядя куда-то в противоположную стену с незамысловатой картинкой. – Талантливый машинист, еще более талантливый ломщик. Пожалуй, у него есть все шансы превзойти меня… Были шансы, пока не *тряхнуло*.

Он задумался, разглядывая осенний пейзаж, перенесенный на грубый синтетический холст.

– Тогда он стал сам не свой. Какое-то время я даже думал, что брат превратился в минуса… Ах, сколько раз я пытался прочистить ему мозги, но… так и не сумел вернуть. Брат ушел. Может, не совсем как «тритоны» Сорок Два или сумасшедшие, предрекающие Конец Света. Но близко к ним. Очень близко.

Продолжая глядеть куда-то мимо Вебера, Терпение погладил рифленые колеса своей коляски. Нежно, почти с любовью, на мгновение сжав резину так, что пальцы побелели.

– Кажется, брат на самом деле верит в идеологию «Мидгарда». Верит в то, за что борется…

– Ты же сам сказал, что «Защитники» – террористы, – осторожно прокомментировал Илья. – Арестуй его. Изолируй, чтобы уберечь от пагубного влияния. Посади в клинику для минусов. Не можешь сам, прикажи Бугаеву.

При упоминании правой руки Гилярова, помогавшей Президенту любыми средствами и способами строить новое государство, Эдуард вздрогнул. Посмотрел на Вебера с обидой, будто тот посоветовал заживо сжечь его непутевого брата.

– Все не так просто, Илья. Во-первых, он брат министра, шумиха мне ни к чему. Во-вторых… – Он неопределенно покрутил в воздухе пальцами. – Его действия никогда не угрожали безопасности Республики. Во всяком случае, до этого дня… В целом вопрос представляется мне настолько деликатным, что его решение я могу дозволить только одному человеку. Знающему мои секреты. И хорошо знакомому мне.

Неразумный пульс все никак не хотел униматься. Проклятый кофе, неужели причиной столь резкого скачка давления стал именно он?

Илья поерзал на кресле, пытаясь вернуть контроль над дыханием. Призрак прошлой жизни, когда человек по имени Леший выполнял задания анонимного Колокольчика в надежде на безбедную пенсию, снова затмил разум серой тенью…

– То есть ты хочешь, чтобы дурь из твоего братца выбил не кто-то из казаков Бугаева, а именно я? – надеясь, что голос его звучит совершенно спокойно, спросил Вебер.

– Почти, – едва слышно ответил Эдуард, но тут же прочистил горло. – Я хочу, чтобы ты вернул его в Новосибирск, Леший. Мне стало известно, что мой младший брат проник на

терраформирующую станцию поднебесников, с помощью которой они строят свой «Звездный Путь». Также у меня есть основания полагать, что на этот раз «Мидгард» затевает что-то серьезное. Затевает, полагаясь на его юношеский максимализм и слепую веру, используя моего брата втемную…

Теперь пришла очередь Вебера сдерживать дрожь. Неужели воспоминаниями о путешествии на «Куэн Као» он настолько выдал себя, что Терпение ударил в обнаженную болевую точку? Он, еще четыре месяца назад ведомый по северным лесам в полумраке незнания, теперь должен спасать такого же бедолагу?..

Но инстинкт тут же подсказал – интриги нет, хоть прочитать машиниста оказалось и непросто. Взгляд министра стал отрешенным, пальцы шевелились, словно давили на кнопки невидимого «раллера».

– Я хочу, чтобы ты отправился к границам Республики, на китайский прокладочный комплекс, обнаружил и вернул моего брата в столицу. – Терпение поднял левую руку, с легким скрипом проведя кончиками пальцев по лысой голове. – Больше мне просить некого. А если я кое-что понимаю в этой жизни, будет лучше поторопиться. Могу лишь фантазировать, зачем «Мидгард» отправил его туда, но эти фантазии мне совсем не по нраву…

Вебер обнаружил, что уже несколько минут держит в руках пустую чашку. Осторожно, как если бы та была изготовлена не из фарфора, а из пепла, поставил ее на край журнального столика. Откинулся на спинку кресла, ощутив, как затекла спина. Разговор, начинавшийся так непринужденно, теперь давил на Илью стотонной плитой.

– Ты на самом деле считаешь, – тщательно подбирая слова, спросил он, исподлобья рассматривая собеседника, – что после путешествия за Тайгу я соглашусь снова работать на тебя?

– Я очень надеюсь на это, Леший, – ответил ему Эдуард, и на этот раз в его голосе не слышалось ни капли сомнений. – Конечно, решать тебе. Но поверь, я многое увидел за прошедшее лето. Увидел твои попойки, драки, кабаки и бесцельную трату денег, за которые другой готов удавить. Увидел, как заслуженное богатство и стены новенькой квартиры не принесли тебе счастья. И если я правильно понимаю твою натуру, Илья, ты обязательно…

Он снова закашлялся, на этот раз оборвав фразу без какой-либо театральности. Потянулся за ингалятором, но стерпел, жадно хватая воздух ртом. Отнял руку от пиджачного кармана, утер выступившие слезы. Кивнул, будто извиняясь перед гостем.

– Конечно, ты должен понимать, что мое предложение не

бесплатно, – продолжил он, выудив платок и промокнув покрасневшие уголки глаз. – Однако в этом случае речь идет о моей личной благодарности, не имеющей никакого отношения к казне Республики. А еще…

Он взглянул Илье в глаза, и тот вдруг сумел рассмотреть неотвратимую хворь, разъедающую министра изнутри.

– А еще я стану твоим *должником*. Исполню любую просьбу в любой момент времени. Даже если ты попросишь переправить семью на другую планету – сделаю все возможное. Я стану твоим одноразовым рабом, Леший…

Илья молчал, стараясь не демонстрировать раздиравшие его чувства. Смотрел на пустую кофейную чашку, переваривая услышанное, и старался расшифровать послание, на языке Морзе отбиваемое его сердцем.

В том, что за ним следили после возвращения из Тайги, сомнений не было сразу – подтверждение опасений даже не вызвало отрицательных эмоций. А вот то, что Терпение говорил о его характере и сути, неожиданно нашло отклик, покрасив мочки ушей в багрянец.

Вспомнился Алишер, провожающий его из «Пескарей». Вспомнились тягучие вечера бесцельных прогулок по городу, когда он искал. Искал что-то, чего не знал и сам, уподобившись герою старинных сказок.

Преодолевая смущение, Илья попытался думать о семье. Вспомнить лица жены и дочки, убедить себя, что они никогда не простят ему…

И от того с ужасом разобрал собственный голос, отвечающий Эдуарду Гринивецкому:

– Я подумаю, Терпение. Ничего не обещаю, но с файлами ознакомлюсь – скинь условия контракта и все данные на «балалайку». Ответ дам через двадцать четыре часа.

Прекрасный день обязан завершиться благочестивым поступком
14 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Кухня одинакова во все века – как при феодалах древности, так и при изобретении умнейших машин, способных готовить кушанья почти без присутствия человека. На ней всегда царит оживление самого необычного и азартного рода. На ней всегда вкусно пахнет. И на ней всегда нет места чужаку.

Попав в производственный цех «Гнутого моста», Чи Вай Гао оставался чужим несколько бесконечных дней. Сейчас, волоча сорокалитровую канистру к тестомешалке, он с гордостью размышлял о том, как сумел переломить предубеждение хозяина и его постоянных работников. Как доказал, что настроен задержаться в бригаде, выполняя любую работу и не жалуясь даже на побои…

Он рывком приподнял тяжеленную емкость на край мешалки, принялся высыпать внутрь густой серый порошок. Перемолотые копыта и коровьи рога добавились к нескольким слоям крахмала, синтетического белка и сублимированной яичной муки.

Опустошив жбан с «мясным» наполнителем, Чи Вай проверил программу кухонного компьютера, закрыл люк мешалки, дал программе старт. В емкость хлынула соленая вода, миксер принялся за работу. Пока тесто замешивалось, Гао прижался гудящей спиной к стенке производственного отсека. Закурил сигарету.

Несмотря на изматывающую грязную работу, которой хозяин «Моста» бесстыдно нагружал новенького сверх меры, паренек чувствовал себя счастливым. Ему ведь, если задуматься, на самом деле повезло. Причем так, что большинство сородичей могло только мечтать.

Молодого человека совершенно не интересовало, что произошло с его предшественником и на каком основании в заводской забегаловке вообще освободилась квота на младшего поваренка. Главное – лично он тут работает уже шестой день и имеет все шансы наладить не только свою жизнь, но и жизнь семьи.

В размышлениях время текло быстрее, Гао закурил снова.

Когда гудящий тестомес завершил первый этап работы, начав подачу готовой смеси в отсек для раскатки и нарезки, Чи Вай переместился ко второй панели управления. Стараясь не сыпать пепел на приборы, приник к толстому стеклу люка, наблюдая за процессом. Места было мало: тесные коридоры и потолки давили со всех сторон, угнетая пропорциями, как на корабле.

Великом корабле для странствий через просторы России… Таким он и казался большинству – Эпохальный «Император», которого в школах с недавних пор заставляют воспевать с самых младших классов.

Но для Чи Вая гигантский комбайн не имел иного образа, кроме места высокооплачиваемой, хоть и рискованной, работы. Он был ничем не лучше австралийских вахт по добыче ресурсов или промерзших нефтяных вышек северных морей. О сакральном, в чем-то мистическом предназначении передвижного комплекса, ползущего навстречу иным мирам, Гао предпочитал не задумываться. Да и есть ли они, эти миры?

Нарезанная и сформированная «волнами» лапша поползла в паровой тоннель с нереальными температурами. Молодой человек затушил сигарету. Проверил режимы, убедился, что процесс изготовления продукта идет без сбоев. Через еще одно крохотное оконце он наблюдал, как будущая пища рабочих нарезается по размеру и обрабатывается паром.

Как и большинство сородичей, Чи Вай был атеистом, не очень-то доверяя Традициям предков. От существования их, равно как и от существования новых планет, пригодных для жизни, обычному человеку не холодно, не горячо. Ну, допустим, существуют они, и что дальше? Каковы шансы, что Гао увидит траву другого мира хоть краем глаза, несмотря на все пропагандистские передачи и листовки? Мизер! Так чем тогда открытые «Наукомом» планеты отличаются от незримых божеств, о которых ему в детстве рассказывала бабушка?

Наблюдая, как часть партии лапши уходит на жарку и сушку, а часть подается в контейнер для скорой готовки в пределах «Моста», юноша размышлял над тем, что вера в богов и демонов – привилегия богачей. Они – верхолазы, по сути, и есть демоны и повелители этого мира. Так было во времена феодалов, не изменилось ничего и с изобретением современных кухонных компьютеров…

Брикеты обжаренной в искусственном масле лапши посыпались в охладительный отсек. Там автомат принялся паковать их в полиэтилен, добавляя пакетики с синтетическим мясом и соусом, призванным украсить блюдо яркими запахами. Те работяги, что не захотят отведать свежего вареного продукта,

раскупят эти пачки еще до вечера, самостоятельно запарив ужин в тесных каморках, которые кто-то додумался назвать общими каютами…

Выключая конвейер, Гао взглянул на часы. Короткий обед, разрешенный хозяином, начался несколько минут назад. И если парень не хотел остаться голодным, ему стоило быстрее шагать в главный зал столовой и получать положенную миску еды.

Нетерпеливо наблюдая, как блоки конвейера остывают, он машинально почесал правое предплечье.

Вот он – символ настоящих, а не из лживой книги, божеств. «Невынимайка», установленная ему в руку перед отбытием на передвижную станцию, все еще чесалась, принятая телом без особенной радости. Вот он – символ неподдельной божественной власти, клеймо современного мира, где пастухи помечают своих овец, чтобы не перепутать с чужим стадом.

Парень раскатал рукав робы обратно. Не хватало еще занести в рубцующуюся ранку какую-нибудь заразу…

Ах, как же ему все-таки повезло! А он-то, дуралей, позволяет себе выходки, способные положить везению скорый конец. При этом, вполне возможно – весьма болезненный.

Вместо того чтобы превратиться в ящерицу, терпеливо пережидающую дневной зной под плоским камнем, он напрочь забыл об осторожности, позволив себе быть неоправданно смелым и говорливым. И зачем только он ответил почтенному Квон Пэну, Большому Брату «Алмазной кобры»? Вопрос-то был, по сути, риторическим – ну кто из находящихся в здравом уме не знал, что такое «Союз трех стихий» и что за люди стоят во главе его отделений?

Чи Вай вышел в главный зал «Гнутого моста», усаживаясь за самый дальний и неказистый столик.

Оба зала кабака были полупусты – только через несколько часов, когда на заводе и в ближайших котельных закончатся дневные вахты, по этому переходному мосту с примостившейся на нем кафешкой хлынет народ. Голодный народ. Тогда не останется пустых столиков, прислуга собьется с ног, а от воцарившегося под потолком гомона можно будет свихнуться…

Гао благодарно кивнул мальчишке-официанту, поставившему перед ним обыкновенную дневную пайку – глубокую тарелку лапши с густым ароматным соусом и кусок лепешки. Снова вспомнил о визите к Большому Брату Пэну и жутком логове «Кобры».

Потянуло его за язык брякнуть, чуть не обмочившись от собственной дерзости. А ведь еще как назло успел заметить, что Большой Брат на своих помощников покосился. Два дня

осиновым листком трясся, все ждал, когда «сорокдевятки» придут ноги ломать… Не дождался, к счастью, хотя у бандитов, как правило, крепкая память.

Вынув из высокого общего стакана палочки, Гао начал кушать, стараясь не спешить. В животе урчало, будто там поселились несколько диких котов, подгоняющих все быстрее глотать горячий бульон. Но если съесть все залпом, чувство сытости так и не придет, и он растягивал удовольствие…

С другой стороны, если его недавнюю дерзость не приняли за оскорбление, то, может, не так уж произошедшее и дурно. Может быть, смелого парня заметят, что в будущем облегчит его переговоры с людьми Пэна? И если Большой Брат окажется благосклонен, вспомнив проявленное со стороны Гао уважение, не упростит ли это процесс эмиграции, ради которого он вообще горбатится на этом куске железа?

Ненадолго вынырнув из раздумий, Чи Вай почувствовал на себе чей-то взгляд.

Вздрогнул, снова вспомнив о «сорок девятых», осторожно покосился через плечо.

Нет, сидящий за соседним столиком парень никак не напоминал смелых и развязных «сорок девятых», составляющих армию «Алмазной кобры». Лицо неказистое, осунувшееся и узкое, подбородок острый, а глаза некрасиво широкие. С первого взгляда заметно – грязнокровка, чья мать согрешила с залетным из Европы или России. Одежка чистая и удобная, но определенно бедная: такую носят, не снимая, целыми месяцами. Сальные черные волосы расчесаны небрежно, что придавало ровеснику Чи Вай Гао вид потешный и немного жалкий.

С голодухи смешной полукровка взял себе сразу две большие порции лапши, но по виду едва справлялся с первой. Догадавшись, что его умоляющий взгляд заметили, он оживился, выпрямляя спину и откладывая палочки.

– Помогай, друг… не справляюсь! – Паренек говорил так же странно, как выглядел.

Диалект был пекинский, но он забавно растягивал буквы, а между словами делал паузы, как отстающий в развитии или субнормал.

– Выбрасывать жалко… с собой не взять. Угощайся… прошу тебя.

Гао не пришлось уговаривать дважды. Одним глотком допив остатки бульона, он бросил быстрый взгляд за кухонную стойку, над которой мелькал грозный хозяин, и подсел к незнакомцу. Благодарно сложив ладони и кивнув, придвинул к себе полную тарелку с ароматной лапшой. Если не задумываться о том, из чего

она изготовлена, было очень даже вкусно…

– Денис, – сказал угостивший его парень, кланяясь в ответ. – Денис Йен.

Жевавший так, что трещало за ушами, Чи Вай далеко не сразу понял, что тот имеет в виду. Затем дошло, и его щеки покраснели. Он торопливо проглотил лапшу, даже не успев удивиться необычному имени нового знакомца: одно слово – полукровка.

– Чи Вай Гао, – представился паренек. – Спасибо за угощение. – Он приподнял ополовиненную тарелку в сторону Дениса.

– Можешь мне не оставлять, – улыбнулся тот, – я уже… наелся.

– Спасибо еще раз, Денис. В следующий раз, если захочешь откушать в «Гнутом мосту», – бубнил Чи Вай, стуча палочками по краю миски, – спроси меня, я постараюсь сделать тебе скидку.

– О… работаешь здесь? – Йен доедал свою лапшу без энтузиазма, подолгу ковыряясь в густом остывающем месиве.

– Угу, недавно устроился… – Допивать бульон и одновременно отвечать оказалось не очень удобно и красиво, но Гао было не до соблюдения приличий. – А ты с какого яруса будешь?

– Да… так… – Взгляд Дениса уткнулся в тарелку. – Недавно приехал.

Словно невзначай Чи Вай отодвинулся на лавке, опустив глаза и увидев достаточно – пыльные стоптанные ботинки Йена, вещевой мешок из грубой ткани. А еще облик сидящего напротив парня красноречиво сообщал, что последние пару ночей его кроватью были задворки складов, а периной – линолеум пола. Вот те раз… неужто нелегал, так называемый «таракан», забравшийся на территорию комбайна незаконно?

Таких, по слухам, на борту водилось немало – проникающих внутрь на собственный страх и риск в поисках заработка или бандитской доли. Первых, если верить старожилам, отлавливала комендант. Вторых – Квон Пэн…

– Значит, недавно? – осторожно, чтобы не напугать человека, угостившего его щедрым обедом, поинтересовался кухонный работник. – Ну, дело привычное, нас тоже не сразу по вахтам распределили.

Денис решительно покивал, соглашаясь с услышанным, чем только подтвердил догадки Гао.

– Даже место… в каюте не определили еще, – продолжал неумело оправдываться Йен, делая смешные интервалы. – Вот не знаю, где… переночевать. А может, – его глаза вспыхнули

неожиданной надеждой, – ты мне поможешь?

Чи Вай замер, не донеся миску до губ. Аромат бульона бил в ноздри, распаляя аппетит, но кусок в горло больше не лез. Его, меньше недели на комбайне прожившего, просит о помощи «таракан»! Гао вздохнул, допивая бульон. Отказать человеку, накормившему его, он не мог – что бы о таком поступке сказал отец?

Опять же, кажется, у новенького есть деньги…

В конце концов – живи и другим дай. А все, что у этого полукровки за душой, его и не касается.

– Покажу, где переночевать можно, – негромко проворчал он, прикрывая губы краем тарелки. – Особенно, если монета в кармане завалялась. Слышал, умельцы на продажу гамаки в технических тоннелях вешают или свои койки за плату сдают таким, как… новеньким, в общем. На первое время топчан в подвалах и вовсе за бесценок снять можно.

– О, друг!.. – Потешный полукровка с чужеродным именем расцвел, широко улыбнувшись. – Ты меня спасаешь!

– Да подожди ты, – цыкнул на него Гао, затравленно обернувшись. Если хозяин увидит, как он тут болтает с посетителем, накостыляет по шее, лишив завтрашнего обеда. – Рано пока благодарить-то… Через пять часов приходи, когда смена закончится. Отведу тебя в жилые отсеки, может, и придумаем что-то…

– Конечно, приду! – уже чуть тише восторжествовал Йен, благоразумно понизив голос. Он сдвинул лежащую на столе ладонь, оставив на пластиковой поверхности блестящую монету номиналом в цзяо. – Вот, возьми. Купишь мне пару упаковок свежей лапши… ладно? А сдачу оставь… за хлопоты.

– Ладно… – Рука Чи Вая змеей метнулась вперед, кругляш исчез в пальцах. – Ты только смотри… аккуратнее будь, ладно? Патрулям военным попадаться не вздумай, они бездельников не любят…

Пряча деньги за пояс, Гао загордился тем, как сумел завуалировать предупреждение. Благовоспитанно не дал понять, что раскусил тайну Дениса, и от опасности одновременно уберег. День, определенно, складывался очень удачно!

Собрав вещи, Йен встал из-за стола, и только теперь Чи Вай оценил, как тот высок. Непросто будет такому «таракану» прятаться в толпе, вот что сказал бы отец… Но это уже не проблемы поваренка. Кивнув новообретенному приятелю, Денис вышел из «Гнутого моста», стараясь ни с кем не встречаться взглядом.

А Гао, сидящий перед опустевшими тарелками, только сейчас

осознал, что впервые с его прибытия на комбайн ему встретился тот, кто не наорал и не ударил. Кто-то по-настоящему добрый, хоть и смешной.

В густой траве и уж – гадюка
13 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Конура оказалась тесной, вонючей, но зато изолированной от низкого коммуникационного тоннеля самодельной дверью из тонкой фанеры.

Бросив мешок на узкий топчан, явно не рассчитанный под его рост, Листопад брезгливо покосился на единственную лампочку на шнуре без изоляции. Если он хочет стать своим среди местных «тараканов», ему придется оперативно учиться прятать презрение. Придется научиться жить здесь, снося тягости и нестерпимую вонь. Придется научиться не вызывать подозрений у тех, кто за подобную каморку готов зарезать.

Сначала ломщик полагал, что новый приятель приведет его в общую каюту, где вдоль стен установлены панцирные койки, а под потолком раскачиваются многочисленные гамаки. Еще дома он внимательно изучил все, что было известно о быте рабочих ПТК, узнав, что сдача своего «официального» спального места внаем – явление распространенное.

Однако вместо этого, получив еще пару монет, поваренок повел его вглубь, на целых две палубы ниже спальных отделений. Тут, среди канализационных труб и систем отопления, ютились «тараканы», а также те, кто по различным причинам искал уединения.

Старый ворчливый хозяин каморки, диалект которого не смогла бы определить даже мощнейшая «наукомовская» «балалайка» Степана, торговался долго и со знанием дела. Но помощник повара тоже был в доле, а потому выступил настоящим риелтором, не уступив старику ни одного лишнего фэня.

Так Листопад обзавелся собственной конурой – тесной, сырой, но личной, укрытой от посторонних глаз. Если верить Чи Ваю, в стоимость «аренды» входила даже мзда военным, потому налетов с проверками можно было не опасаться.

Опускаясь на топчан, Степан осторожно вздохнул.

Он был горд своими первыми приобретениями. Первым являлась каморка, где он мог наконец по-человечески выспаться, собраться с мыслями и подготовиться к новому этапу операции. Приобретением вторым – его сверстник Гао, чье доверие ломщик завоевал самым простым и действенным способом – накормив и поддержав юанем.

Но еще больше черенок гордился тем, что сумел провернуть все за считаные дни – не успел даже пройти азарт от проникновения внутрь комплекса. Только сейчас, ерзая на жестком матрасе и планируя, как будет моститься на этом неудобном лежаке, Листопад смог перевести дух…

Пробраться в комбайн оказалось не так уж и сложно. Но ответственность перед Порфирионом и страх разоблачения висели над парнем настоящим мечом Дамокла, отчего мысли предательски скакали, выбивая из роли невозмутимого молодого чиновника.

После шоу в Абаканском отделении БАРСа его на самом деле отправили на юг. Быстро. Без заминок, промедлений или каких-либо дополнительных проверок. Подлинные документы помощника республиканского министра по информационной безопасности на сибирском пограничье – это как индульгенция Папы Джезе в любой из стран Католического Вуду.

Лишь раз путешествие пришлось прервать, когда вертолет приземлился на пограничной заставе для смены разряженной батареи Ллейтона, но стоянка не заняла и четверти часа.

Вторую остановку сделали уже на внешнем кольце проекта «Илья Муромец», как тот значился в документах министерства безопасности Сибири. Сойдя на землю и чуть не потеряв сознание от чистого, бьющего в голову горного воздуха, Листопад немедленно потребовал транспорт и пару бойцов в сопровождение. По договоренности с китайцами, с севера защиту кольца обеспечивали именно сибиряки, а радиус зоны оцепления составлял не один километр – пешком не разгуляешься.

Военные выделили вездеход: юркий, но шумный и вонючий, работающий черт знает на чем. «Барсы», сопровождавшие министра, оказались молчаливы и нелюбопытны, всю дорогу угрюмо посматривая по сторонам в круговые перископы.

По дороге наткнулись на покинутый пост Казачьего войска – с ходом строительства «Звездного Пути» сибиряки бросали укрепрайоны, за отдельную плату сдавая их поднебесникам, и переносили свой сегмент кольца все дальше на северо-запад. На блокпосту уже возились китайцы – возможно, блиндажи еще послужат охране комбайна по мере неспешного продвижения железной туши.

Узкоглазый офицер документы осматривал бегло, но информацию явно копировал в оперативный центр на борту «Муромца». Именно поэтому, когда вездеход пробрался через буйную речушку, выкатив под стены гиганта, их уже встречали.

Скорость прокладочного комплекса не превышала одного километра в час, что позволяло высаживать солдат или технику

со специальных пандусов прямо на ходу. Поэтому, едва вездеход приблизился, ему навстречу выпорхнули два крохотных мобиля, больше напоминающие гольф-кары. В тот же момент с бортов «Муромца» на транспорт «барсов» свелась дюжина массивных «ревунов», управляемых изнутри.

Отделением отряженных для встречи солдат командовал коренастый офицер в чине старшего лейтенанта НОАК. За плечами военных, возбужденные и недоумевающие, под летним солнцем мокли в своих костюмах трое чиновников консульского отдела.

Именно они первыми, наплевав на субординацию, бросились к Листопаду, наперебой извиняясь, что оказались совершенно не готовы к визиту помощника министра. Ну и вообще к встрече родственника такого известного и уважаемого человека, как Эдуард Анатольевич.

Лейтенант, помрачнев, восстановил дисциплину хорошо отработанным рыком, от которого солдаты сразу взяли «на караул», а земляки-чиновники примолкли.

Последовала еще одна проверка электронных документов, личности и прав доступа.

Неторопливо убедившись, что все в порядке, старший лейтенант козырнул помощнику министра. С глуповатой улыбкой, без помощи «балалайки» – с ужасным акцентом, но очень гордый собой, выдавил:

– Риады пириветьствовать вась на бориту «Имипириатора Сихуанди», господинь помосьник министира!

Листопад, надеясь, что потливость ладони спишут на жару, горячо пожал военному руку, только после этого поздоровавшись со встречавшими его работниками посольства.

И сразу, не давая спохватиться, принялся торопливо объяснять, чем вызвана столь экстренная и неподготовленная инспекция. Ссылаясь на жесткую нехватку времени, первым направился к величественной машине, чья тень легко могла накрыть целый городской микрорайон…

Лишь сейчас, в тесной келье, давая отдых натруженным мышцам, Листопад задумался, что почти не обратил внимания на подавляющее величие машины, которую прибыл уничтожить…

После того как поднялись на борт «Ильи Муромца», стало чуть сложнее.

Секретарь и двое чиновников никак не хотели оставлять его в покое, буквально повиснув на плечах. И только когда молодой помощник министра разозлился, потребовав покоя и одиночества, ему выделили комнату, оставив одного.

А дальше… а дальше, если бы Порфирион не выполнил свою

часть операции, юношу ждал бы провал – беспощадное разоблачение с военным трибуналом в финале. Потому что китаец, разодетый в деловой костюм бюрократа, обязательно привлек бы внимание солдат, даже несмотря на всю остальную маскировку.

Отделавшись от назойливых сопровождающих, Листопад выждал ровно полчаса. Выскользнул из гостиничных номеров, где селили визитеров, и спустился вниз по разведанной ранее лестнице. К почтовому отделению шел со смесью страха и надежды.

На русского с верхних палуб тут косились с угрозой и недоверием, что лишь усугубляло дурное предчувствие. Но до конца убедить себя, что Порфирион ошибся или система дала сбой, означало подтолкнуть разум к истерике, и потому Степан *верил* до последнего. К счастью, не разочаровавшись в своей вере.

Посылка с рабочей одеждой и обувью, пришедшая на обладателя простенького электронного ключа, оказалась на месте и была выдана предъявителю кода без лишних вопросов. Остальное стало делом техники – крысой забиться в лабиринты труб и технических коридоров, где нет соглядатаев и камер наблюдения, и снова сменить личину.

Если во влажный и шумный отсек охладителей украдкой входил молодой человек со статью будущего верхолаза, то обратно выполз Денис Йен, обыкновенный работяга родом из дальневосточных провинций Поднебесной. Бедняк, китайскую кровь семьи которого когда-то с удовольствием разбавил кто-то из европеоидов.

Грим, качественный и долговечный, безупречно справился с заданием, за которое пластикам обычно отстегивали огромные деньги. И пусть мимикрия едва ли продержится три недели, этого времени Листопаду вполне должно хватить…

Нащупав под майкой оберег на цепочке, Степан Гринивецкий поднес образок святого покровителя к губам, осторожно поцеловав и возблагодарив за благополучный исход очередной фазы. Расстегнул мешок, достал зеркало, придирчиво осмотрел лицо.

Инъекции сделали свое дело, как и присосавшийся к бритой голове парик или вставная челюсть. И пусть видок от этого парень приобрел весьма клоунский и бродяжий, он же маскировал и неспешную манеру речи, которой ломщик стал обязан старенькой «балалайке».

Листопад взволнованно вздохнул.

Он, не имеющий никакого опыта оперативной работы, сумел без особого труда обмануть представителей сразу двух армий,

проникнуть на борт нового Чуда Света, ни на градус не отклониться от намеченного курса. Но теперь – прежде чем ломщик отправится лично изучать «Илью Муромца» и рассчитывать точки нанесения удара, – стоит затаиться.

Его, безусловно, хватились уже следующим утром.

Наверняка шумно, со скандалом. Видано ли – сразу после прибытия из гостиницы пропадает брат министра Сибирской Республики? Ох, и переполошились в консульстве, на уши встали, из военных принялись душу вытрясать. Листопад даже поморщился.

Оставалось надеяться лишь на одно – когда Эдуард получит всю информацию о его проникновении на китайского «Илью», он постарается замять конфликт, всеми правдами и неправдами убедив поднебесников, что никто их за исчезновение молодого чиновника не винит. Что Терпение станет делать дальше – вопрос другой, и над ним еще предстоит поразмыслить.

Но это позже…

Степан заправил кушетку тонким синтетическим одеялом, впихнул бесценный футляр в крохотную тумбу. Нужно надежно спрятать, но тоже не сейчас…

Улегся, поджимая ноги – как и предполагалось, те упирались в дверь.

Глядя на лампочку, тусклую настолько, что позволяла на себя смотреть, не ослепляя, Листопад размышлял над дальнейшими действиями. Левая рука молодого человека, лежащая на груди, задумчиво теребила серебряный образок с человечком, сжимающим над головой огромную цифру 0.

Когда тянешь крупную рыбину, важно не оборвать леску
7 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Рамон Бадоса был счастлив, искренне и самозабвенно.

За тридцать пять лет своей биографии он всегда соглашался с высказыванием, что удача заключается в постоянной готовности использовать выпадающий шанс. Но никогда, никогда в жизни до этого момента не мог даже представить, что сумеет такой шанс не просто встретить – уловить! Конечно, уцелеть после *гибели мира* – само по себе немалая удача. Но то, что случилось в Сибири пару дней назад…

Длинный колесный вездеход шатко переваливался на камнях, заставляя набивших его нутро людей охать и смеяться, но Рамону было не до общего восторга. Он даже почти не смотрел в крохотное бронированное оконце, за которым раскинулись величественные виды гор, переживших Катаклизм.

Рамон все еще упивался удачей, которая сопутствует совсем не большинству…

Мог ли он, профессиональный, хоть и не гениальный оператор сетевого телевидения, предположить, что неожиданное несчастье обернется столь же неожиданным триумфом? Нет, конечно, не мог. И даже два дня перелетов, прошедшие с момента судьбоносных переговоров в Новосибирске, не сумели убедить Бадосу в реальности происходящего, какими бы яркими красками при этом ни были наполнены.

Он так задумался, что не заметил, как взлохматил свои иссиня-черные волосы, уложенные гелем, растрепав всю прическу. Так же рассеянно вынул из подлокотника стакан с лимонадом, глотнул.

Как там русские говорят по этому поводу? Не было бы счастья, да несчастье помогло – кажется, что-то вроде этого… И когда один человек попадает в больницу, другой тут же получает путевку в будущее.

Тот вечер, когда Рамон выиграл «путевку», он помнил хорошо, словно все случилось пару часов, а не дней назад.

Мажорная забегаловка в Новосибирск-Сити, исполненная в этно-ретро-стилистике. Именно там коллеги порекомендовали ему пропустить стаканчик-другой перед тем, как группа вылетит в Индию. Шумная и прокуренная марихуаной, полная туристов и

местной творческой богемы рюмочная с претензиями на эксклюзивность…

И ведь в тот вечер Бадоса считал, что заказ на полулегальные съемки документального фильма о самом жестоком и кровавом чемпионате по гладиаторским боям – само по себе удача. Ах, как переменчива судьба, как мало видит человек перед лицом ее непостоянной натуры!

Он потягивал пиво за стойкой, никуда не спеша. Завтра, только завтра в обед они встречаются с остальными членами интернациональной съемочной группы, чтобы вылететь на границу с пакистанскими провинциями Индии. Туда, где построена чудовищная в своей нелепости «Арена Каларати», место жертвоприношения Черной Земной Матери – Шакти Шивы, кровожадной Кали.

Именно там, упиваясь звериным восторгом и наркотическими смесями, люди наблюдают за страданиями других. Именно там крутятся сумасшедшие деньги, а сильные способны собственными руками заработать на кусок хлеба. Мекка для гладиаторов, Клондайк для их менеджеров. Можно ли найти в обновленном мире место, где законы забыты настолько глубоко? Рамон не знал…

Круглосуточно следя за чемпионатом по схваткам на боевых колесницах, они отснимут, смонтируют и продадут крупнейшим развлекательным каналам мира ведра крови, ожерелья оторванных конских копыт, выпотрошенные косами желудки и отрубленные мускулистые ноги возниц. И уже через неделю разбегутся, будто наемники после свержения африканского диктатора…

Рамон помнил, как был умиротворен и спокоен в тот вечер, оценивая собственные профессиональные достижения.

Работа на государственном бразильском телевидении, конечно, давала неплохой доход. Но когда выпадал шанс сорвать небольшой банк, он без раздумий платил докторам за подделку больничного листа или вообще брал отпуск за свой счет. После чего сломя голову мчался хоть на край Земли. Эти денежки – в личный пенсионный фонд, о котором налоговикам лучше не знать. Это – на старость или, не дай бог, на случай очередного Катаклизма…

А затем ему позвонили.

Пронырливый датский курд Сардар Андерсон, ведущий тележурналист и режиссер их временного летучего отряда…

– Как это заказ отменен?! – Рамону было стыдно, что он кричал в микрофон коммуникатора так, будто выпил не пинту пива, а полбутылки бурбона. Но остановиться бразилец уже не

мог. – Ты притащил своего лучшего видеооператора через два континента только для того, чтобы тот мог за свой счет напиться в вонючем сибирском баре и услышать от тебя, что мы отказались от проекта?!

Да, на него косились.

Некоторые даже хмуро – заметь Бадоса в тот момент, как сдвигали брови местные завсегдатаи или официанты, сбавил бы обороты. Но он не заметил, продолжая бушевать.

– Да пошел ты в задницу, Андерсон! Я заставлю тебя возместить мне все транспортные издержки! Ты хоть представляешь себе, что я уже в этой гребаной Сибири?.. Да, черт побери, я хорошо тебя слышу!

Кажется, еще он размахивал руками, в одной из которых был зажат пивной бокал. Сидевшие рядом за стойкой отодвигались, недовольно ворча.

– Ах так?! Да плевать я хотел на тебя и твои заказы! Раз ты позволяешь себе так запросто *кидать* своих лучших специалистов, то и тебе как руководителю цена – рваный евродин!

Конечно, Сардар Андерсон пошел на попятную – терять специалиста, готового по щелчку пальцев прилететь в Антарктиду, не стоило. Что-то лепетал, извинялся и божился, что готов компенсировать треть транспортных затрат. На следующую командировку, когда курд получит новый заказ.

Как закончили неприятный разговор, опустошенный Рамон не помнил.

Зато помнил, как выключил коммуникатор и пересел к окну, заказав литровую бутылку русской водки.

Удача подошла к его столику, когда Бадоса допивал пятый «шот».

– Простите, что невольно подслушал… Мне показалось или вы на самом деле видеооператор? – спросила удача прокуренным голосом, и Рамон не сразу сумел сконцентрировать взгляд, чтобы рассмотреть ее лицо.

Эту братию он знал, как самого себя. Точнее сказать, он сам ее частью и являлся – перед столом стоял подвыпивший мужчина, при одном взгляде на которого можно было сразу определить профессию. Рамон определил. И угадал. А рассказанное ему минутой позже ударило в голову сильнее горькой водки.

Режиссера съемочной группы звали Ахмед ибн Бармак ан-Тейшейра, он руководил экспедиционным отрядом испанского государственного телеканала, и сейчас он тоже пил. Причем много, до мелочей напоминая самого Бадосу – не для того, чтобы порадовать душу, а чтобы утопить печаль.

Ругаясь через слово, он рассказал, что «Аль-Андалус-ТВ» стал

одним из избранных телеканалов, аккредитованных правительством Китайской Народной Республики для съемок на знаменитом объекте «Шихуанди». Вчера их группа по приказу пресс-центра китайского правительства прибыла в Новосибирск, где ожидала окончательной проверки документов и соблюдения прочих формальностей. Вылет в Китай был запланирован на ближайшую полночь…

Глядя на раскрасневшееся от выпивки и не по-сибирски жаркого лета лицо ан-Тейшейры, Рамон долго не мог взять в голову, чего это режиссер так подавлен. Да любой журналист мира, срубивший подобный куш, должен плясать от радости, а этот глотает водку чаще обманутого Бадосы…

Оживленно жестикулируя, Ахмед переместился за столик Рамона. И только когда оба выпили еще по четыре «шота», наконец поведал, что два часа назад их оператор – талантливый парень, надежда всего инфоканала, – выпал из окна гостиницы «Сибирские снега». Нет-нет, жив он остался, тут сеньор Бадоса может не переживать за коллегу, хотя положение тяжелое. Но поездка в Поднебесную, разумеется, оказалась на грани срыва.

Транспорт спецслужб НОАК прибудет в аэропорт Лаврентьева – один из блоков Толмачевского транспортного узла – через три часа. После чего ан-Тейшейре придется сначала объяснять, почему в группе не пять, а четверо сотрудников. А затем еще и самостоятельно вести съемку, чему руководство телеканала будет безумно радо…

Связываться с шефами и выписывать запасного оператора ибн Бармак не хотел наотрез. Не вызывало никаких сомнений, что телекомпания никогда не разорится на «страт», способный доставить дублера в Толмачево еще до прибытия китайских силовиков. Поэтому, когда Ахмед представлял себе разговор с директором и замену цеппелина на дорогостоящий прыжок, ему становилось дурно, и он выпивал еще.

Что, впрочем, не помешало ему кратко и емко обрисовать Рамону, какого черта он вообще решил присесть за его стол со своей ополовиненной бутылкой. Потому что, если сеньор Бадоса обладает всеми необходимыми правами международного допуска, действительно хорош настолько, как только что хвастался по коммуникатору и готов работать – сеньор ан-Тейшейра предоставит ему уникальную возможность собственными глазами увидеть «Императора».

Теперь на испанском и португальском, помогая себе руками, ругались уже оба. Радостно, почти тиская друг друга в объятиях и чуть не опрокинув стулья. Заразившись возбуждением, им вторила пара золотых лангуров под потолком. Клоны давно

вымерших обезьян яростно верещали, расшатывая бамбуковые прутья клетки.

Это, именно это, и ничто другое Рамон называл настоящей удачей – своевременно ухваченным шансом. Конечно, для приличия он даже немного поторговался, чувствуя, как стремительно выветривается из головы хмель. Тут же на встроенном в стол планшете продемонстрировал резюме, избранные моменты портфолио и уровень допуска для международных съемок.

Наблюдая, как стремительно улучшается настроение ан-Тейшейры, Бадоса и думать забыл про несчастного коллегу, выпавшего с шестого этажа и сломавшего себе кучу костей. Не было бы счастья, как говорят русские, вот уж точно…

Электронные документы оформляли тут же, воспользовавшись компьютером бармена. Полномочий Ахмеда вполне хватало, чтобы включить в группу новенького. А для скорейшего решения ситуации из гостиницы был срочно вызван мрачный сухопарый тип, отвечавший за безопасность съемочной группы.

От водки офицер испанского агентства внешней разведки вежливо отказался. Сев за соседний столик, он надолго уткнулся в стену стеклянным взглядом, водя пальцем по столешнице – проверял загруженные в «балалайку» файлы сеньора Бадосы.

Через полчаса угрюмый разведчик дал телевизионщикам повод раскупорить очередную бутылку – он поставил в досье группы личную цифровую подпись. Тем самым подтверждая допуск Рамона Бадосы, официально находящегося в неоплачиваемом отпуске на постоянном месте работы. После этого безопасник незамедлительно отбыл в аэропорт, чтобы получить аккредитацию на нового члена группы и убедить своих коллег-поднебесников, что сеньор Бадоса чист, как редкий авиационный бензин.

Выпили еще три раза.

– Начал идти – одолел полпути! – вспомнил старинную пиринейскую поговорку ан-Тейшейра, хлопнув нового оператора по плечу и с сожалением отставляя в сторону недопитую бутылку.

Затем они проглотили ударную дозу таблеток, выводящих из организма алкоголь, и торопливо разъехались за вещами по своим гостиницам. А за час до полуночи встретились вновь – на этот раз на частной взлетной полосе аэропорта Лаврентьева, где их дожидался транспортный дирижабль поднебесников…

К сожалению, больших денег Ахмед не обещал. Но был и своеобразный бонус – после выхода эксклюзива в испанский эфир, часть отснятого Рамоном материала тот мог использовать

по личному усмотрению. А это, при грамотном ведении переговоров с инфостанциями, могло принести неплохие дивиденды. Снимать комбайн китайцев – это вам не бить крупными планами по однообразно вскрытым трахеям и фонтанирующим артериям!

За окном плыл красивый гористый пейзаж.

Вездеход, подхвативший семь съемочных групп после спуска с дирижабля НОАК, с упорством мула нес их вперед. Неторопливо, но уверенно перебирался через завалы и кюветы, стараясь лишний раз не лезть на дорогу, по которой в обе стороны сновали огромные грузовики и бронетранспортеры.

Стройка, как заметил Рамон, была совсем не локализована, как он представлял себе раньше. Там, где на земле уже остался след всесильного «Императора», вовсю кипела деятельность – укрепляли дамбу железнодорожного полотна, ставили и переносили временные домишки рабочих, тянули колючую проволоку и устанавливали системы слежения.

Как пояснил гид, в котором без труда угадывался офицер китайского Министерства государственной безопасности, когда дорога войдет на территорию Сибири, «Звездный Путь» придется укутать в искусственный тоннель, одинаково эффективно охраняющий от любопытных, самоубийц, диверсантов и шальных пуль. К тому же тоннель является частью договора с Правительством молодой Республики, потребовавшим, чтобы поезда «Пути» шли по их землям максимально изолированно от чужих глаз.

Бадоса мимолетно удивился непостижимому варварству русских. Надо же – пытаются провести через свою страну столь колоссальную дорогу, одновременно спрятав ее от собственных фермеров! Но совсем скоро его удивление сменилось самым настоящим шоком… Транспортный вездеход выполз из-за очередного хребта, и глазам журналистов открылась туша комбайна, темнеющая на склоне впереди. Настоящий гигант, порождение национального разума, не знавшего ни преград, ни границ разумного. Огромный кирпич на гусеницах, носящий помпезное имя: «Император Шихуанди».

Кто-то сразу полез за камерами, но «гид» вежливо попросил пока к съемкам не приступать и вообще оставаться на своих местах, пристегнув ремни.

От спешащих по пятам прислужников комплекс отделяли несколько миль относительно пустой зоны, именуемых Внутренним Кольцом. А внешний периметр, как рассказал «экскурсовод», обороняли передвижные группы пограничников, наводнившие окрестные горы в еще большем радиусе.

На мобильном КПП, взяв вездеход под прицел орудий двух бронемашин, их документы забрали на еще одну, дополнительную проверку, которой руководил мордатый плечистый офицер с незнакомыми Бадосе знаками различия.

«Гид», аргументировавший необходимость очередной процедуры, пояснил, что перед журналистами представитель гарнизонных частей «Императора», одновременно наделенный полномочиями сразу трех родов войск и спецслужб. Впрочем, проверка не была долгой и завершилась без происшествий.

Единственный ожидаемый вопрос вызвала личность новенького оператора – старший лейтенант Ху хотел лично услышать, почему подтвержденная заявка «Аль-Андалус-ТВ» не соответствует фактическому составу группы. Ан-Тейшейра потратил несколько лишних минут на объяснения, что-то показывая офицеру в планшетном компьютере. После чего вполне удовлетворенный Ху покинул вездеход, и они продолжили движение.

Только теперь к ним на «балалайки» поступили первые пресс-релизы, появления которых половина журналистов и не заметила. Оживленно переговариваясь и толкаясь, все прилипли к узким окнам, стараясь как можно лучше рассмотреть приближающуюся громаду.

– Аллах всемогущий, как же такая махина форсирует широкие реки? – восхищенно спросил кто-то из англичан.

– Наши инженеры предусмотрели возможность разделения конструкции на четыре автономных модуля, – скупо ответил ему «гид», оставляя простор для фантазии.

Рамон Бадоса допил лимонад.

Вежливо, но решительно отодвинул нагловатого монтажера из «Канал Плюс» от своего окна, умиротворенно улыбнулся. Он в самых крохотных деталях осознавал, какая неслыханная удача выпадала ему сейчас, и от этого сердце переполняли волнение и азарт. Бадоса обязательно использует свой шанс! Черт побери, да он выдоит свою удачу до самой последней капли, будто тучную корову…

Вездеход остановился в тени более чем двухсотфутового комбайна, и «гид» пригласил на выход.

Тогда Рамон вынул из нагрудного кармана половинку грифельного карандаша. С аппетитом, словно добрую сигару, втянул его божественный запах, еще раз улыбнулся и полез на багажную полку за вещами.

Искреннее гостеприимство часто становится основой взаимовыгодного сотрудничества 6 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Он, конечно, изрядно наслушался, насколько комбайн велик, да и файлы зачитать успел до дыр.

Но когда увидел собственными глазами, даже разучился дышать. Высунулся в открытое окно вездехода, щурясь от бьющего в лицо ветра, и задрал голову, рассматривая громадину ПТК.

Данные, залитые на его «балалайку», оказались вполне достоверными, но вблизи, почти у стоп титана, они казались сильно преуменьшенными. Снизу, да еще от подножия холма, отвесный борт гигантского параллелепипеда казался куда выше 70 метров, заявленных в технической документации. Длина поражала еще сильнее – почти 200 метров, не считая выступающих вперед и назад штанг, мачт и подъемных кранов, придававших «Илье Муромцу» вид злобного инопланетного робота, прибывшего для уничтожения человеческой цивилизации.

Когда легкий штабной транспортер вполз в зону обстрела бортовых орудий, сидящий за рулем рядовой «барс» сбавил скорость. Что-то пробурчал по рации в ответ на запрос с комплекса, вынул из-за уха сигаретку, прикурил.

До комбайна остался едва ли не полет винтовочной пули, и теперь Вебер смог рассмотреть, насколько чудовищными оказались двигательные модули, тащившие великана вперед – на земли Сибирской Республики.

Всего зубастых траков было 96: дюжиной наборов по восемь гусениц их равномерно разнесли по днищу железного кирпича. Ширина только одного полотна, входящего в сложносоставное шасси, составляла три метра, превосходя ширину армейского вездехода, в котором Илью увезли с вертолетной площадки в горах. Высоченные катки гусеничных блоков проворачивались настолько медленно и величественно, что, казалось, рано или поздно способны проволочь свою ношу через всю Вселенную. По сути, улыбнулся Вебер, так оно и было…

Разумеется, он поехал на юг.

Не мог отказаться, не мог наступить на горло собственному

характеру, даже если это приводило к ссоре со Светкой. А ссора была. С рыдающей в детской комнате Верочкой, битой посудой, слезами, уговорами и мольбами. С угрозами, шантажом и намеками на развод. С ударами кулаками по столу, стиснутыми зубами и подленьким желанием немедленно отказаться от миссии.

Пришлось врать, как тут иначе?

Что-то лепить про долг, про обещание, данное еще год назад, про щедрое вознаграждение и столь же «щедрое» наказание в случае отказа. Сочинять про бедного черенка, невесть как заброшенного на враждебную территорию; про невозможность решить конфликт другими средствами; про уникальность его, Вебера, поручения.

Всего, безусловно, не рассказал – он никогда не посвящал родных в детали бизнеса, ни во времена похода на Тайгу, ни в дни работы на улицах. Но кое-что выложить пришлось, иначе скандал грозил закончиться чем-то более печальным.

Отпустила. Смирилась. Повесила голову и руки.

Тихо плакала, пока Илья не подсел на диван рядом, обнял и успокоил, нашептывая на ухо что-то обнадеживающее, теплое, ласковое. Так и уснула в его руках, вцепившись крепко-крепко. А утром, едва начало рассветать, он дал ответ Эдуарду.

В ультимативной форме потребовал несколько дней на сборы и общение с семьей. Несколько дней без капли водки, пролетевших красочной сказкой общения с любимыми и драгоценными людьми… Затем он уехал…

Вездеход БАРСа медленно приближался к «Илье Муромцу» по ущелью с западной стороны. Время было послеполуденное, а потому серебристо-черный корпус комбайна оказался щедро залит солнечным светом, подчеркивавшим самые миниатюрные детали – антенны, башенки, выступающие рубки и надстройки, стволы пулеметов и пушек, блестящие зрачки иллюминаторов. Наметанный взгляд Вебера различал даже припрятанные штанги систем маскировки.

Ближе к корме сиял огромный голографический логотип государственной китайской корпорации «Тонни Ютонг», ставшей якорным инвестором и основным строителем ПТК. Ярко-желтой юбкой окружали тяжеловеса многочисленные знаки опасности, предупреждения и инструкции по работам на ходу.

Вокруг, подчиняясь какому-то дикому порядку, сновали самосвалы и экскаваторы, шныряющие внутрь и обратно прямо во время медлительного движения комплекса. На фоне «Муромца» они казались букашками, хотя каждый из них являлся единицей могучей промышленной техники. Сейчас вся бортовая флотилия

была брошена на снос невысокого отрога, вставшего на пути богатыря.

Значит, именно сюда Степан Гринивецкий и сбежал?

Илья потер кончик носа, прикидывая, сколько человек вмещает громадина комбайна. Тысячи две с половиной? Никак не меньше, а уж если нелегалов посчитать… Молодец, черенок, при всей незаконности его поступка, ловок.

Изучив досье и показания арестованных по делу о проникновении на объект «Илья Муромец», Вебер сразу разглядел потенциал Листопада. Тонко, хладнокровно, необычайно смело. Что именно толкнуло парня на столь отчаянный шаг? Что забыл он на китайском прокладочном комплексе?

Это ему, наемнику за идею, и предстояло выяснить…

Готовился основательно, хоть в выборе инструментария и был стеснен. К сожалению, ни ставший родным «Смерч», ни даже пистолет взять не удалось. Согласно законам Поднебесной носить оружие на территории стройки разрешалось только солдатам НОАК. Любая попытка протащить ствол нелегально, как разумно предостерег главный машинист Сибири, означала конфликт с китайцами, совершенно ненужный в их пикантной ситуации.

Дипломатическая неприкосновенность, бесспорно, уберегала Илью от прямого обыска. Но было очевидно, что кроме открытых наноскопов и сканеров комплекс напичкан и потайными. Поэтому Вебер подошел к сборам с точки зрения простоты и доступности.

Перед отбытием Терпение нагрузил его «балалайку» таким количеством новых боевых программ, что в них еще предстояло разбираться. В походную сумку лег спортивный с виду костюм из кевлайкры, почти как прикиды лубочных московских конторщиков. Тонкий телескопический штырь из пластика, одним щелчком превращающийся в дубинку. Средства камуфляжа, замаскированные под мужскую косметику – гели для бритья и дезодоранты. Несколько декоративных браслетов, способных трансформироваться в эластичные наручники. Солнцезащитные очки со встроенным спутниковым коммуникатором. Удобные ботинки с регулируемой твердостью подошвы.

Большего позволить себе Леший не мог, как бы ни хотелось.

Ну и, конечно, документы. Настоящие, не как те, что у Листопада. С допуском максимального уровня, полномочиями старшего советника посла Республики на объекте поднебесников и пресловутой дипломатической неприкосновенностью.

Достаточно ли этого, чтобы обнаружить и схватить беглеца? Илья знать не мог. Но рассчитывал проверить в самое ближайшее время.

Армейский вездеход с нарисованной на борту дикой кошкой

сделал перед «Муромцем» широкий вираж, подруливая к делегации отдельно стоящих военных. Пожав руки парням, доставившим его на комбайн, Вебер выбрался наружу, щурясь от яркого летнего солнца.

Воздух был чист и прозрачен, без единой мошки. Где-то кричала сойка, пахло листвой и надвигающейся осенью. От сногсшибательного аромата свежих трав у Ильи даже кольнуло сердце. Тут, пожалуй, не привычная ему равнинная тайга, но воля и простор дикой природы, едва запятнанной цивилизацией, ощущались с каждым глотком.

Он широко улыбнулся, сам не зная чему.

«Барсы», выполнив задание, задерживаться не собирались – машина тут же крутанулась на месте, направляясь обратно в ущелье.

– Ну, здравствуй, тезка, – беззвучно прошептал Вебер возвышавшейся над ним громаде, после чего повернулся к встречающим.

Китайцы. Многочисленные и могучие. Рассматривая похожие друг на друга узкоглазые лица, Илья вспомнил грозного Фэна Вэйаня, правую руку хозяина Тайги. Без симпатии или теплоты вспомнил, нужно отметить… Да и ломщик, чуть не простреливший ему затылок, как позже намекал Терпение, – тоже какое-то отношение к Поднебесной имел.

Солдат было шестеро, все серьезные и угрюмые, будто не члена сибирского посольства встречали, а беглого каторжанина. Командовал, как подсказала «балалайка», старший лейтенант НОАК.

– Вы разиговаривать на китяйськом?! – вместо приветствия пробасил тот на ломанном русском, даже не пытаясь скрыть пренебрежение.

От лязга и рычания работающей вокруг техники старлею пришлось повысить голос, что добавило в его слова еще и угрозу. Сибиряк наклонился вперед, чтобы не кричать в ответ.

– Мой переводчик позволяет понимать вас, господин старший лейтенант, – как можно спокойнее произнес Илья, игнорируя тон и манеры офицера. – Надеюсь, ваша «балалайка» также способна распознавать русскую речь.

– Это так. – Перевод с пекинского диалекта дошел до сознания через долю секунды. – Могу я проверить ваши документы? – Не дожидаясь реакции визитера и не спеша представляться, он протянул Илье портативный сканер.

– Разумеется…

Стараясь скрыть тоску, Вебер взглянул вслед удаляющемуся вездеходу, подставляя затылок. Общение со строителями

«Звездного Пути» обещало стать теплым и душевным.

Данные, считанные на сканер, офицер проверял неоправданно долго и вдумчиво, будто не замечая августовской жары или царящего на стройке шума. Скачал информацию на планшет, что-то сравнивая, затем подключил к затылку «психопривод».

Прибывший покрутил головой, осматривая величественные горы, окружавшие «Илью Муромца».

Устоявшие под ударами Копья, четыре года назад они все же изменили свой рельеф, завалив сотни мелких рек и дав жизнь сотням новых. Кое-где высочайшие пики просели, кое-где подросли еще сильнее. Обрастая новой шкурой из снежных шапок и флоры, они с недовольством взирали на дьявольскую машину чужаков, пробивавшую путь в теле хребта.

А на юго-восток, откуда приполз ПТК, убегала чуть изогнутая линия широкой насыпи с равномерно разнесенными хранилищами рельсов, заготовленными под укладку.

Время шло. Илья вежливо кашлянул, выжидающе глядя на офицера. Тот, демонстративно не замечая нетерпения, связался с кем-то по внутренней сети или рации. Глядя в планшет, принялся обсуждать личность высокопоставленного визитера так неспешно и негромко, что Вебер все же не утерпел.

– Что-то не так с документами, господин старший лейтенант? – вежливо поинтересовался он, стараясь не смотреть на угрюмых конвоиров и приподнятые стволы автоматов.

Чуть иначе представлялась ему встреча официального лица…

– Добро пожаловать на борт «Императора Шихуанди», господин Вебер, – перевела «балалайка» Лешего долгожданное приветствие, в котором не содержалось ни намека на гостеприимство. – Ваш идентификационный номер, спектр прав доступа и ранг дипломатических полномочий добавлены в базу данных. Но сейчас прошу следовать за мной.

– Вы проводите меня в посольство Республики? – поинтересовался Илья. Он вдруг заметил настороженный взгляд рядового, поглаживающего переносной наноскоп на поясе. – Почту за честь, господин старший лейтенант, но…

– Нет, – последовал краткий ответ, оборвавший сибиряка еще до окончательного перевода его слов. – Вас желает лично видеть комендант комплекса подполковник Юйдяо.

Маринованное мясо легче прожарить
6 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

В кои-то веки музыка отвлекала от размышлений, и подполковник выключила акустический центр, оборвав напев лютни на самом звенящем пике. Потерла лоб, помассировала виски. Август в этом году выдался на удивление жарким. Да еще сыграла свою роль смена климата на горный – Чэнь редко чувствовала себя так паршиво.

Оторвавшись от карты, подошла к холодильному шкафу, вынула бутылку ледяной воды. Вода была обычная, не минеральная, но прошедшая четыре стадии фильтрации – несколько литров ее входили в паек всех офицеров комплекса.

Пила прямо из горлышка, свободной рукой сдвинув жалюзи и посматривая наружу. Отсюда, с высоты в шестнадцать чжанов, движение «Императора» почти не ощущалось, а потому картинка за бортом оставалась неподвижной. Глотнув еще раз, Юйдяо закрутила пробку и бросила бутылку обратно в холодильник.

Вернулась к рабочему месту, нависая над голографической картой, плавающей в толстой стеклянной поверхности стола. В принципе, Чэнь уже приняла решение, но время позволяло рассмотреть ситуацию с разных сторон, так что спешить было некуда. Может быть, она даже посоветуется с Болло, когда тот разберется с текущими делами…

Вопросов, требующих ее внимания, накопилось два. Причем первый оказался исключительно формальным – инженеры, проектировщики и прокладчики уже проработали возможные стратегии решения. Оставалось лишь подтвердить их официально, дать отмашку и заняться более щекотливой проблемой.

Женщина провела сухим пальцем по столешнице, пытаясь определить исток безымянной реки, не отмеченной на старых схемах НОАК. Да, речка новая, пробившая путь уже после Перерождения. Значит, вариантов нет, пусть инженеры применяют стандартную стратегию.

Горный поток будет спрятан в сварную трубу, окован цементом, зажат в тиски цивилизации. Работа над усмирением горной стихии отнимет чуть больше времени, чем планировалось, пока новоиспеченную дамбу укрепят настолько, чтобы по ней

прошел ПТК. Но это Каракурту даже на руку – второй вопрос все равно отнимет куда больше времени и сил.

Поселение, обнаруженное на пути комплекса, располагалось в полусотне километров к северо-западу. Причем сибиряки, получившие запрос о территориальной принадлежности поселка, пришли в не меньшее удивление, чем сама Юйдяо. Два десятка домов вне глобализации, «балалаек», Сети, Анклавов, всемирных катастроф и переделов планеты. Староверы, отшельники? Кто знает, сколько лет они варятся в собственном котле тут, запрятанные в горах, отрезанные от всего современного?

Чэнь села за стол, движением руки разворачивая перед собой данные ночной разведки. Беспилотный вертолет, стартовавший с крыши «Императора», зафиксировал наличие почти двухсот пятидесяти тепловых объектов. Как люди из них было идентифицировано чуть менее девяноста, остальные оказались коровами, курами и козами. Девять десятков человек, преградивших «Звездный Путь».

Сибиряки, как Чэнь и ожидала, от вмешательства в ситуацию отказались наотрез. Открестились от горных отшельников, предоставив ей полную свободу действий. Чистоплюи! Кто захочет пачкать руки в крови, когда задачу можно свалить на соседа?

Наверное, существовали и бескровные варианты.

Например, полномасштабное переселение деревни – у Юйдяо хватало полномочий на проведение такой операции. Или приемка сотни новеньких на борт с последующим трудоустройством. Но первое требовало лишнего времени и ресурсов, а второе попахивало работорговлей. Такой акцент вокруг ситуации, с учетом недавно прибывших журналистов, подполковника совсем не устраивал.

Значит, остается зачистка. Ночная, бесшумная и молниеносная. Безжалостная, но таковы реалии их непростой работы, и Чэнь Юйдяо готова взять на себя ответственность за украденные жизни. В том числе детские. Просматривая штатное расписание атакующих подразделений гарнизона, она приступила к выбору исполнителей.

Жители будут ликвидированы. Строения демонтированы, местность замаскирована под нежилую, скот тайно переправлен на борт. Учитывая, что на подготовку и проведение операции потребуется минимум двое суток, «Императора» придется остановить. Шумная речушка, требующая наведения переправы, тут как раз кстати…

Подполковник Юйдяо уже заканчивала просматривать личные дела бойцов, формируя истребительный отряд, когда ее

отвлек сигнал по внутренней сети. Вызывал верный Болло.

– Товарищ подполковник, журналисты собраны на брифинг и ожидают вашего присутствия, – отчитался адъютант.

– Хорошо, иду.

Она отключила связь. Можно было провести беседу, не покидая кабинета – в прямом эфире с помощью видеоаппаратуры. Но Юйдяо, внимательно изучившая досье прибывших, хотела лично, своими глазами увидеть тех, кто будет делать документальные фильмы о *ее* комбайне.

Выключив стол, она подошла к зеркалу, поправляя фуражку. Уже сутки представители крупнейших телестудий мира жили на борту «Императора Шихуанди», дожидаясь разрешения на работу. В полной изоляции и под пристальным наблюдением военной полиции комплекса.

Широким мужским шагом подполковник покинула штаб, машинально отдавая честь в ответ на приветствия младших чинов. Лестницами спустилась тремя уровнями ниже, сворачивая в отделение пресс-центра. В просторном зале для общих собраний ее дожидались тридцать девять человек с семи концов света. И Болло, статуей замерший у двери.

Когда Желтый Каракурт вошла в зал, разговоры разморенных жарой гражданских тут же смолкли. Чтобы не дать журналистам расслабиться, Ху специально отключил кондиционеры, зноем и ожиданием маринуя блюдо перед готовкой.

– Здравствуйте, – коротко кивнула Юйдяо, вставая напротив гостей и закладывая руки за спину. Хрустнула шеей. – Меня зовут Чэнь Юйдяо, и я являюсь комендантом прокладочного комплекса, известного вам, как «Император Шихуанди».

Ее слушали внимательно, сосредоточенно, вертя на запястьях новенькие браслеты, выданные службой безопасности. Женщин, как и было указано в файлах, оказалось всего семеро. Мужчин Юйдяо осмотрела более внимательно, но не задерживаясь на каждом дольше нескольких секунд.

Волна желания и азарта, поднявшаяся откуда-то из живота, была безжалостно подавлена. Подполковник не имела права превращать гостей в свои игрушки, как бы привлекательны ни оказались некоторые из них.

Арабы, индусы, вудуисты, русские – она хорошо изучила каждого еще намедни. Кроме одного, внесенного в списки в самый последний момент. Бразилец с лакированными волосами сидел во втором ряду крайний справа, и ему Чэнь уделила чуть больше времени.

Болло лично отвечал за проверку документов нового оператора испанского инфоканала, поэтому оснований для

волнения не существовало. Но что-то в осанке и профиле журналиста показалось подполковнику необычным, и она невольно представила его в своей постели. Неподвижного, медленно остывающего…

– Хочу ознакомить вас со сводом простых правил, которые вам предписано беспрекословно выполнять во время проживания на нашем комплексе, – продолжила она, выметая из головы лишние мысли, попахивающие чем-то буйным и первобытным. – Вы все получили инструкции, касающиеся вашего поведения. Но некоторые моменты я хотела бы отметить отдельно, после чего вы сможете приступить к работе.

Как послушные школьники, журналисты активировали лежащие на столах планшеты, уставившись в инструкции. Говорила подполковник на родном языке, но специальная акустическая аппаратура пресс-центра трансформировала ее слова в понятную каждому присутствующему речь.

– Вчера вам выдали особые браслеты, подавляющие спутниковый сигнал, – отрывисто проговорила Юйдяо, кивнув на гаджет ближайшего гостя. – Также браслеты являются маяками, по которым мы с легкостью сможем установить ваше местонахождение. Не пытайтесь снять устройство или каким-то образом изменить его сигнал. Как и было оговорено, во время работы на борту «Императора Шихуанди» вам запрещена любая связь с окружающим миром в целях пресечения несанкционированного обмена информацией. Внутреннюю связь гаджеты не блокируют, для этого у нас имеется специальный ретранслятор.

Она качнулась на каблуках, внимательно наблюдая за реакцией сидящих перед собой людей. Чуть позже Болло проанализирует видеозапись брифинга, отметив все насторожившие его моменты.

– Не считая сегодняшнего дня, который вы по-прежнему проведете в жилых отсеках, на съемки вам будет выделено десять суток. После этого вас снова изолируют, а отснятые материалы поступят в наш аналитический отдел, где пройдут выбраковку. Еще через сутки после этого вы получите обратно свою технику и видеофайлы. И покинете комплекс.

Журналисты покорно молчали, изредка кивая и ковыряясь в текстовых файлах рабочих планшетов.

– К каждой съемочной бригаде будет приставлен офицер нашей службы безопасности, к которому вы сможете обратиться за помощью или советом. В случае непредвиденных обстоятельств, обращайтесь лично ко мне через моего помощника, товарища Ху.

Она подкрепила слова кивком в сторону старшего лейтенанта.

– Постарайтесь не вступать в беседы с персоналом комбайна, если интервью не санкционировано сопровождающим вас офицером, – высматривая на лицах малейшие тени колебаний или недовольства, продолжала Чэнь Юйдяо. – В свободное время, в целях личной безопасности, постарайтесь не покидать уровней, отмеченных на ваших картах, как не имеющие ограничений для доступа.

Она мельком отметила обновления новостной ленты штаба, в режиме реального времени поступающие на экран «балалайки». Вероятно, их также изучил и Болло, потому что сменил позу, привлекая к себе внимание подполковника.

– Особенно хочу отметить сейсмологические особенности региона, в котором сейчас работает «Император Шихуанди». – Она кивком дала понять адъютанту, что тот волен отлучиться. – Землетрясения магнитудой четырех-шести баллов по шкале Рихтера или низкоинтенсивные по шкале Шиндо всегда были частым явлением для данных земель. После… Инцидента, – с трудом выговорила она непривычный термин, – они и вовсе стали регулярными. Но повода для тревоги нет. Современные сейсмографы комплекса отслеживают приближение толчков с ювелирной точностью. Поэтому, когда вы услышите специальный сигнал, постарайтесь сохранять спокойствие и не впадать в панику.

Старший лейтенант Ху незаметно выскользнул из зала, бесшумно прикрыв за собой дверь.

– В случае экстренной ситуации вам предписано открыть крышку браслета, активировать «тревожную кнопку», после чего следовать указаниям офицера службы безопасности. Если такового поблизости не оказалось… – Юйдяо невольно облизнулась, рассматривая светловолосого атлета, явно прибывшего с немногих уцелевших фьордов Норвегии, – …вы должны немедленно прекратить работу, переместиться в безопасное место и ждать прибытия спасательной группы. Вопросы?

Таковых, как подполковник и предполагала, не оказалось.

Почти минуту она рассматривала примолкших, разморенных жарой журналистов, обменивающихся осторожными взглядами. Прибывшие из России драконовскими правилами удивлены не были, а вот европейцев или индусов, кажется, полицейские законы определенно тяготили. Ничего, голубчики, я взгляну на вас спустя пару дней…

Юйдяо вежливо улыбнулась. Ей и самой было жарко, так и

подмывало расстегнуть верхнюю пуговицу мундира, но подполковник терпела, стараясь контролировать пульс и температуру тела.

– В таком случае, господа журналисты, считаю наше знакомство состоявшимся. – Комендант сдвинулась с места, отметив, с каким облегчением людские ряды встретили окончание душного брифинга. – Однако…

Она вдруг застыла на месте, придавив зашевелившихся таким пристальным и тяжелым взглядом, что шепотки мгновенно смолкли.

– Я крайне настоятельно, от всей души советую, – чуть понизив голос для концентрации внимания, добавила Юйдяо, медленно осматривая присутствующих, – не нарушать установленных законов. Потому что, если это произойдет, вы познакомитесь с моей негостеприимной стороной. И она вам, уверяю, по нраву не придется… Доброго дня, господа. Увидимся вновь.

Не дожидаясь, пока получившие инструктаж гости встанут со своих мест, подполковник широким шагом достигла двери. Чуть хлопнула створкой, показав, что следом за ней выходить не стоит. Кивнула семерым офицерам СБ, вытянувшимся «смирно» при появлении Юйдяо.

– Принимайте, товарищи, – отдав честь, распорядилась она, покидая пресс-центр. – Болло, что там у тебя? – Это уже адресовалось адъютанту, вызванному с помощью интеркома.

– Он прибыл, товарищ подполковник, – отрывисто отчитался Ху. – В настоящий момент изучаю документы и права на доступ. Один, как и было сообщено из Министерства.

– Приведи его ко мне, – перебила Чэнь, входя в лифт. Оставшись в тесной кабине одна, она сняла фуражку, проведя ладонью по влажным бронзовым волосам. – В Перламутровую комнату, как только закончишь с формальностями.

– Но, товарищ подполковник, – смутился помощник, понижая голос, – разве дипломатический протокол не требует, чтобы я доставил советника на территорию посольства?

– Выполняйте, товарищ старший лейтенант! – отрезала Юйдяо, надевая фуражку и поправляя козырек. – С нарушениями протокола я разберусь лично.

– Так точно! – выдохнул Болло, после чего подполковник оборвала связь.

Фехтование словами подчас выматывает пуще рубки мечами 6 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Сопротивляться смысла не было. Равно как протестовать, качать права или требовать консульского адвоката. Если спецслужбы страны, на территорию которой ты прибыл, чего-то захотели, они это получат, хоть истерику устрой. Поэтому Вебер безропотно последовал за безымянным офицером, стараясь оценить обстановку.

Он догадывался, чем вызван такой острый интерес к его персоне. Другое дело, ждал встречи с командованием «Ильи Муромца» чуть позже, когда хоть немного освоится.

В комбайн вошли по широкому рифленому пандусу, мелко вибрировавшему под ногами. Спущенный с движущегося ПТК, он на метр не доставал земли, и один из рядовых даже протянул сибиряку руку, помогая забраться. От помощи Илья отказываться не стал: как из вежливости, так и чтобы не демонстрировать физическую форму.

Запрыгнул, последовал за конвоирами по наклонной поверхности, невольно вспоминая еще один пандус – такой же широкий, уводящий в высокий алый борт умирающего корабля. По нему когда-то тоже взбирались автоматчики. Под огнем противника, погибая и убивая в ответ…

Попав внутрь, Леший едва удержался, чтобы не присвистнуть.

У него возникло натуральное впечатление, что он уменьшился до размеров сказочной Алисы, съевшей волшебный гриб. И сразу угодил в недра какого-то диковинного, жутко сложного механизма, в котором жил народец крохотных трудолюбивых гномиков.

Рабочие элементы комплекса ничуть не мешали его обитателям. Ларьки с одеждой, склады инструментов и запчастей, столовые для рабочих и медицинские пункты мирно соседствовали с огромными шестернями, поршнями и другими движущимися механизмами небывалых размеров.

Всюду царило оживление и деятельная суета. Выдавались путевки водителям грузовиков, тут же проводили срочный ремонт бульдозера, в удобных шезлонгах отдыхала отработавшая смена, весело общались в зоне для курения перемазанные гранитной пылью строители. Многоуровневый ангар был полон лязга, шума,

грохота и гомона, мгновенно втягивая в крикливый водоворот.

Выведя на глазной экран карту, Илья определил, что старший лейтенант ведет его через малый бортовой шлюз № 4. В глубине «Муромца» за отсеком располагались гаражи средней техники, а также двигательный отсек ближайшего гусеничного блока. К его стене лепился специальный конвейер для подачи рельсового полотна в нижние люки. Рядом втиснулось целое скопление котельных, снабжающих энергией административные помещения грузового парка, находящегося палубой выше.

А еще Вебер отметил, что сигнал его «балалайки», настроенной на спутниковый коммуникатор в сумке, сразу потух. Впрочем, Терпение об этом предупреждал – связь с Родиной сотрудникам посольства обеспечивали подконтрольные китайцам видеофоны с единственным конфиденциальным каналом, доступным исключительно послу и консулу Сибирской Республики.

У целой шеренги лифтов офицер НОАК отпустил троих автоматчиков. Лифтовые двери пестрели символами, ограничивающими доступ разным классам сотрудников – от дозволенных всем слева, до особенных в дальнем конце.

Лениво осматриваясь и стараясь подмечать мелочи, Илья прикинул, сколько времени пришлось бы потратить, чтобы обезвредить оставшихся военных. Без задней мысли прикинул, исключительно для поддержания тонуса. Но с удовольствием отметил, как приятно и размеренно стучит сердце, а горячая кровь пульсирует в висках.

Старлей, вызвав лифт с самым строгим уровнем доступа, вежливо пригласил в кабину. Вошли, причем преисполненные пафоса автоматчики встали у двери, спинами к гостю. Скрывая улыбку, Илья потер подбородок и поправил на плече сумку.

Карта показала, что лифт поднял их на полсотни метров. Ехали в полной тишине, нарушаемой лишь гулом мотора и лязгом тросов. Вновь и вновь изучая объемный план комбайна, Илья поражался, какой грациозной хитростью преисполнено все строение, похожее на гигантский лабиринт для лабораторных мышей. Да здесь, если захотеть, можно спрятать даже ракетный стратегический комплекс, замаскированный под системы вентиляции…

Запоминая и одновременно записывая в «балалайку» символы и указатели на стенах, Вебер вышел из лифта вслед за военными, двинувшись по длинному коридору с низким потолком. Его, как и все в этом чудном месте, строили со смыслом – стены визуально сжимались с каждым новым шагом. А воздух был настолько пропитан запахом застарелого пота и страха, что казалось, ими

благоухают даже стеновые панели.

В конце коридора обнаружилась единственная дверь, возле которой автоматчики тут же взяли «на караул», потеряв к визитеру всякий интерес. Старлей, обогнав гостя, приоткрыл створку, подтвердив приглашение кивком.

Комната оказалась просторной, светящейся и неестественно яркой, не позволявшей даже примерно определить свои размеры. Вебер вошел, с интересом осматривая сверкающее покрытие стен и потолка, опустил сумку подле ноги. Какой, оказывается, занятный эффект производит перламутровое напыление…

Следом проскользнул старший лейтенант, щелкнул замок.

Окон нет, две двери, одна из которых искусно спрятана. Из мебели только стол, пара стульев, шкаф. А за столом…

Что и говорить, это было эффектно. Наверное, поднебесники с комбайна, попадавшие сюда по сжимающемуся коридору, вообще теряли рассудок, окунувшись в жемчужный вихрь, в центре которого сидела статная женщина-военный. И ведь так все было устроено, что в этом серебристом свечении человек терялся, не имея ни малейшей возможности сфокусировать взгляд…

Женщина в форме подполковника НОАК была неграциозно широка в плечах, скуласта и обладала осанкой, присущей потомственным военным. Сильная женщина, опасная, – это Илья еще в юности научился вычислять в людях с первого знакомства.

Когда подполковник встала, он заметил потертую кобуру длинноствольного пистолета, причем отнюдь не парадного – оружием пользовались, и довольно часто.

– Добро пожаловать, господин Вебер, – поздоровалась женщина, впрочем, без теплоты. Голос ее оказался глухим, чуть рокочущим, не очень свойственным поднебеснику. – Рада видеть вас на борту «Императора Шихуанди». Хорошо ли добрались? Меня зовут Чэнь Юйдяо, и мне поручена честь командовать вооруженными силами комплекса, известного вам под именем «Ильи Муромца». Пожалуйста, садитесь.

Илья опустился на предложенный стул, ощущая за спиной присутствие старшего лейтенанта. Подполковник тоже присела, держась подчеркнуто прямо.

Вообще, она могла не представляться. За время подготовки к путешествию Леший почти наизусть выучил о ней все, что смогли собрать оперативники Бугаева. Желтый Каракурт – вот как за глаза называли коменданта ПТК, и это прозвище говорило Илье больше, чем весь послужной список товарища Юйдяо. Прямолинейная, жестокая, своевольная. Не вызывало никаких вопросов, почему командовать обороной «Ильи Муромца» выбрали именно такую…

А еще, говорят, она убивала любовников, но сейчас это было меньшее, что беспокоило Илью.

– Первым делом я должен посетить территорию посольства и отметиться в секретариате, – вместо ответного приветствия произнес он с напором, но соблюдая вежливый тон. – Что заставило вас, госпожа подполковник, нарушить протокол?

Пару секунд переводчик Юйдяо доносил смысл слов до ее сознания. Потом она кивнула, улыбнувшись чуть заметно, но жутковато.

– Вы решительный и смелый человек, господин Вебер. Я той же породы. Но задавать вопросы – привилегия моя. А потому – зачем вы здесь?

– Ответ вам прекрасно известен, госпожа Юйдяо. – Леший чинно сложил руки перед собой на столе, стараясь не щуриться от яркого перламутрового света, начинавшего топить его в себе. – «Император Шихуанди» вступает на территорию Сибирской Республики. Меня, первого из целой когорты новых работников, отправили сюда для усиления нашего дипломатического корпуса. Все это происходит в рамках программы по…

– Лишь ослы считают упрямство добродетелью! – С громким противным скрипом отодвинув стул, подполковник резко поднялась на ноги, нависая над сибиряком. – Я хорошо знаю о программе усиления контингента сибирского посольства. Настолько же хорошо, как разбираюсь в людях. – Она заложила ладони за широкий пояс, правую опустив на пистолетную кобуру. – Зачем вы здесь, господин Вебер?

Глядя перед собой, Илья с трудом сдерживался, чтобы не поднять взгляд, как того добивалась Желтый Каракурт. Комната, в которую его привели, была разработана и построена с умом – всего несколько минут пребывания в ней заставляли нервничать, разгоняли мысли и даже нарушали ориентацию в пространстве.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, госпожа подполковник, – ответил он, затылком ощущая молчаливое, но грозное присутствие личного головореза китаянки. – Уверен, что времени, отведенного на проверку моих документов… – Вебер чуть повернулся, чтобы определить точное местонахождение старшего лейтенанта, – …с лихвой хватило, чтобы детально изучить мою персону и цель визита…

Илье неоднократно приходилось попадать в подобные ситуации. Последний раз – совсем недавно, только через стол напротив находилась не женщина, а черноусый Султан, да за спиной маячил китаец ростом побольше. Сценарий схож – декорации и режиссура разные. Тебя прощупывают, пытаясь найти болевые точки. Гнут, будто ивовую лозу, с терпеливым

ожиданием: авось где и треснет…

– Да, я читала ваши документы, но отмечу не для официальной стенограммы…

Не отпуская пальцев от кобуры с «дыроделом», Чэнь Юйдяо наклонилась вперед, опираясь на стол свободной рукой. В ее глазах что-то блеснуло, но Леший не поручился бы, что разгадал промелькнувшую эмоцию.

– Вы способны обмануть приборы – наноскопы и сканеры. Способны обмануть Цифру, подав ей чистенькие «балалайки» и грамотно оформленные дипломатические полномочия. Но вам не обмануть меня! Нет, я не колдунья и мысли читать не научилась. – Женщина наклонялась все ниже и ниже, нависая над Вебером так, что теперь он чувствовал легкий древесный аромат духов. – Но таких, как вы, вижу насквозь. Зачем вы прибыли на борт «Императора Шихуанди», господин Вебер?

Тогда он поднял голову.

Взглянул в ее лицо так близко, что в мелочах рассмотрел даже морщинки вокруг глаз и старый шрам, тянущийся к левой скуле от губы. Вежливо улыбнулся.

– Работа старшего советника посла Сибирской Республики не может быть подвергнута огласке, подполковник Юйдяо, – медленно и негромко произнес он. – Однако уверяю вас, что речь идет о внутренних вопросах посольства и Республики, и ведется в рамках официальных мероприятий…

Илья не заучивал умных терминов и определений. Но когда Терпение инструктировал наемника, то воспользовался настолько богатым лексиконом закостенелого чиновника, что Леший впитал его часть против собственной воли.

Кажется, Юйдяо про чтение мыслей все же слукавила. А может, и правда разбиралась в людях, поскольку следующим вопросом заставила Илью оборвать фразу на полуслове.

– Для своих физических способностей вы оказались на удивление разумным и осторожным дипломатом, господин Вебер. – Она подалась назад, отчего ботинки заскрипели. Побарабанила пальцами по кобуре: задумчиво, будто не замечая этого небрежного жеста. – Я расцениваю ваш аккуратный ответ, как подтверждающий мои опасения. Напрашивается вывод: в Новосибирске смирились с тем, что *кабинетным переговорщиком* историю с исчезновением не замять…

– Простите, госпожа Юйдяо, но я не совсем понимаю…

– Хватит, господин Вебер!

Подполковник скривилась, но, к удивлению, Ильи это оказалась не гримаса отвращения или скуки. Так может перекосить лицо у заядлого выпивохи, торопящегося откупорить

холодную бутылку водки.

– Десять дней назад из Абакана на мой комбайн прибыл человек по имени Степан Гринивецкий, брат и помощник одного из министров правительства Республики Сибирь. Во всяком случае, таковым он являлся, пока его полномочия не были аннулированы из Новосибирска. Однако через несколько часов после прибытия, еще до их отмены, гость пропал. Бесследно. Какое-то время охранники посольства пытались самостоятельно искать господина Гринивецкого, но затем были вынуждены обратиться за помощью ко мне. Однако… могу честно сознаться, что и мои усилия по поиску вашего «дипломата» успехом не увенчались. Пока.

– Зачем вы мне это рассказываете, госпожа Юйдяо? – чуть приподняв брови, изумился Илья. Конечно, он ожидал давления, но даже предположить не мог, что комендант «Ильи Муромца» окажется столь бесхитростна в своем обвинительном напоре. – Я наслышан про…

– Потому что я умею вязать узлы, господин Вебер, – в третий раз, бесцеремонно нарушая все нормы приличия, прервала его Желтый Каракурт. – И имею все основания полагать, что вас прислали для самостоятельного поиска пропавшего сородича.

– Конечно, я слышал о недавних неприятностях в посольстве и подделке документов высшего уровня.

Леший внимательно наблюдал за сверканием в глазах подполковника, пытаясь расшифровать лихорадочные огоньки. Отвечал ровно, спокойно, как выучивший экзамен выпускник. Эту легенду они с Терпением заучивали не один раз…

– Несмотря на отсутствие официальной версии, я готов предположить, что вы столкнулись с аферистом, проникшим на борт «Ил…» «Императора Шихуанди» с преступными целями. Не исключено, что человек, обманувший *вашу* службу безопасности, – голосовой акцент был сделан самый незначительный, но веки Чэнь Юйдяо все равно дрогнули, хищно смыкаясь, – имеет отношение к Консорциуму контрабандистов или другим криминальным корпорациям… Однако на сегодняшний день мы обладаем информацией, что человек, назвавший себя Степаном Гринивецким, уже покинул комплекс.

Он замолчал, неожиданно разгадав эмоции, переполнявшие подполковника НОАК.

И от этого ему вдруг стало жутко, неуютно, до мороза по коже и холодеющих ладоней. Потому что в глазах китаянки бурлило сексуальное возбуждение, агрессивное и жгучее, как вулканическая лава. Не сбиваясь с нити разговора, она буравила сибиряка взглядом, познав суть которого в равновесии не

оставался ни один мужчина…

– Говорите, покинул?

Юйдяо улыбнулась.

– И сразу после этого мне присылают вас – старшего помощника посла, больше похожего на профессионального анклавного беза или dd. – Улыбка не покидала ее лица, неожиданно делая его привлекательным. Если бы, конечно, не тон беседы и напористость, с которой женщина давила на собеседника. – Ну что ж… пусть будет так. Вы вольны упрямиться, сколько пожелаете, господин Вебер, вам это дозволено полномочиями.

Она опустилась обратно на стул, лицо оказалось на одном уровне с глазами Лешего. Оправила безупречно лежащие лацканы мундира, стряхнула с рукава невидимую соринку, поджала и без того тонкие губы.

– Полагаю, что вы как старший советник посла хорошо осведомлены о правилах поведения на борту моего комплекса, – констатировала подполковник, больше не глядя на Илью. – И мне остается лишь напомнить, что в свете недавних событий за вами будет вестись пристальное наблюдение. В целях вашей же, безусловно, безопасности. Поэтому прошу вас, господин Вебер, быть предельно внимательным и осторожным в поступках, высказываниях и действиях…

– Вы мне угрожаете, комендант Юйдяо?! – внезапно подавшись вперед, громко спросил Илья.

Его демарш все же застал китайцев врасплох.

Он услышал, как дернулся за спиной безымянный старлей; заметил, как вздрогнула бровь Чэнь Юйдяо, не ожидавшей встречной дерзости. И едва не улыбнулся этой женщине, вдруг осознав, с какой легкостью нажил себе врага, не пробыв на борту «Муромца» и пары часов.

– Прошу прощения, господин Вебер, если мои слова были неверно истолкованы вами, – молниеносно взяв себя в руки, сориентировалась Каракурт, меняя тон и чуть заметно кланяясь. – Любая непочтительность с моей стороны стала бы прямым нарушением протокола и привела к появлению недопонимания между двумя дружественными и союзными народами, которыми сегодня являются народы наших Республик!

– Раз уж мы заговорили о протоколе, госпожа Юйдяо… – Леший повернулся на неудобном стуле, многозначительно взглянув на дверь за спиной. – Мне было приятно беседовать с вами. Также я благодарен за личную встречу… но не могли бы вы проводить меня на территорию посольства?

– Безусловно, господин старший советник посла.

Чэнь Юйдяо повторно поднялась со стула, вежливо протягивая руку в сторону своего плечистого помощника. Руку, которую еще недавно демонстративно держала на кобуре.

– Старший лейтенант Ху проводит вас!

Вставая навстречу и выходя из-за стола, Вебер снова поймал взгляд подполковника.

И пусть он считал себя человеком не робкого десятка, едва не отшатнулся, продолжая вежливо улыбаться в ответ. Потому что, если минуту назад в зрачках китаянки плескалась раскаленная горная порода, то сейчас там полыхала сама земная твердь.

Перелетная птица обычно следует поразительно точным курсом 5 дней до начала операции «Бронзовое зеркало»

Ловкачу никогда не представляло труда выдать себя за другого человека.

История хорошо помнит Тиля Колупа, умудрявшегося целый год выдавать себя за императора Фридриха Гогенштауфена; или русскую княжну Тараканову; или Нури Салаха Хусейна, возомнившего себя потомком диктатора Саддама и вставшего у истоков одной из первых Нефтяных Войн.

Что было возможно во времена, когда информация хранилась на бумаге и, чаще всего, в единственном экземпляре, стало еще более достижимо с развитием Сети.

Таким же *ловким* человеком стал и Рамон Бадоса, успешный тележурналист известного бразильского канала. Взаимовыгодное сотрудничество с лучшими криминальными машинистами Европы позволило без труда создать виртуала, никогда не существовавшего в реальности.

Так на свет появились «белые» резюме, перечень удачных телепроектов, отчеты о командировках по всем частям света, и даже членство в «летучем отряде» Сардара Андерсона, снимавшего нелегальные блокбастеры от Антарктиды до Аляски. Дешевой такую услугу назвать было нельзя, но на создании своих альтер-эго Буньип никогда не экономил – полученные за операции средства компенсировали затраты.

В принципе, Рамон даже понравился австралийцу. В меру общительный, в меру пьющий, работоспособный и исполнительный. Настолько, насколько отшельнику и мизантропу вообще может понравиться характер другого человека, живущего чуждыми ценностями и вероисповеданиями.

Ан-Тейшейра – новый начальник Бадосы, и вовсе нарадоваться не мог, – вот что значит «поймать удачу за хвост». Рамон гармонично влился в новый коллектив, продемонстрировал сносные навыки обращения с аппаратурой, был покладист и тих.

И даже на пресловутом брифинге, где их заставили почти полчаса томиться в духоте, не проронил ни слова недовольства. Казалось, что даже грозная подполковник Юйдяо, больше известная на комбайне как Желтый Каракурт, не выбила

«бразильца» из колеи.

Чего, нужно заметить, нельзя было сказать о Буньипе.

Сидя в тесной каморке, по нелепости названной гостиничным номером, он рисовал один эскиз за другим, рассматривая мужской разворот плеч китаянки и ее суровый профиль. Это была сильная женщина, решительная и опасная. Пожалуй, в другой ситуации австралиец счел бы за удовольствие сразиться с ней – сам образ Каракурта наводил на мысли о соперничестве и борьбе.

Обогнать такую было бы трудно. Но только в том случае, если бы Буньип боролся против конкретного характера, а не против безликой системы, препарировать которую полагалось с холодной головой и точным знанием уязвимых мест…

От тюремного браслета, подаренного всем журналистам, он избавился в первый же вечер, едва попав в номер. И потруднее замки ломать приходилось, а тут – обычная штамповка, рассчитанная на законопослушного гражданина. Обезвредил электронику, снял, изучил, вернул на запястье.

Следующим шагом собрал «дыродельчик», припрятав снаряженное оружие за стеновую панель. Его пронести оказалось очень непросто, но обилие съемочной техники облегчило задачу – разобранный до винтиков пистолет был частями разложен внутри различных камер и микрофонов. К сожалению, патронов удалось взять лишь на одну обойму, но вступать в длительные боестолкновения Буньип и не собирался.

Шаг третий – послание для заказчика. Его австралиец надиктовал в камеру, сохранив на карте памяти внутри примитивного, но оригинального гаджета. Девять дней назад, только начав сбор информации о китайском Чуде Света, Буньип пришел к выводу, что хозяева «Императора» ограничат контакты посетителей с внешним миром. А потому оказался готов…

Спрятав надиктованное послание рядом с пистолетом, исполнитель деликатных поручений вновь растворился без следа, уступив свое тело неунывающему сеньору Бадосе.

Первый день пришлось работать.

Много, изнуряюще много, почти без перерывов на кофе и сигареты. Потому что, во-первых, каждая инфостудия норовила обскакать конкурентов, снимая самое яркое, эксклюзивное и способное потрясти планету. Во-вторых, потому что комбайн оказался натуральным лабиринтом, потеряться в котором не составляло труда даже с последней моделью навигатора.

Интернациональные группы носились по «Императору Шихуанди» сломя голову, не жалея ног и офицеров, приставленных в охранение. Забыли даже про обед, забивая память видеокамер гигабайтами крупных и дальних планов,

эмоциональными синхронами Ахмеда ан-Тейшейры и скупыми интервью допущенных цензурой рабочих. В общем, в первый день Бадоса работал так, будто на всю съемку им выделили не десять дней, а жалкие 24 часа…

Однако именно эта гонка, многих оставившая без сил, и позволила Рамону пораньше отправиться в свою комнатенку, даже не дожидаясь ужина. Без задних ног валились все, и ибн Бармак милосердно распустил группу, вечернюю планерку перенеся на следующее утро.

Едва закрыв за собой дверь номера, Бадоса рухнул на койку, проваливаясь в глубокий сон уставшего за день работяги. На его место тут же пришел Буньип, коротким упражнением специальной агрессивной гимнастики вернувший мышцам тонус, а голове – ясность мысли.

Наравне с усталостью, большой проблемой не стало и отсутствие нормального питания. В тайном поясном кармане австралиец носил настоящий коктейль из двадцати таблеток «Фармы», каждая из которых являлась своеобразным крошечным Чудом Света. После завершения операции, конечно, ему предстоит пройти курс реабилитации, но это все потом, а сейчас…

Переобувшись и переодевшись в удобное, он забрал из тайника гаджет и пистолет, открыл крохотное окно, выполз на узкий железный карниз. Еще при первом знакомстве с «Императором» Буньип выяснил, что системы наружного наблюдения комбайна работают лишь по периметру, совершенно лишенные способности следить за корпусом громады.

На смену летней жаре пришла сырая вечерняя прохлада, в которой монотонно шумели макушками ароматные кедры. Впрочем, их шепот был почти неразличим – перед гигантом все еще громыхала стройка. С наступлением скорых горных сумерек основная часть объектов была остановлена, но ослепительная курсовая иллюминация позволяла трудиться в несколько смен, вывозя отработанную породу и готовя площадку к новому дню.

Бросив последний взгляд на браслет-маяк, поблескивающий из-под подушки, Брейгель прикрыл оконную створку, принявшись спускаться. В свое время у него был коллега, страдающий боязнью высоты, и Буньип не раз сочувствовал тому, ограниченному в выборе тактики…

Гостиничные номера журналистов находились почти на корме по правому борту комплекса, окнами выходя на северо-восток. Высота до земли, как еще вчера подсчитала «балалайка», составляла чуть больше пятидесяти футов. Для сильного и выносливого мужчины, к каковым относил себя австралиец,

сущий пустяк…

Выступы, детали вентиляции, внешние строительные лифты и просто края обшивки сделали спуск относительно легким и недолгим. Определенную сложность доставили лишь чужие окна, без какой-либо системы рассыпанные по высоченному борту махины.

Там, где они выходили на поверхность из цехов или кабинетов, оконца были закрыты, а свет почти везде погашен. Там же, где иметь свои иллюминаторы повезло обитателям казарм или рабочих бараков, вечерней прохладе были рады, распахивая створки или даже снимая их с петель. Словно на огромном многоквартирном доме, какими пестрят нищие районы Анклавов или мегаполисов, окна обрастали сушилками для белья и даже гамаками, в которых решались ночевать самые отчаянные или лишенные законной койки.

Еще австралийца нервировали трубы – гибкие шланги из жаропрочного полиэтилена, они тянулись из коридоров-улиц и комнат, где китайцы готовили себе еду на обычных дровяных печурках. Такие места тоже приходилось миновать наиболее осторожно и старательно.

Достигнув нижнего края, Буньип превратился в тень, пропуская патруль из троих вооруженных поднебесников, праздно гуляющих вокруг комплекса.

Китайцы негромко переговаривались между собой, задрав приборы ночного зрения на лбы, и почти не вертели головами, вызвав у Брейгеля косую усмешку. В царстве запахов мазута и машинного масла собаки были бесполезны, а это означало, что людям стоило проявлять повышенную бдительность. А эти… обычные солдафоны, одним словом.

Здесь, ближе к земле, движение «Императора Шихуанди» становилось более ощутимым. Леон даже явственно представил, как плавно прокручиваются где-то внизу, под тушей комбайна, исполинские гусеничные наборы высотой в несколько ярдов.

Пробраться обратно будет сложнее, но к этому он также подготовился.

С земли не допрыгнуть до титанического корпуса, приподнятого на двигательных блоках, но эту проблему австралиец решил заранее. Вернется он как раз через шарниры траковых модулей, снова выбравшись на поверхность комбайна сквозь их пароотводы – интервал сброса составлял почти минуту, чего хватит с запасом…

Дождавшись, пока патруль отойдет на достаточное расстояние, Буньип разжал руки. Прыгать с большой высоты он умел, а потому без лишнего шума приземлился на согнутые ноги,

откатываясь в сторону.

Вообще, комбайн охранялся хорошо, лишний раз критиковать местных служивых или армейских копов австралиец не хотел. Постоянные дозоры несколькими кольцами, включая отряды в «пингвинах»; замаскированные снайперы, меняющие позиции с ходом продвижения «Императора»; камеры и тепловизоры, беспилотные разведчики…

Брешей почти не было. Вражескую армейскую группировку засекут силы стратегической защиты, подразделение поменьше заставы остановят на подходах, дав время гарнизону подготовиться к обороне. Крохотный отряд атакующих не сумеет затеряться в комплексе, да и серьезного вреда такой громадине три-четыре человека причинить не смогут, даже взорвав какой-либо модуль. Ну а одиночка-диверсант…

Буньип был свято уверен, что от проникновения профессионального одиночки-диверсанта не застрахован ни один объект в мире, будь то хранилище золотого запаса Католического Вуду или русская Станция. Вопрос лишь в том, на что способен этот одиночка в век всеобщего недоверия и восстающей из пепла цивилизации?

Поправив «дыродельчик» в специальном креплении на поясном ремне, поддельный оператор бразильского инфоканала побежал прочь от комбайна. Легко, пружинисто, широко выбрасывая перед собой длинные ноги в удобных кроссовках.

«Балалайка» переключилась в режим «сова», и потемневший мир вокруг расцвел сотнями оттенков зеленого. Костюм, выкрашенный специальными реагентами, поменял цвет, приобретая расцветку «хамелеон» и уберегая человека от зорких взглядов тепловизора. В нос ударили запахи горного леса, начинавшей сохнуть травы в долинах, свежей воды новорожденных ручьев и речушек.

Буньип бежал в пустоту, внимательно прислушиваясь к окружавшей его ночи. Летел не к конкретной цели – именно в пустоту, доверяясь исключительно инстинктам и врожденному чутью. Если Цикл прав и в местных отрогах можно обнаружить хотя бы след необходимого ему артефакта, австралиец этот след возьмет. И для этого ему не понадобятся ни спутниковое наведение, ни радары, ни старинные карты.

Хотя без помощи техники все равно не обойтись, как ни крути.

Отдалившись от прокладочного комплекса на полмили, Брейгель вынул из кармана гаджет с записью обращения. Включил устройство, размахнулся и зашвырнул повыше на каменистый склон слева. Ударившись о булыжник, прибор

немного прокатился вниз, но с обрыва не соскользнул, потерявшись в траве и утопавших в ней валунах.

Когда придет время и над Саянами величаво проплывет один из уцелевших спутников «Наукома», рыбка клюнет и леска натянется. Обнаружив спутник встроенным электронным телескопом, по размерам не превосходящим пачку сигарет, передатчик вынудит его выйти на связь. Как если бы жирный тунец сам вынудил спиннингиста подсечь себя под жабру надежным блестящим крючком.

Зашифрованный сигнал, одним спрессованным пакетом вброшенный на спутник, достигнет адресата уже через несколько часов, когда космический бродяга окажется над очередным убежищем нанимателя. Через пару секунд после отправки файла крошечный заряд термической взрывчатки без остатка выжжет гаджет-передатчик, сохранив тайну.

А в следующий раз Буньип выйдет на связь уже в пути к морю, подтвердив возвращение с операции…

Отсюда, из крохотной ложбинки, в которой Леон переводил дух, туша «Императора» казалась огромной рождественской елкой, яркой и окутанной гирляндами. Словно сказочное животное, несокрушимый великан древних мифов или чудовищно отъевшийся динозавр, он упорно шагал вперед, стараясь не наступить на крошечных прислужников, шныряющих под ногами.

Пропустив еще один патруль из четырех бронированных поднебесников, неспешно прочесывавших холмы, Буньип продолжил бег. Когда за спиной остался даже передвижной вагонный поселок по укреплению железнодорожной насыпи, свернул на юг. Пересек новенькую ленту «Звездного Пути» и принялся огибать комбайн по широченной дуге.

Чутье, зажигающее в его сознании путеводные маяки, вело на запад.

Скорость профессионального марафонца составляет порядка двенадцати с половиной миль в час. Без медикаментов, имплантатов, искусственных костей или других гемодификаций. Если бы Буньип захотел, по бездорожью он смог бы бежать тринадцать. Но сегодняшний рейд предполагался, в первую очередь, как разведывательный, а потому Леон экономил силы. Небыстро, размеренно, аккуратно и тихо переставляя ноги, за шестьдесят минут оставляя за спиной не больше восьми миль.

Два-три часа он потратит на бег от комбайна. Еще пару часов покружит по выбранному району, вынюхивая след. И еще пару часов отдаст за обратный путь, чтобы успеть хоть немного вздремнуть перед новым рабочим днем сеньора Бадосы.

Улыбнувшись, австралиец вдохнул полной грудью, но улыбка

тут же сошла с его губ.

Жалкий месяц назад воздух гор был проникновенно-чистым. А уже сейчас в нем отчетливо ощущались запахи человека и его детища – огромного механического раба, прогрызающего горные склоны. Еще никогда люди не осваивали нехоженых мест, не оставляя после себя выжженную пустыню, загаженную отработанными батареями Ллейтона или пустыми гильзами…

Освобождая сознание от самых ничтожных мыслей, способных хоть на градус сбить его с выбранного маршрута, Буньип припустил чуть быстрее.

Найти домик кама, спрятанный в крохотном скалистом стакане, ему помогло именно это состояние разума, сейчас похожего на гладкий, чистый лист писчей бумаги. Позволило найти, чтобы превратить Леона в карандаш, рисующий на этой бумаге изящный черно-белый набросок своей дальнейшей судьбы.

И через тысячу лет умение строить планы останется уделом избранных
4 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

Предела прочности своей Традиции каждый достигает по-своему. Кто-то теряет близкого человека, проклиная богов за жестокость и несправедливость. Кто-то терпит неудачу за неудачей, отказываясь верить в провидение и скрытый смысл хода земных вещей. Кто-то становится свидетелем чудовищных преступлений, после отрицая, что где-то свыше существуют силы, способные допустить подобное.

Свою Традицию Витторио Гамба испытал на прочность задолго до Катаклизма, как всемирную катастрофу называли в цивилизованном западном мире. Испытал, старательно изучив все трещины фундамента, заложенного в семинарии Папского Латеранского университета. И собственными руками разрушил этот фундамент, кирпич за кирпичом укрепив новую веру и направив ее по единственно возможному, с точки зрения молодого человека, пути…

Гамба отвернулся от реликвария с мощами Себальда, отступил на шаг от стеклянной витрины, где хранилось одно из величайших сокровищ Ватикана. Когда он рассматривал ковчег, покрытый великолепной резьбой, в голову каждый раз возвращались воспоминания о прошлой жизни. О жизни, когда он еще мог улыбаться.

– Что же ты не встал, когда ангелы Господни протрубили начало Страшного суда? – сухими губами прошептал Витторио усопшему святому. Слово в слово, как делал каждый раз, рассматривая гробницу. – Или этот Суд лишь предстоит нам, глупый старик?

Он с ленцой прогулялся по выставочному залу, даже не глядя на сокровенные богатства мировых Традиций, аккуратно разложенные по выставочным шкафам. У самого выхода из комнаты задержался перед картиной, обрамленной в раму от огромного зеркала. Картину написали маслом меньше десяти лет назад, но подражание реалистам Средневековья было таким качественным, что полотно казалось древним.

Молодой рослый мужчина, облаченный в рыцарские латы XVI века, взирал на Гамбу вполоборота – горделиво и чуть насмешливо. Хищный латинянский профиль, светлые вьющиеся

волосы, высокий лоб и воинская стать в плечах. Так мог бы выглядеть сам Ахиллес, предстань он перед мастером кисти!

Витторио провел перед картиной почти минуту, впитывая знакомые черты лица, лаская взглядом усыпанные золотом доспехи, рассматривая гладкие пальцы, украшенные перстнями. Единственное зеркало во всем огромном доме. Единственное зеркало, сумевшее навеки поработить его образ до битвы в Заоблачном Треугольнике. Венец ошеломительной коллекции артефактов, собранных под одной крышей. Напоминание, что Гамба на верном пути…

Он вышел из хранилища, запер железную дверь, по короткой лестнице спустился в центральный холл своего дома. Бесшумными тенями, на которые Витторио не обращал внимания, сновали двое слуг, метлами из перьев избавляющие мебель от пыли. Почтительно поклонившись господину, сервы вернулись к работе, молчаливые и бесстрастные. Так же как и зеркалам, им никогда не увидеть его обезображенного лица – до Катаклизма Земля пестовала талантливых, предельно изобретательных конструкторов.

В зрительные центры всех семерых рабов, обслуживающих убежище Гамбы, были имплантированы специальные датчики. В обычное время нанороботы никак не влияли на зрение слуг, но стоило лакеям хоть покоситься на хозяина, как срабатывала программа. Взгляд размывался, фокус пропадал, и никто из них не мог даже представить себе, каков их повелитель на вид.

Гуляли слухи, что до своего исчезновения схожим образом адепты корпорации Мутабор не могли описать внешность своего примарха – Милостивого Владыки Грядущего. Даже под пытками. Но если своей силы Милостивый Владыка добился при помощи чар, Гамба подчинял Цифру и восхвалял церковь ее – всесильную лабу.

Пересекая просторный обеденный зал, обставленный на грани тончайшего вкуса и скупости, Витторио машинально поднял к лицу правую руку. Удержался, чтобы не провести пальцами по бугрящейся коже, стиснул зубы. Крошечные частички термопены, навсегда засевшие в его лице и шее, снова пробуждались, требуя новой операции.

Терпеть. Как можно дольше, как только можно! Из последних сил терпеть, не прибегая даже к помощи чудесных трав бокора Гэлле… Исключительно выдержкой можно растянуть время, оставшееся до следующей операции. Позволить боли победить и сдаться – означало сократить цикл, ложась под нож не раз в полгода, но каждый месяц.

– Dictum, – Гамба подал голосовую команду ближайшему

серву. – Бокал монтепульчано 1978 года. – Приказ отдавал, уже выходя из залы. – Принести в кабинет.

– Будет исполнено, господин, – отложив пушистую метлу, поклонился слуга.

Если в следующие три секунды голос хозяина не прозвучит вновь, специальный имплантат вновь отключит слух лакея, активировать который сможет лишь кодовое слово из обожженных уст. Безглазые и глухие – вот те, кому Витторио Гамба мог доверить уход за своим жилищем. А также себя, настоящего, каким он был в обычной жизни…

Кабинет, в отличие от полупустой и, по сути, декоративной гостиной, в которой никогда не накрывали столов, был обставлен отнюдь не по-спартански. Огромные экраны занимали всю дальнюю стену, перед ней же изогнулся узкий верстак, на котором ровными рядами разместились «раллеры», коммуникаторы и другая техника. Из мебели, не имеющей отношения к Цифре, в кабинете находилось лишь удобное кресло, столик на резной ножке и платяной шкаф в углу.

Погрузившись в удобное до одурения ортопедическое кресло, Витторио не спешил активировать рабочую систему. Дождался, пока серв мышью проскользнет в кабинет, украсив столик бокалом красного вина, и так же шустро покинет помещение. Только закрыв с пульта дверь и убедившись, что замки сработали, Гамба включил шесть экранов и три «раллера», выводя аппаратуру из «спящего» режима.

Кабинет ожил, как проснувшийся от спячки зверь. Загудел, задышал, заморгал экранами.

На два правых дисплея постоянным потоком подавались круглосуточные новостные ленты. Левая половина мониторов отводилась проектам, официально развиваемых «Gruppo Aggiornamento» на корпоративных территориях уцелевших Анклавов. На два центральных сплошным хаотичным потоком текли данные о проектах, курируемых лично Гамбой: аналитика и оперативные отчеты по операциям, финансирование которых велось из его персонального кошелька.

Отхлебнув старинного вина, чей вкус кружил голову, Витторио бросил рассеянный взгляд на новостные выпуски, одновременно впитывая информацию из пяти-шести источников. Стихийные бедствия, ограбления банков, политические скандалы, национальные волнения, локальные войны, рейдерские захваты танкеров с бесценным грузом и запуск новых орбитальных спутников. Такое чувство, что Гамба провалился в прошлое, когда и в помине не было Станции, не стонала пронзенная Копьем планета и континенты не сходили с насиженных мест.

Словно перехватив его мысли, один из новостных каналов запустил сюжет про новую партию «счастливчиков», пробившихся через отборочное сито Анклава Москва. Несколько тысяч довольных индусов, едва ли не поименно отобранных службами доктора корпорации «Науком», грузились на специальные поезда, уходящие на Станцию.

Гамба дернул щекой, удержав болезненную гримасу презрения.

Влияние злого джинна по фамилии Кауфман, уже давно покинувшего разбитую волшебную лампу под названием Москва, становилось пугающе всесильным. Русский Анклав, уже не первый год исполняющий не корпоративную, но личную волю Мертвого, медленно и верно превращался в фильтр, через который люди готовились течь к звездам. Или не течь – как раз это и решали московские безы, чьи полномочия сегодня было трудно переоценить…

Витторио еще раз глотнул вина, включая коммуникатор и просматривая свежую почту. В его мире все будет иначе. Совсем иначе. Потому что, если боги погибающей Земли оказались стеснительны и трусливы, отказываясь напрямую повелевать своей паствой и используя для этого прелатов, начальников СБ или архиепископов, то Витторио будет иным.

Новый взгляд на Традиции, о которых Гамба сегодня уже вспоминал, был отважен и непредсказуем, как и сами потомки Цезарей. И пусть надежды родителей рухнули, а семинарию пришлось бросить, именно годы в ее стенах одарили Витторио глотком свежего воздуха, прочистившего мозги. Учеба в семинарии, и, конечно, дядюшка Раймундо, приметивший молодой самобытный ум.

Приметивший и против воли брата швырнувший его в пучину управления семейной корпорацией «Gruppo Aggiornamento». И пусть конфликт между отцом и дядей так и не стих до самой смерти родителя, Гамба ни о чем не жалел…

Боги и демоны не обитают в небесных дворцах из горного хрусталя или зловонных расщелинах без дна. Боги и демоны живут среди обычных людей, являясь такими же обычными людьми. Только очень могущественными, всесильными, почти бессмертными верхолазами, восседающими в небоскребах, откуда земля кажется игрушкой. Что и делает их богами. Или демонами.

Сегодня они – простые смертные, а уже завтра о многих сложат эпосы и создадут в их честь новые Традиции, восхваляя и поклоняясь им.

Паствой их станут покупатели и потребители. Пантеонами их – армии наемников и свиты помощников, жадно ловящих каждое

распоряжение. Сагами и легендами о молодых богах назовут жизнеописания восхождений на троны и хроники войн с конкурентами. Символами их именуют новые логотипы и брендовые лейблы. Небесными колесницами станут суперскоростные «страты» и межконтинентальные дирижабли. Божественной карой их будет умение отнимать то, что было подарено примитивной толпе…

Еще тогда, в далекие студенческие годы, разоблачив, как ему казалось, самого Иисуса Христа, Витторио убедился в своей правоте. А позже, после трех лет оперативной работы на бездетного дядюшку Раймундо и познания истинной специализации «Gruppo Aggiornamento», он окончательно поверил в избранную ранее eventus.

Когда же Чудовище распахнуло двери в иные миры, Гамба вдруг хрустально четко разглядел дорогу к собственному триумфу…

Одно из писем в ворохе электронной корреспонденции внезапно вывело Витторио из равновесия, заставив распрямить плечи и приподняться в кресле. Проведя над коммуникатором нехитрые манипуляции, он сбросил послание в систему, выводя на центральный дисплей.

Пакет прибыл на его адрес не прямым путем, а через специальную программу, коды к которой на этой планете знали считаные избранники. Если верить данным отчета, спутник «Наукома», в том числе несущий на борту и картографическое оборудование корпорации «Gruppo Aggiornamento», подхватил вирусное письмо несколько часов назад где-то над сердцем Евразии.

Сердце Гамбы радостно екнуло, и он жутковато покривился, что до сражения в Треугольнике выглядело обворожительной улыбкой. Глотнул вина, распаковывая зашифрованный файл.

Файл оказался видеосообщением, причем до чрезвычайности необычным. Картинка словно замерла в статике, лишь чуть подрагивая – камера оператора была прицелена в карандашный рисунок на обрывке бумаги, а звук нашептывался в микрофон.

Контакт велся не в режиме он-лайн, что за время сотрудничества случалось нечасто. Но Витторио все равно по привычке пересчитал языки сказочного зверя, нарисованного на листке.

Все сходилось, и итальянец обратился в слух.

– Я внутри, приступаю к работе. – Голос Леона Брейгеля был негромким, но разборчивым. – Сообщение получишь, когда я отправлюсь на первую прогулку, других способов связаться не будет. Оснований для беспокойства нет, хотя сам комплекс

оказался сложнее, чем я предполагал. Кроме того, официальное управление комбайном на поверку значительно слабее, чем это заявляется в СМИ – машина кишит нелегальными работниками, наркоторговцами и шулерами, которых прикрывают Триады. По заданным тобой вопросам новостей пока нет, но я только приступаю к заданию и не теряю оптимизма. С одной стороны, отыскать нужного человека в этом муравейнике непросто. С другой стороны, царящий на «Императоре Шихуанди» бардак обязательно сыграет мне на руку, главное, выбрать точку приложения сил. На этом пока все. Если возникнет возможность выйти на незапланированную связь, я непременно ею воспользуюсь, чтобы держать тебя в курсе.

Откидываясь на высокую спинку кресла, Цикл сделал большой глоток темно-красного нектара. Один из его лучших фрилэнсеров все же сумел проникнуть на комбайн китайцев, что само по себе достойно праздника. Причем сумел проникнуть за самые короткие сроки, уже приступив к работе.

Допив вино, Гамба склонился к микрофону внутренней связи, утопил кнопку.

Взглянув на мониторы, обнаружил, что убирающий пыль серв еще не покинул холл.

– Dictum, – активировал он его слух. – Открытую бутылку монтепульчано принести в каминный зал. И большую тарелку твердого сыра.

Пробежавшись взглядом по рабочим файлам, открытым на центральных дисплеях, Витторио принялся сворачивать документы, имевшие отношение к злополучному и почти завершенному проекту «Фетус».

Неприятные весенние события поставили под угрозу не только *финальную* стадию этой операции, но и весь стратегический замысел Витторио. Если шаткая ситуация не нормализуется до конца года, зеленый свет придется давать резервному проекту, куда более рискованному и затратному…

Разумеется, контролируя армию, все же водрузившую над Станцией свои знамена, Цикл бы избежал ненужных финансовых вложений. Но если другого выхода не останется, он готов…

Беззвучно проклиная Гилярова и всю его глухую Сибирь, Гамба отвернулся от данных по «Фетусу». Бегло просмотрел обновленные аналитические выкладки по масштабной программе «Малатеста», старт которой – по мнению Июня, – теперь зависел только от наличия инвестиций и решимости Витторио. Вздохнул, с неохотой заставив себя еще раз переключить внимание.

Развернул кресло, всматриваясь в экраны слева.

Пришла пора решить вопрос с галеоном корпорации,

застрявшим в проливе Дрейка. Уже вторые сутки старенький реактор судна был готов рвануть, унеся жизни двух тысяч смуглоликих рабов, запертых в трюме. И пусть каждый из них стоил считаные медяки, общая цена партии исчислялась круглой суммой.

Как бы ни были важны личные изыскания Гамбы, в эту секунду перед семейной корпорацией стояла более актуальная задача – по защите своих активов. Дядя придет в настоящую ярость, узнав, что племянник не попробовал спасти корабль и его груз… Поэтому сейчас Витторио посвятит себя работе, незамедлительно сформировав команду инженеров, привитых его экспериментальной сывороткой.

Он проработает ровно час, после чего отправится в каминную и обязательно отпразднует…

Некоторые беды предсказать незатруднительно
3 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

Осознание факта, что один и тот же поступок может быть чудовищно искажен в сетевых учебниках истории, Листопад воспринимал с легким недоверием. Как можно исказить истину, когда о ней знают десятки государств и миллионы людей? Как можно что-то скрыть, перевернуть с ног на голову или оболгать нелепыми мотивами?

Возможно, на таком недоверии сказывался возраст машиниста. Может быть – преисполненная ослепительного света вера в дело всей жизни, неспособное быть порочным. А может быть, именно возраст переполнял парня этим самым светом, возводя баррикады и превращая во врагов целые народы. Свою лепту внес и Инцидент, перемоловший сырые принципы младшего Гринивецкого, заставивший поверить в гнев Геи, в силу убиваемого человеком мира…

А вот еще одно из рассуждений Порфириона юноша усвоил легко и сразу – историю пишут победители. И если восточные провинции Омарского эмирата бунтуют против коррупции и грабительских налогов, это бесчеловечные зверства фанатиков и мятежников, профинансированные врагами Аллаха. Если же восстание утоплено в крови при помощи армий Исламского Союза, речь идет о восстановлении мира и справедливости.

Кто через сто лет вспомнит идеологию проигравших?

Кто обвинит миротворцев, вынужденных немного испачкать руки?

К собственной миссии Степан относился так же – с холодной, насколько это было возможно, решимостью действовать, презирая критику и аргументы врага. Воевать с острым осознанием правоты.

Рушить шедевры непросто, но после победы «Мидгарда» они обязательно докажут миру, что другого выхода не существовало. Какой бы болезненной ни оказалась операция по удалению опухоли…

Хладнокровие, впрочем, удавалось хранить не всегда. Два раза в день, а иногда и чаще Листопад не мог справиться с собой, отправляясь в канализационные коллекторы, чтобы проверить целостность тайника.

Вот и сейчас, ежесекундно оглядываясь, он спускался в темные подвалы, стараясь сдержать дрожь и отвращение.

Слушая крысиный писк, он изо всех сил гнал от себя мысль, что и сам является крысой. «Тараканом», как их называли «коренные» с комбайна. Существом, предпочитавшим солнцу рассвета мрак тоннелей и безопасность уютных нор.

Убедившись, что за ним никто не следит, Листопад присел на корточки. Нащупал под влажной пластиковой трубой завернутый в тряпку «раллер». Туда же он спрятал настоящую «балалайку» Степана Гринивецкого. Там же, еще не активированный, хранился и его главный козырь – почти настоящий «поплавок».

Конечно, искусность изготовивших его граверов была сомнительной и не могла сравниться с мастерством создателей недавнего прошлого. Но требованиям Порфириона процессор отвечал, а большего ломщик и не требовал. Когда придет час, устройство сыграет свою роль, нанеся врагам Геоса мощный удар. Возможно, даже смертоносный.

Развернув отсыревшую тряпицу, Листопад погладил блестящую коробку герметичного футляра, в котором хранилась электроника. Замотал снова, сунул обратно, вытирая мокрые руки о штанину. В голове, ставший привычным спутником одиночки, зазвучал голос наставника:

– Иногда объективную правоту можно навязать только силой оружия, – шептал Порфирион. – История знает массу примеров, когда доброта сжимает кулаки или берет в руки меч. Ни один здравомыслящий родитель не станет бить свое дитя за непослушание или капризы. Но человечество – давно не ребенок. Это взрослый, намеренно губящий себя.

Человек не имеет права, подобно богам, ходить меж мирами, пронзая бесконечный Космос. Уподобившись им, он оскорбляет саму суть мироздания, низвергая основы, руша фундамент, обрекая свой дом на хаос и погибель.

Запретные комнаты, и в это Степан тоже верил, стоит охранять пуще зеницы ока. А если понадобится, выставлять вооруженную охрану. Если же глупцы попробуют пройти, будто падающие со скалы лемминги, он остановит их, пусть даже покалечив…

– Как наркомана, изолированного на время ломки, мир нужно лечить решительно и не обращая внимания на мольбы, – продолжал в его сознании заученную проповедь незримый наставник. – Приковывать к трубам, лишать воды и пищи, силой помогая отринуть ложные убеждения и сбросить путы зависимости. Пройдут, возможно, годы, но наши старания будут вознаграждены. И потомки, возродившие истерзанную планету,

обязательно вспомнят наши имена. Имена тех, кто не позволил Иерарху умереть. Имена героев.

Выбравшись из коллекторов, Листопад двинулся в жилую часть комбайна.

Он уже достаточно хорошо изучил местные ходы, чтобы не попасться на глаза рабочим или солдатам. А потому выскользнул на оживленную «улицу» яруса незаметно и ловко, очень довольный собой.

Покружив по массивным индустриальным переходам и удостоверившись, что за ним не следят, Степан отправился на промежуточный уровень, где на подвесном мосту завлекало народ аппетитными запахами заведение «Ди Лианг». Не проходило и дня, чтобы Листопад не навестил своего нового друга, немало сделавшего для «Мидгарда», даже не подозревая об этом.

Чи Вай был ему симпатичен.

Может быть, из-за своей простоты. Возможно, из-за искренности, с которой помогал чужаку. Конечно, за деньги, но ни разу парнишка не попросил сам – все вознаграждение человек по имени Денис Йен выплачивал китайцу по собственной воле.

Деньги, кстати, подходили к концу, но Листопад был уверен, что успеет выполнить задание до того, как потратит последний юань.

Гао уже и так рассказал *достаточно*, оставалось лишь проверить имевшиеся данные. И про внутреннюю сеть комбайна рассказал, и про жесткий контроль над ней. И про резервные залы для машинистов НОАК, запечатанные до полномасштабного нападения на комплекс.

Именно оттуда, подключившись к сети «Императора Шихуанди», «Мидгард» ударит китайцев, отбив у них желание прокладывать свой «Звездный Путь». Именно эти резервные залы станут местом, из которого он покажет миру, что Гея не готова отпускать своих детей. Как минимум до тех пор, пока те не позаботятся о своей Матери…

В залах кабака было людно – дневная смена прибыла на обед, а вооруженные талонами прорабы шли забирать пайки для сотрудников, неспособных отлучиться с рабочих мест. Листопад, уже научившийся использовать преимущества толпы, привычно затерялся среди шумного люда, заняв единственный свободный стул за стойкой.

– Миску риса, чай, – почти без запинки заказал он официанту. Чтобы не болтнуть лишнего или не выдать акцент, коротко бросил вдогонку: – Чи Вай Гао?

– Я посмотрю, если не занят, – равнодушно ответил незнакомый поваренок, передавая заказ на кухню.

Уже через минуту перед Листопадом стояла миска риса, до половины залитая густым овощным соусом. Разумеется, синтетическим, но тушеные помидоры пахли так ароматно, что у ломщика потекли слюнки.

Вокруг шумели и смеялись, стучали о края мисок крохотные ложки, щелкали палочки, лился в пиалы темно-коричневый напиток. Посматривая на серые лица работников металлического чудовища, Листопад в очередной раз поразился неиссякаемой энергии, переполнявшей народ Поднебесной. Глотая дешевую лапшу или кашу, полезные свойства которых вообще вызывали подозрения, они вели себя так, будто каждый второй в этой комнате был верхолазом.

Их совершенно не тяготили трудности работы, несчастными случаями уносящей по две-три жизни в неделю. Не тревожила продолжительность каторжанской вахты. Не беспокоил титанический объем работы, которую ПТК еще только предстояло проделать.

Глядя на окружавших его людей, шумящих, пихающихся локтями и улыбчивых без причины, Листопад ощущал себя спасителем. Совсем скоро он освободит всех этих рабов. Даст им возможность вернуться на поля, возвращая Гее жизнь…

– О, Денис! Привет! – Гао вынырнул из подсобного помещения, вытирая о фартук перепачканные пищевым концентратом ладони. – У меня через полчаса перерыв, поболтаем!

И он кивнул на двери служебного выхода из столовой.

– Привет, Чи Вай! – Стараясь улыбаться как можно более естественно, кивнул Листопад, помахав рукой с зажатыми в ней палочками. – Я буду ждать…

Не спеша поел, наблюдая за людской суетой. Так же неспешно допил чай, отдающий грибным вкусом. Заказал впрок пару соевых лепешек, сунув за пазуху. И вышел из пустеющего зала, обходя «Ди Лианг» сбоку.

Гао появился совсем скоро. Закрыл дверь, прислоняясь к ней спиной. Облегченно вздохнул, вынул из кармана пачку дешевых сигарет. За время перерыва он успевал выдымить сразу две, каждый раз вежливо предлагая табак некурящему Йену.

– Ну что, как дела? – с улыбкой поинтересовался он, поджигая сигарету и протягивая пачку товарищу. – Нашел работу?

– Спасибо, не курю, ты же помнишь… Почти нашел, – соврал Листопад, уверенно кивая. Эта легенда имела основания, не придраться даже знатоку. – В сталепрокатном № 12… разнорабочий остался без руки, но прораб не хочет терять квоту…

и выплачивать штрафы за нарушенную технику безопасности. Калеку оставят на борту, а меня он готов взять на его место… за половину зарплаты. Если не передумает, скоро выхожу…

Говорить приходилось с паузами, за которые Листопад себя проклинал, но быстрее примитивная «балалайка» русский текст обрабатывать не могла. Чи Вай, впрочем, к такой манере речи уже привык, лишних вопросов не задавая.

– О, как я рад за тебя! Это нужно будет обязательно отметить! – Он хлопнул в ладоши и энергично потер руки. – Кстати, поговаривают, что скоро комбайн встанет на прикол. Дней на шесть, не меньше. Значит, снаружи разобьют лагерь. Хозяин говорит, работа на свежем воздухе благоприятно сказывается на нашем здоровье. Тут оставят пару человек, а в остальном «Гнутый мост» перебазируется во временный городок. Говорят, это похоже на праздник – постоянно проводят какие-то распродажи и ярмарки, соревнования. Даже цирк выступает, можешь себе представить?!

– Вот здорово, – с неподдельным изумлением выдохнул Листопад. – Это же так хорошо!

Остановка явно являлась незапланированной – еще в Новосибирске Степан хорошо изучил предварительный график работы «Ильи Муромца», насколько тот был известен сибирякам. Но Гринивецкому она точно сыграет на руку – большинство солдат наверняка выведут наружу для поддержания безопасности и порядка. Значит, ломщик сможет разведать подходы к резервным операционным…

– Ага, телевизионщики тоже обрадовались, – подтвердил Чи Вай. – Ты же наверняка видел людей с камерами, снующих по всему «Императору»? Снимают про нас какой-то фильм. Уверен, им будет на что посмотреть, когда мы построим лагерь – хозяин рассказывал много интересного. Там будут даже глотатели огня!

– Да, это отличная новость, друг мой, – все еще переваривая услышанное, неуверенно поддержал его «Денис Йен», просчитывая обновленный сценарий. – Пусть уже лучше журналисты снимают городок, чем шатаются по нашему комплексу, вынюхивая его секреты…

Чи Вай кивнул, соглашаясь. Неспешно прикурил следующую сигарету от окурка первой.

– Кстати, о тех, кто вынюхивает, друг Йен. У меня есть для тебя кое-что еще, – изучая глаза машиниста, многозначительно протянул Гао, делая две быстрые и глубокие затяжки. – И я бы не сказал, что на этот раз вести добрые…

Степан чудом не отшатнулся от китайца, но скрыть волнение все равно не смог. Лицо его окаменело против воли, сердце

сжалось в нехорошем предчувствии. Однако Гао предпочел трактовать его реакцию по-своему.

– Нет, дружище, это не солдаты Каракурта. Да не бледней ты так, а то еще упадешь в обморок… Вижу, ты верно меня понял, но не совсем… Просто вчера в «Мост» приходил один мужчина. Белый, вроде русский. Все вопросы задавал, вынюхивал что-то. Парни с кухни даже думали намять ему бока, но вовремя рассмотрели документы посольства треклятых сибиряков. Представляешь себе? Русские совсем охамели, раз уже не сидят в дареных кабинетах, а бесстыдно разгуливают по комбайну.

«Представитель посольства Республики Сибирь здесь, на уровнях для грязных разнорабочих?!»

Листопад почувствовал, что у него похолодело внутри. Запах сигарет Гао стал отвратителен и резок, заставив ломщика закашляться.

– Не знаю, что это может означать. – Чи Вай пожал плечами, стараясь выдыхать дым в другую сторону. – Но пока советую затаиться. Может, дотошные русские пытаются провести неофициальную перепись, может быть, ищут кого-то из собственных нелегалов. Но раз так вышло, лучше ляг на дно. Я знаю, где ты живешь, так что давай, буду сам тебя навещать. Договорились?

– Да-да, конечно… – выведенный из равновесия этим моральным апперкотом, невпопад ответил Степан.

Пальцы сами собой потянулись к вороту, вытянули цепочку с серебряным образком. Покручивая подвеску, он начал молиться, стараясь одновременно поддерживать разговор.

– Может, и правда по головам считают… или ищут кого-то… Я тогда посижу пока в комнате… Надо еды купить побольше… И прорабу скажу, что выйду на работу только через пару дней…

– Ага, друг Йен, это верное решение! Насчет еды не тревожься, вечером я украду для тебя пару рабочих пайков. – Заинтересованный взгляд Гао вдруг уперся в сверкающий кулон. – Красивая вещица. Что это?

– Это?.. А… – Вопрос Чи Вая окончательно сбил Листопада с толку. – А, это оберег. Талисман.

– Кто там изображен? – Поваренок наклонился вперед, прищуриваясь. – Кто этот человек? Твой покровитель?

– Да, покровитель… – Степан и сам уставился на образок, будто видел его впервые. – Это Святой Чайка. Он принял мучения ради того, чтобы люди не испытывали бед и жили в достатке. Он исчез, но считается, что растворился в мире Цифры. Он был самым сильным машинистом в мире…

– Ты знаком с машинным делом? – изумился Гао. – Здорово, я

тоже когда-то мечтал выучиться. Но Перерождение заставило искать в жизни новые дороги. Да и нет больше никакой Цифры…

Он затушил окурок о металлический косяк служебного выхода, потеряв к кулону с Чайкой интерес так же быстро, как тот и возник. Степан, все еще поглаживающий подвеску, продолжал смотреть куда-то вдаль.

– Ну все, мне пора, а то получу по шее за опоздание. – Чи Вай улыбнулся другу, помахав рукой. – Иди домой, Йен, вечером я обязательно навещу тебя.

И он исчез, даже не позволив Листопаду попрощаться.

Какое-то время тот стоял столбом, но затем смысл услышанных новостей обрушился на него с новой силой. Затравленно обернувшись, «таракан» бросился прочь, накидывая глубокий капюшон. Волосы парика лезли в глаза, но теперь Степан и не думал отбрасывать их, моля покровителя о неприметности и защите.

Человек из посольства ищет кого-то.

Один человек.

Не официальная делегация в сопровождении китайских солдат. Не патруль с голографической проекцией беглеца. Не «барсы» Бугаева, которых он подспудно ждал. Его ищет один-единственный человек с обширными дипломатическими полномочиями. Либо очень дурной, либо очень смелый. И Листопад был готов поставить на второе.

Мужчина, которого Чи Вай видел вчера в своем заведении, был гончей, которую его брат пустил по следу. Он пришел сюда, чтобы найти Степана и помешать ему выполнить миссию, даже если ничего о ней не знал.

Мужчина, прибывший за Гринивецким, был врагом.

Озарение кроется в груде мелочей. Важно лишь грамотно рассортировать
2 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

Остановка комбайна застала его в помещениях камнедробильного завода.

В разгар первого дня осени. Среди шума и грохота, среди пронзительного шипения гидравлики и гудения двигателей дробильных машин. Когда туша «Муромца» вздрогнула, тяжело замирая, отсутствие даже самого черепашьего движения сразу стало заметным, и Илья почувствовал неприятное фантомное чувство.

Впрочем, скорее всего перерыв в путешествии комбайна сыграет ему на руку, потому что…

Куда проще, если тебя отправляют в тайгу, даже не снабдив точными координатами цели. Топаешь себе да топаешь, костры жжешь, тушенку уплетаешь, охотишься, огибаешь «карманы» и с Куницами стараешься дружбы не водить. Тут же, хоть расшибись, было совершенно непонятно, куда соваться. Не по громкой же связи умолять беглеца идти в полон.

За первые трое суток Илья сделал все, до чего додумался сам, и почти все, что входило в стартовые инструкции Терпения. Первый день просидел в базах данных посольства, просматривая материалы о приезде Степана Гринивецкого на объект «Илья Муромец». Сопоставил информацию с рапортами «барсов», получивших за свой залет взыскания и трепку. Поднял и изучил самые ничтожные мелочи, которые Эдуард успел собрать об организации «Мидгард». Но так и не смог осознать, какого рожна братишка министра вообще приперся на комбайн…

Если бы террористы хотели взорвать гиганта, безусым юнцом бы не ограничились. Нет, конечно, история войны с террором знает массу примеров живых бомб, накачанных биологической взрывчаткой или химическими составами. Но для того, чтобы свернуть с пути неподъемную громаду «Муромца», не хватит даже сорока камикадзе, начиненных смертоносной термопеной.

Значит, парнишка под печальным прозвищем Листопад приехал на китайское Чудо-юдо не взрывать, а *ломать*. Вот только как, убежав из посольства и потеряв минимальный доступ

ко внутренней сети комплекса? Верно – подключаясь к ней откуда-то изнутри, где не найдут ни солдаты Юйдяо, ни Вебер. К сожалению, все необходимое парнишка, что наиболее вероятно, протащил в комплекс с собой, пользуясь консульскими полномочиями и не проходя досмотр…

Когда? В какую цель будет нанесен удар? По реакторам или Сети? По системе жизнедеятельности, водоочистки или продовольственным складам? Как Листопаду вообще удается уже две недели скрываться на комбайне или в его окрестностях?

На эти вопросы ответов Леший не находил…

И тогда он, не мудрствуя лукаво, пошел вперед. Вниз и вверх, влево и вправо, к носу и снова к корме, бесцельно, но не бездумно. Комбайн стал для него густой таежной чащей, в которой только предстояло отыскать тропы. Беглец стал зверем, по этим тропам ускользавшим. Если Вебер раскусит лабиринты «Муромца», если поймет его суть и ритм, обязательно выйдет на след.

Растворяясь в недрах прокладочного комплекса, Илья час за часом без устали бродил по его коридорам, выматывая нервы офицерам безопасности, пытавшимся приглядывать за странным советником посла. Несколько раз, исключительно в виде проверки, он даже ускользал от опекунов, упиваясь свободой и стараясь не попадаться внутренним патрулям.

Официально экипаж «Ильи Муромца» составлял 2384 человека, включая гарнизон НОАК, рабочих, инженеров и представителей дружеского государства. Уже после первой самостоятельной экскурсии по ярусам и коридорам ПТК Илья убедился, что эта цифра весьма и весьма примерна.

Настоящий город, каковым, по сути, и являлся китайский прокладочный комплекс, был населен густо и не совсем так, как это виделось проектировщикам. Хибары и времянки вырастали там, где по схемам должны были находиться коридоры или холлы. Торговцы выставляли передвижные лотки на каждом свободном углу, а после рабочего дня персонал перемещался по палубам таким сплошным потоком, что было не протолкнуться.

Настоящую численность могла бы установить перепись, но Илья не сомневался, что и ее – как в любом *настоящем* городе – легко сумеет избежать не одна сотня поднебесников.

Стараясь не путаться ни у кого под ногами, Вебер бродил по этажам, на ходу внося поправки в электронную карту «балалайки». По лицам встреченных людей можно было писать историю Китая – историю самоотверженного труда, за которым в равной степени стояли Традиции и кнут надсмотрщика. Посеревшие от долгой жизни без солнечного света, работники

внутренних цехов были похожи на шахтеров, навсегда переселившихся под землю.

Наиболее тяжелую поклажу местные громоздили на узкие подвижные тротуары, еще острее усиливавшие сходство комплекса с настоящим городом. Баулы и ящики величественно плыли вдоль стен, придерживаемые при тряске, развозя грузы по каютам и до скопления лифтовых шахт.

На чужака смотрели с любопытством, но без агрессии. Кто-то тыкал пальцами, с улыбкой обсуждая, и только один тип «муромчан» проявлял настоящую заинтересованность. Именно для них, коротко стриженных крепких парней с выпирающими из-под курток «дыроделами», Вебер демонстративно вывесил на грудь бейдж с персональными данными.

Интерес бандитов поубавился, но следить за чужеродцем не перестали.

Триад, как обратил внимание Илья, тут вообще было немало. Причем чем ниже, тем больше. Ничуть не скрываясь и держась хозяевами положения, они контролировали торговцев и столовые, медицинские лавки и увеселительные заведения, разнимали драки и регулировали бытовые конфликты. На самое дно комбайна, правда, китайская братва не лезла – там солдаты подполковника Юйдяо несли постоянную службу по охране любых выходов из комплекса. Но Илья отметил, что определенные неписаные правила соблюдают и бойцы Каракурта, даже не заглядывая в некоторые зоны этажей…

Именно в таких зонах, где жили люди, прятавшие от бледнокожего незнакомца лица, и стоило искать Листопада. Именно туда ушел бы сам Илья, доведись ему стать мишенью. Именно туда ему и предстояло окунуться, пусть даже на свой страх и риск – для того Вебер и отринул сытую жизнь, отправившись исполнять просьбу Терпения.

Сменив летний брючный костюм на «спортивный», этим утром советник посла спустился на лифте на самый нижний ярус, куда только дозволяли его полномочия. От соглядатая, попробовавшего сесть на хвост, он оторвался на пересадках, растворившись в толпе спешащих на вахту рабочих. И принялся искать, суя любопытный нос во все, даже самые дурно пахшие, щели необъятного комбайна…

Рабочие на незнакомца внимания почти не обращали, косясь недоверчиво, но беззлобно. Старшие смен, бригадиры и начальники цехов активности проявляли больше, но отступали еще до начала разговора – светящийся бейдж сообщал о многом, и вступать в конфликт с высокопоставленным чужестранцем не хотелось никому.

Особенно учитывая, что ничего криминального или запрещенного чужак все равно не делал – бродил да головой вертел. Раз уж доступ получен, не может же второй человек посольства быть шпионом? Да и нюхачи Желтого Каракурта должны ошиваться поблизости, не вправе они вот так запросто отпустить дорогого гостя в полные опасностей заводские отсеки…

Несколько раз Илья встречал съемочные группы иностранных инфоканалов. Презрев грязь и угрозы ЧП, подобно самому Лешему, журналисты носились по самым темным уголкам комплекса, куда их только допускали сопровождающие офицеры НОАК. Шокированные, подавленные сотнями тонн нависающего над головой железа, суетливые и норовящие обогнать коллег-конкурентов.

Именно одна из таких групп его внимание и привлекла. Причем сложно сказать, чем именно.

Но, внимательно изучив дробильный цех и уже направляясь к лифтам, Илья решил понаблюдать за работой документалистов, заодно переводя дух.

Опершись на перила решетчатого титапластового балкона, Вебер с интересом следил, как дирижирует небольшим отрядом помощников высокий темноволосый испанец. Лицо режиссера выдавало в нем любителя приложиться к бутылке, но на своем рабочем месте он был собран, строг и подчеркнуто полон энергии.

Однако наибольшую заинтересованность Лешего вызвал не пропойца-режиссер, натуральный представитель творческой интеллигенции, а его оператор, чье лицо почти полностью скрывала специальная рабочая маска.

В отличие от других журналистов, он определенно имел военное прошлое, причем совсем недавнее – вытравить из себя воинскую выправку родственник корриды пока не успел. А еще Илью поразило его умение перемещаться по цеху, постоянно оставаясь настороже – будто и не было маски на лице, а на затылке и вовсе разместилась лишняя пара глаз.

Размышляя, как спецназовца вообще могло занести в журналистику, Вебер бросил в рот порцию питательной жвачки, заменявшей ему обед.

Проведя камерой по цеху, оператор снял общий план, в который, судя по всему, попадал и сам Илья. А затем опустил камеру и снял маску, позволяя рассмотреть лицо. Худое, скуластое, ничем не примечательное. За исключением усталости, заметить которую способен лишь тот, кто трое суток без сна вышагивал по тайге, пустыне или тундре.

Уже почти собравшийся покинуть цех, Вебер заставил себя

задержаться.

Оператор, скользнув по нему бесцветным взглядом, вернулся к работе, а Илья вдруг нащупал свежую и довольно интересную мысль. Удержал ее, рассматривая со всех сторон, улыбнулся. Его не интересовало, где проводит бессонные ночи знойный гость из Каталонии или Наварры. Но если…

А что, если тот, кого он уже четвертый день безуспешно выискивает в глубинах станции, прячется не на ее борту? Что, если Листопад зарылся в настоящую нору – где-то неподалеку от комбайна, тайком проникая внутрь и так же незаметно покидая «Муромец»? За сутки ПТК проходит не больше пятнадцати-двадцати километров. При такой скорости его всегда можно нагнать, даже если порядком отстал. И пусть риск попасться патрулям немал, таким образом брат Терпения способен избежать повышенного внимания со стороны рабочих! Ведь нужно же ему где-то спать и справлять нужду?

Мысленно поблагодарив усталый вид журналиста за подсказку, Вебер отправился к лифтам.

Если Листопад затаился в одной из горных пещер вокруг комбайна, Илье с его егерским опытом не составит труда отыскать следы черенка. Во всяком случае, размышлял он, вызывая лифт с помощью электронного бейджа, это будет легче, чем лазать по душным лабиринтам…

В этот-то момент комбайн и встал.

Замер, содрогнувшись от гусеничных блоков до антенн и ветряных мельниц на крышах. А за секунду до этого по коридорам и палубам «Ильи Муромца» прокатилось громогласное предупреждение:

– Внимание, внимание! Комплекс совершает внеплановую остановку! Для собственной безопасности возьмитесь за специальные поручни! Руководителям служб, старшим рабочим, инженерам геологической разведки собраться в штабе уровня № 11 для проведения оперативного совещания!

Когда туша прокладочного комбайна замерла, громкоговорители продолжили инструктировать населяющих его людей:

– По распоряжению товарища Юйдяо, остановка продлится несколько суток. Всем социальным и вспомогательным службам приступить к исполнению плана трансформации по схеме «Семь дней». Для создания внешней инфраструктуры будут открыты все шлюзы по левому борту комплекса…

Лифт прибыл, и Илья вошел в его обшитую листовым металлом кабину. Голос из вездесущих динамиков и тут лился на его коротко остриженную голову, не позволяя сосредоточиться.

Поморщившись, Вебер утопил кнопку нужного ему яруса.

Остановка великана выпадала из всех известных в Новосибирске планов. Но китайцы и не обязаны предоставлять сибирякам поминутный график горных и прокладочных работ. Более того, задержка движения способна даже помочь Лешему.

Если «Муромец» замер хотя бы на пяток дней, советник посла потратит их как раз на внешнюю разведку. Причем начнет уже сегодня вечером. Ведь сумерки – излюбленное время крыс, когда они выбираются из своих уютных извилистых нор…

Перемен обычно и не ждешь. А они все равно наступают
2 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

Размышляя о новом знакомце, чью неказистую судьбу определили любвеобильные представители чуждых культур, Чи Вай вспоминал старинную китайскую сказку. С одной стороны, у Гао не было никаких причин помогать «таракану», невольно рискуя собственной шеей. С другой стороны, хорош бы он стал, если бы уподобился крестьянину Не-мое-дело, рассыпавшему по дороге целый мешок добрых бобов.

Ведь иногда беда не бывает чужой, разве не так учат мудрые родители?

И дело не только в деньгах, которых у Дениса оказалось немало. Чи Вай, бесспорно, помог бы полукровке и задаром, просто потому что тот ничего не знал о необъятном «Императоре». И без оплаты услуг стал бы тратить свое время на экскурсии по комбайну, объяснение принципов работы его служб и отделов, подсобил бы с жильем. Другое дело, что Йен оказался благодарным парнем, материально компенсируя хлопоты нового приятеля.

Было очевидно, что Денис не так прост, как хотел бы казаться Чи Ваю. Но это поваренка не касалось – каждый полон секретов, но далеко не каждая из тайн достойна всеобщего обозрения. Если Йену есть что скрывать, пусть так и будет, окажись он хоть наследным принцем в изгнании…

Подзатыльник хозяина «Гнутого моста» опустил Гао на землю, вырывая из раздумий.

– Э-э-э, лодырь, хватит ловить мух! – Мясистый палец уткнулся в лицо Чи Вая. – Если будешь мечтать о цапле, никогда не отведаешь даже курятины… Отнесешь эти коробки на кассу и выдашь водителям. И пошевеливайся, давай-давай!

Паренек послушно схватил указанные брикеты пайков, торопливо потащив их в обеденные залы. Завхоз одной из механизированных колонн уже ждал его возле раздаточной стойки, выложив перед собой продуктовые талоны, по которым отоваривались водители грузовиков. Сверив бумаги с наклейками на коробках, Гао внес данные в компьютер заведения, с поклоном отдав пайки пропахшему машинным маслом трудяге.

Как обычно в разгар рабочего дня, в «Гнутом мосту» было

немноголюдно. Официанты, воспользовавшись передышкой, кучковались в дальнем углу, доедая обеды неторопливо и со смехом. А вот парочка, сидящая на лучших местах в центре главного зала, Чи Вая насторожила так, что ноги стали кисельными, чуть не уронив его.

Он сразу узнал сидящего к дверям лицом. А даже если бы и не узнал, догадаться о том, кто пожаловал в «Мост» испить чаю, было нетрудно.

Члены «Союза трех стихий» одевались ярко, современно и держались с непринужденностью, характерной лишь для хозяев положения. Инфорсер, руководивший их встречей с большим братом Квон Пэном, разливал по пластиковым пиалам темно-коричневый напиток. Сопровождавший его «сорок девятый» уплетал горячую лапшу, шумно дуя в дымящуюся тарелку.

Заметив, что у стойки появился Чи Вай, он перестал жевать, застыв с набитым ртом. Кивнул старшему головой. Тот неспешно, с ленцой повернулся, искоса взглянув на паренька. И вдруг махнул рукой. Небрежно, но однозначно – поди, мол, сюда, малец, разговор есть.

Гао покосился на официантов.

Бездельники продолжали обед, даже не замечая, что уважаемые гости хотят выбрать в меню что-то еще. Или те явились совсем не покушать? Подобрав со стойки примитивный электронный блокнот для составления заказов, Чи Вай засеменил к столику.

– Здравствуйте. – Он почтительно поклонился, стараясь не подавать виду, что узнал посетителей. – Рад приветствовать вас в «Гнутом мосту»! Желаете что-то еще?

– Ты Чи Вай Гао, – констатировал инфорсер, рассматривая подмастерье снизу вверх. – Прибыл в комплекс в начале прошлого месяца.

– Это так, господин, – пробормотал Гао, чувствуя, как потеют ладони.

Он снова вспомнил собственную дерзость, когда осмелился ответить самому Кипятку. Как давно это случилось? Две с лишним недели назад… Но Триады ничего не забывают. Вероятно, эти двое явились сюда, чтобы покарать наглеца, пусть и с таким опозданием…

– Сядь, – тихо приказал инфорсер. – Можешь называть меня господином Цзи.

– Да, господин Цзи.

Гао опустился на край грубого деревянного табурета, поражаясь, какие нелепые мысли могут лезть в голову в самые непростые моменты жизни. Присаживаясь рядом с одним из

офицеров «Союза», он размышлял, что после Нефтяного Голода изготавливать мебель из дерева снова стало дешевле, чем из нефтепродуктов…

– Значит, работаешь в «Гнутом мосту». – Инфорсер покивал, осматриваясь с интересом. Он не спрашивал, лишь перечислял информацию, загруженную в «балалайку». – Подмастерьем и помощником технолога по производству.

– Это так, господин Цзи. – Робким или трусливым себя Чи Вай не считал, но сейчас живот норовило вот-вот скрутить, а к горлу подступала предательская икота. – Я могу быть вам чем-то полезен?

– Можешь.

Господин Цзи вынул из стакана чистые палочки для еды, перехватил и ловко утащил из тарелки «сорокдевятки» кусочек синтетической тушенки. Отправил в рот, неспешно пережевывая.

– Большой Брат замечает все, что происходит на его комбайне, ты ведь это знаешь…

– Разумеется, господин Цзи.

Гао так и подмывало обернуться, чтобы разглядеть, где находится хозяин. Если тот заметит, что подмастерье болтает с посланниками местной Триады, его могут поколотить или вообще выгнать с работы.

– За тобой он приказал присматривать особенно, – вдруг произнес инфорсер, салфеткой вытирая испачканные в жире усики.

А Гао, позор на его голову, все же не сдержался – икнул, запоздало задерживая дыхание.

– Что?.. Я хотел сказать, простите, господин Цзи, я не очень понял…

– Помолчи, Чи Вай! – Высокопоставленный бандит потряс на него двумя пальцами, как если бы кисть превратилась в пистолет. – Помолчи и послушай. Большой Брат велел приглядывать за тобой. А если брат Пэн видит в ком-то скрытый потенциал, он никогда не ошибается.

Убедившись, что его участия в беседе не требуется, «сорок девятый» бросился доедать лапшу, не забывая настороженно поглядывать по сторонам. Официанты, почти закончившие обед, с демонстративным тактом не замечали разговора, происходящего за центральным столиком «Моста».

– Если не упустишь своего шанса, – негромко продолжил господин Цзи, не глядя на подмастерье, – далеко пойдешь. Большой Брат любит смелых и решительных, потому заметил и тебя. Ты ведь осознаешь, какую удачу дарует тебе Будда?

– Я?.. Конечно, да, господин Цзи… спасибо! – Начисто забыв

об атеизме, Чи Вай сложил ладони перед собой, поднося ко лбу и кланяясь. – Я и предположить не мог, что…

– Я сказал, помолчи, – прервал посланник Кипятка, снова ткнув пальцами в его сторону. – Внимание господина Пэна не означает твоего вступления в «Союз». Но если ты избран, то получил возможность доказать, что достоин.

Мысли превратились в тяжелые неповоротливые планеты, вдруг сорвавшиеся с орбит. Они бились друг о друга, наполняя голову Гао несусветным грохотом, по сравнению с которым шум внешних работ комбайна казался шепотом.

Значит – заметили. Учли проявленное почтение и осведомленность о настоящей *силе*, управляющей «Императором». О таком Чи Вай, отважно отвечающий на вопрос Кипятка, не мог и мечтать! Вот тебе и цапля, о которой говорил жирный хозяин забегаловки…

– Я здесь для того, – Цзи поднял пиалу с чаем, делая крохотный глоток, – чтобы ты знал – за тобой теперь присматривают. Сумеешь доказать свою полезность, поднимешься на новую ступень.

Гао, оцепеневший и неестественно выпрямивший спину, боялся даже вздохнуть. Любопытные официанты в дальнем углу стихли, украдкой наблюдая, чем закончится странная беседа.

– За него можешь не бояться. – Цзи мотнул головой в сторону кухни, где скрывался хозяин «Гнутого моста». – Место ты не потеряешь, а твои боссы теперь не он или Каракурт, а я и сам Квон Пэн.

Он подал «сорокдевятке» незаметный знак, и на столик легли несколько банкнот.

– Возьми это в знак моего доброго расположения. Купи новую обувь или потрать на проституток… – Чи Вай смотрел на деньги, будто это был смертельно ядовитый скорпион, не спеша протягивать руку. – Бери-бери, это подарок. Если сумеешь стать одним из нас, денег у тебя будет в достатке. И вот еще… Больше никого не бойся – ни на работе, ни в жизни. Отныне бояться должны тебя.

Сумеешь доказать… Доказать, что достоин и полезен… Только сейчас до Гао начинал доходить истинный смысл произнесенных инфорсером слов. Но как?

– Но как? – вырвалось невольно, бездумно, заставляя покраснеть.

Цзи, впервые взглянувший парню прямо в лицо, улыбнулся тонкими губами, над которыми изогнулись и усы-ниточки. Улыбку повторил и «сорокдевятка». Вероятно, это была вполне ожидаемая реакция любого новичка.

– Но как, господин Цзи? – спохватился Гао, снова кланяясь. Живот продолжало крутить. – Как я смогу доказать это вам и Большому Брату?

– А вот это уже, Чи Вай, решать тебе.

Инфорсер поставил недопитую пиалу обратно на стол. Сделал едва различимый жест пальцами, и рядовой боевик тут же отодвинул от себя тарелку.

– Один раз ты смог приятно удивить господина Пэна. Проделай это еще раз.

Он поднялся на ноги, и ошалелый Гао даже не подумал уважительно вскочить следом. Цзи наклонился, ласково похлопав парня по ледяной щеке.

– Удачи, Чи Вай Гао. Ты знаешь, где нас найти…

И они покинули «Гнутый мост», оставив после себя пустую тарелку, недопитый чай и тонкую стопку юаней. Еще несколько минут Гао сидел неподвижно, глядя куда-то в себя, но рассматривая пустоту.

Затем встал, машинально пряча деньги в карман. Принялся убирать со стола.

Официанты в соседнем зале наблюдали за пареньком со смесью страха и жгучего любопытства. Было заметно, что их так и подмывает узнать, о чем почтенные гости говорили с новичком, но решиться не мог никто.

В себя Чи Вай пришел только в кухонной зоне, загружающим посуду в моечную машину. И тут же ударило в голову, накрыло теплой липкой волной, вышибло из легких воздух. Триада не забыла! Они сами пришли к нему, дав понять, что теперь Гао – их собственность.

Сам того не желая, он изменил свою жизнь одной-единственной фразой. Изменил жизнь…

Хотел ли он? Мог ли отказаться? Наверное, да. Но после этого его жизнь на комбайне счастливой не назвал бы и каторжник из «Африки».

Черенок обернулся, почувствовав на себе взгляды.

В проеме кухонных дверей стоял тучный хозяин «Моста», за его спиной толпились трое официантов. Все они по-прежнему не решались задать вопросы, а в глазах бывшего босса читалась неуверенность – он все еще взвешивал, вправе ли заговорить с подмастерьем в привычном тоне.

Никого не бойся, сказал ему господин Цзи. *И место ты не потеряешь*, об этом господин Цзи тоже говорил. *Теперь за тобой будут пристально наблюдать*, это господин Цзи также дал понять вполне однозначно.

– Чего надо?.. – попробовал рявкнуть Гао, но вышло сухо и

сдавленно.

Все равно подействовало.

Прислугу смыло из дверей весенним паводком. Хозяин продержался еще несколько секунд. Побагровел, но смолчал и тоже удалился.

Так, значит, вот она какова – настоящая власть?..

И это лишь ее крохотный глоточек, самый незначительный оттенок пьянящего аромата!

Но как доказать Большому Брату, что он не ошибся, из семнадцати новых работников комбайна выбрав именно Чи Вая?..

Шальная мысль кольнула его так неожиданно и ощутимо, что Гао чуть не вскрикнул. Закусил губу, потер виски. Затравленно обернулся, словно кто-то все еще подглядывал в кухню, потешаясь над терзаниями молодого человека.

Если он от чистого сердца помогает незнакомцу, то вправе ли просить вознаграждения сейчас, а не в следующей инкарнации? Если считает вознаграждение недостаточным, имеет ли право требовать больше? Может ли чужая судьба стать платой за расцвет его собственной? Как не поверить в руку проведения, когда брошенные в землю товарищества семена взаимовыручки сами просятся прорасти великолепным деревом, на котором зреют плоды карьеры Чи Вая?

Нет, это не станет предательством. Это – лишь предначертанное кружение вещей в сложном бессмертном мире. Это – жертва на алтаре новой жизни путника по имени Гао. Это плата за то, что он помог незадачливому соседу собрать бобы, рассыпанные по дороге.

В конце концов, услужение принцу не может длиться вечно.

Особенно, когда ко двору просит настоящий Император…

Ключ к будущему человека хранится в воспоминаниях о его прошлом
2 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

– Рамон, крупный план!

Палец ан-Тейшейры указывал вправо и вверх, где взмывали и с мерными вздохами опускались металлические поршни. Бадоса мгновенно развернулся, запечатлевая могучий механизм.

Поршни были громадными и громоздкими, как и все на этой самоходной станции. Иногда вообще складывалось чувство, что комбайн построили не для прокладки железной дороги. Его создали для унижения человека, внушения ему чувства беспомощности и незначительности.

– Рамон, теперь сюда! – Ахмед был неутомим, перемещаясь по цеху впереди всей съемочной группы и на ходу составляя сценарий съемки. – Не забудь взять общий… сейчас я спущусь прямо туда, в монтажные ямы, покажем масштаб…

Бадоса послушно навел камеру, как того требовал режиссер.

Он вообще все делал послушно и на автоматизме, превратившись в ходячий придаток к профессиональному видеогаджету, вросшему в его затылок толстенным психоприводом.

Это Ахмед мог себе позволить оставаться активным и подвижным: вечерами он пропускает стаканчик-другой в опиумном баре, который раскопал на нижнем ярусе, а затем валится спать. Рамон себе такой роскоши разрешить не мог. Ссылаясь на усталость и неудачную акклиматизацию, после первого «шота» китайской водки он уходит в номер, чтобы провалиться в сон…

Снимать у Бадосы, кстати, получалось.

Не шедеврально, как еще в Новосибирске того ожидал новый начальник, но выбора испанец все равно не имел. Просматривал сносные, добротные, но самые обычные съемки наемного оператора. Морщился, но молчал.

– За мной, – азартно скомандовал ан-Тейшейра, спускаясь по узкой титапластовой лестнице вслед за офицером службы безопасности. – Ловим начальника бригады!

Буньип спал, сквозь дремоту наблюдая за происходящим глазами сеньора Бадосы. Спал тревожно, чутко и недовольно, жалея утраченное время и предвкушая ближайшую ночь

настоящего полноценного отдыха.

Два раза его вылазки не приносили результата. Два пустых рейда. Больше пятнадцати никчемных часов, посвященных изучению гор, встречам с саянской фауной и почти безрезультатному поиску следа.

Нельзя сказать, что местная природа не произвела на Брейгеля должного впечатления – в моменты мимолетного отдыха он даже сделал несколько набросков. Но любого другого ее девственная, местами даже не искореженная Катаклизмом красота, несомненно, впечатлила бы куда больше.

Поросшие травой склоны холмов… Каменистые бока скал, расщелины и водопады… Шустрые речки и ледяные ручейки, с которыми хотелось нестись наперегонки…

Цветы, благоухавшие даже ночью, напоминали о мире, никогда не видевшем Анклавов. Душистый хвойный воздух, которым так легко дышалось, прочищал сознание лучше любого химического стимулятора. Кабарги и маралы, перепуганно поднятые с сонных лежек, оставались величественны и грациозны даже спустя столько лет после победы человека над дикой природой.

Всю эту ликующую предосеннюю красоту Буньип оставлял за спиной с привычным равнодушием местного жителя, не забывая отмечать только необычное.

В первую вылазку австралиец забрал излишне на юг, не обнаружив ничего любопытного. Маяк, пульсировавший в сознании, начал затухать уже через полтора часа после начала экспедиции, и потому Буньип повернул обратно, экономя силы.

Вторая ночь оказалась чуть более результативной, натолкнув на *настоящую* находку. Но сама по себе не принесла особенных результатов. Он нашел пещеру, определенно рукотворную, вскрывшуюся после землетрясений Катаклизма. Но ничего, способного заинтересовать Леона или его нанимателя, в старинном убежище так и не обнаружил.

Зато третьей ночью, удалившись в горы еще глубже и оставив пещерку за спиной…

– Три, два, один!

Ахмед дал мимолетную отмашку, начиная интервью с начальником бригады.

Бадоса запустил съемку, гример и звукооператор выпрыгнули из кадра.

Китаец, одетый в темно-синий, перемазанный маслом комбинезон, пялился в камеру сам не свой, так и норовя скосить взгляд на хмурого безопасника. Путаясь в словах и заставляя ан-Тейшейру делать дубль за дублем, поднебесник плел про

могущество своего народа, самоотверженность, преданность общему делу и стремление работать в три смены не покладая рук…

Наиболее продуктивной оказалась третья ночь, отчего теперь Буньип с нетерпением ждал послезавтрашней – пятой. А сегодня – сегодня он с удовольствием выспится…

Почти все лицо Рамона Бадосы скрывала специальная накладка-шора, позволявшая оператору не отвлекаться, сосредоточившись на глазных наноэкранах, где потоком текли данные о качестве съемки и освещении, фокусе и величине плана.

Этим-то Брейгель и воспользовался, чтобы скрыть презрительную гримасу. Пока видеоматериал про бестолкового китайского рабочего лился в память камеры, ее ходячий придаток вспоминал ночную прохладу…

Пещера с кладом осталась в паре миль позади. Великолепная находка для археолога или кладоискателя, Леон мог бы в этом поклясться. Но даже самый беглый ее осмотр позволил Буньипу понять – тут нет ничего, что представляло бы для Цикла хоть какой-то интерес. А потому австралиец с легкостью забыл о пещере, используя ее исключительно в виде путеводной вешки.

Той ночью было пасмурно.

Полупрозрачная шаль облаков пыталась укутать яркие звезды, и поэтому скорость Буньипа упала. Он пробирался по нехоженому хребту осторожно, стараясь не упускать из-под подошв камни и ветки. Наверное, потому и сумел различить едва заметный отблеск, мелькнувший в одном из ущелий.

Перейдя на легкий и быстрый шаг, Леон перебрался на противоположную сторону ближайшего распадка. В него, когда-то бывшего дном озерца, выходили сразу несколько ущелий, расколовших отвесный склон стофутовой скалы.

Наступая только на крупные валуны, лежавшие наиболее устойчиво, специалист по деликатным поручениям двинулся к среднему ущелью. Тому, на стенах которого его «балалайка» и зафиксировала отсветы костра.

Шел по-прежнему медленно, высматривая возможные ловушки или сигнализацию. Но ни лазерных лучей, ни натянутых веревок так и не обнаружил, скользнув в широкий – ярдов пять, скальный проход.

Тот оказался извилистым коридором, то сужающимся, то расширяющимся до размеров просторной комнаты. Дно было посыпано мелким камнем, почти раскрошившимся в песок, местами виднелись следы подков и телеги. Также Буньип отметил легкий подъем, почти незаметный глазу.

Шагов через сорок, проткнув скалу насквозь, коридор вывел

его в настоящее ущелье, дальней стеной которого являлся неприступный бок горного массива. Когда-то – вероятно, до Катаклизма, – с горы рушился каскадный водопад, на дне ущелья превращавшийся в речку. Она, в свою очередь, покидала скальный стакан через трещину, сейчас ставшую дорогой и приведшую сюда Буньипа.

Была тут и еще одна тропа, такая же неприметная и совсем уж козья. Она петляла по голому, почти вертикальному склону горы. Начиналась за одноэтажной избушкой и двумя ветхими сараями, исчезая из поля зрения Буньипа где-то на вершине.

Постройки находились на природном карнизе, еще четыре года назад окруженные небесно чистой водой едва ли не со всех сторон. Сегодня полное влаги ущелье иссохло, превратив берега живописного полуострова в естественное возвышение, увенчанное хуторком…

Прижавшись к стене коридора и внимательно изучив диспозицию, австралиец двинулся вперед. Там, где до Дня Станции жители хутора набирали речную воду, сегодня в каменистой земле была грубо, но надежно вырублена короткая лестница с «полозьями» для колес повозки.

Отсветы, гулявшие по всему стакану, давал костер, горевший на гладкой площадке перед домом. Высокий, яркий, хоть и сложенный всего из нескольких полешек да пучка сухой травы.

Оставаясь в тени, Леон добрался до края возвышения, выглядывая и изучая постройки. В одном из сараев, судя по звукам, была обустроена конюшня. В другом – курятник, хотя это австралиец определял уже по запаху, птицы давно спали. За сараями стояла телега, больше похожая на повозку рикши, а еще виднелась поленница, будка туалета и пристройка для инструментов.

Домик был неказист. Сложен из грубых камней, посаженных на глину и самодельный цемент, проконопачен соломой и мхом. Крышу устилали ветки, продетые в тонкий сухой дерн, из крохотной кирпичной трубы шел легкий дымок. Ни генератор, ни ветряная вышка, ни какие-либо другие следы цивилизации на глаза не попадались.

Уличный костер, в отличие от печи, не дымил вовсе, что откровенно заинтересовало Буньипа. Он бесшумно перебрался на другую сторону возвышения, внимательнее изучая языки пламени и человека, дремлющего перед ними.

Двора, как такового, у хутора не было. Его заменяла обнесенная плетнем утоптанная круглая площадка, на которой и развели открытый огонь.

Сначала австралиец подумал, что площадка предназначена

для объезда лошадей. Но затем сопоставил размеры, заметил в центре высокий деревянный столб, украшенный резьбой, и все понял. Оценить увиденное помог и старик, которого с новой позиции австралийца стало заметно гораздо лучше.

Седой, морщинистый, узкоглазый, он носил грубую одежду из оленьих шкур и лисьего меха и такие же мокасины. Белые волосы были заплетены в косу, две косички поменьше спадали на виски аборигена. Завернувшись в одеяло, старик уставился в огонь, не двигаясь и, казалось, почти не дыша. Прошло не меньше двух минут, прежде чем он пошевелился, поднося к морщинистым губам длинную трубку, почти потухшую. Раскурил, выпустив клуб дыма и снова замер, глядя в огонь.

Буньип поежился.

Замерзнуть он не мог, что за глупость! Но по спине и плечам вдруг пробежал озноб, словно вокруг стоял не конец лета, а холодный ветреный декабрь. Вероятно, побочный эффект препаратов, на которых Брейгель живет уже третьи сутки…

И еще Леону вдруг в точности представилось, что неподвижный старик знает о его присутствии. Знает и ждет. Путеводный маяк в голове моргнул еще пару раз, затухая с чувством выполненного долга.

Сняв «дыродельчик» с предохранителя, Буньип спрятал оружие обратно за пояс и выбрался из укрытия. Постоял, позволяя заметить себя, но старик даже не поднял взгляда, продолжая изучать бедный, но такой яркий костер. Их отделяли друг от друга не больше двадцати ярдов – учитывая, что Буньип намеренно пошумел камнями, хозяин хибары обязательно должен был догадаться о присутствии гостя.

– Добрый вечер! – решив, что начать стоит по-русски, Буньип поздоровался, делая несколько шагов вперед.

Интуиция подсказывала ему, что старик живет тут один, словно отшельник из старинных легенд. Но бдительность терять не стоило, и боковым зрением Леон контролировал как сараюшки, так и два окна дома, выходящие на площадку с тотемом.

– Здравствуйте, дедушка! – повторил Брейгель, на этот раз на китайском. – Не пугайтесь, я тут.

Старик наконец пошевелился, повернувшись к ночному гостю так неловко, словно у него свело мышцы шеи. Посмотрел с прищуром, пошамкал губами. И вдруг проскрежетал нечто, что «балалайка» Буньипа переводила долго и неуверенно. Наречие, на котором говорил старик, не входило даже в самые расширенные лингвистические базы создателей софта…

– Лучше уж на русском, – наконец разобрал Леон, а

электроника в его голове начала подстройку под непростую фонетику собеседника. – Твой китайский я понимаю еще хуже…

– Хорошо, дедушка, – по-русски ответил Буньип, торопливо изучая старика и выбирая, какую из масок ему сейчас примерить. – Дозволите у костра обогреться? Ветер холодный.

– А как я тебе запрещу, если ты без приглашения пришел? – кисло скривился отшельник, отчего морщины на его лице пришли в движение, рисуя узоры мудрости и увядания.

– Я присяду, можно?

Леон неуклюже приблизился, вопросительно указывая на место рядом с хозяином хутора. Если тот хотел воспринимать его как некультурного западного варвара, он не станет разочаровывать старость. Однако отшельник оказался не так прост, как показалось Буньипу.

– Не притворяйся, странник. Ты сумел войти в скрытую долину так тихо, что я не сразу тебя услышал. Поднялся по тропе, словно барс. Наблюдал за мной из темноты, подобно сове. А теперь делаешь вид, что споткнешься на пустом месте, если тебе не протянуть руку… – Он поднес к губам трубку, глубоко затянулся, затем ткнул в Леона длинным дымящимся мундштуком. – Садись, явившийся без приглашения.

– Значит, вы знали, что я уже в ущелье? – опускаясь на скрещенные ноги в трех шагах от старика, поинтересовался Брейгель.

В его движения вернулись плавность и сила, которые от деда было совершенно не укрыть.

– Не тот вопрос, подсевший к моему огню… – Отшельник снова уставился в костер, и не думавший затухать. – Вопрос в том, что ты здесь делаешь?

– Кое-что ищу, – уклонился Буньип, движениями пальцев по ладони регулируя светочувствительность зрачков и безбоязненно взглянув на странные языки пламени. – А вы, дедушка, кто? Давно живете тут?

– Малтачак, – сказал старик, словно это все объясняло. И замолчал, позволяя слушать, как над краями ущелья подвывает ветер. – Тут еще мой прадед жил.

Буиньип взглянул на него с новым интересом.

Он и раньше слышал про чудаков, живущих *вне* цивилизованного мира, но лично находил гаджеты даже у амазонских индейцев или африканских масаев. А чтобы вот так, натуральным дикарем? Леон был готов побиться об заклад, что у деда нет ни «балалайки», ни «пилюли».

– Ты с большой машины, которая роет горы, – утвердительно кивнул старик, покусывая мундштук. – Что-то ищешь в горах.

Один совсем, налегке. Идешь к чужому дому и огню, даже не зная, рады ли тебе.

– Я не хотел никого обидеть, уважаемый Малтачак. – Буньип покачал головой и вдруг поразился произошедшим переменам. – Но я на самом деле…

Голова стала легкой, как накачанный гелием силиконовый шар. Усталость в ногах прошла, словно от дозы лекарства, а мысли стали такими шумными, что их теперь мог бы услышать даже сидящий неподалеку старик.

Леон Брейгель никогда не считал себя мистиком.

Деля жизнь на черное и белое, он достиг вершин рационализаторства и шедеврально-безупречной логистики. Научился раскладывать по полкам и препарировать на объективные факты даже самые необычные события. Вот и сейчас, стараясь как можно реже вдыхать сладкий запах костра и трубочного табака, он предположил, что в огонь добавлен наркотик.

Выровнял дыхание, тремя глубокими выдохами прочистил легкие.

Однако следующая фраза старика снова выбила почву из-под ног Брейгеля, заставив покачнуться и рефлекторно нащупать рукоять «дыродельчика».

– Ищешь тюнгур Усюги Ороон… бубен ищешь… – негромко прошепелявил Малтачак, покачивая совершенно седой головой. – Ищешь Проводника в Верхний и Нижний миры, помощника настоящего кама. Ищешь Ключ и Врата.

Какое-то время Буньип молчал, потрясенный. Пытался сопоставить и вычислить, как дед пронюхал о цели его путешествия. Неужели он знает и про Бадосу? Пальцы не размыкались на рукояти, но пускать оружие в хонд Леон не спешил. Будто учуявший ловушку зверь, он нюхал воздух и прислушивался, пытаясь отыскать хоть малейшие признаки засады или скрип пружины схлопывающегося капкана…

– Как ты узнал, старик?

Вероятно, наркотик все же успел подействовать.

Леон мысленно выругался, проклиная себя за беспечность. Как можно доверяться человеку, в одиночку выживающему среди злых первобытных гор? Пока Малтачак отвернулся, поправляя накидку, Буньип помотал головой, стараясь упорядочить мысли. Не вышло.

– Нет больше почтения в твоих словах, – усмехнулся дед, будто не расслышав прозвучавшей в интонациях угрозы. – Твоя *сюнези* сказала мне, пришедший из ночи. Я – кам, как и мой отец, и его отцы много поколений назад. Я умею видеть то, что скрыто

от других. И я лучше иного знаю, зачем тебе Врата повелителя Ульгеня. Нечасто человек пытается пробить себе дорогу, чтобы сравниться в силе с повелителями Верхнего Мира…

«Балалайка» Брейгеля торопливо подбирала переводы странных понятий. Кам. Шаман, человек с лишней костью, проводник человеческих душ и частый визитер в иные миры – так вот, значит, кем оказался старик, в одиночестве коротающий дни на заброшенном хуторе? С остальными терминами было сложнее, но многое понималось из контекста…

– Ты знаешь, где добыть бубен?

Буньип сделал осторожный шаг, будто не беседу вел, а передвигался по топкому болоту. Контроль над телом и разумом возвращался, но произошедшее этой ночью решительно не хотело укладываться в рамки привычной логики…

– Бубен?

Малтачак выпустил в ночное небо струю табачного дыма.

– Не один он. Много таких. Каждый настоящий кам владеет. Или раньше владел. Пока Чудовище не разрушило связь ороонов, не создало собственные правила. Какой теперь смысл от Проводника, если Миры пронзены и истекают кровью? Как говорить с аблысами, когда само мироздание пошатнулось? Куда уходят хозяева-ээзи, где ищут нового пристанища? Захотят ли вообще говорить с камами, когда солнце снова взойдет над горой? Нет, подсевший к огню, многие камы отказались от своих Проводников…

Одна половина Буньипа все еще пыталась бороться с необъяснимостью происходящего. Другая, вымуштрованная и запрограммированная, продолжала нащупывать топкий путь.

– Уцелел хотя бы один?

На какой-то миг Брейгель искренне поверил, что старик умеет читать его мысли. Но уже в следующую секунду австралиец с такой силой прикусил щеку, что самообладание вернулось и морок поблек.

– Дедушка, ты знаешь, где найти хотя бы один уцелевший бубен?

На этот раз старик молчал так долго, что заставил Буньипа поверить, будто он допустил ошибку. Слишком надавил, поставил ногу не на ту кочку, по макушку уходя под густую тину и не добравшись до спасительного берега.

Но вот Малтачак покачнулся, словно ненароком задремал и вдруг проснулся. Пожевал мундштук.

– У меня есть тюнгур. Старый, дедовский. Даже старше. Его не успели разрезать лоскутами, повесив над могилой. Это для тебя, ищущий Ключ. Уже четыре зимы не стучал в моих руках

Голос владык Ульгеня и Эрлика. И не застучит. – Старик повернулся к Леону, и тот смог рассмотреть, какие темно-карие у того глаза. Молодые, совсем не старческие. – Хранить нет нужды. Если твой хозяин ищет Врата кама, я отдам.

И кивнул, глубоко и важно.

Буньип прищурился, все еще пытаясь хоть как-то объяснить мистическую подоплеку случившейся встречи. Пока не удавалось… Он облизнул сухие губы – дурацкая привычка, дань прошлого, когда он еще не научился рисовать мир таким, каким тот был сотворен на самом деле.

– Что ты хочешь взамен? – негромко спросил Брейгель, все еще ожидая подвоха.

Если старик начнет торговаться, его придется убить. Сначала вызнав, где находится артефакт. Пытками. Возможно, их придется вести не одну ночь, но терпения Буньипу не занимать.

Однако новый ответ Малтачака удивил австралийца не меньше прежних.

– Ничего. – Задумавшись и попыхтев трубкой, дедок назидательно поднял к небу крючковатый палец. – С путниками, приходящими из ночи, не торгуются, как с базарной девкой. Я живу тут уже почти девять десятков зим, и еще ни разу к моему огню не выходил простой человек. Вот так, как ты – в темноте, один и без оружия. Вдруг ты слуга Владыки? Или обретший плоть ээзи, решивший испытать потерявшего силу кама? Нет, бесшумно подкравшийся, я не стану просить платы. Я ничего не хочу за свой тюнгур.

И он улыбнулся, задумчиво глядя в огонь.

– Значит… – Буньип машинально проследил за его взглядом и только усилием воли заставил себя отвернуться от костра. – Значит, ты просто отдашь мне бубен, Малтачак?

– Значит, просто отдам. – Старик закряхтел, разминая затекшие ноги.

Высунул их из-под одеяла, протягивая перед собой. Осторожно выбил трубочку о кожаную подошву мокасина. Только теперь потерявший цепкость глаз австралийца заметил, что на плечах деда вовсе не одеяло – темный плащ, украшенный нашитыми косточками, пучками травы и наконечниками стрел.

– Приходи сюда после того, как солнце во второй раз уступит место ночной мгле, – велел Малтачак, ущипнув себя за тонкий и длинный ус. – И ты получишь то, что искал…

Как Буньип выбирался из пересохшего ущелья, почти не помнил.

Вдруг снова оказался на тропе, откуда увидел отблески странного костра, и обнаружил себя бегущим на юго-восток, в

сторону комбайна. Этот провал в памяти нервировал чуть ли не больше, чем вся беседа с одиноким шаманом, заставляя волноваться даже Бадосу. Режиссер это тоже замечал, ругался, рекомендовал оператору выспаться и вообще смотрел волком…

Значит, предстоит сделать выводы. Принять необходимые препараты, блокирующие действие шаманского дурмана. Вставить в нос микрофильтры для работы в цехах, в конце концов – такие тут продаются на каждом углу за считаные фэни.

Успокаиваясь и позволяя Рамону выполнять его работу, Буньип отполз в тень сознания, больше не пытаясь ковыряться в воспоминаниях. Злость на себя стоит обратить в осторожность и тщательную подготовку. Сегодняшнюю ночь он целиком посвятит отдыху, а завтра… завтра он будет готов забрать артефакт. Если старик Малтачак не обманул, у австралийца останется еще несколько дней на сбор информации об интересующих Цикла «Защитниках Геи»…

Бадоса вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, стерпеть который не позволяла даже маска. Отлепив от лица специальные шоры, он медленно осмотрелся. А после приподнял камеру и длинной панорамой заснял титапластовую эстакаду, проходившую прямо вдоль системы шестнадцатифутовых поршней.

На ней, глядя на Рамона сверху вниз, в одиночестве стоял русский. Высокий, широкоплечий, темноволосый и гладко бритый. Мужчина как мужчина, лишь осанка выдает бывшего солдата, да одет в совершенно уж дерзкий спортивный костюм, будто с пробежки. Да еще русский что-то жевал, оттого откровенно похожий на московского конторщика, приехавшего к местным Триадам по обмену опытом.

Интересный субъект, особенно для встречи в грязном камнедробильном цехе. Более того, лже-оператор уже встречал этого человека раньше – и вчера днем, и позавчера утром, – сопровождавший группу надсмотрщик обмолвился, что тот работает в сибирском посольстве.

Но настораживающим было вовсе не появление странного чиновника в нижних цехах. А сосредоточенное внимание, с которым сибиряк разглядывал трудолюбивого сеньора Бадосу…

Не все, столетиями лежащее в земле, было похоронено
1,5 дня до начала операции «Бронзовое зеркало»

Тропинки, по которым вокруг комбайна перемещались китайские патрули, Вебер различал, словно те были отрисованы люминесцентной краской. Даже в вечернем полумраке и без специальных приборов. Чутье, истосковавшееся по дикой природе, заработало со скоростью суперсовременного «раллера», обрабатывая массивы информации быстрее любого процессора.

Поднявшись на холм, Илья обернулся на «Муромца», не уставая поражаться, каким же огромным был бродячий завод поднебесников…

Вокруг исполина царила деловая суета – после сегодняшней остановки ПТК вдоль левого борта активно разворачивали временный лагерь. Торговцы тащили изнутри палатки и тенты, монтировали легкие пластиковые будки, собирали столы и десятками расставляли стулья. Работы не прекратились даже с наступлением вечерних сумерек, которые Леший выбрал отправной точкой для вылазки.

Без особых сложностей выскользнуть из комбайна и раствориться в холмах ему позволила как раз эта суета – шумная, многолюдная, предвкушающая праздник и хоть какое-то разнообразие в серых буднях первопроходцев. Утонув в этой суматохе, Вебер в очередной раз сбросил с хвоста отчаявшихся наблюдателей Каракурта. Покружив немного, покинул ярмарку и двинулся на запад, где за горными вершинами еще брезжили отсветы заходящего солнца.

Патрули Илья предпочитал пропускать, оставаясь невидимым. Разумеется, в любой миг он мог показать им электронный документ, подтверждающий права. Но после этого о его уходе с комбайна узнают ищейки Юйдяо, а делать им такой подарок совсем не хотелось. Подвижный, не обремененный ни ношей, ни оружием, он заблаговременно обнаруживал приближение бронированных солдат, прячась под склонами, в расщелинах или кустах.

Через несколько минут хода блокираторы коменданта перестали накрывать его «балалайку», и Вебер попробовал выйти на связь с Новосибирском. С тоской оценил невезение и оставил бесплодные попытки – спутника над головами не предполагалось

почти до полудня, и незапланированный сеанс связи с шефом пришлось отложить.

Широкое ущелье, образовавшееся после Инцидента на месте просевшего горного отрога, манило его вглубь. И Леший не стал противиться этому зову. Быстрым шагом, иногда переходящим на бег, он отправился в путь, наслаждаясь чистотой воздуха и бьющим в лицо ветром.

На границе длинной узкой равнины, лишенной растительности и покрытой лишь мхом и лишайником, Илья сделал привал. Глаза почти привыкли к опустившейся темноте, и путник не спешил включать мощный компактный фонарик, прихваченный с собой. Пожевал питательную смесь, глотнул воды из припасенной бутылочки.

Невысокие кустарники, среди которых он сидел, оказались брусничными, и Вебер с удовольствием потер в пальцах ароматные листья, вдыхая запах. Колония начала плодоносить совсем недавно, на самом стыке августа и сентября. Хрупкие веточки давно сбросили крохотные белоснежные цветки, теперь прикорнув под весом ярко-алых ягод. Илья бросил несколько красных шариков в рот, довольно покривившись от резкого кислого вкуса.

Передохнув, двинулся по границе голой равнины, направляясь к ее северо-западному краю. Оставив плато за спиной, сделал еще один привал, неспешно изучая разломы, убегающие в толщу хребта.

Если Листопад и прятался где-то снаружи, это место удачным назвать было нельзя.

Воды нет, во всяком случае, на виду и поблизости. Одной брусникой не наешься. Каждый раз скакать по голым камням, рискуя налететь на патруль, – тоже риск немалый. Да и до комбайна расстояние изрядное, без подготовки добираться не меньше часа.

И все же что-то в окружающей местности манило Илью, решившего так: до того, как он повернет обратно, пройдет еще пару километров, может быть, чуть больше. А затем назад, чтобы продолжить поиски в другом секторе.

Буквально через минуту Вебер убедился, что интуиция не подвела – след побывавшего здесь человека был слабо заметен, почти скрыт, но все же читаем. Яркий улыбчивый месяц помогал «советнику посла» осматривать отпечатки, даже не включая фонарь.

– Ухты-ухты, вот так новость… – пробормотал Илья, активируя простенькую камеру «балалайки» и на всякий случай делая пару снимков.

Значит, кто-то прошел этими холмами и ущельями, причем недавно. И явно не бойцы НОАК, носящие форменные «берцы» с характерным рисунком протектора. Предшественником Вебера был одинокий мужчина среднего веса, экипированный удобными полуспортивными ботинками, очень похожими на обувь самого Ильи.

Неужели младший Гринивецкий все же добрался сюда? Настоящим следопытом Леший не был, а потому затруднялся определить время появления следов. Посему двигаться по ним решил до конца, теперь карабкаясь на довольно крутой горный склон.

След терялся на каменистом, совершенно лысом отрезке подъема. Но Илья и без того заметил, куда тот может привести. Расколотая Инцидентом, сбросившая маскировавший ее козырек, взгляду обнажилась пещера, вполне способная послужить укрытием.

Намотав на левое запястье шнурок фонаря, а в правой зажав готовую к бою телескопическую дубинку, Вебер медленно пополз внутрь…

Здесь, в тени скал, оказалось гораздо темнее, но включать лампу Леший не спешил. Если обитатель пещеры услышал его приближение, то мог приготовиться к обороне.

Перемещался предельно осторожно, на каждом шагу прислушиваясь к визгливому подвыванию ветра. Смещался, и снова замирал, готовясь броситься вбок, если во мраке убежища полыхнет пламя выстрела. Ничего не происходило, и Илья вновь продвигался вглубь. Терпеливо ждал и снова шагал, стараясь ставить ногу как можно мягче.

И вдруг уперся в дверь…

Настоящую дверь из толстых подгнивших досок, по старинке обитых темными железными полосами. Покосившуюся, сброшенную землетрясением с петель, раздавленную с одного края и уронившую кованое кольцо, когда-то служившее ручкой. Впрочем, открывать дверцу не было никакой необходимости – движения горы расширили проход, позволяя пролезть даже крупному мужчине.

В глубине склона стало слишком темно, и Вебер, предусмотрительно выставив фонарь вбок на вытянутой руке, включил свет.

Яркий желтый луч ударил в пыльную тьму, выхватив залежи бочек, корзин и ящиков. Штабели досок гнездились в каждом углу. Часть стен осыпалась, а дальняя вообще обвалилась внутрь горы, открывая доступ в зловещий неизведанный мир каверн и нор. Тайное горное хранилище, запечатанное невесть когда,

Инцидент откупорил, будто бутылку вина.

Убедившись, что внутри никого нет, Илья сложил дубинку, и осторожно пролез глубже. И почти сразу осознал, что подземный тайник оказался настоящим арсеналом. Века, навскидку, XVI… Вебер снова включил съемку «балалайки». Пусть качество видео будет не самым профессиональным, но Леший матерым оператором себя и не считал.

То, что он принял за сваленные в углы доски, оказалось дюжиной затинных пищалей. Присев на корточки, Вебер водил лучом фонаря по фитильным замкам, тяжеленным кованым стволам и неудобным граненым прикладам. Оружие выглядело грозно, массивно, стволы косились на пришельца полуторасантиметровыми калибрами.

Нашлись и более легкие ружья, определенно для стрельбы с седла. Пули горохом высыпались из порвавшихся корзин, а кроме литья в складе можно было отыскать и «жребий» – рубленное железо, которым заряжали не реже.

Немало было и луков. Связанные пачками стрелы нагромождались одна на другую, оперение почти сгнило, наконечники потемнели. Обнаружились также доспехи – несколько кольчуг и байдан, юшманы и гора шлемов – шишаков и «бумажных шапок».

Илья отступил в другой угол пещеры. Там, под осыпавшейся стеной схрона, отыскался набор холодного оружия. Присев на корточки, Вебер с интересом рассматривал булатные сабли, копья, боевые молотки и чеканы, топоры, палицы-шестоперы, прямые кавказские кинжалы и двуручные секиры-бердыши, с упора на которые стрельцы вели огонь.

– Высоколобые из Академа с ума посходят, если узнают, – прошептал Илья, вздрогнув от звуков собственного голоса.

В горной пещере, столетиями аккумулировавшей тишину, любой звук казался неестественным и диким.

Кроме оружия, в кладовой нашлась и одежда, много веков назад высланная из Москвы войску Ермака. Кафтаны, поблекшие и покрытые пылью, с расшивками и крупными литыми пуговицами. Обувь, пояса, шапки, конские сбруи и седла: найденных богатств хватило бы, чтобы одеть и вооружить ватагу человек в сорок.

Отсутствие сквозняков и сухой климат герметичного тайника позволили вещам сохраниться в идеальном состоянии – из ружей можно было стрелять хоть сейчас, а сукно не потеряло крепости.

В третьем углу арсенала виднелся бочонок темно-серого, почти черного цвета. Однако стоило Веберу приблизиться, как мышцы спины напряглись, а волоски на шее приподнялись

дыбом. Вокруг бочки лежали рассохшиеся дощечки и подернутые ржой обручи с выпавшими заклепками. Время не пощадило емкость – та попросту распалась на части. Но прежде хранившийся в ней порох слежался в единую массу, повторив пузатые контуры. За спрессованной чушкой пороха столпились другие – штук шесть. Причем часть из них тоже развалилась, и Илья возблагодарил судьбу, что не заставила лезть в пещеру с факелом…

Особенное внимание привлек крохотный сундучок, окованный медными полосами, позеленевшими, будто таежный мох. Илья осторожно, как если бы ларец был заминирован, приподнял крышку, заглядывая. Там обнаружилось несколько пергаментов, скрученных в трубки и перехваченных кожаными ремешками, а также суконный кошелек.

Сухой воздух пещеры сохранил и бумагу, и Леший осторожно развернул самую верхнюю – разрядную грамоту, выдаваемую на Руси при освоении новых земель. Под ложечкой засосало – казалось, Илья прикасается к обретшей плоть истории…

Документ оказался писан старинным языком, с огромным количеством твердых знаков и других, не совсем понятных Веберу букв. Частично пергамент все же раскрошился, но общий смысл угадать удавалось.

Грамота сия давалась «людишкам вольным от дьяка Адашева, ведающего приказом разрядным, и писана со слов его подьячим Аккентьевым». Вольные людишки под воеводством некого Артемия Израилова «от щедрот государевых во освоение границ» получали пищали, кинжалы, пуды пороха и «жребия», а также десятки сабель «работы суздальской». Царским и великокняжеским велением данная бумага наделяла Израилова правом «край Сибирский освоять и крепостицы у рек устраивать». Датировано было «в царствующем граде Москве лета 7091-го году апреля в 12 день».

– Запаслив ты был, атаман Израилов, – еще тише пробормотал Вебер, перебирая остальные документы.

Какие мотивы заставили казацкого воеводу припрятать оружие и приложенные к нему описи, Илья мог лишь гадать. Однако с первых дней расцвета Сибирской Республики Президент Гиляров уделял патриотическому воспитанию огромное, граничащее с маниакальностью внимание. Книги, журналы, пропагандистские передачи на местном телевидении – все они единогласно поясняли, чьими силами была захвачена и освоена богатейшая Сибирь.

Наравне с земляками, из государственных инфоканалов Илья почерпнул немало былин о мобильных ватагах Ермака. Оттуда же

узнал, что подчас отряды физически не успевали освоить всю материальную помощь, которой их щедро снабжал царь. Именно так в пещеры – «про запас» на дальнейшую колонизацию – ушли целые арсеналы, и по сей день хранимые Саянами и Алтаем. Может, таким являлся и вскрывшийся после Инцидента тайник?

При стабильной сети Илья бы за минуту определил, с какой находкой столкнулся. Но устойчивое спутниковое покрытие стало раритетом, новым видом вымирающего зверя, и воспользоваться его могуществом человек мог далеко не всегда. Только начав страдать от неполноценности, созидатель Цифры испытал истинную цену сетевой зависимости…

Часы в уголке наноэкрана подсказали Веберу, что в пещере он провел уже почти час. Жилой «крысиной норы», нужно сказать, так и не обнаружив.

Да, в схроне кто-то был – на толстом ковре пыли виднелся тот же рисунок подошв, что и у подножия склона. Однако пыльный узор со всей очевидностью заявлял, что гость всего единожды вошел в пещеру: осмотрелся, почти не углубляясь, и сразу покинул, ничего не тронув.

При виде богатств древности так поступают только в одном случае – увлеченные важным, очень важным делом, отвлечь от которого не смогут даже россыпи изумрудов. Значит, Листопад все же был здесь, пусть и не оставшись надолго!

Убедившись, что он на верном пути, Илья довольно улыбнулся. Аккуратно выбрался наружу через покосившуюся дверь.

Уже завтра он продолжит поиски и тогда обязательно ухватит крысу за ее противный голый хвост. Но сейчас необходимо вернуться – если несанкционированное отсутствие советника обнаружат, посольству грозит локальный политический скандал…

В горах воцарилась первая сентябрьская ночь. Настоящая, смолисто-густая и ветреная, и даже месяц-помощник застенчиво спрятался за набежавшими облаками.

Внеся месторасположение пещеры в карту «балалайки», Илья спустился по склону и направился в сторону комбайна.

Настоящий мастер не демонстрирует коронного удара раньше срока
33 часа 31 минута до начала операции «Бронзовое зеркало»

Варварской культуре Запада никогда не понять утонченный и мудрый Восток. Никогда не постичь, никогда не уподобиться ему. И никогда не победить…

Завершая ежедневный комплекс гимнастики тайцзицюань, Юйдяо позволяла своим мыслям течь густо и плавно, стараясь обнаружить причину непрошеного раздражения. Это оказалось довольно несложно – размышления о чужаках, в последние дни наводнивших ее комбайн, толкались, гудели и старались поранить нервную систему острыми краями.

Скользя по спальне и выписывая руками широкие ровные круги, Желтый Каракурт готовилась к новому суетливому дню. Сейчас она закончит уникальную гимнастику предков, отчистит сознание от дурного, примет ледяной душ и вернется к работе.

Но волнения не спешили уходить, равно как и образы пришельцев.

Какие же они разные. Другие. Непохожие.

Это проявляется во всем, даже в манере боя. В кулачной схватке европеец или русский норовит бить в голову. Его манит результат – порванная губа, выплюнутые зубы, кровоточащий нос или заплывший глаз. Он дерется остервенело и самоотверженно, но только до видимого результата, за которым скрывается поражение врага. С его, разумеется, точки зрения.

Китаец бьет иначе. Он метит в жизненно важный орган, возможно, даже всего один раз. В печень, селезенку или сердечную мышцу. Без фонтанов крови, шрамов или выбитых челюстей. Он проводит свою атаку бескровно и метко, чтобы нанести *настоящие* повреждения. И когда противник, не потерявший ни капли крови, падает на колени, умирая от разрыва поджелудочной железы, дитя Поднебесной убеждается в своей победе. Упиваясь не ее визуализацией, но фактом.

Движение прямо… нога скользит по ковру вперед и вправо по часовой стрелке… руки движутся, будто связанные веревкой. Дыхание Юйдяо ровное, медленное и глубокое, корпус поворачивается, как на безупречно смазанном шарнире. Сферы и

полусферы рисуют в воздухе женские ладони, настоящие лабиринты чертят на полу ступни, обутые в легкие туфли.

«Тип-0099», также известный варварам как «Император Шихуанди», являлся квинтэссенцией военного искусства Республики, о котором сейчас размышляла подполковник. Он был сокрушительным ударом мастера, направленным в сердце врага. Путем нации к звездам, в *истинное* предназначение которого посвящены только избранные. Клинком, по сравнению с которым проект «Лэйгун» – пережиток вчерашнего дня.

Бродячий комплекс стал отражением всего китайского – мудрого, расчетливого, опережающего противника на два шага. Но в то же время скрытного, непостижимого, укутанного вуалью тайны. Грубым и шумным дикарям, снующим по комплексу с видеокамерами, никогда не постичь сути «Императора».

Конечно, восхождение к вершинам «Наукому» обеспечили отнюдь не дураки. И управляют корпорацией тоже вовсе не кретины. Хорошо, если совет директоров позволит осуществить консервацию хотя бы на двухсоткилометровом рубеже. А ведь при этом располагает массой времени, чтобы «встать в позу» и скорректировать точку базирования, еще сильнее удалив от полуострова.

Но пока, согласно теориям аналитиков МГБ, именно с отметки «200» навстречу китайскому гиганту полотно потянут дружелюбные и щедрые «наукомовцы», готовые тратить немалые средства на встречную ветку. Готовые на что угодно, лишь бы не ссориться и держать чудо иноземной промышленности как можно дальше от Станции. Ну что ж… «Император» на двух сотнях километров от Арки лучше, чем «Император» на территории Поднебесной. Никому из «цивилизованных» стран не подобраться к Порталам ближе!

Серия упражнений завершилась. Чэнь Юйдяо восстановила дыхание, какое-то время постояла перед окном, наслаждаясь рвущимся из-за занавески утренним ветерком.

Пришло время приступить к работе.

Скинув легкие одежды, расшитые цаплями и цветами, подполковник ушла в душ. Короткий удар ледяных струй окончательно прояснил мысли, настроил на рабочий лад.

Голая, роняя на пол крупные холодные капли, подполковник вернулась в комнату. Еще не просохнув до конца, принялась одеваться, аккуратно застегивая каждую пуговицу.

Дикари полагают, что воины Поднебесной ничего не знают об их вольностях. Они убеждены, что играют по собственным правилам, которые так легко навязать китайцу. Ах, как же Каракурту хотелось вонзить свои клыки в их белоснежные шеи!

Как хотелось упиться победой, доказав всему миру, кто является хозяином положения! Потому что победа Чудовища не стала победой в войне. Выиграв сражение, рано объявлять демобилизацию или распускать армию на зимние квартиры.

Подполковник знала больше, чем мог помыслить любой из ее врагов, и это знание согревало сердце женщины праведным пламенем.

Сейчас она отправится в штаб, где займется окончательным планированием по уничтожению горной деревни. Ближайшей ночью та перестанет существовать. Когда река уйдет под дамбу, по которой пролягут грунтовые подушки, от поселения не останется ни малейшего следа…

Затем комендант разошлет в центр обязательные отчеты. И о посольстве сибиряков, и о действиях съемочных групп, и о вынужденной остановке комбайна. В ответ наверняка придут новые инструкции и данные разведывательных отделений МГБ. Их подполковник ждала со смесью азарта и легкого страха – иногда она ощущала себя капитаном межзвездного корабля, отправленного в опасный и полный неожиданностей одиночный полет.

Неужели наивные журналисты полагают, что она ничего не знает об их поползновениях? Или о том, что в число русской группы входит профессиональный промышленный шпион из «Наукома»? Или о попытках вудуистов нелегально выслать в Конфедерацию съемки ракетных комплексов «Императора»? Святая наивность! И это еще без упоминания идиотов, пытавшихся сломать, снять или ломануть браслеты, выданные в первый день. Таких, если Болло не порадует новостями, пока было пятеро.

А что позавчера выкинул француз? Охладил браслет в морозильной камере, прямо на руке, чуть не заработав обморожение. Думал таким образом разрядить батарею, кретин. Убежденный во всесилии своей изобретательности, он отправился гулять за комбайн, где в передвижном городке жили тыловые железнодорожники, ползущие за комплексом. Там, конечно, шлюхи дешевле, но и мощь военных не так сильна – гуляке чудом повезло не напороться на бандитский нож…

Варвары, грязные примитивные варвары.

Весь день бегают по комбайну от крыши до трюмов, создавая свои шедевры. А ночами упиваются до свинячьего визга или курят опиум на территориях «Алмазной кобры».

Юйдяо задумалась, возвращаясь мыслями к одному из высокопоставленных «гостей».

К сожалению, времена, когда кицунэ из контрразведки могли

приносить в зубах такие самородки, как пресловутый Чайка, прошли. Сегодня, увы, им приходится довольствоваться малым. Впрочем, настоящего тестирования *его* талантам еще не устроено. Скоро, совсем скоро… А дальше? А дальше, если аналитики не ошиблись, он все поймет сам. Еще дальше? Загадывать так сильно вперед Юйдяо не решалась, но позволила себе осторожно предположить, что еще дальше все будет зависеть исключительно от крепости поводка…

Подполковник застегнула на поясе кобуру с пистолетом, оправила полы мундира.

По-настоящему покоя лишал только один вопрос, решить который Чэнь пока не удалось. Не помогли даже ресурсы Министерства, дистанционно привлеченные на помощь.

Через трое суток после прибытия интернациональных съемочных групп неподалеку от ее объекта был зафиксирован сигнал. Передача, зашифрованная и отправленная профессионалом, ушла в космос так шустро, что перехватить ее не сумели все машинисты комбайна.

Кто отправил сигнал? Сибиряки? Кто-то из «журналистов»? Вряд ли, к моменту отправки никто из них не успел бы собрать необходимую информацию. А тратить драгоценную возможность впустую заарканить спутник посмел бы только глупец.

Не исключала Каракурт и участия в передаче шифровки советника сибирского посла, прибывшего в комплекс накануне…

При воспоминании о рослом чиновнике, уже не один день умело водившем за нос наблюдателей Болло, подполковник чуть не застонала. Как же хотелось ей, чтобы Вебер, больше похожий на таежного первопроходца, чем на работника посольства, оказался в этой широкой постели. Как много он смог бы ей дать, как надолго утолил бы ее жажду и наполнил энергией.

Но в Пекине за дипломатический скандал по бронзоволосой голове не погладят, а потому Каракурт сдерживалась. В первую очередь, она дочь своего народа. И уже потом женщина, имеющая опасное сексуальное хобби…

Остатки передатчика, спекшегося в единый кусок пластика и проводов, все еще лежали на рабочем столе Юйдяо, но к разгадке так и не приблизили. Усиление патрулей тоже не принесло результата – в расставленные сети не попался никто, и лишь любвеобильного франка, решившегося на повторную авантюру, удалось завернуть обратно. Проявив личную инициативу, в тот же вечер старший лейтенант Ху подарил журналисту мазь против обморожения.

Только так, с хорошо замаскированным презрением и подспудной демонстрацией превосходства, можно воспитать

варвара. Если, конечно, тот вообще поддается дрессуре…

Поправив фуражку и еще раз осмотрев в зеркале свой безупречный вид, Чэнь Юйдяо направилась к выходу.

Не удержалась. Обернулась на пороге, бросив долгий последний взгляд на лежащего в кровати мужчину. Сейчас, накачанный наркотиками, тот пребывал в глубоком приятном сне. Окутанный смертоносной паутиной, ожидающий нового раунда их плотской битвы. Пожалуй, еще одну ночь он все же выдержит.

Представив на месте жертвы своенравного Вебера, подполковник вновь дала волю фантазии…

Закрыла глаза, несколько раз вздохнула и только после этого покинула помещение.

На пути титанических помыслов и преграды огромны
21 час 06 минут до начала операции «Бронзовое зеркало»

Кабинет был настолько длинным и узким, что казался ущельем.

Правую его стену занимали высокие витражные окна, выходившие в изумрудный сад на крыше небоскреба. Левую – массивные и угрюмые портреты основателей корпорации, единодушно мрачных и насупленных. Портрет отца тоже висел на этой стене, но на него молодой человек старался смотреть как можно реже.

Мебель в готическом стиле была изготовлена из легких сплавов, на вид напоминая деревянную, что придавало кабинету богатый вид.

Мужчина в красном брючном костюме и белой фарфоровой маске, скрывавшей две трети лица и левый глаз, замер в пороге. Дождался, пока слуга сомкнет двери за его спиной, и только после этого повернулся в глубь кабинета. Кроме него в ущельеобразном зале находился еще один человек. Грузный, морщинистый и седовласый, он восседал на дальнем торце огромного стола, за одну сторону которого легко умещались два десятка гостей.

Высокие напольные часы в ясеневом корпусе отсчитывали секунды, наполняя покой кабинета мерными щелчками. Отсутствие других звуков казалось настолько неестественным, что вызывало беспокойство. Наконец тучный широкоплечий старикан во главе стола нарушил молчание, с неохотой отрываясь от встроенных в столешницу экранов.

– Витторио, мальчик мой… – Несмотря на болезненный вид хозяина кабинета, его голос был силен и сочен. Специальная акустика умножала эффект, и на вошедшего обрушивался настоящий шквал баса. – Пройди, присядь…

– Здравствуй, дядюшка! – прошептал Гамба.

Изящная фарфоровая маска гасила четкость фраз, но миниатюрные динамики на горле возвращали словам настоящую громкость.

– Спасибо, что приехал. Уверен, мы решили бы вопрос и в сетевой конференции, – пророкотал глава совета директоров корпорации «Gruppo Aggiornamento», величаво покачивая

раскрытой ладонью. – Но ты уважил старика визитом, за это благодарю.

Признательно кивнув в ответ, Витторио прошел вперед, усаживаясь за стол лицом к красивым окнам. Теперь от дядюшки Раймундо его отделяло лишь девять стульев с высокими резными спинками.

Датчики в полумаске тут же уловили повышение температуры, и в лицо Гамбы вонзились десятки крохотных игл, впрыскивая лекарство. Вспышка боли прошла, не успев начаться, и молодой человек ничем не выдал ее приближение.

– Кофе?

– Нет, благодарю. Секретарь сообщил, что ты хочешь вынести на обсуждение совета директоров ежегодные бонусы, начисляемые на мой счет.

Положив руки в красных лайковых перчатках на колени, Витторио взглянул на дядю.

– Да, все верно. – Открыв ящик стола, тот вынул толстую сигару и кусачки. Обрезав кончик, зажал в мясистых губах, прикуривая от золотой зажигалки. – Витторио, если голосование состоится, твои премиальные за первое полугодие будут уменьшены.

Он прищурился, глядя на племянника из-под кустистых пепельных бровей.

– Совет директоров заподозрил тебя в использовании финансовых возможностей корпорации в личных целях…

Гамба сдержал эмоции, внешне сдержанный и спокойный под своей блестящей маской. Вот как…

– Совет директоров – это ты, дядюшка, – как можно мягче констатировал он, и Раймундо улыбнулся. – Мои исследования приносят корпорации неоспоримый доход, пусть пока и нематериальный. Именно с помощью «плаценты» мы спасли наш груз в Южном океане. Из всех инженеров, восстанавливавших реактор судна, были смертельно облучены только трое…

Какое-то время дядюшка изучал его – внимательно, молча и с хитринкой в светло-серых глазах. Сигара курилась в зубах, но встроенные в стол уловители тут же втягивали дым.

– Мой мальчик, – наконец пророкотал верхолаз, кладя сигару в специальное углубление перед собой. – Я хочу, чтобы ты свернул работы по личным проектам. Всем известно, что я всегда покровительствовал твоим увлечениям. Прикрывал, финансировал, обеспечивал политической защитой. Но сейчас настали нелегкие времена. Разработки группы «12 месяцев» должны быть законсервированы, и их лабы – тоже. Продвижение «плаценты» на рынок остановлено…

Он затянулся сигарой, выпустил густое облако дыма, тонкими струйками потянувшееся в стол, словно верх и низ в безумии решили обменяться местами.

– В прошлом квартале ты потерял отличную базу, оборудование, стартовые образцы! Хоть представляешь, в какую сумму обошелся провал операции в Сибири?!

– Большей частью это были мои собственные средства…

– Помолчите, молодой человек! Если к концу года сибиряки возьмутся за расследование гибели «Куэн Као», это поставит под удар не только сам проект, но и репутацию корпорации. Нужно замести следы. Поэтому, мальчик мой, угомонись. Не навсегда, но на время. До моего личного распоряжения…

Цикл захлебнулся злостью.

Обожженные пальцы вцепились в бедра, оставляя на коже синяки, но для старшего родственника он выглядел по-прежнему невозмутимым и сдержанным. «Как смеет этот престарелый болван указывать ему, великому Витторио Гамбе, что делать с его детищами?! О каких следах говорит старик, когда сгоревший реактор атомохода вычистил все дотла?!»

– За моими исследованиями, дядюшка, – осторожно произнес Витторио, надеясь, что голос не выдает бушевавших в нем эмоций, – кроется настоящее будущее. Грандиозное будущее.

Широкая ладонь Раймундо Гамбы упала на гладкую столешницу, словно тот прихлопнул жука.

– Инвестиции несопоставимы с доходами, Витторио, – грозно прервал он племянника, наклоняясь вперед. – Нам до сих пор проще нанять сорок новых инженеров, чем спасать дюжину, вливая миллионы евродинов в твои фантастические разработки!

– Лишая меня бонусов и приказывая свернуть проекты, ты связываешь меня по рукам… – Огорчение, сквозившее в словах Цикла, было настоящим. – Как же так?!

– Смирись, мальчик! – Глава «Gruppo Aggiornamento» снова откинулся на спинку кресла, взял в пальцы сигару. Толстую сигару в толстые пальцы: их словно стало шесть, один из которых дымился. – Ассоциация никогда не занималась подобной ерундой.

– Ассоциации не существует уже четыре года, – излишне жестко отрезал Витторио, вздрогнув от собственной дерзости.

Внимательно взглянул на дядю, отыскивая на морщинистом одутловатом лице хоть тень приближающегося гнева. Но его собственная злость, убивающая разум, уже не могла остановиться:

– Конгломерат мировых корпораций, финансировавших ее деятельность, распался сразу после Катаклизма. Дядюшка, этот мир уже не испытывает нужды в Ассоциации…

– Ассоциация – это я, наглец! – недовольно громыхнул Раймундо, но тут же взял себя в руки, понизив голос: – Я и любой другой глава корпорации, когда-то входившей в *наш круг*. Когда придет время и мир оправится, мы снова объединимся…

– Этот мир никогда не будет прежним, дядюшка, – прошептал Витторио, но предательские динамики воспроизвели его слова с повышенной громкостью. – Торговля рабами и оригинальными органами уже не приносит сверхдоходов… Нашей корпорации нужно искать новые точки приложения сил.

– Это решаю я! – Рука с сигарой описала полукруг, дымом отгораживая дядю от племянника. Из-за завесы сверкали глаза верхолаза. – Не забывай, кто выучил тебя всему. Вопреки воле брата, я всегда ценил тебя за гибкость ума. Но умоляю – не давай вольнодумству лишней свободы!

Он погрозил молодому человеку угольком.

– Работай, как я учил тебя много лет, и перестанем ссориться. Когда меня не станет, сможешь сам решать, в каком направлении развивать «Gruppo Aggiornamento». Но я вижу, насколько ты еще юн и горяч, и рад, что этот день наступит нескоро…

Он замолчал, сердито пыхтя сигарой. Консервативный тяжеловесный кретин, неспособный видеть дальше своего носа. Он рад, что бразды правления не в руках Витторио? Эту ситуацию можно исправить. Прямо сейчас…

Цикл был уверен, что этот миг настанет, хоть и позже.

Но если жизнь требует решительности, Витторио не станет медлить – именно так он выходил победителем изо всех схваток, в которые молодого капера бросала судьба, его мистическая eventus. Он – единственный наследник «Gruppo Aggiornamento», и пришло время наконец взойти на свой первый трон.

В правую перчатку Гамбы, в самый кончик указательного пальца, был вшит крохотный инъектор, управляемый «балалайкой». Игла его содержала в себе микроскопическую дозу мощного яда, недавно разработанного под руководством верного Января – одного из самых талантливых биохимиков проекта «Братья-месяцы».

Витторио был свято убежден, что дядя Раймундо не имеет защиты от нового оружия. От этого вещества не спасут ни известные противоядия, ни самые дорогостоящие врачи, ни целая армия медицинских нанороботов, которыми кишела кровь старика. Он даже не почувствует ничтожного укола, а уже через два дня мирно отойдет к праотцам от *настоящего* сердечного приступа.

Испытывая необычное возбуждение, охватившее его с ног до головы, Цикл медленно поднялся из-за стола. Боевой азарт

рвался наружу, грозясь выдать замысел, и Гамба опустил голову, будто бы подавленный безрадостными новостями.

Глава «Gruppo Aggiornamento» смотрел на него внимательно, опытным взглядом выискивая на видимой части лица даже самые эфемерные эмоции.

Выйдя из-за стола, Витторио задвинул легкий стул.

– Прости меня за дерзость, дядюшка. – Он сделал в сторону родственника короткий нерешительный шаг. – Я всегда любил и искренне уважал тебя, ты хорошо знаешь это. Как знал и мой отец, завидовавший нашей близости…

Гамба сделал еще несколько шажков, протягивая к массивному старику затянутые в красную кожу руки.

– Именно ты открыл мне глаза, указал верную дорогу. Спорить с тобой глупо и совсем не делает мне чести. Прошу прощения…

Шажок, еще один, он смотрел на обреченного родича виновато и подавленно.

– Я сделаю все, как ты велишь, дядюшка Раймундо.

Теперь остается только одно рукопожатие. Стиснуть толстые пальцы, или прижать его мясистую ладонь к мертвенному холоду маски, или хотя бы обнять старика. До кресла главы корпорации оставалось всего три стула.

В этот момент Раймундо отложил сигару, а его правая рука снова исчезла в ящике стола.

– Стой, где стоишь, мой мальчик, – негромко приказал он, и у Цикла внутри все оледенело. – Я принимаю твою благодарность и извинения. Но больше не делай ни шага! У меня тяжелая форма новой разновидности гриппа, знаешь ли.

Брови Витторио поползли вверх, и он даже не попытался скрыть переполняющие его чувства. Никогда до этого дядя не был так подозрителен и холоден к племяннику, которого любил, как родного сына. Неужели Цикл неосторожно выдал себя? Или жизненный опыт толстяка позволял ему видеть людей насквозь даже сквозь нанопокрытие фарфоровых личин?

– Что?.. – пробормотал младший Гамба.

– Я просто забочусь о твоем здоровье, глупый мальчишка. А теперь ступай. – Пухлый рот Раймундо расползся в вежливой улыбке. – Еще раз спасибо, что уважил старика визитом. Возвращайся к защите корпоративных интересов. Когда я снова увижу твое рвение, бонусы будут возвращены. Обещаю…

– Всего доброго, дядюшка, – заиндевевшими губами произнес Витторио. Укрытое полумаской лицо сейчас не могла согреть даже вгрызавшаяся в плоть термопена. – Спасибо за новый урок…

Развернувшись на каблуках, молодой мужчина в красном

брючном костюме и блестящей белой личине двинулся к дверям, чувствуя на себе пристальный взгляд светло-серых глаз.

Он уйдет, выбора нет. Увы, но отныне Витторио Гамбе придется спрятать от глаз родственника все свои проекты, полагаясь только на личные резервы. А еще он всеми силами начнет приближать миг, когда сумеет свергнуть окостенелого диктатора, живущего вчерашним днем.

Словно тупой крестьянин, Раймундо Гамба окучивает бесценную навозную грядку, забывая смотреть на всесильные звезды. Цикл постарается сделать так, чтобы фермер как можно скорее улегся в столь любимую им землю.

Хороший ловчий давно разучился мешкать
17 часов 50 минут до начала операции «Бронзовое зеркало»

Этим вечером он ощущал себя хищной птицей: беркутом или орлом-белохвостом.

С тридцатиметровой высоты посольского балкона Вебер наблюдал за бурлящей под ногами суетой, высматривая будущую жертву. Слева и справа раскинулись отвесные стены «Ильи Муромца», над головой темнело небо, зажигались первые звезды. А внизу все рос и ширился городок, разбитый у основания комбайна по велению подполковника Юйдяо.

Работы, нужно отметить, при этом остановлены не были.

Сотни и сотни поднебесников все так же заступали на вахты, гоня на север извилистые колонны бетономешалок, грузовиков и бульдозеров. В посольстве, работников которого Илья этим вечером застал в неполном составе, поговаривали о наведении переправы через горную речку, преградившую комплексу путь.

Зато те, кто рабочий день уже окончил или наслаждался кратковременным отпуском, оттягивались вовсю. С высоты посольских этажей были хорошо видны ларьки, в которых китайцы по талонам отоваривались пивом, и длинные мангалы, где жарили соевое мясо. Особое место отводилось сценам для музыкантов и аренам с гимнастами, почти без перерывов выступавшими под аплодисменты толпы.

Активировав часть свежего софта, залитого в «балалайку» старшим Гринивецким, Вебер сканировал толпу. Он действительно стал птицей, небесным хищником, поджидающим неосторожную добычу. Перед взглядом с трехкратным увеличением проносились десятки и сотни людей, и ни один из них не избегал изучения и анализа. Любые несоответствия заложенным в программу «усредненным» параметрам роста, веса или цвета волос, зафиксированные в людской массе, сразу привлекали внимание Лешего.

Пока, к сожалению, оно было по ложной тревоге приковано лишь к «нестандартным» поднебесникам – в частности, несуразно высоким. Да к дюжине иностранных журналистов, праздно шатающихся по красочному палаточному городку и вкушавших

сладкий рис.

Но преимущества наблюдательной позиции было сложно переоценить, в офисе посольства Илья вскоре и вовсе остался один, а потому он постарался запастись терпением. В конце концов, цирковые выступления поражали пластикой и энергией акробатов, вечерний сентябрьский ветерок приятно поглаживал ежик волос, а на перилах возле локтя стояла едва початая коробка с еще горячими китайскими пельменями.

– Здрассте, товарищ подполковник, – бормоча с набитым ртом, улыбнулся Леший.

Из самого дальнего шлюза, спускаясь по рифленому пандусу широким армейским шагом, появилась Желтый Каракурт. За ней послушным псом плелся тот самый старлей, что сопровождал Вебера в комнату с перламутровыми стенами.

Ближайшие патрульные принялись вытягиваться в струнку, отдавая честь. Толпа же, напротив, предпочла единым целым откачнуться подальше, только бы лишний раз не попадаться этой женщине на глаза.

С видом проверяющего стойла конюха Чэнь Юйдяо двинулась через ярмарочный городок, в который полноценно превратилось поселение под стенами «Муромца». Пробовала еду из огромных котлов, с омертвевшей улыбкой отвечала на приветствия рабочих, лениво хлопала гимнастам.

Убедившись, что все под контролем, и засвидетельствовав уважение к нехитрым радостям простого люда, Каракурт направилась обратно в комбайн. На короткую роковую секунду, словно невзначай, задрав голову и осмотрев свои небоскребные владения снизу вверх…

Илья, жевавший очередной пельмень, чуть не подавился.

Это было привычкой подполковника – глядеть на громаду от ее подножия? Или она почувствовала интерес, проявленный к своей персоне с балкона на средних уровнях?

Юйдяо и ее помощник Ху уже давно скрылись внутри, а Вебер все стоял в шаге от балконного края, забыв проглотить еду.

Отставил коробку обратно на перила – аппетит исчез. Снова склонился над городком, продолжив изучение толпы и стараясь унять учащенный пульс. И уже на бегу размышлял, что если бы Каракурт отвлекла его чуть позже, он бы никогда не заметил одинокую фигуру, торопливо исчезающую в кустах…

Это произошло метрах в четырехстах от западной границы палаточного городка, но «балалайка» успела просигналить – зафиксированный силуэт не входит в «усредненную» базу роста и веса, заложенную для отсева.

– Ах ты, гау!

Вебер сорвался с места так, что уронил коробку с остатками пельменей куда-то наружу, прямо на головы отдыхающей толпе.

Пулей проскочил тесные кабинеты офиса, выскочил в коридор-улицу. Торопливо заблокировал двери посольства, даже не убедившись, включилась ли сигнализация замков. К лифтам несся огромными шагами, одновременно вызвав пять кабин. Прыгнул в пришедшую первой.

Спускался, отсчитывая уходящие секунды.

Листопад – не безопасник из Анклава, охотник нагонит его в любом случае. Но и лишнюю фору давать беглецу Илья не хотел. Кто знает, где крысиная нора? Не исключено, что лежка парня значительно ближе, чем он себе представлял…

Коридоры, лестницы и лифты комбайна пустовали, и за время своего спуска Вебер встретил не больше десятка человек. Казалось, что на природу высыпал весь освобожденный от работ персонал. Оставалось надеяться, что на сахарную вату, покинув посты, не польстились хотя бы инженеры ядерных реакторов…

Пропускные пункты, выставленные на каждом из выходов «Муромца», Вебер старался пройти чинно и несуетливо, чтобы не привлечь лишнего внимания. Миновал рамку наноскопа и дозиметра, сунул электронный бейдж в щель сканера, позволил сфотографировать лицо. Сержантик НОАК, управляющий постом, великодушно протянул руку, приглашая господина советника присоединяться к празднеству.

А вот с пандуса, на котором торговцы тоже умудрились развернуть лотки да еще вовсю сновали водоносы, пришлось спрыгивать, чтобы не толкаться в людском потоке.

Высота оказалась немалая, метра четыре, поэтому Илья сначала зацепился руками за край, и только потом ухнул вниз. Приземлился удачно, хоть и чуть не сбив парочку рабочих, справлявших нужду прямо под входной конструкцией. Не обращая внимания на их возмущенные возгласы, Вебер ринулся вперед.

На окраину ярмарки он добрался через две с половиной минуты, чуть не вступив сразу в несколько драк с недовольными зеваками, угодившими под ноги. Стряхивая с себя руки задир и подняв над головой волшебный бейдж, Леший ледоколом проломил плотное людское облако, выкатившись к кустарнику, где видел свою крысу.

Той, разумеется, уже и след простыл.

Обернувшись на ярко освещенный прожекторами ПТК и убедившись, что за ним не следят, Вебер нырнул следом…

Той же ночью, без сил падая на кровать, он неоднократно искал в себе причину, заставшую его вмешаться. Что вообще

двигало им, Ильей Вебером, вынуждая помогать обреченным на гибель незнакомцам или полоумным девчонкам, умеющим читать чужие мысли? Обостренное чувство справедливости? Вера в то, что с Ильей жизнь начнет поступать так же, как тот поступает с другими? Или страх угодить в подобную ситуацию, даже в мыслях поменяться местами с жертвами, которым помогал?

Вспоминая события той сумасшедшей ночи, он так и не нашел ответа.

Вместо этого только вернулся мыслями в Тайгу, с горечью ощутив, как щемит под ребрами…

Безумия последующих часов в начале погони не предвещало ничего. Свежий, чуть затухающий след, и он – гончая, идущая по этому следу. Листопад ускользнул из комплекса, но тут – в кустистых предгорьях и скальных ущельях, ему не уйти. И отпечаток обуви схож, «балалайка» выдала 97 % совпадения!

Однако стоило Веберу нагнать свою добычу, и все пошло наперекосяк. И когда мужчину схватили прямо у него перед носом; и позже, когда Илья крался за нападавшими, пытаясь понять, куда те тащат жертву; и еще позже, когда Леший развернул на зрачке карту, вспоминая координаты необычной пещеры…

Умение признавать ошибки – еще один шаг к совершенству
14 часов 28 минут до начала операции «Бронзовое зеркало»

Глаза открывались не только тяжело, но и болезненно. Будто кто-то крепко склеил веки. Или даже сшил. Но «балалайка» не отвечала, а визуальная оценка происходящего – непременное условие построения тактики, а потому Буньип был обязан постараться. Даже презирая жгучую резь в глазах, заставляя себя, загоняя боль поглубже. Даже если через минуту предстоит умереть.

Так очевидно и серьезно Леон Брейгель не влетал уже давно.

Не очень ясно, что именно выдернуло наемника из обморока – затекшие руки и нытье кровоточащего бедра или профессиональная гордость, униженная и втоптанная в пыль. Проснувшаяся и завывшая волком, попавшимся в капкан…

Буньип подвигал кистями. Да, мышцы затекли, плечи и предплечья совсем онемели. Пытаясь прислушаться к внутреннему хронометру, австралиец определил, что провел в путах не меньше часа. Скорее даже два. Ночной ветер трепал волосы, высушивая капли пота, катящиеся по вискам.

Ноги тоже связаны, но не между собой, а плотно примотаны к столбу. Шею веревка не сжимала, а потому Буньип осторожно поднял голову.

Заметили, ублюдки.

Зашевелились, затыкали пальцами. Не обращая на окружавших его людей никакого внимания, Леон продолжил осторожно напрягать и расслаблять мышцы рук, разгоняя застоявшуюся кровь.

Мужчин, переминавшихся вокруг столба, было восемь. По виду – сущие варвары: поверх драных джинсов и пуховых курток пришнурованы плотные кожаные накладки-чапсы и меховые накидки. Шапки тоже меховые, пышные и неуместные для теплой осенней ночи.

Но самая большая шапка принадлежала Малтачаку – черная как смоль, сшитая из лисы, с длинным хвостом, спадающим на спину. Рядом с хвостом на шапке колыхались три черные тряпичные ленты. Шаман сидел на корточках, похожий на старого

нахохлившегося ворона, ожесточенно перемалывая в чугунной ступке какую-то траву.

– Проснулся? – с недоброй улыбкой поинтересовался он, через плечо оглядываясь на пленника.

Говорили по-русски, и многое Буньип понимал даже без «балалайки», благо опыт работы на территории России скопился немалый.

– На вот, milok, понюхай. – Кам встал, поднося к носу австралийца щепотку месива. – Ты мне нужен в здравом уме.

Носовые фильтры, не обнаруженные варварами, еще заполняли ноздри Брейгеля, но пронзительный запах травы все равно ударил в мозг, прочищая уплывающее сознание. Ночь озарилась новыми красками, стало легче дышать.

– Молодец, – похвалил шаман, возвращаясь к работе. – Потерпи, недолго осталось…

Теперь Буньип полноценно осмотрелся.

Да, то самое место, куда он пришел в позапрошлую ночь. Кособокий домишко отшельника, сараи для скотины, крутые скальные стены стакана, окружавшие хутор со всех сторон. Тот же костер. На этот раз более яркий, массивный, из бревен, дающий широкий круг света, за которым наползала тьма – плотная, враждебная.

И он – «пришедший из ночи», накрепко привязанный к тотемному столбу в центре круглой площадки.

Рассматривая верный «дыродельчик», заткнутый за пояс самого рослого дикаря, Леон в очередной раз подумал, в какую же наивную ловушку он угодил…

Его взяли на входе в скальный коридор. Быстро, ловко, почти бесшумно, как это умеют лишь те, кто хорошо знает место боя. Как это умеют аборигены, вступающие в схватку с чужаками. Он, конечно, засаду раскусил почти сразу. Даже стрелял… да, точно, он смог подстрелить одного из жопоголовых. До того, как в бедро ударила стрела, смазанная чем-то липким.

Потом он бежал, с каждой секундой теряя силы и сознание. Потом упал. Как оставшиеся в живых нападавшие перенесли его к домику кама, уже не помнил. Как вязали руки, вынимали «балалайку» и обыскивали, тоже.

– Ну вот, все готово, – радостно провозгласил Малтачак, поднимаясь вместе со ступкой.

Бросил готовое зелье в открытый кувшин, поднесенный молодым дикарем. Перемешал деревянной ложкой, забормотав что-то, чего Буньип перевести уже не смог.

Дальше кувшин пошел по рукам, и каждый из стоявших у костра сделал несколько больших глотков. Пленника тоже

попытались напоить – здоровяк ухватил его за нижнюю челюсть, заставляя открыть рот, зажал нос. Другой начал вливать. Как бы Леон ни сопротивлялся, мысленно проклиная противников, жидкость все же попала в горло.

Благость наступила почти сразу, но действие наркотика оказалось совершенно незнакомым австралийцу. Пытаясь преодолеть слабость, он продолжил разминать кисти рук, пробуя веревки на прочность. Связали крепко, надежно, но человек, потерявший надежду – живой труп. А Буньип не был готов умирать. Во всяком случае, сейчас и здесь.

Кам встал к нему лицом, отбрасывая на плечи края черного плаща. В дикой шапке, увешанный амулетами и оберегами, он казался пришельцем из далекого прошлого.

Малтачак что-то заголосил, протяжно и звонко, порождая эхо, но и этих слов Леон не разобрал.

Затем старик наклонился, отчего седые косы выбились из-под меховой оторочки, и что-то поднял с земли. Поднял предмет, на несколько бесконечных секунд приковавший внимание Буньипа так, что он даже забыл о планируемой тактике побега.

Бубен из конской шкуры был круглым, с характерными выступами-ребрами на широкой обечайке. Довольно небольшой, дюймов пятнадцать в диаметре. С привешенными к раме колокольцами, цветными шнурками и металлическими подвесками.

Когда Малтачак развернул тюнгур обратной стороной, Леон увидел вертикальную рукоятку, изготовленную в виде стилизованного человечка. Рисунок на мембране Буньип разобрать не смог, заметил только тонкую белую полосу, разделяющую круг на две неравные части. В нижней, значительно большей, было что-то изображено, но присмотреться не позволяли темнота и раскисающее в кисель сознание.

Заметив взгляд пленника, старик улыбнулся, обнажая крепкие, хоть и желтые, зубы.

– Это ты искал, явившийся без приглашения? Мой тюнгур? Поверил старику Малтачаку, что тот готов отдать бубен собирателю древностей? Да я лучше вырву из груди сердце, чем позволю чужаку прикоснуться к своему Ключу!

Танцующей походкой он двинулся вокруг столба, исчезая из поля зрения.

– Наивный иноземец. Уверовал в bayki старика… – Было слышно, как тот хихикает где-то за спиной Буньипа. – Никто не имеет права на этот тюнгур, кроме меня! Духи приказали сделать его, когда на моем лице еще не росли усы. Другие камы меняют по три тюнгура за жизнь, но мой – самый сильный, единственный!

Только со смертью Малтачака тюнгур будет разрезан на полосы и повешен на дерево. Но и тогда станет сопровождать меня в Нижний Мир, глотая ветер над могилой кама!

Он появился из-за другого плеча австралийца, нежно покачивая бубен в руках. Теперь Леон обратил внимание и на колотушку, торчащую за поясом шамана.

– А если я слуга Владыки? – лихорадочно вспоминая русскую речь, заплетающимися губами пробормотал Буньип. – Вдруг дух пришел испытать твоя сила? Недобрый прием ты мне оказать…

Забалтывая кама, Буньип все еще пытался расшатать узел. Остальные стояли перед его лицом, за спиной и обратной стороной тотема никто не наблюдал.

– О, ты сражаешься, это хорошо! – Малтачак потряс бубном над черной шапкой. – Ты станешь отличной жертвой, самой лучшей за последние четыре зимы! Тебя и правда послали духи. После твоей смерти мой народ заживет в достатке, злая машина уйдет из наших гор, родятся здоровые дети.

– Собрался принести меня в жертву? – зло прошипел Леон, и не подумывая сдаваться.

На запястьях уже кровоточили свежие ссадины, но действие наркотика притупляло боль. Даже рана в ноге больше не зудела.

Он обязательно порвет веревки.

А потом спустится со столба и перегрызет глотку сумасшедшему старику…

– Да, собрался! – радостно ответил кам, легко хлопнув в бубен ладонью левой руки. – Когда луна будет высоко, я призову своего tyn-bura и принесу жертву! Пусть возрадуются люди! Пусть жиреют овцы и беда обойдет стороной наши дома. Давно, очень давно мы свернули с пути жертвоприношения. Но сегодня, когда духи ослабли, пришло время помочь им, вспомнить предков и их zavety. Сегодня я буду просить Ульгеня! Сегодня я принесу uy tolo bash uchun!

А потом кам вдруг заголосил. И от горлового пения, рвущегося к ночному небу, Буньип чуть не растерял последние силы, накопленные для борьбы за жизнь.

Остальные мужчины как один повалились на колени, горящими глазами наблюдая за стариком. Тот завертелся юлой, выхватил колотушку, но в драгоценный тюнгур успел ударить только один раз…

Ночь разорвало вспышкой, яркой и трескучей, словно удар молнии.

Одурманенный наркотиком, Брейгель содрогнулся, чуть не уверовав, что бог Малтачака действительно сошел на землю, принимая жертву. Потом по ряду стоявших на коленях мужчин

ударила картечь, брызнула кровь, и ее резкий запах эффективнее нашатыря привел австралийца в чувство.

Картечь была непростой, злой и бесформенной, словно обломки железного прутка.

Одному из варваров ее заряд изуродовал лицо, превратив в кашу и смешав с мозгами. Другому угодил в грудь и живот, убив на месте. Еще двоим посекло уши, щеки и изорвало мышцы на руках. На острие вспышки чудом уцелел только шаман, затравленно заверещавший и упавший на землю.

Через мгновение на утоптанной круглой площадке появился человек.

Отбрасывая ружье, в котором Буньип изумленно узнал короткоствольный мушкет XVI века, он шагнул к дикарям. В левой его руке был зажат тонкий черный штырь. Правая же беспрерывно двигалась, рисуя в воздухе восьмерки.

Не успели горцы сообразить, что прервало обряд, как незнакомец подскочил к ближнему, резко опуская правую кисть. В тот же миг меховую шапку хакаса промяло вместе с разломившимся черепом, и он завалился в темноту. Теперь австралиец разглядел увесистый железный шарик, посаженный на кожаный ремень. Другой конец темляка был плотно намотан на запястье убийцы.

Отскочив от жертвы, тот раскрутил кистень над головой, бросаясь к следующему противнику.

Дикари все же сообразили, что на них напал человек, а не злой дух. Руки запоздало потянулись к копьям, ножам и лукам, старший ухватился за рукоять «дыродельчика» за поясом.

Его незнакомец убил четвертым, обрушив гирьку ровно в левое ухо. Штырем в другой руке умело блокировал нацеленное в свою грудь копье. Не прекращая плавного движения, послал железное яйцо дальше.

От хруста свернутой челюсти дикаря у Буньипа свело скулы. Брызнула кровь, полетели белые осколки, а незваный спаситель даже не помышлял о милосердии – размахнулся штырем, добивая раненого горца хлестким ударом в горло.

Теперь противниками человека с кистенем остались двое, один из которых был посечен картечью неожиданного залпа, такого грозного и жуткого. Он-то и бросился бежать, даже не думая о сопротивлении. Подвывая, как девка, выпрыгнул из светового круга, образованного костром, зацокал камнями тропы.

Его преследовать не стали. А вот последнего, потянувшего из меховых ножен длинный клинок…

Убийца хладнокровно перешагнул через кама, в ужасе сжавшегося в комок у ног Буньипа. Даже не пытаясь

маневрировать, пошел прямо на врага, снова раскручивая беспощадное оружие. В глазах его горела ярость, которая опьяненному Леону показалась нечеловеческой. Звериной. Справедливой.

Горец прыгнул вперед, но его удар был парирован черной тростью. В следующее мгновение кистень свистнул, наотмашь обрушиваясь на левую ключицу варвара. Снова хрустнули кости, наполняя каменный мешок гадким эхом. Раненый закричал, упал на колени, завалился вперед. Крутанув темляк еще раз, незнакомец добил противника ударом в макушку.

И только после этого шумно выдохнул, словно всю схватку задерживал дыхание…

Бой, который наглотавшийся наркотика Буньип запомнил в мелочах, занял не больше минуты. Над ущельем снова повисла неприятная тишина, нарушаемая лишь скулежом Малтачака.

Не обращая внимания на шамана, человек в темном спортивном костюме подошел к тотему, становясь спиной к костру. Леон, тщетно пытавшийся сфокусировать взгляд на его лице, не мог разобрать ничего.

– Uh-ty, – по-русски протянул незнакомец, остававшийся в густой тени, – кто это у нас тут?

– Спасибо, – только и сумел выдавить Брейгель, торопливо натягивая на сознание маску Рамона Бадосы.

– Это ты atamanu Израилову спасибо скажи, – туманно ответив, усмехнулся русский. Путы, тем не менее, разрезать не спешил. – Ты меня понимаешь?

Буньип покачал головой.

– Плохо…

Убийца шестерых горцев склонился над затравленным шаманом, о чем-то его спросив. Раскрыл ладонь, забрав какой-то небольшой предмет, вернулся к тотему. Протянул правую руку к голове Леона, отчего окровавленная гирька, примотанная к запястью, веско стукнула австралийца в грудь. Затем тот почувствовал, как в затылок вставляют «балалайку».

– Ты смотри-ка, дикие люди, а электронику вынуть не забыли, – усмехнулся русский, качая головой.

Легко пнул скукожившегося шамана в бедро, отчего тот перевалился на бок, словно был жуком или черепахой.

– Ну что, старый хрен, испортили тебе вечер?

– Развяжи. – После того как «балалайка» включилась, Буньип понимал незнакомца гораздо лучше. – Я лично убью этого гада.

– Не спеши, дружище, – искоса посматривая на Брейгеля, ответил его спаситель. – Ты мне сначала расскажи, как тут оказался. А то, знаешь ли, не каждый день такое увидишь…

Он вытер телескопическую трость о мохнатые чапсы ближайшего убитого. Зачем-то осмотрел его затылок, хмыкнул и спрятал оружие в карман удобных спортивных штанов. Кистень, как отметил Леон, остался висеть на запястье.

– Меня зовут Рамон Бадоса… – Буньип знал, что неуверенность в его голосе русский спишет на шок и действие наркотика. Тот и впрямь действовал, миксером мешая мысли. – Я оператор съемочной группы компании «Аль-Андалус-ТВ»… я с китайского комбайна…

И вдруг Леон узнал человека, стоящего перед ним.

Это же советник сибирского посла! Здесь, в ночи, безжалостно расправившийся с целым отрядом дикарей! Невозможно… Впрочем, факты говорили за себя, а мистифицировать Буньип склонен не был.

– Бубен… – прошептал он, пытаясь подбородком указать на скулящего шамана.

Врать приходилось быстро, выдавая полуправду. Если сибиряк захочет допросить Малтачака, тот подтвердит.

– Мне сказали, что он имеет ценность… этот старик обманул меня… пообещал отдать. Когда я пришел за товаром, на меня напали…

– Я это видел. – Советник посла с улыбкой наблюдал за лже-Бадосой. – Следил за тобой. Иначе бы и не болтали сейчас. Значит, Рамон, ты пошел за бубном?

– Да, можешь спросить эту тварь… Мы назначили сделку позавчера.

– Никого с комбайна поблизости не видел? – последовал необычный вопрос.

Связанный помотал головой, не совсем понимая, чего от него хотят. Вышло вполне естественно и откровенно. Ведь не патрули поднебесников чиновник имеет в виду?

– С пистолетом пришел? – В отсвете костра стало заметно, как сибиряк изогнул бровь. Забавлялся он, что ли? – Как ты пронес оружие на комбайн? Как вынес через наноскопы и сканеры?

Тупик. Перед Буньипом не тот человек, чтобы вешать ему на уши тонны лапши. Уж он-то явно понимает, как непросто протащить оружие на борт «Императора Шихуанди»… Бадоса стал искренен, как верующий грешник на исповеди.

– Всегда с собой вожу, – негромко ответил Леон, взвешивая, стоит ли ему убивать русского, когда тот разрежет веревки. – Работа рисковая, по всему миру бросает. Иногда и применять приходится. Вот и прячу среди частей от видеокамеры… А потом выбросил из окна номера, вышел и подобрал.

– Молодец, сообразительно, – снова кивнул советник. – В армии служил?

– До Катаклизма. Спецназ. Так ты меня развяжешь?

Кто же он такой, сибирский чиновник, готовый на рукопашный бой против семерых противников? Да еще и с настоящим антиквариатом в руках. А если бы мушкет дал осечку? Теперь Буньип припомнил место, где его спаситель разжился раритетным оружием…

Сибиряк отвечать не торопился.

Обошел скулящего кама, подобрал с земли бубен, повертел в руках. И вдруг сказал нечто, заставившее Буньипа откровенно заинтересоваться его персоной.

– Значит, так, Рамон… Бубен нужен – дело личное. Я в чужие секреты не лезу, сам тут не на звезды любуюсь. – Чудилось, в его голосе звучит горечь или легкое разочарование. – Тебя бросить не мог, на дух такую падаль не переношу. Тьфу… Так вот. Ты меня не видел, я тебя тоже не знаю. Но если попробуешь устранить, как свидетеля, – пеняй на себя…

Он подошел к тотему, все еще разгоряченный после боя. Жаркий, светящийся, переливающийся глубокими ультрамариновыми оттенками. Буньип стиснул зубы и замотал головой, пытаясь избавиться от галлюцинации.

– Сейчас я уйду, Рамон. Разрежу веревки, пистолет заберу. Пустишься за мной раньше чем через полчаса, присоединишься к ним…

Он красноречиво поддел ботинком руку убитого горца.

– Ствол оставлю у входа в ущелье. Мне ни к чему. Бубен – тоже.

Советник посла Сибирской Республики опустил тюнгур на землю, подобрал «дыродельчик». Деловито осмотрел оружие, чем еще сильнее заинтересовал Брейгеля: приоткрыл затвор, проверил обойму, выставил пистолет на предохранитель.

– А также мне *фиолетовы* ваши дальнейшие взаимоотношения с этим дерьмом, – добавил сибиряк после короткой паузы, качнув кистенем в сторону шамана.

Тот, словно в трансе, даже не пытался сбежать или сказать что-то в собственную защиту.

– Устраивает план, Рамон?

Аура этого человека, если бы таковая субстанция существовала, не могла быть синей.

Она черно-белая, как и у самого Брейгеля. Она чиста, проста, прекрасна и подобна совершенным произведениям искусства. Она достойна долгой жизни. И дело совсем не в чувстве долга, хоть объективно Леон и оценивал шансы на сольное освобождение

близкими к нулю… Буньип не станет убивать своего спасителя.

Во всяком случае, сейчас и здесь.

– Да.

– Тогда приятного вечера, – подытожил советник, подхватывая обнаженный варварский клинок и заходя австралийцу за спину. – Надеюсь, больше не свидимся…

Веревки ослабли, Буньип едва не упал вперед.

Удержался на ногах, растирая омертвевшие запястья. В голове сразу зашумело, но он заставил себя осторожно обернуться, не выпуская шамана из поля зрения.

Сибиряк исчез с каменистого острова, словно Леона на самом деле спас мифический дух, а не человек из плоти и крови. Брейгель прислушался к легким удаляющимся шагам, помассировал виски. И шагнул к поверженному каму.

До рассвета им предстояло о многом поговорить. Откровенно, по душам… Что там старик сочинял про вырванное из груди сердце?

Молитва – цемент для неокрепшего духа
7 часов 34 минуты до начала операции «Бронзовое зеркало»

Оставалось только решиться.

Сделать последний шаг, выполнить предназначение, сорваться направленной в мишень стрелой. Однако это, и Степан в полной мере отдавал себе отчет, оказалось нелегко.

Именно поэтому Листопад час за часом шлифовал свой план, заставляя «балалайку» строить посекундные варианты, бракуя их и создавая новые. Он хорошо понимал, что лучшее – враг хорошего. Но заставить себя забрать «раллер» и пуститься на штурм резервных операционных боксов так и не мог.

Презирая собственную трусость, Листопад сбросил ноги с неудобных нар. Когда дух слаб, его укрепляют молитвой, и юноша опустился на колени, едва уместившись на полу своей крохотной кельи.

– О, могучий Геос, плоть и душа мироздания, кровь и кости ее, сердце и разум. О, терпеливая Гея, мать Земли и сама Земля, взываю к тебе…

Узкая лодочка ладоней машиниста сжимала серебряный талисман совершенно иной Традиции, но Листопад не видел противоречий. В конце концов, Цифра – истинная дочь Земли, рожденная во благо. И именно она, как восставшие титаны, поможет одолеть обезумевших богов современности и их союзников…

– Молю тебя, Гея, дай мне силу! Не позволь сойти с избранного пути… – горячо, торопливо и чуть слышно, чтобы не привлекать интереса соседей, шептал Степан. – Укрепи мысль мою, пусть вихрем ворвется она в храм Поэтессы, обгоняя цифровые сигналы!

Этим словам Листопада не учил никто, даже Порфирион.

Более того, наставник наверняка бы даже посмеялся, услышав жаркий шепот, в котором наивно мешалась вера в мстительную мощь Иерарха и поклонение Эммануэли Нейк. Гринивецкому, впрочем, сейчас на мнение Порфириона было наплевать – бормоча импровизированную молитву, он настраивался на *личную* битву, изгоняя последние тени страха…

– Преврати руки мои в кремний, всемогущая Гея, – бормотал Степан, упершись лбом в алюминиевый край кровати. – Пусть библиотека памяти моей откроет доступ к бездне ее, и не укроется от разума раба твоего ни единая крупица данных. Измени архитектуру мозга слуги твоего: молю о том, чтобы стал он подобен матричному кристаллу. Пусть интеллект мой станет острым мечом, лишенным предательских сомнений.

Что там – в новых мирах, куда из родительского гнезда спешат птенцы-предатели? Что там, куда инфаркт планеты открыл двери? Бесплодные пустыни? Дожди из жидкого метана? Запредельные температуры? Враждебные аборигены? Или безграничные ресурсы, ради которых все и затевалось?

Конечно, ресурсы.

Богатства, на пути к которым верхолазов не смогут остановить ни метановые дожди, ни восьмирукие иноземцы, вставшие за защиту своих необычных домов. Нефть, газ, питьевая вода, драгоценные камни, металлы и чистая древесина, за которые опять польется кровь. Золотое руно, в поисках которого каперы и корпорации снова откроют свою истинную суть.

Они начнут войны…

– О, глупцы, мечтающие о колосящихся полях Terra Incognita! Неужели покидаемый вами мир недостоин большего? Неужели недостоин почтения и заботы?!

Степан и не заметил, как закончил молитву, продолжая злобно бормотать все, что приходило в голову. Пальцы сжали образок Святого Чайки так, что стало больно.

– Достоин… Достоин! Хватит пороков, глупые люди. Хватит вычерпывать до дна любой найденный колодец. Хватит жадности и корысти… Как можно быть такими слепцами?.. Человечество больше не будет убивать все, до чего дотронется… Мы покажем как. Покажем, почему…

Ни одно живое существо не покидает свой дом только потому, что он захирел. Кроме человека, разумеется.

Хороший хозяин так не поступает. Дом нужно ремонтировать. Починить прохудившуюся крышу, укрепить пошатнувшиеся стены, залить пенобетоном трещины фундамента, вычерпать из подвалов сточные воды и наладить канализацию…

А когда «Гвардия Иерарха» наберет силу, она убедит «Науком» поделиться Новой Энергией со всем человечеством, и тогда в дом снова придут свет, тепло и уют. Они сумеют. И он – Листопад, станет одним из первых мучеников, положивших свою судьбу на алтарь возрождения…

От размышлений, преисполненных негодования, отвлек шум в коридоре.

Степан поднял голову, прислушиваясь. По техническому лазу, где обосновались «тараканы», шли люди. Шумно, дерзко. Открывались картонные двери, слышалась китайская речь.

Листопад встал с колен, чувствуя, как стремительно цепенеют ноги. Будто Гея и вправду услышала его молитвы, превратив конечности в хрупкий кремень. Он затравленно осмотрелся, как если бы в коморке существовал запасной выход.

В следующую секунду в фанерную дверцу постучали. Кулаком, несколько раз, чуть не разбив хлипкий шпингалет.

– Открывай! – раздался чей-то грубый голос.

Степан закусил губу, еще раз лихорадочно осмотрелся. Хотел выкрутить лампочку, чтобы в дверные щели не пробивался свет. Но в это мгновение створку рванули на себя, и условные засовы не выдержали – треснули.

На пороге стоял поднебесник.

Не солдат, как того боялся машинист, но и не рабочий. Черная тяжелая куртка вполне могла оказаться бронежилетом, под ней виднелась кобура «дыродела». Длинные желтые волосы гостя были зализаны лаком, на щеке виднелась татуировка.

– Денис Йен?! – рявкнул китаец, хотя мог бы и не спрашивать – по глазам читалось, что он отлично знает ответ. – Собирайся, пойдешь с нами!

– Никуда я не пойду…

Листопад устыдился, с каким жалким шипением слова покинули его губы. Стало страшно, а идеально выстроенный план вдруг пошатнулся, готовый обвалиться домиком из карт.

– Кто вы такие?..

– Друзья твои. – За спиной китайца в черной куртке обнаружился второй, обритый налысо, с татуировкой объемной кобры на левой половине черепа. – Выходи.

Желтоволосый умудрился втиснуться в каморку, глядя на рослого Листопада снизу вверх. Однако беззащитнее от этого поднебесник не казался, заставив коленки Степана мелко вздрогнуть.

Кто эти люди? Чего они хотят? Это не крысоловы коменданта, сразу видно. И не белый мужчина, о котором говорил Чи Вай. Великая Цифра, да это же бандиты! Откровенные уголовники, невесть зачем пожаловавшие в убежище «таракана». О, всемогущая Гея, спаси и сохрани слугу твоего…

– Так что, тебя силой тащить? – заглядывая в остекленевшие глаза машиниста, поинтересовался гость. – Ведь я могу…

Медитативное состояние, еще минуту назад преисполнявшее Листопада решимостью завершить миссию, разбилось тонкой льдинкой. Губы затряслись, он попробовал отступить, но уперся в

трубы, занимавшие дальнюю часть комнатушки.

– Ладно, все понял, – вздохнул китаец.

И быстрым точным движением стукнул Гринивецкого в лоб. Ладонью, несильно, но в голове Листопада сразу зашумело. Если бы не подпиравшие спину коммуникации, он бы точно стек на пол, где только что так истово молился.

Затем его ухватили за рукав, рванув к выходу.

Выволокли в коридор. Осмотрели комнату, не обнаружив ничего интересующего. Только оловянным солдатиком из тумбы заинтересовались, в итоге швырнув на пол. Отобрали «балалайку», обыскали одежду.

Соседи Дениса, опасливо выглядывая из своих «апартаментов», со смесью любопытства и страха наблюдали за происходящим. Заметив это, лысый со змеей на голове рыкнул на зевак, потрясая кулаком. Те мгновенно попрятались, напомнив Листопаду настоящих тараканов, противных и трусливых…

Интересно, хоть кто-то из них сообщит его товарищу Гао, что случилось с Денисом Йеном?

– Куда вы меня ведете? – наконец выдавил Степан на ужасающем китайском.

На сопротивление сил не осталось, да и был ли в нем смысл?

– Узнаешь, Денис, совсем скоро узнаешь… – Волосатый шагал впереди, даже не оборачиваясь. Со спины подпирал лысый. – А пока помолчи.

Как же все могло так запросто рухнуть? Кого из небесных покровителей оскорбил он своей молитвой? Неужели это – кара за нерешительность и слабость?

Зажатый похитителями, Листопад шагал навстречу судьбе, пытаясь очистить сознание в поисках ответов. Он был так близко к цели, только руку протяни, и вдруг такое…

Паренек глубоко вздохнул. Потер лицо ладонями, спрятал кулон с Чайкой поглубже под одежду.

– Ты будешь сильным, вне зависимости от того, помогут тебе Цифра и Геос или нет!

Голос Порфириона так четко прозвучал в голове машиниста, что тот даже обернулся. Нет, наставника не было рядом, и лишь его незримый дух пришел на помощь ученику.

– Ты применишь всю свою сообразительность, весь интеллект и таланты, но не дашь операции сорваться. Ты – избранный, и не можешь допустить провала.

Его вели техническими коридорами, о существовании которых не имели представления ни Листопад, ни Чи Вай Гао. Лестницы сменялись лестницами, тесные площадки – себе подобными. Ни разу они не воспользовались лифтами, то

поднимаясь на пару ярусов, то спускаясь на три-четыре. Уже через несколько минут путешествия Степан понял, что заблудился.

– Это не важно, – продолжал Порфирион, раскатистую речь которого китайцы слышать не могли. – Сконцентрируйся не над тем, куда тебя ведут. Думай – кому ты нужен. Думай, как сможешь выкрутиться.

В этом отделении ПТК он еще не был. Где-то ближе к носовой части по правому борту и почти в трюмах, если не изменял врожденный гирокомпас.

Рабочие тут почти не встречались – все попавшиеся китайцы явно догуливали выходные или только что закончили смены, предвкушая отдых. Из дверей боксов и отсеков доносились густые запахи гашиша, громкий женский смех и дробный стук игральных костей. Бандитов, похожих на его пленителей, тоже насчитывалось немало, причем местные свое оружие носили, не скрывая.

Жадно впитывая все, что увидел, Листопад все больше и больше убеждался, что угодил в настоящие криминальные кварталы. Именно здесь трудолюбивые работники комплекса лихо просаживали зарплату в казино и спускали на продажных женщин.

– Слабый никогда не заслужит доверие «Мидгарда».

Голос Порфириона затихал, но свое дело он уже сделал. Листопад успокоился, собрался, начал мыслить легко и смело.

– Ты не слаб, мой лучший ученик. Ты силен. И ты сможешь найти выход. Не бойся ни смерти, ни побоев или пыток. Бойся лишь того, что не сумеешь ударить по врагу…

Перед круглой железной дверью, более уместной в подводной лодке, его еще раз обыскали. А потом втолкнули в огромный цех, переделанный в жилое помещение.

Цепкий взгляд юноши сразу отметил алтарь Будды в стенной нише, кухню, уголок со спортивными тренажерами, арсенал. И настоящий отсек для машинистов, оснащенный вполне современной техникой…

Триады – вот кем были люди, схватившие его.

Теперь оставалось выяснить, для чего.

Выяснить и выйти сухим из воды. Для этого Листопад, если понадобится, станет лесным гадом. Настоящим подвальным тараканом. Шустрой помоечной крысой. Или мудрым хамелеоном, забравшимся в густую листву…

В отличие от овцы, лев сам идет на заклание
7 часов 15 минут до начала операции «Бронзовое зеркало»

Новые девочки были совсем юными, но уже такими умелыми. Тонкие и хрупкие, как побеги молодых орхидей, они так ладно работали в паре, что Квон Пэн забыл о времени.

Правда, затяжным путешествие к вершинам блаженства так и не стало – Большой Брат чуть ли не кожей чувствовал нетерпение 426-го, отиравшегося за бронированными занавесами. Наспех закончив, он шепотом приказал девочкам сходить в душ, после чего возвращаться в кровать и ждать его, даже если для этого потребуются сутки.

Отбросив покрывало, Пэн вскочил с кровати – разгоряченный, мускулистый, бесстыдно обнаженный. Повернулся к девушкам, состроил грозную мину и напряг железные бицепсы. Жрицы любви, смущенно прикрывая лица краешком простыни, заохали, захихикали, горячо зашептались. Смотрели, правда, не на плечи Большого Брата, а значительно ниже…

Цзи шумно дышал где-то неподалеку, и Квон раздраженно обернулся на полупрозрачную ширму. Пригладил копну рыжих волос, набросил на плечи теплый махровый халат. Обулся в удобные традиционные тапки. Забрал с тумбы темные очки, с которыми почти не расставался. И только тогда вышел из приватной зоны.

– Прошу прощения, брат Пэн! – Сложив руки, инфорсер Цзи поклонился чуть ниже, чем предписывал этикет. – Я сожалею, что прервал твой отдых…

– Э-э-э, перестань… – протянул Кипяток, расслабленно потрясая пальцами. – Ты, брат Цзи, не тревожишь по пустякам… Да и не собирался я провести в постели весь день.

– «Сорокдевятки» привели полукровку, твой приказ выполнен.

Цзи отчитался, бросив быстрый взгляд на воротную зону убежища «Алмазной кобры».

– А? Кто это вообще такой? – Пэн проследил за жестом, обернувшись и наморщив лоб.

Встроенная в очки электроника приблизила лицо стоящего у

ворот незнакомца. Разложила на физиогномические составляющие, провела анализ и выдала отсутствие результата. Ни в официальной базе, ни в особенных библиотеках «Кобры» этот человек отмечен не был.

– Это «таракан», про которого сообщил кандидат. Его зовут Денис Йен. Ты должен решить, представляет ли он интерес для нашей Триады. А также принять решение о кандидате… – Теперь инфорсер повернулся к тренажерной зоне, где столпились «сорокдевятки».

– А, ну конечно! – Потуже затянув пояс халата, Пэн благодушно покивал офицеру. Мотнул головой. – Пойдем, брат, посмотрим, что за рыбу поймали твои сети…

Человек, приведенный «сорок девятыми», чем-то заинтересовал Кипятка. Сразу, с первого взгляда, еще до того, как его очки-гаджет подключились к местным серверам «Союза». Сморчок, худосочный и долговязый, позорище для мужчины-бойца. Рожа какая-то неказистая, кривая… Грязнокровка – судя по всему, не соврали Большому Брату…

Неспешно пересекая штаб-квартиру «Алмазной кобры», Пэн пожирал глазами необычного гостя, пригласить которого порекомендовал новенький.

Сразу видно, головой малец умеет работать лучше, чем руками. А еще заметно, что в родне действительно были русские. Таких в Поднебесной уже давно немало – из северо-восточных провинций лезут. Иногда вообще казалось, что местных, отказавшихся покидать Дальневосточные русские посады после их аннексии, было гораздо больше, чем ушедших к Санкт-Петербургу. Вот они-то новое племя и плодили…

Что же за субъект? Новенький на борту, а людям Пэна про него ничего не известно. Неужто, смелый «таракан», решивший жить особняком? А может, человек Желтого Каракурта? Подполковник иногда засылала в ряды Триады своих информаторов, проверяя ее ряды на прочность. Их потом доставляли Юйдяо по почте. Частями, обложенными льдом.

– Обыскали? – полюбопытствовал Большой Брат, сделав небрежный жест рукой.

Ближайший «сорокдевятка», внимательно наблюдавший за боссом, кинулся заваривать чай.

– Да, Большой Брат, ничего опасного или противозаконного. Даже «балалайка» есть, но совсем древняя, половина функций не работает.

– Любопытно.

Квон Пэн достиг зоны, отведенной под встречу посетителей. Уселся на кожаный диван, принимая из рук рядового пиалу с

горячим чаем. Обернулся к полукровке.

Тот, разумеется, был напуган. Но глаза горели огнем человека, которому либо нечего терять, либо нечего скрывать. Пэн любил такой взгляд – несмотря на гадкую физическую форму, духом черенок оказался весьма силен.

– Ну, послушаем… – отхлебнув чая, распорядился он. – Где кандидат? Пусть сам расскажет, что же интересного в этом «таракане»?

Из толпы рядовых бойцов вытолкнули новенького. Чи Вай Гао, подсказали Большому Брату очки, напоминая имя претендента в братство. И тут же от босса не укрылось, как вытянулось лицо Дениса Йена.

Как вспыхнули щеки, как пеленой ненависти подернулись зрачки. Эмоции, на которые был способен Йен, еще сильнее заинтересовали Кипятка. Не ожидал ублюдок предательства, на которое пошел Гао? Ушлый малый этот кандидат. Но если способен единожды предать, потребует особенного внимания – въезжавшие в «Союз трех стихий» на чужом горбу в нем долго не задерживались.

– Большой Брат! – Чи Вай сложил руки, уважительно кланяясь боссу. – Это Денис Йен, тот самый человек, про которого я говорил господину Цзи. Он прибыл на борт «Императора Шихуанди», не выразив должного уважения ни тебе, ни Желтому Каракурту. Я точно знаю, что он скрывается в квартирах нелегалов. А недавно его стали искать русские.

Да, все это Квон Пэн уже прочел в отчете инфорсеров, и сейчас спроецированном на внутреннюю поверхность очков. Однако с удовольствием наблюдал, как меняется лицо полукровки, пока его бывший товарищ говорил. Если бы взгляд мог оставлять клеймо, Чи Вай Гао давно бы дымился от нанесенных отметин.

Занятно узнать, зачем он понадобился сибирякам…

– Зачем ты здесь? – негромко спросил Кипяток, поворачиваясь к Денису.

Широкоплечий, в расшитом драконами халате и с гривой рыжих волос, он был похож на императора, принимающего послов у подножия своего трона.

– Меня зовут Квон Пэн, и это *мой* комбайн, – продолжил Большой Брат, взмахнув рукой, но не пролив ни капли чая. – Почему я не знаю тебя, Денис Йен? Почему ты прячешься, словно животное, в самых грязных ярусах комплекса? Что за люди ищут тебя?

Пленник стоял прямо, словно проглотил рукоять швабры. Повертел затекшей шеей, осмотрев конвоиров. Те, готовые в

любую секунду броситься на Йена, ответили акульими улыбками. Затем взгляд гостя задержался на отсеке машинистов «Союза», скользнул по алтарю, уперся в железный пол.

– Можно, мне вернут «балалайку»? – по-русски попросил полукровка, глядя на желтоволосого «сорокдевятку» в черной куртке. – Мой китайский плох…

Значит, Пэн угадал – перед ним ублюдок с грязной кровью. Наверняка из Боли или агломерации Хэйхэ, там у них настоящее гнездо… Кипяток любил попадать в цель, а потому великодушно махнул свободной рукой. «Сорок девятый» тут же вынул из кармана «балалайку» пленника, которую тот немедленно активировал.

– Я нисколько… не хотел проявить неуважения, господин Пэн, – после короткой паузы продолжил полукровка, делая неприятные паузы между словами. – Я признаю силу хозяина… Но вашему дому… угрожает опасность.

Зашевелились все, кроме босса.

«Сорокдевятки» зашептались между собой, поглядывая то на Кипятка, то на Гао, то на Дениса. Даже невозмутимый Цзи, замерший за диваном, переступил с ноги на ногу, испытав неловкость.

– Ты говоришь о Поднебесной, Денис? – дождавшись, пока ропот стихнет, спросил Квон Пэн. – Хочешь сказать, Китай в опасности? Едва переступив порог моего дома, ты утверждаешь, что знаешь об угрозе, справиться с которой я сам не могу?

Ему было приятно видеть растерянность на бугристом лице выродка. Игра в кошки-мышки иногда возбуждала сильнее, чем кулачный бой.

– Большой Брат, ты просто не можешь знать… об этой угрозе, – убедительно и старательно проговорил Денис. – Но для того я и прибыл… помочь вам.

– Спаситель?! – хохотнул Пэн, вызвав приступ смеха у рядовых и офицеров «Кобры». – Вот так новости! Как же ты попал на борт «Императора»? Прилетел на небесном драконе?

– Я проник внутрь… по документам работника консульского отдела посольства Сибирской Республики, – спокойно выдержав презрительное хихиканье, ответил Йен, и Кипяток с удивлением осознал, что тот не врет.

Это же отмечала и электроника, анализировавшая тембр голоса и частоту дыхания пленника. А еще Пэн не встречал людей, способных так хладнокровно лгать под дулами «дрелей».

Все же интересный паренек, заинтриговал. Кажется, кандидат Гао сделал верную ставку. За такую находку его ждет место в рядах «сорок девятых».

– Я говорил не про великую Китайскую республику, Большой Брат, – продолжал Денис, глядя прямо в его темные очки, скрывавшие глаза. – Я говорил про комбайн, также именуемый «Императором Шихуанди».

Новая волна ропота пронеслась по кучкам зевак, столпившихся вокруг привратной зоны. Пэн даже вскинул кулак, призывая к тишине.

– Говори.

– На борт комбайна прибыл еще один… «таракан». По фальшивым документам… Не все в Сибири довольны договором между Председателем и Гиляровым. Пришелец работает на террористов, собравшихся атаковать «Императора Шихуанди», – неспешно подбирая слова, закончил свою мысль Денис Йен, склонив голову. – Это он искал меня. Чтобы убить и не позволить помешать им…

На этот раз не смеялся никто, а смятение ощутил и лично Кипяток.

– Атаку на комбайн? Способный противостоять целой армии? Человек, удар которого не сумею отразить ни я, ни комендант Юйдяо? – Отдав пиалу с остывшим чаем «сорокдевятке», Пэн подался вперед. – Я верно тебя понял?

– Этот диверсант хорош. Очень.

Денис отвечал громко, но соблюдая почтительность. Казалось, он понимает, как себя стоит вести в присутствии таких людей, как сам Кипяток.

– Но в конфликт не должны вмешиваться ни вооруженные силы Поднебесной, ни жители Китая вообще. Если о скандале станет известно в Пекине или Новосибирске, «Звездный Путь» замрет надолго. Быть может, навсегда. Это, Большой Брат, совсем не в ваших интересах…

Он не спрашивал – он утверждал, но делал это осторожно, ничем не оскорбив Квон Пэна или других «кобр». Да, экзотическую рыбу поймал Чи Вай Гао, отправив членов «Союза» по следу своего нового товарища… Даже коробило, как гладко и честно Йен вел беседу, что подтверждала и беспристрастная электроника. А может, он работает на Министерство Государственной Безопасности?

– Я способен решить вопрос тихо, без привлечения лишнего внимания… меня этому учили… – словно прочитав его мысли, добавил пленник.

– Кто?

– Этого, Большой Брат, сказать не могу…

Впервые он осмелился перечить Кипятку, но тот лишь улыбнулся.

Мышь показывала зубки, и кошка наслаждалась игрой. Даже если эта мышь из МГБ. Чи Вай Гао, окаменев, наблюдал за беседой с побелевшим лицом. Денис, уловив паузу, продолжил:

– Я остановлю диверсанта. Совсем скоро… до того, как свернется ярмарка под стенами комбайна… он нанесет удар. К этому времени я буду готов.

Вот, значит, что за тревожный сигнал подала Пэну чуткая электроника, когда полукровка взглянул на компьютеры машинистов. Он не боевик – он специалист по сетевой безопасности!

Неужели русские на самом деле готовы взломать сеть «Императора»? Слышать и осознавать это было чудовищно. Особенно с учетом того, насколько тайно велась игра, о которой не знала ни вездесущая Юйдяо, ни ее головорезы.

– А ты, Йен, волей случая не тритон? – пригладив рыжую прядь за ухом, поинтересовался Кипяток. – Не из той братии, что валила сеть перед всемирной катастрофой?

– Нет, я не тритон… – Йен поднял глаза, и босс Триады вновь убедился, что тот честен. – Но, как Большой Брат успел заметить, я и не боец… Я машинист, причем хороший. Если «Союз трех стихий» поможет мне войти в сеть комбайна… я остановлю своего врага. Нашего врага, Большой Брат.

Вот как.

Приведенный в цепях вдруг стал человеком, спасающим бизнес «Алмазной кобры».

Квон Пэн скосил глаза на алтарь, мысленно прося у Будды просветления и ясности суждений. Гао, стоявший справа, был белоснежнее мела – видимо, осознал, во что втянул себя и недавнего товарища…

Кипяток молчал минуту, может, чуть больше. В убежище воцарилась тишина, в которой была слышна только шумящая в банном отсеке вода. Вспомнив о девочках-искусницах, Пэн облизнул губы.

– Ты просишь, чтобы я помог тебе, Денис Йен, – сказал он, потирая подбородок. На пальцах еще виднелись ссадины от недавнего спарринга с очередной «сорокдевяткой». – Но что я буду иметь взамен?

– Status quo, – незнакомым словом ответил ему полукровка. Выдержке молодого человека могла позавидовать половина «сорок девятых» в этом зале. – Речь идет о внутренних противоречиях Сибирской Республики и борьбе с ее врагами. Для вас же, Большой Брат, не изменится ничего. «Император» продолжит свой путь… ваш бизнес будет процветать, как прежде.

Квон Пэн задумался. Опять надолго, чуть ли не на несколько

минут.

Окружение, почувствовав нерешительность босса, заерзало, зашевелилось, зашепталось. Большинство из них скорее всего издырявили бы дерзкого пришельца еще в начале разговора, чтобы не забивать голову лишним. Но глава «Союза» мудрее, потому он и глава. А поэтому не имеет права на скоропалительные решения. Особенно, если в деле замешаны сибиряки, Пекин или МГБ.

– Почему я должен тебе верить, Йен? – Вставая с дивана, Кипяток дал помощникам знак принести свежую одежду. – Ты, жалкий бродяга с примитивной «балалайкой», пытаешься убедить меня, что способен защитить комбайн… Как я могу поверить?

На этот раз раздумывал Денис. Позы не поменял, будто ноги примерзли к полу. Но по уродливому лицу его пробежала целая гримаса, выдававшая бурю сомнений.

«Сорокдевятки» принесли боссу ворох одежды, и тот сбросил халат. Он любил переодеваться перед незнакомыми людьми, догадываясь, какой эффект производят агрессивные объемные татуировки, украшавшие его спину, плечи и живот. Казалось, гигантские кобры шевелятся, перемещаясь по телу Большого Брата. А если у зрителя было хорошее воображение, он слышал даже тонкое змеиное шипение.

На полукровку вид изукрашенного Квон Пэна тоже подействовал. Он сглотнул комок, наконец нарушая молчание:

– Есть другая «балалайка», в тайнике… Способная работать с сетью. И еще, Большой Брат, вы уже наверняка догадались, что я не совсем тот, за кого себя выдаю…

Набрасывая на плечи кожаную жилетку, Кипяток заинтересованно обернулся. Такое в голову босса приходило, спору нет, но нарастающая честность гостя продолжала интриговать. За четыре года Перерождение подарило миру целую армию безумцев, но *такой* экземпляр Квон встречал впервые.

– Продолжай.

– Вы спрашиваете, почему должны верить мне? – Будто с театральной сцены, Денис осмотрел зал, задержав взгляд на каждом из зрителей. – Вы, Большой Брат – настоящий господин, держащий на ладони весь комбайн. Человек, от которого не смогла укрыться даже моя миссия, совершенно секретная. Много ли стояло на моем месте людей, врущих вам в лицо? Много ли было таких?

«Сорокдевятки» одобрительно зашумели, инфорсеры переглядывались между собой, ожидая реакции босса.

Тот, склонив голову набок и сцепив на груди руки, продолжал наблюдать за пленником. Щенок не льстил ему, он

говорил правду – просто перечислял известные факты. Но как верно все выходило!

– Если в моих словах есть хоть капля лжи, ты убьешь меня, Большой Брат. – Голос Дениса креп, и даже интервалы между словами сократились, а произношение стало чище. – И если посчитаешь нужным, то прямо сейчас! Но прежде чем прикажешь своим людям надавить на спусковые крючки, позволь мне рассказать тебе одну китайскую притчу?

Он просит рассказать притчу? Как приговоренный к казни герой легенды перед лицом злобного и несправедливого царя! Он – неспособный связать двух слов без «балалайки», хочет поучить Большого Брата мудрости народа Поднебесной? Определенно, этот день полон сюрпризов…

Квон Пэн расхохотался, громогласно и долго, не скрывая буйного веселья и даже запрокидывая рыжую голову. Чи Вай, перепуганный этим взрывом, отшатнулся так, что чуть не рухнул с помоста.

Рядовые «сорокдевятки» выжидающе молчали. Инфорсеры же робко улыбались, переглядываясь с тревогой и косясь на Цзи – он всегда был любимчиком вожака. Офицеры точно знали, насколько внезапные взрывы эмоций чреваты *закипанием* их босса, после которого обычно трещат чьи-то кости…

Наконец Кипяток просмеялся. Приспустил на нос очки, утирая слезу. С интересом взглянул на полукровку без электронных фильтров, еще раз удивившись решимости, горевшей в глазах Йена.

– Рассказывай, смельчак…

– Спасибо, Большой Брат…

Приступ смеха несколько вывел Дениса из равновесия, но он сумел быстро восстановить душевную гармонию, взяв себя в руки. Для этого черенок несколько секунд смотрел на алтарь Будды, что тоже не укрылось от Пэна. Юноша молился! Что ж, Традиции сегодня чтят немногие, а это еще один камень на чашу весов его жизни…

– Однажды Главный Священник хотел принести в жертву козленка, – начал Денис, припоминая слова притчи. – Он обнажил нож, а козленок рассмеялся. «Чего ты смеешься? – спросил Священник. – Разве не видишь, что я хочу перерезать тебе горло?» – «Вижу, – отвечал ему козленок. – Сотни жизней я рождался в этом теле, и теперь наконец стану человеком». А затем он заплакал. «Почему ты плачешь?», – спросил его Священник. «Я плачу по тебе, Священник», – ответил козленок. «Сотни жизней назад я тоже был Главным Священником и приносил в жертву козлят». Тогда Священник пал ниц и просил о

прощении. И стал Великим Защитником всех живых существ.

Закончив, Денис еще раз испепелил Гао взглядом и вежливо поклонился Пэну. От волнения губы юноши дрожали, и он закусил их, чтобы не выдать свою слабость.

– Значит, если я перережу тебе горло, то за этот грех меня ждет воплощение в козленка… – Улыбка покинула лицо Большого Брата. – Что ж, занятная притча, и рассказано неплохо. Считаешь себя жертвенным козленком, готовым умереть за наш комбайн, Йен?

– Нет, Большой Брат Квон Пэн! – Денис вскинул голову, отбрасывая с лица сальную прядь. – Я считаю себя львом. Но когда это угодно судьбе, то жертвенными становятся и они.

Он не врал. Ни в чем. Уже несколько минут к анализу его речи и поведения Цзи подключил машинистов «Союза Земли, Небес и Человека», сейчас отсылавших отчеты на «солнцезащитные очки» Большого Брата.

Пэн улыбнулся – ему нравился начавшийся день.

А с жертвой, даже такой величественной, как лев, можно и повременить.

Если полукровка на самом деле знает, как защитить комбайн, это станет личной победой Квон Пэна. А если об этом прослышат простые люди, власть Желтого Каракурта пошатнется, как старое выкорчеванное дерево. Ах, какой удар Кипяток может нанести подполковнику, если верно разыграет карты!

Настоящую цену предательства познаешь гораздо позже
6 часов 53 минуты до начала операции «Бронзовое зеркало»

– Мне понравилось, как ты защищал себя, Денис Йен, – сказал Большой Брат «Алмазной кобры», и у Чи Вай Гао чуть не подкосились ноги. – Я отпускаю тебя.

Листопад не мог поверить собственным ушам.

Мутный полукровка Денис Йен не только приглянулся Большому Брату, так еще и оказался едва ли не секретным агентом МГБ! Вот ведь верно говорят – загони змею в бамбуковую трубку, она и там попробует извиваться…

Сколько раз в детстве маленький Гао надевал стереосферу, наслаждаясь зубодробительными боевиками про шпионов, героев Нефтяных Войн или путешественников-тайконавтов? Сейчас, ощутив себя персонажем одной из таких картин, он вдруг стремительно потерял интерес к жанру.

– Ваши разборки меня не касаются, – продолжил Квон Пэн, надменно изучая тощего Йена с высоты помоста. – Дела «Кобры» не должны касаться тебя, на кого бы ты ни работал. Нарушишь условие – жертвенный козленок истечет кровью. Будет нужна помощь – приходи. Мои машинисты окажутся в твоем распоряжении, а я с интересом понаблюдаю, как ты защитишь интересы Поднебесной и «Союза трех стихий». И еще, Йен… Больше не прячься, мои люди присмотрят за тобой.

– Спасибо, Большой Брат, – с поклоном ответил Денис.

Чи Ваю показалось, что недавняя решимость и отвага покинули полукровку, а в речь снова вернулась манера делать проклятые паузы. Теперь разрывы в предложениях откровенно нервировали поваренка, хотя он знал – эта злость совсем не на Йена. Это злость на себя. Кипяток внезапно заинтересовался пленником, и судьба нового кандидата в «сорок девятые» повисла на волоске.

Босс продолжал наставлять Йена, поучительно качая пальцами в его сторону, но Гао уже не разбирал слов. В голове гудело, как если бы включенная на полную мощь «балалайка» сорвалась в режим «белого шума». Впрочем, парнишка никогда не носил «балалайки», так что сравнивать мог только с грохотом

кухонных машин…

Потирая пылающие щеки, Чи Вай осторожно покосился на господина Цзи, ожидая встречного взгляда, преисполненного презрения. Он боялся увидеть в глазах инфорсера приговор…

Наконец Йена увели из убежища «Алмазной кобры». Те самые «сорокдевятки», что притащили его из жилых технических подвалов, куда их навел Чи Вай Гао. Полукровка еще что-то говорил на прощание боссу, но Гао уже не наблюдал – все вертел головой, пытаясь понять, получили рядовые электронный приказ схватить его или еще нет.

Вероятно, не получили. А вот инфорсер Цзи вдруг оказался рядом, не больно, но громко шлепнув ладонью по шее. Только теперь к Чи Ваю полноценно вернулся слух, а в уши ударил шум жилого зала – будто заглушки выдернули.

– Заснул ты, что ли? – недовольно хмурясь, поинтересовался господин Цзи. – Отвечай, когда к тебе обращается Большой Брат!

– О… – только и смог просипеть Гао, поворачиваясь к боссу.

Тот стоял на прежнем месте, но повернулся к запертым воротам спиной, рассматривая кандидата.

– Простите, Большой Брат! Простите, я не хотел обидеть вас своим невежеством!

Он с хлопком сложил ладони, приставляя их ко лбу и низко кланяясь.

– Э-э-э… перестань, Гао! Поди-ка сюда. – Квон Пэн помахал рукой, принимая извинения. Буквально рухнул на диван, пружинисто ответивший на падение человеческого тела. – Значит, это и есть твой недавний товарищ Денис Йен?

– Да, господин Пэн, это он, – слабым голосом ответил Чи Вай. Разговор вообще давался ему с трудом, будто в горло вогнали мягкий, набирающий шарообразную форму комок. – Я клянусь, что ничего не…

– Помолчи! – Квон Пэн вскинул палец, нацеливая на кандидата, словно хотел проткнуть. – Ты толково прошел первую часть испытания, малыш Гао. Верно понял наставления брата Цзи, выбрал достойную цель. Твой приятель – любопытный человек. А у тебя – наметанный глаз, раз ты смог распознать его необычность в сотнях других работников комплекса…

И снова Чи Вай не поверил собственному слуху. Часто заморгал, приоткрыв рот. Да так и остался согнутым в поясе столбом, не зная, что и делать. Из оцепенения вывел второй подзатыльник инфорсера, стоявшего рядом.

– Спасибо, Большой Брат! Спасибо!

– Рано благодаришь, малыш Гао, – наблюдая за его растерянностью, улыбнулся Кипяток. Запустил пятерню в свои

огненно-рыжие патлы, небрежно причесал. – Испытания не окончены, а ты еще не стал даже *тонг ши*. Когда придет время, брат Цзи придумает новое задание. А пока я хочу, чтобы ты присмотрел за своим сумасшедшим приятелем. Да-да, именно ты. Ты отдал его «Союзу Земли, Небес и Человека». Ты и продолжишь его контролировать.

Поваренок испуганно молчал, жадно подхватывая каждое слово босса. Еще минуту назад он был убежден, что его превратят в отбивную котлету, а теперь Большой Брат доверяет ему новое задание! И даже обмолвился об очередной ступени в сложной десятишаговой иерархии братства!

– На работу в столовую можешь ходить. Только если сам захочешь, – продолжал Квон Пэн. – А вот с дальневосточного ублюдка глаз не спускай… Ты же справишься, Чи Вай Гао?

– Да, Большой Брат! – Он снова начал кланяться, как заводной болванчик. – Конечно, справлюсь! Я обязательно оправдаю доверие, которое вы…

– Все-все! – Кипяток махнул рукой в сторону ворот, словно стряхивал с пальцев воду. – Хватит, малыш. Теперь это твоя ноша. А сейчас уходи, у меня дела…

Как кандидата выталкивали из убежища, тот запомнил смутно. Внимание расслаивалось, картинки мелькали аляповатыми кляксами, мысли путались, и ноги – тоже. Память об ожидании скорой расправы все еще горчила. Странным коктейлем к ней примешивался хмель победы и соленое удивление от дикости произошедшего.

В полудреме Чи Вай брел по району, контролируемому Триадой. Вокруг смеялись, шумели и толкались. Пушеры и контрабандисты работали открыто, проститутки рекламировали себя в дверях спальных отсеков, из опиумных курилен плыл хорошо ощутимый характерный аромат. Здесь упивались свободой, граничащей с греховным мировоззрением Анклавов. Но паренек не обращал на праздник жизни внимания, погруженный в глубокие раздумья.

Ему надо собраться. Надо стать сильным.

Ты с толком прошел первую часть испытания, Гао, вот что сказал ему Большой Брат. Значит, осталось оправдать ожидания «Союза стихий», и он поднимется еще на одну ступень. Станет полноправной частью структуры. А затем выберется на самый верх. Даже в провонявших комплексах по прокладке железной дороги существуют свои верхолазы…

О чем еще говорили Йен и Кипяток? Что ошарашенный кандидат умудрился прослушать, позволив стрессу взять органы чувств под контроль? Кажется, Большой Брат все же спросил

полукровку:

– Значит, взываешь к моей совести? – спросил он. – Думаешь, я бессребреник и довольствуюсь твоим сватус-кво?

А потом он сказал, что Йен ошибается и должен «Союзу Земли, Небес и Человека» пятьдесят тысяч юаней. А Денис, наглый выскочка, решил торговаться. Сказал – двадцать пять: усредненный финансовый вес человеческого тела в расценках подпольных биотехнологов. С костями, жилами и кровью. Но гарантировать он не может, необходима связь с руководством.

Потом Кипяток долго улыбался.

Ни тогда в убежище, ни сейчас Гао не мог понять, что так забавляло грозного вспыльчивого босса.

А потом тот сказал Йену:

– Как только решишь, где найти мои тридцать тысяч юаней, я помогу тебе выйти в сеть комбайна. – И еще добавил, издеваясь над полукровкой: – Тебя вроде время поджимает? Поэтому поспеши.

Интересно, Большой Брат поверил Денису или использовал того, как объект для измывательств? Впрочем, если «Алмазная кобра» получит с «таракана» свою выгоду, выгоду получит и сам Чи Вай. Наверное, это и впрямь судьба…

В себя Гао стал приходить, только выбравшись на знакомую палубу.

Автопилот, включившийся где-то в закоулках мозга, вел его к «Гнутому мосту», даже не спросив. Так пьяные мужья засыпают под дверью бывших жен, не отдавая себе отчета в действиях…

Он остановился на перекрестке и вздохнул.

Вынул из кармана сигареты, закурил. Руки подрагивали, но ничего удивительного в этом не было – парень только что прошел первое испытание. Осталось понять, что делать дальше.

Наблюдая за жителями комплекса, спешащими по своим делам, Чи Вай разглядывал аркообразный мост, соединяющий два отсека «Императора». Там гнездилось место его работы, где отныне он вообще мог не появляться…

Первое, что нужно сделать, это найти Дениса. Большой Брат ведь четко приказал не спускать с того глаз! Значит, наипервейшим делом нужно отправиться в подвалы, где Йен снимал жалкую конуру. Если же там следов не…

Сигарета покачнулась во рту Чи Вая, но прилипла к нижней губе, и только поэтому не упала на грудь бывшего поваренка. Поскольку Денис Йен, наглый полукровка, которого кандидат с потрохами продал своим будущим братьям, был здесь. В какой-то сотне шагов, прямо у дверей «Гнутого моста».

Даже не подумывая прятаться, он сам пришел к Гао. Словно в

старые добрые времена, когда в обеденных перерывах они курили у служебного входа…

Чи Вай почувствовал, что ему стало не по себе. С одной стороны, на ловца и зверь бежит, как любят говорить русские. С другой – взгляд, которым Йен разглядывал своего вчерашнего приятеля, вызывал серьезные сомнения: кто их них двоих вообще ловец, а кто зверь?..

Убедившись, что его заметили, Денис пересек мост, спускаясь с его изогнутой спины на ярусы левого борта. К Гао он шел неспешно, с очевидной ленцой, и эта расслабленность тоже насторожила кандидата.

Какого черта ему вообще здесь нужно? Не за миской лапши и соевой лепешкой он, в конце концов, приперся? Чи Вай заметил, что сигарета истлела, чуть не опалив губы, а на одежду упал хрупкий столбик пепла.

Сплюнув окурок на железный пол, он шагнул вперед.

Господин Цзи велел ему никого не бояться, так? Хорош же он будет, если даст слабину перед человеком, которого сам же и продал?!

Когда до «таракана» оставалось несколько шагов, Гао встал вполоборота, сжал правую руку в кулак и вскинул, нацелив в лицо Дениса. И даже открыл рот, чтобы встретить наглеца гневной тирадой в стиле Кипятка, как тут…

В следующий миг произошло новое событие, убедившее Чи Вай Гао, что этот день был безумнейшим из всех. Денис остановился, как будто наткнувшись на стеклянную стену. Или как если бы бывший хозяин Гао, жирный ублюдок из столовой, незаметно привязал к полукровке канат и теперь натянул.

Шальными глазами Йен смотрел за спину претендента на место в Триаде.

Затем развернулся на пятках и вдруг бросился бежать обратно на мост.

А чуть позже мимо оторопевшего Чи Вая пронесся кто-то еще – рослый, широкоплечий, коротко стриженный. Метнулся вслед за Денисом, что-то рыча на ходу, а Гао так и остался стоять посреди людной улицы, выставив сжатый кулак.

Все случилось слишком быстро. Необычно быстро, в чем паренек себя тут же убедил. Даже опытный инфорсер не успел бы среагировать, куда уж кандидату…

Йен и его преследователь давно скрылись из виду, расшвыривая попадавшихся под ноги людей. А Чи Вай еще две бесконечные минуты стоял истуканом, пытаясь дать приключившемуся хоть какое-то разумное объяснение. Затем снова полез за сигаретами и медленно поплелся к «Гнутому

мосту».

Ему было необходимо успокоиться, перетащить пару десятков тяжелых ящиков и нелегким трудом привести в порядок мысли. Затем, возможно, покушать пряной лапши. И только после этого решать, как сообщить Кипятку, что Денис Йен угодил в неприятности…

Пускаясь в погоню, глупо молить врага о передышке
6 часов 21 минута до начала операции «Бронзовое зеркало»

Еще до военной академии Илья относил себя к людям, которые сначала взвешивают ситуацию и только потом начинают действовать. Не считал себя ни импульсивным, ни вспыльчивым. Но в ряде случаев «правило оценки» не срабатывало, и тогда на глаза опускалась пелена. Забрало падало, как говаривал батя…

Вероятно, именно это произошло и минувшей ночью, когда Леший бросился спасать незадачливого оператора Бадосу.

Только посмотрите – решил испанец в контрабандиста поиграть, нажиться на местном антиквариате. Лавры Консорциума, дышло ему в промежность, покоя не давали?! Знал ведь оператор, куда суется, и нечего было ради него шкурой рисковать. Какого черта Вебер вообще полез спасать журналиста? Мог бы и ножом получить, если уж откровенно. Да и вообще не за тем в горы шел…

Но люди, пусть даже *верующие*, готовые принести в жертву другого человека, не заслуживают права именоваться людьми. И Традиция, которой они поклоняются, тоже не несет миру ничего хорошего.

Может, Илья и был идеалистом, еще многого не понимая в этой жизни, но по-другому попросту не умел. Этой ночью рассудительный Леший опять куда-то запропастился, бросившись в атаку неистовым зверем.

Так произошло и сейчас.

Он еще размышлял, не ошибся ли в выборе тактики, а ноги уже несли вперед, набирая скорость.

Спору нет, Листопад замаскировался удачно. Нелепая копна волос, одутловатые щеки, бугристая кожа, измененная форма челюсти. А вот взгляд, пронзительный и хитрый, как и у старшего братца, спрятать машинисту было некуда.

Именно по этому взгляду Илья его и узнал. Разглядел среди прохожих, спускавшихся с широкого арочного моста над пропастью. И не успел пропустить фото через сито «балалайки», как бросился ловить.

Уже потом докумекал, что беглец в его сторону и

направлялся. Выждал бы, не стал выдавать себя рывком, тут бы и сцапал. Но «забрало» лязгнуло, прохожие шарахнулись прочь, а Вебер уже летел на мост, полный азарта.

Степан оказался проворен. Удивительно проворен для подростка, проводящего в удобном компьютерном кресле все свободное время. И быстр. Илья только набирал темп, готовясь к прыжку, а Листопад уже находился в десятке шагов от него, лавируя среди китайцев и стремительно удаляясь.

Молниеносного захвата не вышло, и теперь они неслись через коридоры и цеха комбайна, то сокращая, то увеличивая разрыв.

Китайцев попадалось немного – свободные от вахт рабочие еще не успели пресытиться ярмаркой снаружи, каждую минуту отдыха предпочитая проводить на свежем воздухе. Но поштучно-редкие прохожие – и те, сволочи, норовили нырнуть под ноги, будто нарочно затягивая погоню. А может, и впрямь поверили, что обезумевший русский хочет зла их сородичу, решили прикрыть?..

– С дороги! – вопил Илья, даже не понимая, что вопит не по-китайски. – Дорогу дай! Прочь! Стоять, Степка! Поймаю – хуже будет!

От криков поднебесники приседали на пол, закрывая головы руками, но с пути преследователя убраться не спешили. Листопад тем временем отрыв увеличивал все увереннее, мелькая впереди темно-синим пятном комбинезона…

Проскочили военный патруль из двух солдат коменданта Юйдяо. Но те, покупая у торговца сладких жуков на спицах, даже не успели осмыслить происходящее, не говоря уже об участии в погоне.

Наверняка сообщат наверх, мелькнуло в сознании Вебера. Шум затеют, посольство на ноги поднимут. Сейчас это не имело значения. Осталась лишь различимая впереди мишень и он, мерно переставляющий ноги по ярусам неохватного «Муромца».

Листопад, определенно зная дорогу, свернул в рабочие помещения. Скатился по железной лестнице на подуровень, перепрыгнул перила. И сразу, даже не глянув вниз, махнул на соседний балкон. Так смело, словно не заметил, что под тем открывается узкий вентиляционный провал в сварочные цеха.

Илья, оказавшийся на лестнице тремя секундами позже, такого безрассудного геройства себе позволить уже не смог.

В отчаянии наблюдая, как Степан удирает, вскочил на перила, примерился. Сопоставил дистанцию и собственный вес. Высота закружила, к горлу подступил комок… Но он все же прыгнул, на мгновение вспомнив о Светке…

Дотянулся, хоть и грузно, без акробатического изящества.

Ударился предплечьями об ограждение, ухватился, рывком перемахнул. Гринивецкий уже скрылся из виду, скользнув в ближайшее ответвление.

– С дороги! – рыча собакой, Илья ринулся за ним, расшвыривая бредущих по балкону китайцев.

Те обиженно голосили, кого-то звали, махали руками, но Веберу было на них искренне начихать. Свернув за беглецом, он очутился на настоящей пешеходной развязке, попасть с которой можно было сразу в пять цехов на разных уровнях.

Заметить парнишку все же ухитрился, это от драки с рабочими и уберегло.

Не успели поднебесники собраться с духом и наброситься на чужака, как тот уже карабкался на следующий подуровень, яростно матерясь.

– Стой, гад! – в отчаянии бросил Илья в спину машиниста, но тут же пожалел о сбитом дыхании.

Вскарабкался на грузовой конвейер, перескочил катящийся под ноги ящик. Спрыгивал уже на соседний ярус, чуть не отбив ноги. Листопад, на преследователя даже ни разу не обернувшийся, проделывал те же действия с грацией циркового гимнаста.

«Связать, – колотилось в сознании Вебера. – Первым делом – связать. С такой прытью его и по горам-то не изловить. Спеленать, как дикую лошадь, а уже потом звонить брату…»

В груди бухало, изо рта вырывалось сопение и хрип. Грязный, задымленный воздух промышленных цехов забивал легкие, мешая сосредоточиться на погоне. Поднебесники что-то визгливо бросали вслед, но их гомон «балалайка» элементарно не успевала переводить. А Листопад уходил все глубже и глубже в ПТК, словно увидел в Илье не специалиста по возврату беглых подростков, а натурального живодера.

Теперь неслись по техническим коридорам.

Людей здесь встречалось еще меньше – лишь выглядывали на шум с постов инженеры и операторы коммуникаций. Зато труб, выпирающих вентилей и щедро размотанных по полу кабелей тут нашлось в достатке – под ноги Лешего легла настоящая полоса препятствий. Легкость, с которой Листопад ее проходил, наталкивала на мысль, что парень готовился к отступлению, старательно просчитывая путь.

Эту версию, чуть позже анализируя марафон, Илья подтвердил. Но еще, причем не в меньшей степени, беглый машинист импровизировал, на 100 % включив чутье затравленного зайца, уходящего от изголодавшейся лисицы. Нырял под трубы, просачивался в узкие щели между

распределительными щитами, карабкался по проводам на вертикальные стены.

Вебер, превратившись в автомат для забегов, методично копировал все действия Гринивецкого. Но все же не приближался к объекту ни на сантиметр. Как ни старался. Мышцы начинали гудеть, икры ног сводило, нос плотно законопатило сажей и пылью. Однако он бежал, отказываясь признать поражение…

Оторвался машинист над цементным цехом.

Удача ему сопутствовала? Возможно. Но, вероятнее всего, победило простое соперничество мотивов. Один хотел догнать, выполняя задание. Важное, но все же чужое. Второй хотел выжить. Ради себя. Потому и сиганул…

– Не надо!.. – успел просипеть Илья, вытягивая руку, будто мог силой мысли удержать парня от падения.

…с шестиметровой высоты, точно в проем между узкими переходными трапами для рабочих. Прямо в грузовик, едва въехавший в ворота цеха. Чудом не зацепился о нижерасположенные мостки, пролетев неживым оловянным солдатиком.

Песок для цемента, наполнявший широкий кузов самосвала, на перину походил мало. Но и острым щебнем он тоже не был. Листопад рухнул на бок – тяжело, со стоном, глубоко провалившись в сыпучую кучу. Почти сразу вскочил, пополз к борту.

Под возмущенные крики каменщиков и водителей ломщик скатился с кузова. Что-то торопливо забормотал, тыча рукой вверх. А в следующую секунду – будто цветочки на поле раскрылись, – на Вебера задрался десяток хмурых китайских рож.

До ломоты в суставах вцепившись в ограждение мостка, Илья смотрел вниз.

Примеривался, наблюдая за окончательно ускользавшим Гринивецким. Даже поставил ногу на один из перильных прутьев. Но так и не прыгнул.

Тяжело задышал, опустив голову. Сплюнул налипшую к зубам пыль. Слюны не было, и из губ вырвалось лишь бестолковое фырканье.

Человек, за которым он прибыл на ПТК, впервые за восемь дней встретился ему в лабиринтах комплекса и тут же сгинул…

Не всякая добыча готова ею стать
2 часа 03 минуты до начала операции «Бронзовое зеркало»

Найти русского оказалось несложно.

Приманивающим бурю альбатросом тот отирался в самых бедных и продымленных кварталах комплекса, где потолочные лампы никогда не работали в полный накал. Сыскался возле одной из закусочных, где подавали парные булки с капустой и яичным порошком. Сидел на высоком барном стуле, облокотившись на самодельную фанерную стойку, беззаботно повернувшись к коридору-улице спиной.

Старушка, готовящая булки, на необычного посетителя косилась с подозрением. Но молча, только и подливая в пиалу бедный водянистый чай. Убедившись, что перед ними именно тот, кто нужен, Гао прижался к углу и торжествующе улыбнулся остальным.

Его буквально распирало от собственной значимости. Несколько тягостных часов, проведенных в терзаниях от нежданного появления Йена, испарились рассветной дымкой. Теперь парнишка в полной мере ощущал себя членом братства, способного постоять за *своих*.

О том, что Денис пустился наутек от русского в спортивном костюме почти три часа назад, Чи Вай благоразумно умолчал. «Мудрец никогда не принимает скоропалительных решений. Всегда нужно все взвесить, сопоставить возможности и оценить серьезность ситуации…» Это Гао говорил себе, привычно таская коробки по тесным подсобкам «Гнутого моста» и изнуряя себя работой.

– Я только что обнаружил человека, про которого упоминал Денис Йен, – это он сказал господину Цзи, с которым вышел на связь по рации. – Уверен, что смогу найти его, если братья помогут…

Как связаться с инфорсером, пришлось придумывать на ходу. Соваться на территорию Триады было все еще боязно, несмотря на заверения босса. Поэтому Чи Вай дал волю находчивости, чрезвычайно довольный собой.

Нашел «сорок девятых» помоложе – откровенную шантрапу *сей коу джай*, шнырявшую по временному палаточному городку снаружи. Представился, стараясь не обращать внимания на

презрительные взгляды. Попросил связать его с господином Цзи. Парни пошептались, но рацию с защищенным каналом все же выдали.

Тогда-то Гао и испытал миг триумфа, получив от инфорсера очередную похвалу. А уже через полчаса со всех концов комбайна к Чи Ваю стали приходить ушлые людишки, видевшие недавнюю погоню или хотя бы слышавшие о ней.

– Русских было четверо, – с поклоном говорил один рабочий. – Они были вооружены автоматами и стреляли во все, что встречалось на пути…

– Русский был один, но это настоящий великан, – докладывал второй, надеясь на материальное поощрение. – Он сломал мой лоток для сбора картонной упаковки, погнул спицы на колесе. Но мы с парнями задержали его, помешав догнать нашего сородича…

– Убегавшего не знаю, высокий такой, – делился третий. – За ним гнался один русский. Дурной совсем, в спортивном костюме. Пробегали там-то и там-то, затем их видели над цементным цехом.

Таких Чи Вай выслушивал наиболее внимательно, по крупицам собирая информацию и сопоставляя, куда погоня могла завести Дениса и его преследователя. Еще через час в предполагаемый район были высланы молодые «сорокдевятки». Тремя патрулями по четыре человека. В один из них, все еще раздуваемый от гордости, вошел и сам Гао…

«Сорок девятый», сунувшийся из-за угла, показал Чи Ваю крохотный монитор ручного, но крайне дальнобойного сканера. Оружия, как сообщал прибор, у русского не было, боевых имплантатов, способных нанести урон в ближнем бою, – тоже.

Гао поднес к губам рацию, выбирая канал.

– Это кандидат Гао, – бросил он в эфир, когда господин Цзи вышел на линию. – Я нашел русского, сейчас будем брать…

Приказ был ясен и прост – схватить, привести к Кипятку, узнать о судьбе Дениса. Поисками последнего бывший поваренок планировал заняться сразу после захвата. В конце концов, предыдущего приказа босса о слежке никто не отменял…

– Пошли! – скомандовал он, ощутив, как приятен вкус власти, пусть и такой крошечной. – Берем его. Будет сопротивляться, ломайте.

Когда четверо бойцов «Союза» вошли в жилой ярус центральных палуб правого борта, местные предпочли отправиться по своим делам. Кто-то вдруг решал, что рабочий день окончен, и прекращал сбор мусора. Кто-то обрывал душевные разговоры с соседями, спешно направляясь в свою

казарму. Ведь партию в маджонг можно доиграть и в другой раз…

Бабка, кормившая иноземца, начала прятать посуду. Пусть пластиковая или картонная, она тоже стоила денег, а нести убытки не хотелось и стряпухе. Видимо, взгляд ее слезящихся глаз и выдал русскому повышенный интерес к его персоне.

Впрочем, на поведении наглеца это никак не отразилось. Сидел себе, опершись локтями на стойку, жевал булочку, запивал прозрачным чаем.

Подошли, зажимая в полукольцо. Старушка отвернулась, принявшись что-то деловито искать под стойкой. Зашуршала мешками с яичным концентратом, головы не поднимала.

Русский отложил недоеденный пирожок. Повернулся, вытирая губы крохотной бумажной салфеткой. На груди его демонстративно поблескивал стеклянный прямоугольник дипломатического мультипропуска.

– Пойдешь с нами! – громко сказал Гао, поразившись собственной смелости.

Сейчас главное – не дать слабины перед «сорокдевятками», уже заслужившими право сделать на руке первую татуировку кобры.

– Вставай!

– Куда? – на сносном китайском поинтересовался русский, моментально обескуражив Чи Вая.

Бойцы косились на Вая, выжидали приказа, но первыми соваться в пекло не спешили – 426-й Цзи назначил старшим именно кандидата.

– Куда я должен с вами идти и почему?

– Тебя хочет видеть мой босс, – постаравшись добавить в голос злости, ответил Гао. – Вставай! Твои дипломатические привилегии тебя не спасут!

– Не спасут? – Русский вдруг улыбнулся, внимательно осмотрев всех четверых. – А что, существует некая угроза?

– Нет… – смутился Чи Вай, но вдруг осознал, что стремительно теряет контроль над беседой. – Большой Брат будет говорить с тобой! Вставай, я сказал!

И ухватил чужака за рукав, дергая на себя. «Сорок девятые» обязательно расскажут господину Цзи, что новичок был храбр и решителен, исполняя его волю!

Но уже через мгновение пол и потолок вдруг поменялись местами, а в лицо Чи Вая уставилась блеклая потолочная лампа, затянутая в проволочную сетку. Припозднившийся удар выбил воздух из легких, а спина вздрогнула и загудела от соприкосновения с железной мостовой.

Вообще-то, парень умел драться. Но броска, которым русский

отправил его себе под ноги, не заметил совершенно… Пытаясь встать, Гао стал свидетелем схватки, занявшей считаные секунды.

Будто по волшебству в правой руке чужака вдруг выросла дубинка – тонкая, к окончанию практически сходящая на шип. Дубинка завизжала, рассекая пропахший булками воздух, впечаталась в лоб одного из «сорокдевяток».

Затем русский уколол второго нападавшего в грудь. А когда тот растерялся, неожиданно схватил высокий стул, на котором сидел, и швырнул в колени «сорок девятого». И тут же крутанулся юлой, бросаясь к последнему боевику.

Тот, выругавшись, смог-таки отпрыгнуть на шаг и уже тянул из-под куртки пистолет. Выхватил, щелкнул предохранителем, но вот поднять и навести не успел. Черная палка русского снова взвыла, ломая кисть с зажатым в ней оружием, и «сорок девятый» закричал. Упал на колени, прижимая изувеченную руку к груди. Выпавший пистолет пару раз перевернулся в воздухе… и вдруг оказался у русского.

Боевик, стулом сбитый с ног, уже вскакивал, вынимая укороченную «дрель» китайского производства, откровенно сворованную с «наукомовского» «Р16-88 м». Замер, движения не завершив, словно вышколенный пес, получивший резкую команду «Фу!». Нахмурившись, сосредоточенно изучал стволовой канал «дыродела», почти прижатого ко лбу. Вынул пальцы из-под куртки, показав пустую ладонь.

Русский удовлетворенно кивнул, а затем вдруг размахнулся и все равно ударил боевика дубинкой по голове. Словно сноп свежего сена, «сорокдевятка» безвольно шлепнулся под стойку закусочной, не издав ни звука.

Бледнокожий варвар, раскидавший четверых… троих бойцов Кипятка, повернулся к раненому, поскуливающему за его спиной. Примерился, будто раздумывая оглушить и того, но добивать не стал.

Тогда он оглянулся и через мгновение уже нависал над Чи Ваем, все еще изучавшим потолочные лампы.

– Так что, молодой человек? – покачивая пистолетом, поинтересовался дипломат ровным голосом, будто и не дрался. – Куда вы там собирались меня проводить?

– Ты… тебе… – Гао никак не мог собраться с мыслями.

Наверное, стоило предположить, что если чиновник без стыда гоняется за китайцами по комбайну, он непростой человек. Но чтобы вот так – без страха и раздумий отправить в нокаут сразу нескольких вооруженных «сорокдевяток»?

– Тебе конец, педик… – Чи Вай попробовал приподняться, но острая телескопическая трость уперлась ему в грудь, болезненно

придавив к холодному полу. – Ты даже не представляешь…

– Замолчи! – приказал вдруг русский. – Отвечать быстро, коротко и без раздумий! – он наклонился еще ниже, и в нос Гао уперся холодный ствол пистолета. – Куда вы собирались меня вести?

– К Кипятку, – выпалил Чи Вай, даже не успев сообразить, что делает. Ему было страшно, рядом все еще подвывал парень с изломанной рукой. – То есть к Большому Брату Квон Пэну…

– Главе местной Триады? – заглядывая ему в глаза, уточнил чиновник.

– Да, это наш *фу шан*…

– Зачем ему понадобился советник посла Республики Сибирь? – Как только Гао разобрал смысл нового вопроса, ему стало еще страшнее. Наставления господина Цзи – *никого не бойся, малыш Гао,* – превратились в туман, рассеянный ярким лучом солнца. – Отвечать!

– Ты искал Йена… Дениса Йена… к нему у Большого Брата свой интерес… Кипяток уверен, ты прибыл на комбайн, чтобы уничтожить внутреннюю сеть… – Чи Вай скривился, когда узкая трость еще сильнее вдавилась в ребра. – Я почти ничего не знаю… я обычный кандидат – *син сю*, меня даже не приняли в организацию… я тут всего месяц…

– Кто такой Денис Йен? – Настороженно поглядывая по сторонам, русский вел допрос с хладнокровием и упорством военного дознавателя, прямо на линии фронта добывшего себе «языка».

– Это «таракан»… так мы называем нелегалов… недавно прибыл… ай! – Гао вскрикнул. Несмотря на откровенность и скорость его ответов, русский и не думал ослаблять давление. – Ты гнался за ним, я видел… и раньше его искал…

– Откуда знаешь?

– Я работал в «Гнутом мосту»… ты приходил, выспрашивал. Одинокого русского, гуляющего по рабочим этажам, сложно не запомнить… ай, перестань, я говорю честно! – Казалось, советник посла хочет проткнуть ему легкое.

– Значит, Большой Брат уверен, что я хочу навредить комбайну? А Денис Йен здесь, чтобы меня остановить? – Чи Вай не верил глазам, но русский улыбался. Недобро как-то, при этом широко и искренне. – Увидев, что я угрожаю этому Йену, он велел привести меня pobazarit'?

– Да, велел тебя привести… но то, что ты сделал с его людьми… – Извернувшись, Гао осмотрел поле боя.

Двое «сорокдевяток» все еще лежали без сознания, третий стонал, медленно отползая в сторону.

– После такого тебе точно конец… никто не может… ох, как больно!

На происходящее у лотка с пирожками с опаской посматривали местные. Удивленные, напуганные, недоумевающие. Это хорошо – «сарафанное радио» быстро донесет до «Алмазной кобры», что на ее людей напали.

– Заткни пасть! – Ледяной ствол пистолета болезненно стукнул Чи Вая по скуле. – Вставай. Отведешь меня к своему боссу.

– Чего?..

– Уши прочистить?! – злобно рявкнул русский, добавив звонкое и короткое ругательство на родном языке. – Встать, я сказал! Выполняй поручение. Веди к своему Большому Брату!

И отступил, убирая дубинку с груди кандидата.

Гао, неловко скользя по железному полу, принялся подниматься. Судьба, решившая, что подарков сделано в избытке, на этот раз свела его с сумасшедшим. Да что там – с настоящим психом, готовым нанизать его на трость, будто бабочку…

Как же наперекосяк все пошло! Приказали схватить чужака – вместо этого тот сам взял Гао в плен… Приказали допросить и привести – вместо этого он сам устроил допрос и тащит Чи Вая к боссу. Если господин Цзи узнает о случившемся…

Впрочем, размышлял Гао, вставая и отряхиваясь, инфорсер может узнать *настоящую* версию.

Уже наметив план, ушлый поваренок еще раз осмотрел соратников.

Оглушенные пока что не вернулись из царства грез, а раненый не слышал и половины разговора. Если проявить сноровку, произошедшее можно выставить в крайне выгодном свете.

Осталось решить последний вопрос – как сделать, чтобы «кобры» не грохнули обоих, явившихся к порогу убежища, в котором царствовал Кипяток. И почему, ради всего святого, так неприятно и самоуверенно улыбается русский?

Спор двух драконов обычно кончается схваткой
1 час 44 минуты до начала операции «Бронзовое зеркало»

– Да ты, наверное, издеваешься?..

Кипяток широко растянул губы в жутком подобии улыбки, но внутри его неподдельно трясло от злости. При всем этом казалось очевидным, что приведенный в бункер «Алмазной кобры» белый мужчина не настроен издеваться.

Он говорил серьезно, взвешенно, отлично зная цену своим словам. В устах чужака, *заставившего* кандидата Гао привести его к Квон Пэну, даже просьбы дать стул и «под честное слово» не отнимать мощную современную «балалайку», звучали разумными и крайне вежливыми.

Вебер, как звали гостя, конечно, наломал дров. Точнее говоря – бойцов Кипятка, трогать которых на комбайне не позволялось даже солдатам Каракурта. А этот наглец прихлопнул сразу троих: мальчишки до сих пор в себя прийти не могут, все звезды считают…

И вот, заявившись к нему в дом с храбростью, плавно переходящей в глупость, этот самый Вебер вдруг заявляет, что Денис Йен обманул Большого Брата. Обвел вокруг пальца, как деревенского простачка, ускользнув из рук, словно угорь. А еще он утверждает, что именно Йен прибыл на комбайн, чтобы нанести тому ущерб. А Вебер, дескать, его ловить и намерен. Правда, пока безрезультатно…

– Денис Йен не полукровка, уважаемый Квон Пэн, – негромко продолжал чужестранец, сидящий на стуле у входа.

Со всех сторон вокруг русского стояли вооруженные «сорокдевятки», но наведенные в лицо стволы, казалось, советника посла совсем не смущают.

– Он из наших, родом из Новосибирска, где его знают под прозвищем Листопад. Машинист, ломщик. Умеющий пользоваться гримом, как показали недавние события…

Внешне спокойный, Кипяток не находил себе места.

Хотелось сорваться с места, проломить пару челюстей, расстрелять из «дрели» диван, разбить несколько дорогих ваз, наорать на подчиненных. И только невозмутимость, с которой держался русский, не позволяла Большому Брату потерять лицо в присутствии чужака. Он способен убить его, даже несмотря на

дипломатические привилегии, но делать это опрометчиво и на глазах такого количества свидетелей не станет точно…

– Я задам тебе те же вопросы, что и Денису Йену, которого ты называешь Листопадом, – процедил Квон Пэн, все еще стараясь улыбаться. – Зачем ты здесь? Почему я должен тебе верить? Какое мне дело до ваших распрей? Каков мой интерес, если я тебя отпущу?

На этот раз босс «Кобры» не стал прибегать к помощи электроники, изучая гостя собственными глазами. Если советник соврет или будет неискренним, Большой Брат сразу заметит это, и тогда – сохрани его рассудок Будда, чтобы не пристрелить русскую собаку на месте…

Вебер какое-то время молчал, взвешивая заданные ему вопросы.

Дерзкий, несдержанный варвар, он вызывал у Пэна смесь неподдельного восторга и искреннего отвращения. Пришел к самому боссу «Союза трех стихий», держа в заложниках его кандидата! А как вызывающе отдал «сорок девятым» захваченный пистолет! С каким бесстрастием держался во время обыска! Неужели не знал, что может больше никогда не вернуться на десятый этаж, где размещено посольство Сибири?

– Не стану пугать тебя, Квон Пэн, – вдруг сказал Вебер, вежливо склоняя голову. – Но если ты вмешаешься в охоту на Листопада и помешаешь мне, пострадает не только этот прокладочный комбайн, но и шаткий мир наших государств. Верно ли я слышал, что «Союз Человека, Небес и Земли» является единственной криминальной структурой в мире, защищающей интересы своего государства?..

«Сорокдевятки» вокруг чужака зашевелились, переглядываясь, а Кипяток закусил губу. Эта белорожая горилла будет указывать ему на интересы «Союза»?!

– Твой человек рассказал мне, – продолжал наглец, не обращая внимания на недовольный ропот, – что Листопад хотел воспользоваться выходом «Кобры» во внутреннюю сеть комплекса. Поймай его, выдай мне и получишь вознаграждение. Сколько ты хочешь? Десять тысяч юаней? Пятнадцать?

Кипяток повернулся, высматривая в толпе рядовых бойцов Триады болезненно бледного Чи Вай Гао. Прищурился, заставив паренька осунуться еще сильнее, перевел многозначительный взгляд на инфорсера Цзи.

– Что еще рассказал тебе *мой человек*? – Издевка, прозвучавшая в вопросе Большого Брата, была сверкающей и острой, словно обнаженный нож.

Если диалог с мнимым Йеном походил на игру кошки с

умной и изворотливой мышью, то сейчас свою беседу вели два кота – матерые драчуны городских свалок, умеющие постоять за себя. Бронзовая стать, с которой держался чужак, начинала выводить Пэна из себя.

– Не вини его, Большой Брат, – почти по-дружески попросил Вебер. – Я умею спрашивать. Прошу тебя, не усложняй ситуацию. Помоги поймать беглеца. Мы покинем комбайн – и все пройдет, как страшный сон поутру.

Стиснув зубы, Кипяток рассматривал сидящего напротив наглеца. Их разделяло шагов двадцать – босс «Кобры» на диване, его собеседник на стуле в привратной зоне, окруженный пятеркой головорезов. Если тот сейчас попросит чаю, Квон Пэн даже не удивится…

– Ты русский, так? – спросил он, стараясь удержать бушующий в груди жидкий металл злости.

– Сибиряк я. Мои предки еще Ново-Николаевск строили… – с достоинством ответил Вебер. – Ну так что, Большой Брат? Поможешь мне?

Квон Пэн вскочил на ноги, успев заметить, как дрогнули «сорокдевятки», державшие сибиряка на прицеле. Ах, как близко тот сейчас был от смерти…

– Э-э-э… – завыл Кипяток, потрясая ладонями. – Как же вы меня достали за один короткий день! Ты, такой важный! Думаешь, я тебе поверил? А твой Листопад? Денис, мать его, Йен! Вы думаете, что можете издеваться надо мной?! Над Квон Пэном?!

Боковым зрением он разглядел, как отодвигаются с помоста инфорсеры, до того стоявшие за его спиной. Они-то хорошо представляют себе, чем может закончиться припадок босса. В стороны подались даже бойцы, державшие на мушке Вебера – если Большой Брат начнет стрелять в наглого чужестранца, особенно выцеливать не будет, еще своих зацепит…

– Вы приходите в мой дом! – Кипяток больше не сдерживался, вцепившись в рыжие космы, будто хотел их выдрать. – Рассказываете мне старинные притчи! Что-то доказываете, о чем-то просите! И каждый из вас… слышишь, Вебер?!. Каждый из вас пытается меня обмануть! Это на *моем-то* комбайне? В моем собственном царстве? Среди моих людей?!

Он взвыл, обводя воинство убийц и костоломов широким жестом руки. Сложил ладони, приставил ко лбу, с закрытыми глазами поклонился в сторону алтаря.

– О, Будда, воцарившийся в спокойствии и мудрости! Дай мне терпения вынести посланные испытания… – Когда Кипяток вновь взглянул на Вебера, его глаза пылали. – Вы совсем потеряли

страх, совесть и уважение, проклятые русские! Будь моя воля, я бы лично повышибал вам зубы! Этими самыми руками!..

Он вскинул перед собой крепко сжатые кулаки. А через секунду Вебер вдруг сумел вставить негромко, но удачно вклинившись в паузу – так, что услышали все, даже сидящие в конце зала машинисты:

– Так попробуй, чего зря языком молоть…

Тишина вдруг обволакивающая все таким плотным покрывалом, что не слышно даже шума вентиляторов, встроенных в потолок. Люди разучились дышать. Они стараются не моргать, чтобы ненароком не спугнуть эту таинственную, сказочную тишину. Повсюду властвует отсутствие самых незначительных, мельчайших звуков.

Так, во всяком случае, показалось Квон Пэну после того, как смысл произнесенных сибиряком слов дошел до его сознания. Бац – и словно проткнули барабанные перепонки в ушах, настолько стало тихо и сумрачно…

– Что ты сказал? – раздельно, чуть ли не по буквам, спросил босс, удивляясь, как его окаменевшая челюсть еще способна двигаться. – Повтори!

– Говорю, что грозен ты, Большой Брат, – снова сопроводив слова вежливым кивком, безмятежно ответил Вебер. – Да только пугаешь зря. Хочешь драться – давай, за мной страха нет. Если я одолею, отпустишь. Ну и Листопада поймать поможешь. Твоя победа будет – уеду с комбайна сегодня же. Все сделаю, как велишь. Еще и компенсацию выплачу за побои твоим людям.

У одного из инфорсеров на радиопередатчике запиликал сигнал вызова, отчего вздрогнули все, даже Кипяток. Офицер тут же выключил рацию и, обливаясь потом, затравленно осмотрелся, словно совершил страшное преступление. Взгляды десятков мужчин, наполнявших убежище, снова вернулись к боссу и его безумному пленнику.

Квон Пэн всматривался в бледное, покрытое легкой щетиной лицо Вебера. Смельчак? Или сумасшедший? Знает ли он, насколько силен Большой Брат в кулачном бою? На что делает ставку?

Просканировав его мысли, сибиряк почесал кончик носа и ответил на молчаливый вопрос:

– Не сошел я с ума, Большой Брат, не сошел. Просто, когда дело заходит в тупик, на Руси часто решают вопрос Божьим судом. С давних времен. Да и у вас наверняка что-то подобное в старину заведено было. Потому и предлагаю драться – вижу же, силен ты в рукопашной. А смелый я такой, потому что правду за собой вижу. С ней не проиграешь…

Кипяток осмотрелся, ловя на себе взгляды подчиненных. Варвар, дикий глупый варвар – вот кто перед ним! Глупец, погрязший в иллюзиях и примитивных верованиях. Человек, только что подписавший себе приговор. Или, в лучшем случае, направление на инвалидность…

Мужчиной Вебер, бесспорно, был крепким. Но лупить его Квон Пэн собирался люто, без пощады или поблажек.

– С удовольствием… – Улыбка трещиной пробежала по его побледневшему лицу. На этот раз настоящая, без натяжек или усилий. – Условия принимаются…

Теперь, когда разговор вдруг вырвался из тупика, ярость и ненависть Пэна устремились в нужное русло, настраивая тело и разум на предстоящую схватку. Он живьем зароет сибиряка в железный пол убежища. Наплевав на дипломатическую неприкосновенность или последствия. Изломает кости, вырвет кадык, пронзит пальцами сердце.

Это будет настоящий бой, без поддавков и неловкостей. Ни один «сорок девятый» не смог бы сделать ему подарка лучше!

Мрачная тень, лежавшая на челе Большого Брата уже несколько часов, начала испаряться.

Убежденность в правоте дарит человеку крылья
1 час 21 минута до начала операции «Бронзовое зеркало»

Рискованный поступок так же, как подброшенная монетка, всегда оборачивается одной из двух сторон.

Дзынь… Первая сторона – поступок становится геройским, почитаемым и вписанным в легенды.

Дзынь… Сторона вторая – он превращается в глупость, от которой не успели отговорить.

Илью отговаривать было некому, и он твердо решил даже не задумываться о неудачном исходе дела.

Смелость и хладнокровие, с которыми он держался перед грозным и вспыльчивым Квон Пэном, начали помалу сходить на нет. Беседу тем временем требовалось вести к логическому завершению. Тут-то сан шу Триады лично дал пас, устремив мысли Вебера в нужном направлении.

В том, что китайские бандюганы его не грохнут, советник посла не сомневался. Местный босс – всего лишь шишка районного масштаба, чтобы принимать такие беспредельные решения, да еще и поперек законов коменданта. А вот помешать Илье в его поисках китаец мог сотней способов, и потому…

Возможно, ситуацию можно было попробовать разрешить иным путем. Тот же Терпение наверняка с ходу придумал бы несколько бескровных планов. Но Леший никогда себя к мыслителям не причислял, и потому предложенный Кипятку вариант считал далеко не худшим. Лишь бы тот не оказался ну уж слишком силен. Впрочем, как говорится – и не таких *вывозили*…

Только на первый взгляд Вебер был килограммов на двадцать тяжелее поднебесника и на голову выше. Смогут ли курсы смешанного рукопашного боя, которыми Илья овладел еще в академии, противостоять технике узкоглазого?.. Сейчас увидим. «Балалайка», опять же, поможет.

Ее удалось оставить, что само по себе стало крохотной победой. А сейчас, пока оба бойца готовились к схватке, разминаясь в личных углах квадратной площадки, лезть к сибиряку в затылок не собирался никто. О том, что боевой «балалайкой» мог обладать и бандитский босс, фантазировать не хотелось.

Настраиваясь на драку и разминая мышцы, Вебер был собран

и сосредоточен. Вместо того чтобы наблюдать за зверскими оскалами, с которыми Кипяток падал на шпагаты и молотил воздух, пытаясь его запугать, думал о своем. Вспоминал любопытный разговор с кандидатом Гао, который Лешего в царство преступности и привел.

Тот, если задуматься, успел рассказать Илье массу интересного…

На странную парочку оглядывались, тыкали пальцами, но роптать открыто или вызывать солдат никто не спешил. Пистолет Вебер опустил, уперев в почку заложника. Вопросы задавал в ухо, с интересом вдыхая запахи суррогатной муки и тушенки, исходящие от черенка.

– Значит, работаешь в «Гнутом мосту»? – выпытывал он у рядового китайского уголовника, волоча того через комбайн.

– Да…

– Ах ты… – Леший рывком остановил Гао, разворачивая так, чтобы видеть лицо. – К тебе в кафе Листопад… то есть Денис Йен и приходил, ведь так?!

Чтобы продемонстрировать серьезность вопроса, «дыродел» вдавился в живот поднебесника, будто хотел дульным срезом прикоснуться к позвоночнику. Чи Вай закусил губу, попробовал отвернуться, но Илья уже подтвердил свою догадку. Трудно сохранять эмоции, из хозяина положения превращаясь в жертву и объект допроса.

– Откуда знаешь его?!

– Ай… познакомились недавно… он заплатил мне за поиск жилья, ну и вообще… мы даже почти подружились… да не дави ты так, прошу!

– Где он живет? – Вебер навалился на бедного китайца сверху вниз, словно хотел растоптать. Негромко рычал прямо в лицо, давя на рукоять пистолета. – Какие услуги ты еще своему другу оказал?!

И Гао рассказал. Подробно, в мельчайших деталях, словно читал собственный дневник. И про баснословно дорогие индивидуальные каморки на технических этажах. И про экскурсии по комплексу, когда два молодых человека часами бесцельно слонялись по его ярусам, суя носы в самые темные щели. Якобы бесцельно…

В жилые норы «тараканов» Илья, конечно, наведается. Он не верил, что сможет найти там хотя бы малейший след Листопада – тот наверняка уже оставил насиженное место. Во всяком случае, сам Леший поступил бы именно так. Но для порядка спуститься в коммуникационные коридоры стоит, причем сразу после боя с Кипятком. Опросить соседей, поискать зацепки.

Однако главный интерес Вебера вызывали не убогие самодельные квартиры, устроенные среди инженерных лабиринтов. В сознании бился ярко-желтый маячок, которому ритмично вторил пульсирующий маркер на виртуальной карте «балалайки» – по словам Гао, наибольшую заинтересованность Денис Йен проявил к кормовой зоне уровней четыре и шесть.

Там, куда почти не забредали рабочие, разместилась гигантская вертикальная цистерна – резервуар технической воды для кормовых фабрик «Ильи Муромца». Также там был складирован запасной парк разведывательных аэростатов. Еще хранился небольшой припас каменного угля и горючего сланца для ближайших котельных. А еще… а еще на корме располагались строго технические зоны, доступ в которые был ограничен даже большинству местных военных.

В их глубине, запечатанные до ракетного удара по ПТК, прятались резервные штабы для машинистов Желтого Каракурта. Со всей необходимой системой жизнеобеспечения, электроникой и выходом во внутреннюю сеть комплекса…

– Ты готов, чужак? – фыркнув, Кипяток хлопнул себя по щекам.

Он уже размялся и снял лишнюю одежду, оставшись в тесной майке без рукавов, удобных штанах и спортивной обуви. Отрегулировав твердость подошв, Илья только кивнул, поднимая сжатые кулаки.

Примеривались почти минуту.

Кипяток был похож на бойцовскую собаку – тревожно застыв в углу ринга, он пожирал Илью глазами, готовый броситься в любой момент. Илья рассматривал противника спокойно и внимательно, позволяя программе Терпения анализировать его физические данные и выстраивать возможную картину боя. Когда программа провела все необходимые замеры, «балалайка» дала добро на начало схватки.

Вебер, по-боксерски прикрывая голову, осторожно двинулся с места.

Сделал несколько пробных выпадов, но Пэн легко увернулся от них. Тогда кинулся вперед, напоролся животом на выброшенную ногу, но успел ударить противника обеими руками в плечи. Стерпев боль, продолжил наседать, проведя несколько боковых. От них Кипяток защитился блоками, присев и ответив точечной атакой в солнечное сплетение.

Леший ухнул. Выпустил воздух сквозь стиснутые зубы, мотнул головой, но ритм сохранил.

Не давая китайцу закрепить положение, Илья начал осыпать его быстрыми, размашистыми хуками, пользуясь преимуществом

в длине рук. Раз, другой, третий – поднебесник был вынужден шипеть и защищаться, не спеша контратаковать и тоже изучая оппонента. Отступил на шаг, а затем вдруг ринулся в ближний бой, все же дотянувшись кулаком до скулы Вебера.

В голове зашумело, но «балалайка» отдала приказ, и Леший успел схватить бандита за правую руку, проводя болевой залом.

Большой Брат свернулся в кольцо, подобно змее. Зарычал, брызжа слюной. И все же выкрутился, отпрыгивая, избежав страшного перелома. Теперь он лишь отступал, кружась по рингу и взмахами ног удерживая сибиряка на расстоянии.

Не давая ему опомниться, Илья подскочил, нанося серию ударов в голову. Все четыре Кипяток сбил, а затем вдруг подловил и медвежьим капканом вцепился в предплечье противника, выламывая наружу.

Только навалившись на него всей массой, Вебер смог выскользнуть, в ответ обхватывая за плечи. Сцепились, закружились, поочередно пытаясь пнуть друг друга по ногам. Китаец танцевал с грацией, присущей восточным бойцам. Сибиряк полагался на вес и рост, не давая противнику вырваться из нового захвата.

А затем вдруг почувствовал, как левая нога Квон Пэна кнутом обвила его правую лодыжку, лишая равновесия, и торопливо рухнул вперед, стараясь хотя бы подмять. Несколько секунд они простояли неподвижно, слившись в единое целое – поднебесник все еще пытался расшатать и уронить его, со стоном удерживая почти девяносто килограммов, давящие на плечи и спину. Попробовал снизу ударить кулаком в лицо, но программа Терпения оказалась готова.

Спутав руки Кипятка, Илья отступил назад и чуть влево, борцовским приемом швыряя Большого Брата на пол. Реакция, с которой тот устоял, восхищала, но оценивать бой Илья предпочитал после его окончания.

А потому снова рванулся вперед, осыпая ударами. Блоки, в которые попадали его кулаки, были похожи на железные столбы – не пробить, не сдвинуть. Но вдруг его правая рука провалилась сквозь брешь в защите, через миг соприкоснувшись с челюстью Пэна.

Хрустнуло, глаза Кипятка затуманились, боевой оскал поблек, и он чуть не завалился на колени.

Триады, наблюдавшие за боем, зашумели стаей разозленных обезьян. Люди вскакивали с мест, кто-то потрясал оружием, со всех сторон сыпалась брань.

Едва не опрокинувшись на бок, Квон Пэн чудом устоял, тут же увеличивая разрыв еще на пару шагов. Затряс головой, став

еще больше похожим на поджарого рыжего пса. Фыркнул и вернулся в боевую стойку.

«Шестерки» захлопали в ладоши, подбадривая командира, затопали ногами по железному полу убежища. Резко пахло мужским потом, кровью, мокрым железом и сгустившейся вокруг бойцов ненавистью.

Убедившись, что противник готов продолжать, Илья снова пошел вперед. Из его носа уже текла струйка крови, левую скулу начинало тянуть взбухающим синяком. Но боль запаздывала, и он спешил подхлестывать кипящий внутри азарт.

Ударил правой, тут же добавил другой рукой, но оба выпада провалились в пустоту. Сделал обманный финт, попробовав сблизиться и провести атаку локтем. Но и теперь Кипяток ушел от комбинации, приседая и сбоку нацелившись в колени Лешего. «Балалайка» успела предупредить – Илья чуть согнул левую ногу, и удар пришелся в икру. Еще чуть-чуть, – и прощай, коленная чашка…

Теперь преимущество пытался закрепить китаец.

Несмотря на проигрыш в росте, он все время норовил дотянуться до головы Вебера целой вереницей кулачных ударов, разбавляя атаку меткими пинками в бедра. Едва не потеряв координацию, на этот раз был вынужден отступать Илья. Снова промахнулся хуком. Получил три ответных выпада в живот, но выдержал, успев приготовиться. Дыхание почти сбилось, и он тут же контратаковал, не позволяя Пэну зажать себя в угол.

Снова пошел в боксерский клинч. Но Кипяток вдруг исчез из поля зрения, мячиком перекатился по рингу, хватая его за правую ступню и выламывая на себя. Илья вскрикнул, ступню потащило еще дальше, чуть не растягивая ноги на шпагат. А Большой Брат вдруг гуттаперчиво извернулся, снизу вверх выстрелив в лицо сибиряка хитроумным ударом ступни.

Боль, пронзившая правую лодыжку, была огненной, как если бы Вебер наступил в чан с расплавленным железом. «Балалайка» надрывалась, просчитывая варианты спасения.

Изо всех сил оттолкнувшись свободной ногой, Илья бросил себя вслед противнику, стараясь не обращать внимания на крошащийся зуб. Ухнул на китайца сверху. Пробил кулаком в почку, заставил расцепить залом. Отскочил.

Лодыжка ныла, не позволяя полностью переносить на себя вес. Правый глаз заплывал. Челюсть опухла.

Босс «Алмазной кобры» целым тоже не казался – его нос кровоточил, возле уха алела свежая ссадина. Но он упивался сражением, а таких полоумных Вебера учили опасаться больше всего. Уже не слыша ни аплодисментов, ни бранных выкриков,

советник посла снова ринулся в атаку, повинуясь прогнозам «балалайки».

Два молниеносных хука, сокрушительный апперкот – все мимо. Скалящийся волчонком Кипяток шустро уходил от его наскоков. Леший провел еще несколько выпадов, но китаец неожиданно подловил, обрушивая раскрытую ладонь на его правую ключицу. «Балалайка» предложила проигнорировать удар, но это Илья собирался сделать и сам. А когда Пэн открылся, наконец-то выстрелил точным выпадом снизу, дотянувшись до челюсти Большого Брата…

Голова Кипятка мотнулась, ноги заплелись.

Он встряхнулся, одним прыжком отлетая на пять шагов, и снова вернулся в стойку. Но совсем не так уверенно, как раньше, и это от глаз Ильи не скрылось. Он подступил, еще чуть-чуть, провел несколько коротких джебов. А бандит, вместо того чтобы приходить в себя и обороняться, вдруг ринулся навстречу.

Скорость, с которой в корпус и голову Вебера посыпались удары, была нечеловеческой. Кое-как прикрываясь локтями, он начал пятиться, выискивая в наступлении противника хотя бы крохотную брешь. Навстречу больше не бил, сразу получив два ответа, чуть не сломавшие лучевые кости предплечий.

Наконец-то заметил, и предположение тут же подтвердила «балалайка»: сконцентрировавшийся на атаках кулаками, Пэн больше не пытался пустить в дело ноги. И тогда Илья прекратил отступление.

В его челюсть тотчас врезался «локомотив», заставив свет в глазах померкнуть, а в грудь ударила каменная ступня, отшвыривая на пару шагов. Расхохотавшись, Квон Пэн бросился в последнюю атаку, намереваясь добить чужестранца…

Кипяток пропустил неловкую отмашку Вебера, проскользнул за его спину, ладонью вцепляясь в кадык и запрокидывая голову. Ударил ступней под правое колено, заставив сибиряка упасть на него, и вдруг полетел…

Больше не защищаясь от сыпавшегося на него града ударов, Илья протянул руки за спину. Сейчас он не видел противника, но боевой сценарий на наноэкране не позволял промахнуться. Схватив рыжего за шею, Леший согнулся вперед, рывком швыряя Кипятка через голову.

И когда тот с грохотом приземлился на металлический пол ринга, сам упал сверху, успев ударить в лицо. Большой Брат на миг потерялся в пространстве. Попробовал достать сибиряка выпадами пальцев в глаза, но его правое предплечье вдруг перехватило настоящими тисками.

Зажимая кисть и локоть Квон Пэна в смертоносный болевой

залом, Вебер крутанулся, поудобнее усаживаясь на противнике. Надавил, потянув вверх, и тогда сан шу «Алмазной кобры» вдруг завыл.

«Если кто-то утверждает, что способен терпеть любую боль, – со знанием дела говаривали матерые инструктора Ильи, готовя молодого кадета к работе в московском филиале СБА, – это значит, они никогда не испытывали *настоящей* боли…»

От жалобного вскрика Квон Пэна замерли все, кто следил за боем. Челюсти отвисали, руки опускались, брови ползли на лбы, а Чи Вай Гао чуть не лишился чувств.

Контролируя каждое движение поверженного Кипятка, Илья усилил давление, демонстрируя полные возможности залома.

– Не… нужно… вырываться… – жадно глотая воздух, просипел он. В глазах плыло, но свою добычу Вебер не отпустил бы даже мертвым. – Дерну вот здесь… и твою руку не соберет ни один пластик в мире… Сдаешься?

Несколько секунд Квон Пэн молчал, извернувшись и глядя в глаза врага снизу вверх. А может быть, несколько минут или даже часов – время потеряло привычную пластичность, превращаясь в абстракцию. В зрачках Квон Пэна плескалась такая неистовая злоба, что Илья чуть не отвернулся.

Немного сжал пальцы, потянул на себя, и лицо китайца свело новой судорогой.

– Сдаешься, Большой Брат Пэн?.. – повторил Леший.

И тогда Кипяток кивнул.

Коротко, отрывисто, потратив на это больше сил, чем на всю схватку.

Осторожно разомкнув захват, Илья поднялся на ноги, стараясь не повалиться без сил. Удерживая тошноту, протянул вниз руку, предлагая боссу Триады помощь. Постанывая, тот сразу перевалился на бок, словно не заметив этого миролюбивого жеста.

К бандиту тут же бросилась свита. Запричитала, заохала, помогла встать.

– Ну, как хочешь, – по-русски пробормотал Вебер, осматриваясь, словно пьяный. – Говорил же, что на моей стороне правда…

Долг чести отдается кровавыми процентами
56 минут до начала операции «Бронзовое зеркало»

В одной старинной сказке ловкий кузнечик в кулачном бою победил обезьяну, бросившую ему вызов. Вспоминая удивительную схватку, свидетелем которой только что стал, Чи Вай сравнивал сумасшедшего сибиряка именно с таким кузнечиком. Как и насекомое из поучительной истории, тот наверняка использовал какую-то хитрость. Иначе победу западного дикаря объяснить было невозможно. Вот только как выяснить, что это было?

Усиленные специальными волокнами кости? Или искусственные мышцы? Препараты, снижающие болевой порог? Как смог чиновник посольства крохотной рахитной страны поколотить лучшего воина многотысячного комбайна «Император Шихуанди»?

Впрочем, ловить чужестранца на жульничестве Большой Брат Пэн не спешил. А Гао обгонять босса в рвении намерен не был…

Отпустил!

Надо же, Кипяток на самом деле отпустил Вебера после окончания дуэли… Еще и умыться позволил. И личного медика заставил его синяки осмотреть. И даже чаем напоил! Оставалось надеяться, что побежденный Квон Пэн не размяк мозгами окончательно, поверив россказням чужака…

Глядя по сторонам ошалелым, чуть помутневшим взглядом, Чи Вай брел по этажам ПТК, не очень понимая, куда несут своевольные ноги. Ему Кипяток ничего не сказал. Как и господин Цзи. Ни хорошего, ни плохого. Поблагодарили за помощь семейству, выпроводили вон сразу после поединка. Как обычно, обещали присматривать. Напомнили про обязательства перед братством. Намекнули, что позовут ко двору в самое ближайшее время. И выгнали, как разозленный хозяин выставляет во двор нашкодившую собачонку…

Чести ради стоило признать, что острой обиды или разочарования Чи Вай не испытывал. Ведь, если разобраться, работу он свою выполнил достойно и честно. Вместе с другими «сорок девятыми» нашел Вебера, привел его к боссу, заставил сибиряка разговориться.

О том, что кандидат невольно советнику посла сболтнул

лишнего, старшим братьям лучше не знать. Как и о деталях «захвата». А «сухой остаток» случившегося уже завтра можно будет вывернуть в выгодном свете. Вот только пусть Квон Пэн остынет, спустит пар, проглотит горечь проигрыша.

Свербило в сознании юноши и кое-что еще. Запретное, жгучее, о чем и думать лишний раз опасно.

Главное сокровище сегодняшнего дня, вынесенное Гао из стен бункера «Алмазной кобры», заключалось в поражении Кипятка. Большой Брат – не жестокий бог, карающий одним взглядом. Он смертный во плоти, а его кости трещат, если по ним ударить. Чи Вай мог только гадать, как босс собирается укреплять так неожиданно пошатнувшийся авторитет. Но птица уже вырвалась из клетки, и слабина Квон Пэна, нащупанная Вебером, стала главным приобретением молодого человека…

Когда-нибудь придет день, и он лично сломает руки Большому Брату. И, конечно, не станет проявлять лишнее мягкосердечие, как это сделал глупый сибиряк! Когда это случится, Гао поднимется на самую высшую ступень иерархии «Союза трех стихий». Он покажет братьям, каким должен быть настоящий босс. Он не повторит чужих ошибок…

В мечтаниях о дальнейшей судьбе Чи Вай и выбрел к жилым кварталам, где обитали работники 10–13-го этажей центральной части комбайна. Какой-то жалкий месяц назад в одной из общих комнат закрепил свой гамак и он сам. Сейчас, после пережитого, казалось, что этот день наступил очень-очень давно…

Войдя в барак, Гао сонно поплелся в кухонную зону. Здесь четыре десятка жителей комнаты хранили личные запасы чая и консервов, питьевую воду, специи и благовония, здесь же готовили еду на газовых плитках или простеньких дровяных печах.

Дневная рабочая вахта находилась в разгаре, а потому в комнате было малолюдно – повара «Гнутого моста», как и другие соседи паренька, все еще трудились на своих постах. На койках и в гамаках валялись получившие отгулы, больные или дожидавшиеся ночных смен.

Внезапно ощутив себя толстым неповоротливым трутнем, Чи Вай побыстрее пересек общий зал, запираясь на узкой кухонке. Он больше не будет работать, пусть за него это делают другие! Всегда существовали те, кто гнул спину, и те, кто их защищал. И вообще… когда он взойдет еще на одну ступень «Союза Земли, Небес и Человека», специально попросит у господина Цзи под контроль ту улочку, где сибиряк не позволил взять себя в плен. Он будет обирать и лупить жителей до тех пор, пока из их памяти не сотрется даже самое блеклое воспоминание о произошедшем…

Гремя банками и пиалами, Чи Вай принялся неловко заваривать чай. Пластиковая ширма в кухонную зону отодвинулась, кто-то вошел, и будущий «сорокдевятка» презрительно обернулся. Кого еще принесло помешать ему наслаждаться одиночеством и вкусным напитком?..

Рот Чи Вая приоткрылся.

Сверток из блестящей фольги, в которой юноша хранил сухие листья, бесшумно упал под ноги. Он отступил на шаг, упираясь поясницей в глубокий верстак, сколоченный для кухни предыдущим «поколением» рабочих комплекса. С губ сорвалось шипение, так и не ставшее вопросом.

– Не ожидал?.. – горячо прошептал Денис Йен, надвигаясь еще ближе. – Вижу ведь – удивлен…

Грязнокровка как-то неуловимо и странно изменился. Он больше не пытался сутулиться, плечи развернулись. Полудурочный блеск глаз сменился пронзительным взглядом, от которого становилось не по себе. Одежда Дениса была аккуратно застегнута на все пуговицы, будто он готовился к долгому походу. За спиной виднелся мешок, которого раньше Гао не замечал.

– Что же ты, Чи Вай, товарищей продаешь? – Остановившись в шаге от поваренка, «таракан» навис над ним, заглядывая в лицо. – Или решил карьеру сделать на чужом горе?..

Гао не знал, что ответить. Смотрел и молча хлопал губами, сейчас напоминая не трутня, а выкинувшуюся на берег рыбину. С противными желтыми боками, покрытую слизью, налипшими на хвост водорослями. Он попробовал улыбнуться, но рука Йена опустилась ему на плечо, словно запрещая подавать голос.

– Ты когда-нибудь слышал… что структура земного ядра чем-то напоминает… человеческий мозг? – вдруг спросил дальневосточник, странно кривя губы. Теперь провалы в его словах стали не раздражающими: они пугали. – Кремний, из которого в основном состоит ядро… при температуре плавления демонстрирует удивительные свойства… – Он змеиным выстрелом языка облизнул губы. – Атомы кремния очень напоминают атомы углерода… Ты когда-нибудь задумывался, что наша планета умеет мыслить?

Чи Вай задрожал.

Его изворотливый мозг настойчиво советовал бежать, но ноги будто окунули в цемент. Дыхание стало сбивчивым, он боялся даже произнести хоть слово, не говоря уже о криках. Ах, почему он не попросил у господина Цзи огромный, угрожающего вида «дыродел»? Чтобы пугал одним видом…

Гао всхлипнул, осознав, что сейчас Йена не остановил бы даже пулемет в руках бывшего приятеля.

А тот, все еще гипнотизируя Чи Вая пронзительным взглядом, продолжал бормотать, настраиваясь на что-то важное:

– Ты когда-нибудь задумывался, друг Гао, что все мы ходим по шкуре огромного… вселенски мудрого и древнего существа, которым является… наша планета? – Он надавил на плечо кандидата в Триаду, выгибая его спину и почти укладывая на кухонный стол. – Ходим по коже Бога… Хотя нет, не Бога… Высшего Существа… Мой наставник называет его Иерархом…

Где-то слева и внизу, вне поля зрения Чи Вая, родился страшный скрежещущий звук. Как если бы по стеклу или гладкой доске провели чем-то железным. Отточенным. Злобным.

– Ты когда-нибудь размышлял, Чи Вай, – нашептывая все тише и неразборчивее, Денис навалился, обнимая поваренка левой рукой за плечи, – что четыре года назад нашего Иерарха проткнули насквозь? Что он умирает, истекая человеческими грехами… содрогаясь в агонии забвения… роняя слезы преданного друга?

– Нет, – наконец сумел выдавить Гао, затравленно глядя в лицо полукровки.

И сразу почувствовал острую, необычно сильную и резкую боль в левом боку. Услышал странный липкий звук, как если бы мясник разделывал свиную тушу. И снова боль, на этот раз в животе. И снова звук – словно кто-то отлеплял полосу скотча от шерстяной одежды. Боль, странный шелестящий звук, боль…

Денис Йен, неожиданно потемневший и расплывшийся в его глазах, наконец-то отступил.

Стоял теперь в паре шагов, держа в правой руке что-то красное, жирными шлепками марающее пол. Лица полукровки почему-то стало не разобрать, но Чи Вай был готов спорить, что в глазах паренька горит все тот же фанатичный огонек.

Кухня вокруг исчезла, растворилась в болезненном тумане, а нижняя половина тела Гао вдруг вспыхнула жгуче и хлестко… после чего вообще перестала что-то чувствовать.

Поваренок, так и не ставший «сорокдевяткой», тяжело сполз с глубокого деревянного верстака, поскользнувшись в собственной крови. Умирая, Чи Вай Гао успел подумать, какой иронии подчас полна судьба, отнявшая его жизнь не где-то, а именно среди кастрюль, заварных чайников и кухонных плит…

Умея, можно разговорить и камень 43 минуты до начала операции «Бронзовое зеркало»

– Продолжай, – велел Леон, словно его собеседник имел право выбора.

В полумраке цеха прессовки бытовых отходов лицо пленника казалось неестественно белым, светящимся изнутри. Всхлипнув и дернувшись, тот прохрипел что-то нечленораздельное, заставив Буньипа наклониться ближе.

Действие открывалки подходило к концу, но австралиец узнал достаточно. Допрашивать пытался по инерции – вдруг его новый красноречивый приятель поведает что-то еще?

Препарат, конечно, превосходным назвать было нельзя. Это не настоящая сыворотка, которой пользуются в СБА, а безумная смесь препаратов, нашедшихся в аптечке Буньипа. Своего рода *динамит* для дознавателя без 100 % гарантии. И все же подействовало – привязанный проволокой к тяжеленному прессу, китаец рассказал много. Даже слишком, большая часть его исповеди Леона просто не интересовала.

Допрос проводил неспешно, с пристрастием и выдержкой профессионального палача. Спешить было некуда. Расщедрившись, сегодня ан-Тейшейра подарил группе не только удвоенный обеденный перерыв, но и приказал продолжить съемки лишь вечером, ближе к наступлению темноты. Прессовкой же бытовых отходов занимались далеко не каждый день, что стало известно благодаря честной работе Рамона Бадосы. Так что, если понадобится, он вообще оставит горемычного бандита до ночи, вернувшись со свежими силами.

Нет, пожалуй, в этом не будет необходимости. Захваченный им поднебесник выдал все, что знал о «тараканах», неподконтрольных его боссу. И про странного дальневосточника-полукровку рассказал, и про его беседу с Кипятком. Не дословно, чего и не требовалось, но подробно, как запомнил. А что боевик Триады не врет, Буиньип видел и без действия открывалки.

Найти источник информации труда не составило.

Окажись это солдат, которого не сразу хватятся сослуживцы, уровень его осведомленности был бы равен дырке от бублика. Выбери более информированного офицера – поднимется шум, а внимания Желтого Каракурта Брейгель привлекать не хотел. Рабочие комбайна элементарно не в курсе происходящего вокруг.

Они, как трудолюбивые землеройки, не увлечены ничем, кроме ежедневной работы, миски риса на ужин, пачки сигарет и минета дешевой проститутки по выходным. С этих пахарей толку ровно нуль, перемучай он хоть тысячу поднебесников.

А вот бандиты знают все, причем даже самые рядовые «шестерки», держащие ухо востро. И обо всем. Они похожи, будто члены одной трансконтинентальной секты – от неприступной Москвы или фавел Нового Рио до мрачного дна «Императора Шихуанди».

В этот раз ему даже не пришлось маскироваться, вынимать из тайника «дыродельчик» или снимать браслет слежения. Товарищи из русской и индийской съемочных групп поделились опытом посещения Кварталов Счастья, как их окрестил Ахмед ан-Тейшейра. Тот, кстати, тоже стал их частым гостем…

Выяснилось, что коллеги сеньора Бадосы уже не раз спускались в царство вседозволенности, вволю накуриваясь, напиваясь и трахаясь. Грозная комендант, как оказалось, за подобные шалости наказывать не спешила, хоть о перемещениях гостей знала доподлинно. А потому с третьего дня съемок русские и индусы в полной мере вкусили вседозволенности, пропадая в борделях до самого утра.

Под тем же предлогом посетил Кварталы и Рамон Бадоса. Пусть наблюдатели в штабе подполковника думают, что бразилец акклиматизировался, наконец-то решив уединиться с одной из экзотических красоток. Хоть бы и в таком необычном месте, как прессовочный цех.

Заманить бойца Триады в укромный технический коридор было нетрудно. Достаточно было начать разговор, изобразив из себя лопуха при деньгах, напустить туману и сразу предложить переговоры без свидетелей.

Редкий головорез не клюнет на такую приманку.

Так же несложно Буньип выключил китайца – ударом ладони в затылок одновременно ломая «балалайку» и вышибая из тела дух.

Вспомнив про *духов*, Леон поморщился. Хотел почесать подбородок, но перчатки все еще пачкались свежей кровью, и он стерпел.

Что изменила в его душе недавняя схватка с горцами? Сделала ли она специалиста по деликатным поручениям мягче или закалила, как клинок меча? Пошатнула уверенность в себе или обозлила? Сам Буньип на эти вопросы ответить затруднялся, а больше было некому.

Наверное, он воспринимал случившееся как обычный рабочий момент. Ошибку, да. Чудовищную ошибку? Нет.

Совершать промахи свойственно всем, и даже настоящим профессионалам. От обычных людей они отличаются тем, что умеют делать выводы…

Да, специалист по деликатным поручениям мог погибнуть. Причем весьма глупо. Кто, скажите на милость, готов в здравом уме и добровольно стать жертвой под ножом черного кама?! Конечно, это была бы нелепая и неожиданная смерть…

Но Брейгель не погиб, за что спасибо странному сибиряку. Лица которого, кстати, Буиньп почти не запомнил. Неизвестный наркотик вообще крепко дал австралийцу по мозгам, а окончательно Леон пришел в себя только на рассвете. Над окровавленной тушей, когда-то именовавшейся Малтачаком.

Так что излишней злобы или жесткости не прибавилось.

Впрочем, как и мягкости – доверчивого китайского бандита Буньип пытал с эмоциональностью деревенского мясника. Работал сосредоточенно, по-деловому, не испытывая ни удовольствия, ни раскаяния. Вот уже второй час. Иногда физическое воздействие вытягивает правду лучше самых современных химических соединений, от которых сознание человека способно защититься.

Пленный китаец что-то пробормотал, но отсутствие половины зубов и общая истощенность превратили его слова в неразбериху.

– Что ты сказал? – Буньип за волосы приподнял голову жертвы.

– Мама… она не знает, когда мы с братом украли мешок… там был рис… – С губы поднебесника потянулась розовая нитка слюны. – Мы сказали, что это воры… отец вызвал полицию… а мама не знает… скажи ей… мы поклялись не сознаваться…

Все.

Леон отпустил волосы, и голова пленника безвольно опустилась на грудь. Видимо, запас секретов иссяк, раз открывалка стала вытягивать признания детства. Австралиец принялся раскручивать проволоку, которой были стянуты запястья бандита.

Ему будет что сообщить Циклу, а уж выводы Зеркальная Голова пусть делает сам. Он расскажет о том, что некая сила готовит атаку на китайский комбайн. Скорее всего на ее сеть, без громких ракетных ударов или бактериологических диверсий. А еще о том, что в рядах местной Триады объявился «спаситель», готовый эту атаку предвосхитить. О происходящем не трубят в инфоканалах – официальные лица Сибири или КНР до сих пор не знают, что «Звездный Путь» стал чьей-то мишенью. Или намеренно делают вид, что тоже не исключено.

Буньип осмотрелся: пришло время подчищать за собой.

Нетрудно догадаться, что над возможной атакой стоит именно загадочный «Мидгард», привлекший внимание его нанимателя. Даже несмотря на то, что ни этого названия, ни какого-то иного искалеченный боевик Кипятка припомнить не сумел. Впрочем, это все домыслы – дальнейшие заключения пусть вырабатывает сам наниматель. Австралийцу велено стать глазами, а не мозгом Цикла на объекте.

Подоплеки происходящего рядовой боец «Алмазной кобры», естественно, раскрыть не смог. Но если Буньипу повезет, в оставшиеся дни он лично отыщет дальневосточного полукровку, описанного пленником. Уж тот-то сможет поведать больше, нечего и сомневаться. Его, пожалуй, Леон пытать не станет – вмешиваться во внутренние дрязги «Императора Шихуанди» Брейгелю не приказывали. Он только поговорит.

И когда выжмет из ситуации последние капли объективной информации, покинет опостылевший прокладочный комплекс. Уйдет в горы, заберет тюнгур из тайника и пешим маршем направится на запад, в сторону Омарского эмирата. Если не случилось форс-мажора, в турецких землях Буньипа ждет подготовленный путь к отступлению через море… Но наемник воспользуется им не раньше, чем интуиция подскажет, что большего выудить в мутной китайской воде он не сумеет.

Сбросив умирающего бандита в чан для биологических отходов, Леон скатал окровавленную полиэтиленовую пленку, которой накрывал пол. Тоже отправил в бак. Сорвал перчатки и рабочий фартук, позаимствованные в подсобке. Швырнул сверху, завалил все мусорными мешками. Через несколько часов пленник умрет, а уже через пару дней его запрессуют в плотный брикет, отправленный на переработку или утилизацию.

Но прежде чем воспоминания померкнут, Буньип хотел закончить еще одно дело.

Усевшись на стул оператора пресса, он вынул из нагрудного кармана блокнот и карандаш. Переключив «балалайку» в режим ночного зрения, принялся быстрыми штрихами рисовать китайца, привязанного к тяжелому станку.

Заброшенный невод рано или поздно нужно втянуть в лодку 16 минут до начала операции «Бронзовое зеркало»

Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взгляда его? Нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его… Не умолчу о членах его, о силе и красивой соразмерности их. Кто подойдет к двойным челюстям его? Круг зубов его – ужас. Крепкие щиты его – великолепие, они скреплены твердою печатью. Один к другому прикасается близко, так что и воздух не проходит между ними.

От его чихания возникает свет, глаза, как ресницы зари. Из ноздрей его выходит дым, словно из кипящего котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти вырывается пламя.

На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас. Титапластовые части тела его сплочены между собою твердо. Сердце его, будто камень, и жестко, как нижний жернов. Когда он поднимается, силачи теряются от ужаса.

Меч, коснувшийся его, распадется, и копье, и дротик, и латы. Железо он считает листвой, медь – гнилым деревом. Дочь лука не обратит его в бегство, пращные камни для него пылинки. Булава против него соломинка, над свистом дротика он смеется.

Под ним острые камни, и на острых камнях он лежит в грязи. Кипятит пучину котел, и скалы претворяет в кипящую мазь. Оставляет за собою светящуюся стезю… Нет на умирающей Земле подобного ему, он сотворен бесстрашным. На все высокое смотрит смело – он царь над всеми сынами гордости.

И отвечал Геос Листопаду из бури, и сказал:

– Препояшь, как муж, чресла твои. Я буду спрашивать, а ты объясняй Мне. Такая ли у тебя мышца, как мышца Бога? Укрась же себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие! Излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое и смири его. Взгляни на всех высокомерных, и унизь их, и сокруши нечестивых на местах их. Зарой всех их в землю и лица их покрой тьмою. Вот железное чудовище, которого Я создал, как создал тебя!

Он ест траву и камни, словно вол. Поворачивает хвостом своим, будто кедром. Жилы на бедрах его переплетены, ноги у него, как медные трубы. Кости у него, как прутья, это – верх путей Божиих. Только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой.

Горы приносят ему пищу. Он ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах. Тенистые дерева покрывают его своею тенью, ивы при ручьях окружают его. Вот он пьет из реки и не торопится.

– Возьмет ли кто его в глазах его и проколет ли ему нос багром? Можешь ли ты удою вытащить Левиафана и веревкою схватить за язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Будет ли он умолять тебя и будет ли кроток? Возьмешь ли его навсегда себе в рабы? Можешь ли пронзить кожу его копьем и голову его рыбачьей острогою?

Возложи на него руку твою и помни о борьбе…

Подошвы ботинок гулко дробили по железному покрытию пола.

Капюшон был надвинут максимально глубоко. Глаза смотрели вниз, плечи сутулились, словно так он мог сильнее походить на окружающих.

Проклятые китайцы! Не могли покрыть палубы проклятого неохватного комплекса хотя бы плохоньким, но линолеумом?! Так и грохает под ногами, неприятной пульсацией отдаваясь где-то в затылке.

Да в таких условиях с ума сойти – проще простого. И это он, Степан, словно проглоченный морским змеем Иов, в желудке чудовища всего пару недель… а что говорить о тех, кто живет в металлическом муравейнике месяц за месяцем?!

Не поднимая глаз на вывески и географические указатели, помогавшие китаезам ориентироваться в лабиринте комбайна, Листопад брел вперед. В голове ломщика уже стояла новая «наукомовская» «балалайка», а потому план «Императора Шихуанди» он прекрасно представлял, и не снимая капюшона. Вышагивал неторопливо, но уверенно, стараясь не задерживаться на одном месте дольше нескольких секунд.

Только став частью течения, ты растворишься в нем, неприметный для хищника.

На плечах ощущалась приятная тяжесть вещевого мешка. Драгоценная ноша не тяготила, но иногда Степану казалось, что лежащие в котомке сокровища ослепительно сияют, позволяя видеть себя прямо сквозь мешковину.

Час пробил.

Тот самый, которого Листопад ждал с волнением и страхом. Час его сражения с Левиафаном, самый важный миг его короткой, но такой целеустремленной жизни. Пришло время спуститься в резервные штабы операторов местной сети и бросить тушу зверя на алтарь великой Геи. Пришло время «Мидгарду» отпраздновать четырехлетний юбилей сражения, в котором была ранена Мать…

И пусть ломщик не решился начать операцию раньше, позволив впутать себя в опасную историю с Триадой, небесные покровители оказались добры, все же выведя юношу на финишную прямую. Настраиваясь на скорое погружение в волшебный мир Цифры, Степан размышлял над тактикой атаки…

На этот раз двигаться через палубы «Императора» было значительно легче, без необходимости карабкаться по узким техническим шахтам в обход блокпостов или срываясь с самодельных «тараканьих» лестниц. Сегодня Листопад шел прямо сквозь рамки сканеров, хаотично и многочисленно разбросанных по комплексу. Растворяться в людских потоках, как ни странно, помогал бывший товарищ, совершивший роковую ошибку и поплатившийся за нее.

Полоской желтой изоляционной ленты к предплечью молодого человека была примотана «таблетка» Чи Вай Гао, которую новый владелец безбоязненно подставлял под датчики. Конечно, потребуй кто-то из военных полицейских закатать рукав куртки, обман вскроется на месте.

Но приборы контроля и наблюдения обычно обслуживал один, в лучшем случае – двое армейских копов, торчавших на постах только для присмотра за сложной надзирательской электроникой. А блокпосты со стационарными наноскопами, способными обнаружить спрятанный в рюкзаке компьютер, «поплавок» или незарегистрированную «балалайку», ломщик технично обходил альтернативными тропками.

Чи Вай… глупый, самонадеянный и эгоистичный ублюдок, решивший взойти на первую ступень бандитской лестницы по голове Гринивецкого. Клеймо на душе Листопада.

Раньше Степан никого не убивал, во всяком случае, собственными руками.

Одно дело – видеть, как огненной вспышкой исчезает с небосклона цеппелин, сеть которого ты только что взломал по приказу Порфириона. Или как нанятый наставником албанец хладнокровно выпускает пулю в диспетчера скоростной магистрали. И совсем другое – бить самому, раз за разом вонзая широкий кухонный нож в человеческий живот.

Было неуютно, немного мерзко. Но блевать Листопад не собирался, сердце тоже колотилось не быстрее обычного, а это значило, что на выполнение операции его свершившаяся месть не повлияет.

Хотя нет, убийство не стало местью в чистом виде. Устранить Гао *пришлось*, это превратилось в необходимость. И если на предательство малознакомого китайчонка Степан еще мог закрыть глаза, то риск, которому Чи Вай подверг всю операцию

«Мидгарда», настойчиво требовал крови. А затем Гринивецкому удачно придумалось еще и «таблетку» вырезать! Так что худа без добра не бывает, вот уж точно…

В эту часть кормы лифты почти не ходили, и теперь Листопад еще сильнее замедлил шаг. Запретная зона пока не началась, так что заподозрить его не в чем. Но лишнее внимание все равно ни к чему. И потому спуск к угольным и сланцевым складам Степан начал, только убедившись, что за ним никто не присматривает.

Закатал рукав, отлепляя от кожи посмертный подарок Чи Вая. Обмотав чип изолентой, сбросил его в щель ближайшей вентиляционной шахты, навсегда распрощавшись с неудачливым поваренком.

Тут, конечно, тоже стояли сканеры. Но официально Степан Гринивецкий в составе экипажа «Императора Шихуанди» не числился, а потому и незаконные действия «таракана» система отследить не могла. Охраны, как разведали они с Гао еще в прошлый визит, тоже не наблюдалось. Да кому вообще придет в голову охранять, скажем, бомбоубежища?

Освободив от лямки левую руку, Листопад перевесил мешок на бок. Вынул крохотный фонарик, купленный уже здесь, на борту ПТК, на одном из вещевых рынков. В зоне резервных штабов не работало даже аварийное освещение, и ломщик принялся искать пульт управления иллюминацией.

Нашел распределительный щиток, а новая суперскоростная «балалайка» за считаные микросекунды перевела все названия, которыми щедро пестрели кнопки и рычаги. Включать весь свет не стал, подсветив только коридор, уходящий к штабам мимо склада с аэростатами, да здоровенную железную дверь, ведущую внутрь.

Возле нее Листопад опустился на колени, бережно вынимая из вещевого мешка завернутый в тряпку «раллер». Открыл панель, осторожно вставил «поплавок». Включил, запустил тестирование системы. Внимательно наблюдая за пробегающими на экране таблицами, убедился, что все исправно и готово к работе.

Подключив «раллер» к электронному замку бункера, Листопад начал взлом. Запоры оказались ожидаемой автономной структурой, не зависящей ни от энергосистемы комплекса, ни от его сети. Работал Степан быстро, но не торопливо, успевая даже размышлять над иронией происходящего. Потому что, если бы запасные штабы машинистов комбайна запирались на огромный амбарный замок, для проникновения молодому человеку пришлось бы приложить совсем другие усилия…

Замок сообщил о разблокировке. В толще створки что-то защелкало, индикаторы на панели засветились ровным светло-

зеленым светом, дверь зашипела гремучей змеей и тут же приоткрылась на толщину пальца.

Потянув за край, Листопад с удивлением обнаружил, что все механизмы ворот воистину безупречно смазаны и многотонную махину створки он может тянуть, словно фанерную загородку в своей канализационной квартире.

– Куда я больше не вернусь… – пробормотал Степан, переступая порог.

С верным «раллером» в одной руке и худющим вещмешком в другой он стоял в дверном проеме, дожидаясь, пока бытовой искусственный интеллект бункера включит освещение. Лампы дневного света поочередно загорались, постепенно высвечивая то один закоулок убежища, то другой. Разгоняя затхлый и душный воздух штаба, им вслед загудели вентиляторы.

Своего рода «сейф», откуда машинистам Левиафана предстояло управлять комплексом в случае войны, имел три уровня и походил на круглый бочонок пятнадцати метров в диаметре. На верхнем «этаже», куда и попал ломщик, размещался блок для сна, досуга и отдыха: гамаки и диванчики, кухонные машины по производству еды и чая, столы для игры в маджонг и нарды…

На самом нижнем, куда вела единственная лестница в центре круглой комнаты, прятались неподъемные батареи Ллейтона, каждая размером с грузовой фургон. Ожидая нападения условного противника, аккумуляторы находились в постоянном посменном режиме «полный заряд – полный разряд», подключенные к атомным реакторам «Императора Шихуанди».

А на среднем уровне, погруженные в дрему, ждали своего часа ряды компьютеров, серверов, рабочих станций и пультов управления, с которых военные могли управлять сетью ПТК и системой его жизнеобеспечения. Туда и направлялся Листопад, сердце которого теперь билось значительно чаще…

Прикрыв за собой массивную дверь, Гринивецкий скатился по широкой винтовой лестнице. Быстро осмотрелся, обнаружив системы питания компьютерного цеха, точки выхода в сеть и пульт главного оператора. Подскочил, срывая с рабочих поверхностей и стульев тонкий серый полиэтилен, предохраняющий электронику от пыли.

Уселся за центральную машину, аккуратно положил перед собой раскрытый «раллер». Настроил стул по высоте и пружинистости спинки. Размотал целый клубок психоприводов, соединяя себя с компьютером, а тот – с местными серверными станциями и сетью. Выудил из мешка пластиковую бутылку с лимонадом, еще во время перекуров с покойничком Гао

купленную в «Ди Лианге». Сдвинул в сторону, чтобы было удобно дотянуться.

Постанывая от колкой боли, аккуратно содрал с лысины осточертевший парик. Рукавом протер влажную лысину, отшвырнул пучок искусственных волос куда-то под стол. Со стуком поставил сбоку от «раллера» неизменный счастливый талисман – оловянного солдатика с погнутым штыком.

Вынул из-за ворота серебристый кулон с барельефом святого покровителя, поцеловал и бережно опустил на грудь. Осмотрелся, прислушиваясь к таинственным звукам ожившего бункера.

Все было готово. Пришло время начинать.

Дурные вести печалят, даже если их ждешь
10 минут до начала операции «Бронзовое зеркало»

– Вы еще здесь, Эдуард Анатольевич?

Девушка вернулась на рабочее место, торопливо поправляя выбившуюся из-под хиджаба прядь. Качество связи было не феноменальным, но картинки высокого разрешения министр и не требовал.

– А что, незаметно?.. – чудом удержавшись, чтобы не добавить ругательство, процедил он. Со скрипом сжал напичканные электроникой подлокотники кресла. – Вы там, хорошие мои, расслабились совсем, я погляжу.

– Простите, Эдуард Анатольевич… – Даже на бледной зернистой картинке монитора видеокоммуникатора стало заметно, как покраснела и тут же побледнела сотрудница посольства. – Я же докладывала, что задержка произошла не по нашей вине…

– Вы нашли его?! – машинист прервал ее извинения, и не подумав добавить в голос теплоты.

– Да! – выпалила она, глядя куда-то вбок. Наверняка на ассистента, о чем-то сигнализировавшего. – Только что обнаружили, как мне сообщают. Через минуту доставим! Пожалуйста, еще минутку…

– Канал называется экстренным, не так ли? – Терпение скривился, устало потер лоб.

– Эдуард Анатольевич… – обиженно протянула работница посольства. – Вы же прекрасно понимаете, что ваш… что господин старший советник посла большую часть времени предоставлен сам себе. Это делает его… неуловимым.

«Чего он, собственно, злится? Неужели считал, что Вебер будет днями просиживать в кабинетах посольства Республики, дожидаясь его звонка?»

Терпение повернулся, переводя взгляд на рабочие дисплеи, занимавшие сразу две стены кабинета. Судя по вычислениям подчиненных, стабильная связь просуществует еще четверть часа. Если Илья не успеет, следующий сеанс придется проводить только глубокой ночью.

Сотрудники аналитического отдела, из помещений которого министр связался с «Ильей Муромцем», послушным стадом

толпились за матовой стеклянной стеной. А ведь Эдуард выгнал их в коридор уже почти двадцать минут назад, работать людям мешает…

Он поморщился, с недовольством разглядывая грубо остриженные ногти на левой руке.

Мешает он, видите ли, работать. Потерпят – единственный канал связи с китайским комбайном установлен именно в их отделе, а министру требуется уединение. Да и какая тут вообще работа?! С гнетущими мыслями о сбрендившем братце машинист вообще стал забывать, что это такое. Все из рук валится уже неделю, проекты застопорились, коллектив расслабился, голова не работает.

Под угрозой оказался даже «Средний фон», их самое ценное детище. Пропагандистская кампания по вербовке добровольцев для накачки экспериментальной самодельной «плацентой» и отправке в Северск трещит по швам, толком не начавшись. Гиляров – и тот уже волком смотрит, даже пару раз верному Эдику замечания делал. Разобраться пытался, помочь.

Позавчера вообще к себе наверх вызвал, уже вечером, почти ночью. Настоящим кофе угощал, все выпытывал, что у Терпения стряслось. Он же, дескать, видит. Эх, мудрый у Эдуарда начальник, зоркий. Великий человек. Глыба, гранитный колосс. Государство создал, миллионы людей с колен поднял. Но в случившемся помочь неспособен…

На это Терпению два дня назад намекать и пришлось, уходя от прямых ответов и без устали уверяя Ростислава Михайловича, что справится собственными силами. Справится… Быстрей бы Вебер хоть что-то решил, только на него вся надежда.

Если вопрос с поисками Степана не будет закрыт в самое ближайшее время, Президент перестанет ходить вокруг да около. Из старшего товарища превратится в шефа. Контроль над ситуацией поручит майору Бугаеву, и до официального политического скандала останется всего один шажок…

Смутившись безмолвно подглядывать, как министр тревожно кусает губы, работница посольства вежливо вышла из кадра. Эдуард хотел снова рявкнуть на несчастную, но уже через секунду понял, что причина отлучки в другом – на стул перед посольским видеокоммуникатором тяжело опустился Илья.

– Привет, Леший, – неуверенно улыбнувшись, пробормотал Терпение.

Крутанув колеса инвалидной коляски, подъехал поближе к стационарному настольному коммуникатору, его камерам и дисплеям. Теперь стало видно, как невзрачно выглядит Вебер – осунувшийся, небритый, в нелепом спортивном костюме. Скула

наемника казалась опухшей, а синяк на половину щеки не мог скрыть даже щедрый слой лечебной мази.

– Вечер добрый, Эдуард Анатольевич…

Терпение сглотнул комок, чуть не схватившись за кольнувшее сердце. Провел пальцами по татуированной лысине, ощущая, как похолодела кожа. Чуть ли не впервые за время их знакомства Вебер не стал подкалывать бывшего сетевого оператора, возвращая электронной фее: «Привет, Динь-Динь». А это, полагал министр, говорило о многом…

– У тебя что-то случилось, Илья? Что-то серьезное, ведь так? Ты ранен?!

Внутри зародился новый удар кашля, грозящий ринуться наружу, и главный машинист Сибири нащупал за подлокотником крохотный ингалятор.

– Ты нашел *его*? – тяжело выдохнул он, уже не жалея о низком качестве видеосигнала.

– Почти… – странно ответил Илья, потирая щетинистый подбородок и стараясь не прикасаться к следам побоев. Глянул в сторону, словно убеждаясь, что их не подслушивают. – Надо признать, Терпение, твой братец тут кое-что учудил…

Надеясь, что его руки не попадают в кадр, Эдуард вынул из пиджачного кармана упаковку таблеток. Выколотил одну на ладонь, торопливо бросил в рот и рассосал. Кашель отступил, но недалеко – затаился готовым к охоте зверем.

– Не гуляй кругами, Илья, – выпрямившись, Терпение заговорил строго и торопливо. – Времени мало, докладывай в деталях.

– Я только что с места преступления…

До Эдуарда далеко не сразу дошел смысл сказанных Лешим слов. Но когда это все же произошло, по ушам словно ударили медными литаврами. Если бы не таблетка, мощный спазм уже крутил бы машиниста в своих питоньих объятиях.

– Успел свалить ровно до появления наряда местной военной полиции, – продолжал Вебер, не обратив внимания, как приоткрылась челюсть собеседника. – Соседи вызвали охрану, каким-то чудом ускользнул, но увидеть успел достаточно.

Терпение превратился в статую, словно из монитора на него смотрел не верный наемник, а отрубленная голова Медузы Горгоны. Степан убит? И Вебер был на месте преступления? Не дав воображению министра устремиться по смертельно-опасному серпантину, тот вдруг произнес нечто, заставившее инвалида вздрогнуть.

– Мне кажется, Терпение, твой брат убил человека.

– Что? – Новость раскрошила мысли о смерти Степана, но

душевного равновесия не добавила. – Что ты сказал? Степан убил человека? Этого не может быть…

– Послушай, Терпение, я…

– Он всегда был бунтарем и безумцем. Минусом, если угодно. Но Степа никогда бы не убил человека, я клянусь тебе! – От волнения губы машиниста затряслись.

Вебер замолчал, бесцельно тратя драгоценные секунды связи. Как когда-то необъяснимо давно, в бескрайней тайге, тщательно взвешивая, как следует ответить неунывающему оператору под ником Колокольчик.

– Убит человек, заложивший его местной Триаде. Бывший товарищ Листопада. Послушай, Эдуард Анатольевич, у меня есть доказательства…

– Триаде?.. – Терпение подался вперед, кресло стукнуло в ящики офисного стола. Лихорадочно обернулся к настенным мониторам, оценивая оставшееся на сеанс время. – Зачем мой брат понадобился бандитам?

– О, старина, это непростая история… – Илья потер лоб, а затем изображение покачнулось – он подтянул коммуникатор поближе, наклоняясь к камере и заполняя почти весь экран. – Тут, нужно сказать, завертелось…

И Леший шепотом, словно заговорщик, кратко и по существу поведал машинисту про «лихих людишек» Кипятка, маскировку Листопада, встречу черенка с боссом, собственную драку и погоню через комплекс. И про резервные штабы машинистов Каракурта, куда убитый поднебесник водил младшего Гринивецкого погулять…

– А полчаса назад я пробираюсь в жилые бараки, где прописан Чи Вай Гао, и нахожу его на кухне, с пятью ножевыми ранениями в живот, – закончил Вебер, устало качая головой.

Невообразимо трудную и дорогую минуту машинист обдумывал услышанное, анализируя полученную информацию и раскладывая ее по полкам своего сознания. Степан перестал быть родственником, превратившись в значимую шахматную фигуру. Кашель разочарованно отступил, не насладившись страданиями Эдуарда.

– К Триаде больше не ходи, – наконец заговорил Терпение, и теперь эмоции в его голосе отсутствовали начисто. – Ты и так рисковал, сунувшись в этот котел…

Вебер в ответ скривился, будто министр открыто обозвал его кретином. А в следующую секунду вдруг сдвинулся куда-то в сторону, выпадая из кадра, и выматерился так, что покраснел бы и извозчик. По экрану прокатилась волна помех.

– Илья?! – Терпение вцепился в подлокотники кресла,

пытаясь привстать, будто мог заглянуть внутрь экрана. – Что случилось?! Отвечай!

– Да нормально все, – еще раз выругавшись, пробормотал тот, возвращаясь к объективу. – Струхнул малость, тряхнуло тут… Несильно, балла три. Но внутри аж все перевернулось, до того не по себе.

– «Илью Муромца» строили с соблюдением самых строгих требований сейсмологической службы, – не заметив, что тратит время сеанса на лишний треп, отчеканил машинист.

Как бы ни было жутко Илье, выросшему на таежных равнинах Сибири, жалеть его Гринивецкий не собирался. Еще на инструктаже Вебера проинформировали, что комбайн поднебесников сейчас минует зону сочленения Евро-Азиатской, Северо-Африканской и Охотоморской тектонических плит. Плавая по земной мантии, те бились одна о другую и задолго до Инцидента, что уж говорить про нынешние времена…

– Вроде успокоилось, – выдохнул Илья, но министр не отреагировал.

– Мой брат к бандитам, что логично, повторно тоже не полезет. – Казалось, Эдуард не столько общается с мнимым советником посла, сколько размышляет вслух. – Просьба воспользоваться бандитским выходом в сеть была уловкой. Значит, Степа проникнет в нутро «Муромца» либо из открытых источников, которыми полны штабы коменданта и рабочие места операторов. Либо из резервных бункеров, о которых ты рассказал.

Илья вежливо молчал, не мешая рассуждениям шефа.

– Возьмите посольство под усиленную охрану, – распорядился Терпение, открывая в глазном наноэкране сразу несколько рабочих окон. – Будь я на месте Степана, обязательно попробовал бы войти в сеть через его ресурсы… Там, где не ждут. Ты, как я понимаю, отправишься в трюмы?

Небритый мужчина с синяками на лице молча кивнул.

– Хорошо… Действуй, Илья, ты все делаешь верно. Я, в свою очередь, попробую тебе помочь…

– Отзвонюсь, когда будут новости и контакт со спутником. – Леший протянул руку, целясь в выключатель коммуникатора дипломатической связи, но замер. – Что-то еще?

– Нет, ничего. Медведям привет… – погруженный в себя, машинально ответил Эдуард.

– Непременно, – пробормотал Вебер, обрывая связь.

Терпение откатил коляску от стола с аппаратурой, невидящим взглядом уставился в угол кабинета. В то, что несчастного китайчонка убил его брат, он, конечно, не верил.

Но неуемная дерзость приключений Листопада на бродячей

китайской фабрике заставила машиниста взглянуть на младшего Гринивецкого совсем по-новому. На этот раз на чаше весов лежала вовсе не юношеская попытка изменить мир взломом «неприятельской» сети. На этот раз Степан определенно решил идти *до конца*, ведомый чьей-то сильной и умелой рукой.

Эдуард выкатился из кабинета, игнорируя вопросы истомившихся в коридоре подчиненных.

«Ах, братец-братец… талантливый жизнерадостный дурачок, так рано повзрослевший. Куда же ведет тебя избранный путь? Как помочь тебе избежать пули или тюремных оков? Как вернуть тебя, отважившегося начать самые серьезные игры, проигравший в которых получает самый страшный приз?..»

У каждого гения есть свои учителя
7 минут до начала операции «Бронзовое зеркало»

Кордильеры стали не такими, какими запомнил их юный Гамба, летящий над хребтом в салоне отцовского «страта». Хвост гигантского дракона, залегшего вдоль западного побережья южноамериканского континента, поредел, облез и высох. После Дня Станции часть его прибрежных массивов ушла под океанскую воду, а сам материк словно накренился на левый борт.

После того как чудовищный удар взбесившейся стихии фактически отколол северную часть континента вдоль Амазонки, хребет начал медленно сходить под воду. Витторио знал: пройдет какое-то время, и когда климатический барьер опустится еще ниже, климат материка переменится, и перемены эти станут необратимы.

Впрочем, зрелище переломанного Катаклизмом побережья оставалось волнующим и без ноток ностальгии. С каменистой посадочной площадки, где Гамба с точностью часовщика опустил крохотный реактивный «Колибри» вертикального взлета, предрассветная зеркальная гладь Тихого океана сверкала, как его собственная маска. Где-то там, на блестящей серо-фиолетовой глади остался ждать хозяина его крохотный авианосец.

Выпрыгивая из кабины на рыжие камни площадки, много лет назад ставшей своеобразным взлетным полем, Витторио размышлял о сущности человека, к которому прилетел. Прибыл лично, со всем возможным уважением, оставив за спиной половину земного шарика.

Внизу и слева, где хищные волны продолжали подтачивать ребра горного великана, открывалась пропасть, еще наполненная ночной мглой. Огромная, величественная, дышащая соленой свежестью. Почти со всех сторон, даже за спиной Гамбы, прибой продолжал лизать внутренности хребта. А ведь когда-то здесь простирался нормальный горный склон, рассыпавшийся игрушечным кукольным домиком…

Но старик, живший на склоне задолго до Катаклизма, словно бы с точностью до дюйма знал, что именно этому фрагменту Центральных Анд ничего не грозит. Ждал удара природы и никуда не ушел – Гамба был уверен, что когда земля дрожала, а свежий августовский воздух наполнился ревом приближающегося цунами, тот сидел на пороге хижины, смотрел на небо и курил

трубку.

И теперь скальный мыс, на котором гнездилась россыпь домишек, остался торчать в океане, как гигантский природный волнолом. Последний оплот, не уничтоженный атакой Посейдона.

Открывая люк небольшого багажного отделения, Витторио поежился. Поднял высокий воротник, прикрываясь от сухого утреннего ветра, облюбовавшего эту высоту почти на круглый год. Именно с учетом погоды Гамба переоделся в классический темно-красный непродуваемый плащ до пят, из-под которого виднелись ботинки для горного туризма.

Бортовой термометр показывал всего 13 градусов по Цельсию, и это в конце лета! Забавно, но в этой части Кордильер почти не шли дожди, даже сейчас, когда мир изменился, в том числе исковеркав и климатические особенности континентов.

Человек в красном плаще выставил на камни коробки с консервами, выпивкой, концентратами, витаминами и хозяйственным хламом. Захлопнул дверцу, украшенную символом корпорации. В отличие от других организаций, стремившихся к графической простоте и стилизации, логотип «Gruppo Aggiornamento» больше напоминал мудреный герб древнего дворянского рода.

Закончив разгрузку, Гамба обернулся, заметив, что от хижин на самом краю волнолома к посадочной площадке уже бредут тощие поникшие фигуры.

Вокруг самолета царила строгая красота, прожить в которой сам Цикл долго бы не сумел. Безжизненные каменные пятаки лишь кое-где стыдливо прикрывались накидками из мха, карликовым кустарником, устойчивым к засухе, да еще ковылем и крохотными кактусами.

Процессию, как и ожидалось, возглавлял сам Гэлле: плечистый желтолицый старик в просторном шерстяном пончо. Взмахнув ассоном из крохотной горной тыквы, он указал работникам на выставленные возле самолетного борта коробки. Бусины, птичьи клювы и змеиные черепа, украшавшие погремушку, забренчали, зашептались…

– Доброе утро, сорванец! – гулким голосом, словно из латунного кувшина, поприветствовал он Витторио, распахивая объятия. – Давно не навещал старика…

– Здравствуй, Гэлле. – Цикл осторожно обнял старого знакомца, стараясь не прикасаться ледяной зеркальной маской к его морщинистой щеке. – Дела закружили…

Он не знал настоящего имени человека, за советом к которому летал еще его отец, как не знал и его биографии. Местные жители, поставлявшие отшельнику еду и нужные

мелочи, утверждали, что он коренной перуанец. Сам Гэлле давал понять, что корни его рода тянутся с Гаити. При этом внешность и акцент скорее выдавали в нем бразильца, причем какое-то время пожившего в Старом Рио с его характерным говором Анклава.

Отшельник обернулся, недовольно взглянув на троицу медлительных рабов. Что-то рявкнул на довольно грязном кечуа, встряхнул погремушкой. Понурые худосочные людишки с оловянными глазами и отвисшими челюстями зашевелились чуть активнее. Подхватили коробки, потащили к центральному дому. По крышам уже мазнуло солнце, все выше и выше поднимавшееся над восточными вершинами.

– Ты опять слишком добр ко мне. – Старик улыбнулся, отчего по широкому безбородому лицу заскользили змеи морщин. – Балуешь подарками… Думаешь, если я живу в горах, мне и кушать нечего? Останешься к завтраку, и я угощу тебя замечательным юношей из горных равнин…

– Нет, Гэлле, благодарю тебя, – вежливо поклонился Гамба. – И как ты только можешь *это* есть?

– Пищу тела не выбирают, в отличие от пищи духа, – многозначительно ответил тот, обнажая крепкие белоснежные зубы. – Это жертва, такая же как крынка молока или козья нога. Времена непростые, знаешь это не хуже меня, сорванец. Жители окрестных деревень сами несут ее мне, и отказать в принятии подношения – оскорбить духов…

Мимо мужчин по тропинке прошагали рабы с коробками. Безвольные, лишенные души живые механизмы, с оглядкой на которых Цикл создавал собственную прислугу. Разница состояла лишь в том, что человек в зеркальной маске пользовался достижениями технологий, пока старик призывал мощь Традиции. Ничего, совсем скоро Гамба научится совмещать силы, и тогда…

– Ты хунган, – уводя разговор с неуютной темы, пожал плечами Витторио. – Тебе виднее…

– Не называй меня так, сорванец, я же просил, – нахмурился Гэлле.

– Прости… непостижимое вызывает во мне злость, а она толкает на недостойные поступки, – честно сознался Гамба, в подтверждение слов мягко сжав предплечье наставника.

Конечно, он знал, что Гэлле не любит, когда его именуют хунганом. Он оставался так называемым диким хунси, посвятив себя Традиции Иисуса Лоа без многочисленной паствы, храмов или свит священнослужителей мелкого ранга. Хотя на самом деле, и это также было известно Циклу, старик был бокором –

настоящим dd в мире служителей Католического Вуду…

Они зашагали вслед рабам, лишенным души. Ветер рассвета завывал в скалистых трещинах, играл с побегами ковыля. Тряхнув ассоном, Гэлле лукаво покосился на гостя в красном плаще и необычной зеркальной личине.

– Ты добыл бубен хунганов из далекой страны, – сказал он. – Человек, ставший твоим врагом, помог тебе в этом…

Не спросил, а именно констатировал, и Витторио с трудом сдержал дрожь волнения.

– Возможно. Но он мне не враг – на задание я послал самого лучшего и преданного исполнителя… Ты что-то видел, Гэлле?

– Духи Лоа нашептали мне, что ты почти добился своего, мальчик…

Они добрались до хижины-умфро – личного храма отшельника, где рабы бокора составляли коробки на землю. Взмахом погремушки-ассона старик отослал их прочь, в удаленный дом для прислуги. Открыл дверь умфро, пробормотав короткую молитву, пригласил гостя за собой. Гамба, одними губами повторив заученные слова молитвы, перешагнул порог, с интересом осматриваясь.

Со времени его последнего визита ничего не изменилось. Поменялись миски с жертвенными кушаньями вокруг священных столбов-митанов. Да на алтаре добавилось икон с ликами святых, разноцветных кувшинов и глиняных бутылок, в которых томились души пленников. Еще Витторио заметил, что старик обновил кожу на ритуальных барабанах, стоявших у алтаря.

Свет давали десятки, если не сотни, разнокалиберных свечей, круглые сутки горевших по периметру круглого зала.

– Ты на верном пути, Витторио, – покивал седовласой головой Гэлле. – Духи восхищаются твоим упорством. Некоторые рекомендуют пустить тебе кровь, пока это не поздно… Но большая часть видит за тобой силу и большие свершения…

Сердце Гамбы вновь екнуло, он сглотнул комок. Казалось, взгляд старика проникает прямо сквозь забрало маски, внимательный и пытливый.

– Я собрал еще не все, – осипшим голосом ответил он бокору.

– А всего и не сумеешь… – Перебирая сваленные на алтарь свитки, опечатанные сургучом, Гэлле отмахнулся. – За долгую жизнь Земля повидала тысячи Традиций, сменявших одна другую, как времена года. Найти артефакты всех – задача непосильная. Даже тебе, сорванец… Да и кто знает, сработает ли наш план?

Он прекратил задумчиво ковыряться в свитках. Дотянулся до бутылки с ромом, стоявшей на дальнем краю алтаря. Откупорил, понюхал, в руке его волшебным образом появился мутный стакан.

Старик плеснул, гостю не предлагая.

– Кто знает, какой из собранных предметов даст тебе силу под небом нового мира? – продолжал Гэлле, даже не поинтересовавшись причиной визита – ее духи Лоа нашептали старику еще до того, как «Колибри» присел на реактивную струю. – Сразу несколько? Или *молчащими* окажутся все? Мы с тобой похожи на слепых настройщиков сложнейшего музыкального инструмента. Настройщиков, не имеющих ни малейшего представления, что перед нами… Клавесин? Рояль? Семиструнная гитара? Голос какого из собранных тобой сокровищ отзовется в сердце чужого мира, вызовет резонанс, заставит расшифровать ноты и начать игру?

Он глотнул рома, поморщившись и улыбнувшись одновременно. Налил еще, поставил бутылку обратно на пестрый алтарь-педжи. Обошел митаны по часовой стрелке, что-то пробормотал, а затем снова обратился к Гамбе:

– Остановись, Витторио… Лучшее часто становится врагом хорошего. Пусть *вольт*, знать про который не пришел час, станет последней находкой. Я буду опечален, если такой хороший мальчик, как ты, проснется поутру и поймет, что ему уже восемьдесят лет… Большая часть которых потрачена на собирательство предметов старины… Мятежные духи шепчут, что теперь задачей должен стать поиск *пути*. – Он тряхнул погремушкой, заставив полую тыковку грозно зашелестеть. – Мало собрать сокровища. Главное – придумать, каким образом усыпить дракона, сторожащего пещеру. Думай, как ты сумеешь обмануть стража. Пойми, кто может стать союзником в этом деле, а кто врагом. Потому что, если ты не найдешь способа миновать взор крылатого змея, все твои усилия были напрасны…

И замолчал, будто произнес достаточно.

Улыбнулся, рассматривая свое искаженное отражение в маске Гамбы. Допил последний глоток рома, заставил стакан исчезнуть из пальцев. Витторио, как всегда, ошеломленный проницательностью семейного наставника, старательно осмысливал услышанное.

Что имел в виду старик, когда сказал, что последним артефактом станет некий *вольт*? Так в старину называли человекоподобных восковых кукол, с помощью которых хунганы способны причинять боль и страдания. Но в планы Цикла не входил поиск вольта, пусть даже очень старого и сильного…

Как это было всегда, Гэлле знает что-то, чем пока не готов делиться. Упертый старик, окончательно спятивший в окружении болтливых переменчивых духов и молчаливых зомби.

– Вот, чуть не забыл… – Индеец прошаркал к левой изогнутой

стене святилища, открывая стоящий на земляном полу сундук. – Возьми, мальчик. Мне есть чем отблагодарить тебя за алкоголь и спички.

– О, спасибо, Гэлле! – Неожиданно выдернутый из раздумий, Витторио даже не сразу заметил, что именно протягивает ему отшельник.

С поклоном взял глиняный горшочек, перевязанный нитками разноцветных бус. Знакомый запах травяной кашицы пробрался, казалось, даже под герметичную маску Цикла. Травы – это хорошо. Лекарство бокора позволит еще сильнее отсрочить операцию на лице и шее.

В очередной раз прочитав его мысли, колдун с интересом повернулся к мужчине в красном плаще.

– Я уже говорил тебе, сорванец, что эта рана – не просто дырки в щеках? Говорил, что это проклятие?.. – Он улыбался, одновременно набивая потертую трубку из редкого древесного корня.

– Да, Гэлле. Раз сто, – презрев боль, Цикл улыбнулся в ответ.

Сам он уже давно уверовал в это, но Гэлле не упускал ни единой возможности, чтобы поддеть ученика. Слова старика подтверждались каждый год: справиться с увечьями Витторио оказались бессильны не только лучшие пластики и конструкторы мира, но и знахарская сила самого бокора… Однако Гамба все равно остался рад подарку – компрессы из горных трав надолго изгоняли боль, позволяя обходиться даже без инъекций.

– Но если это проклятие станет ценой могущества, – добавил Витторио, наблюдая, как старик прикуривает трубку от тонкой свечи, – я готов еще сто лет ложиться под нож или втирать в лицо твои травы.

Морщинистый бокор долго всматривался в зеркальную личину, пытаясь что-то разглядеть под ее непрозрачным стеклом. Затем улыбнулся и поманил рукой.

– Пойдем-ка перекусим, мальчик… И не спеши кривиться! Гостей я угощаю только самой свежей бараниной. Идем-идем… Или тебя не привлекает перспектива хоть ненадолго снять свою стекляшку, не испытав при этом боли?

Застигнутый врасплох враг обречен Начало операции «Бронзовое зеркало»

Армия Листопада пошла в атаку.

Набор хранящихся в «раллере» программ ударил по китайской сети стремительно и метко, как полк кирасир сметает редкий строй пехоты. Войска ломщика рвались к главной фортеции поднебесников – терминалу жизнеобеспечения «Императора Шихуанди», его кровеносной системе.

Степану казалось, что его кожа пылает. Волоски поднялись, пальцы будто бы покалывало электрическими разрядами. «Балалайка» также зафиксировала учащение пульса и рост давления. Молодой человек превратился в полководца, охваченного лихорадкой генерального сражения.

Виртуальные сканеры безопасности отработали. Степан пробежался глазами по протоколам входа, определил используемое программное обеспечение. Пальцы его застучали по клавиатуре «раллера», внося корректировки в планы наступления.

Через несколько секунд «балалайка» выдала подробный отчет об уязвимых местах идентифицированного софта, багах и брешах в его защите. Воинство Листопада подступило к самым стенам, подкатывая осадные башни, поднимая лестницы и начав обстрел защитников.

Параллельно ломщик выстраивал обманный маневр.

Сгенерировав целый легион обманных точек входа, Листопад привязал пустышки к физической карте комбайна. Когда фланговый обход будет завершен, машинисты коменданта обнаружат, что атака осуществляется из подвального убежища «Алмазной кобры». Если хоть кто-то из шпионов Каракурта слышал, как Листопад просил о помощи Большого Брата, моля воспользоваться его компьютерами, он сразу увяжет концы с концами. После такого не поверить в происходящее будет невозможно, и это даст Гринивецкому несколько лишних минут…

Программы взлома паролей завершили выполнять подкоп. Словно охотничьи собаки, они возвращались к хозяину, неся в зубах целые цепочки данных, позволяющих проникать в разные сегменты сети. В этот же момент на защитные сооружения электронной крепости обрушились зажигательные бомбы, блокирующие программ-стражников и не позволяющие им контратаковать. К центральным воротам грузно покатился таран.

Листопад дотянулся до бутылки, сделал большой глоток.

По вискам его уже лился пот, бежали холодные струи и по худым бокам юноши. Цифра окружила его, ворвалась в сознание, наполнила беспокойной силой и подняла над обычными смертными. Написанные машинистами «Мидгарда» программы рвали стены виртуального замка стальными крючьями, забрасывая внутренние дворы боевыми вирусами и программами-диверсантами.

Убедившись, что черные ходы софта взломаны, Листопад нацелил туда новый удар, окончательно установив контроль над системой энергообеспечения и закрепив на стенах часть своей невидимой армии. Сборщики информации сновали по захваченным участкам со скоростью гепардов, пополняя таранные атаки на центральный канал новыми массивами полезной информации.

Затылок Степана зажгло, когда «балалайка» корпорации «Науком» вышла на новый рубеж скорости обработки данных. Молодой человек улыбнулся, сверившись с часами, и мимолетно прикоснулся пальцем к образку с Чайкой.

Китайцы и не помышляли контратаковать.

Охваченные паникой хваленые машинисты поднебесников суетились, торопливо затыкая проломы в обороне, но тут же получая новые и новые бреши. Пытаясь застраховаться от атаки, несколько секретных сегментов с наиболее ценными библиотеками замуровались в неприступные кубышки, выходя из-под контроля не только ломщика, но и хозяев сети.

Попавшись на уловку Гринивецкого, агрессивные сторожевые модули бросились громить бандитские компьютеры Кипятка, отрезая им выход в сеть. Военный софт контратаковал машины уголовников точечно, но беспощадно, забрасывая серверные станции Триады вирусами и прожорливыми «червями».

Степан улыбнулся еще раз.

Находясь на самом острие штурма, но одновременно оставаясь в тени, Листопад усилил давление на стержневые ворота крепости. Учетные записи местных машинистов уничтожались одна за другой, лишая сетевых операторов не только контроля над ситуацией, но и возможности элементарно удержаться в сети. Два из восьми серверных терминалов рухнули, словно разрушенные стотонными ядрами кирпичные башни.

Когда защитники вычислили, что атака ведется не из подземелий «Кобры», их силы перегруппировались. Тогда Листопад начал второй фланговый обход, подбросив оскалившимся церберам десяток новых шлюзов доступа. С физической привязкой к посольству Сибирской Республики.

Решение далось Степану непросто.

Признаться, он вообще держал эту карту про запас, решив использовать только в крайнем случае. Но поскольку машинисты «Императора» так быстро распознали уловку, ему придется повторно пожертвовать репутацией старшего брата…

Атака на ключевые ворота завершилась сокрушительной SQOLT-инъекцией, отдавая Листопаду полные административные права на управление крепостью. Оставшиеся в живых защитники выносили белые флаги, бросая под ноги ломщику ключи от укреплений. Над пожарищами пополз едкий дым.

Захлопнув за собой полуистлевшие створки, Гринивецкий кровожадно бросил войска на разграбление жилых кварталов. Обрушение внутренней сети ПТК не входило в его первоочередную задачу, но оставшихся в строю защитников, державших последние очаги обороны, стоило чем-то занять.

Сам же Листопад сконцентрировался на главной цели – опорно-двигательной системе почти поверженного Левиафана…

– Сохрани меня, Геос, – прошептал молодой человек, начиная финальную часть операции.

Изящный буер его подсознания втянул в паруса побольше ветра, легко и грациозно заскользив по ослепительной поверхности ледяной пустыни.

Ожидая подарка, невежливо поторапливать время
2 минуты от начала операции «Бронзовое зеркало»

Мотив был очень простым, даже слегка примитивным. Но казался Чэнь Юйдяо до того утонченным, что даже после тысячного прослушивания подполковник находила в нем новые образы. Цитра и флейта, чистое сочетание бесхитростности и космической гармонии, которого никогда не позволят себе новомодные инструменты или компьютерная эмуляция.

Обычно комендант не слушала музыку на рабочем месте. Но сегодня ее переполняло такое спокойствие и воодушевление, что исключение из правил казалось уместным.

Нависая над пронизанным электроникой столом, женщина всматривалась в карту местности, по которой вскоре комбайну предстояло продолжить движение. Чуть поодаль в толще стола плавали виртуальные документы – отчеты специального отряда, завершившего первую часть операции.

Все прошло чисто, скоординированно, без единого сучка.

Минувшей ночью дюжина лично отобранных подполковником спецназовцев вошла в обреченную деревню, потратив на тотальную зачистку меньше часа. Трупы все еще оставались в домишках, демонтаж которых уже начался.

От мертвых Юйдяо предполагала избавиться чуть позже, тайком доставив в недра «Императора» и спалив в крематориях. Сегодняшним вечером солдаты переправят на борт комплекса скот, а послезавтра маскировка местности будет завершена. Когда строительство переправы окончится, ничто не скажет даже самому дотошному наблюдателю, что когда-то на пути «Шихуанди» жили люди…

Тогда она сможет немного отдохнуть.

Быть может, даже выспится до полудня – устроит себе настоящий праздник. Но сначала, уже совсем-совсем скоро, она избавится от еще одной головной боли. Ах, с каким же нескрываемым удовольствием комендант вышвырнет со своего комплекса стаю диких крыс, именующих себя журналистами! Когда комбайн двинется дальше, о присутствии пронырливых дикарей напомнят лишь массивы бездарно отснятого материала…

Просматривая видеоролики с зачистки, записанные на «балалайки» спецназовцев, подполковник прислушивалась к

трогательным струнным напевам, льющимся из аудиосистемы кабинета. Ни один из бойцов не показал слабины. Все отработали грамотно, без лишних сантиментов или сомнений. Настоящие воины, достойные сыны своей страны.

Вызов по внутренней сети оторвал Чэнь от изучения деталей ночного рейда.

В мониторе коммуникатора появилось сосредоточенное мужское лицо – рядовой сидел перед камерой, развернув плечи, как в построении на плацу. Вызов поступил напрямую, минуя адъютантов или секретарей, что означало повышенную важность. На петлицах подчиненного Юйдяо рассмотрела знаки отличия войск компьютерной безопасности.

– Докладывайте! – приказала она, пренебрегая соблюдением формальностей, чем немало смутила машиниста.

– Товарищ подполковник… – пролепетал тот, но спохватился, выпалив скороговоркой: – Обнаружено проникновение в сеть комплекса! Объявлена готовность № 1, угроза локализована. Три минуты назад мы приступили к операции «Прозрачное бронзовое зеркало». Прошу официально засвидетельствовать старт программы!

– Объявляю готовность № 0! – не дожидаясь, пока рядовой закончит, перебила комендант. – Старт операции подтвержден!

От неожиданного прилива крови ее щеки загорелись, а дыхание участилось. Ловушка захлопнулась…

– Наконец-то… – восторженно прошептала Чэнь Юйдяо сама себе, завершая сеанс связи с машинистом. – Значит, попался?..

Она улыбнулась, сдвигая электронные бумаги и видеозаписи в угол стола. Вызвала виртуальную клавиатуру, ввела два двенадцатизначных кода доступа. Нагнулась еще ниже, подставляя зрачок под луч сканера. Раскрыв секретные папки, комендант «Императора Шихуанди» официально зафиксировала время начала операции, полномочиями главнокомандующего объектом подтвердив законность ее запуска.

Теперь она могла следить за действиями машинистов НОАК в режиме реального времени, фиксируя каждое их действие и противодействие. Наблюдая, как в сети подконтрольного ей комплекса разгорается яростная виртуальная битва, она снова дотянулась до настольного коммуникатора.

– Болло?

– Товарищ подполковник! – Изображения не было, старший лейтенант Ху поддерживал связь с помощью мобильного устройства, находясь где-то в недрах прокладочного комбайна.

– Операция «Прозрачное бронзовое зеркало» началась, – негромко проговорила Желтый Каракурт в микрофон. –

Проникновение в ожидаемой точке. Возьми пару бойцов и арестуй нарушителя, как только машинисты закончат… О каждом шаге немедленно докладывать.

– Будет исполнено, товарищ Юйдяо! – с готовностью откозырял Болло, что легко представлялось и без видеокартинки.

– И еще… – Подполковник сильнее понизила голос, словно их могли подслушивать из приемной. – Если этот русский… Вебер, советник посла… так вот, если он имеет к *этому* хоть малейшее отношение, Болло, ты схватишь его. Возьмешь тихо, живым, и доставишь мне для дополнительного дознания. Ты меня понял?!

– Будет исполнено, товарищ подполковник.

Каракурт пружинисто поднялась из-за стола. Распахнула окно, жадно вдыхая ветер вечернего сентября – теплый, пропахший метаном, дизельным топливом и древесным дымом из труб «Императора». В динамиках акустической системы сольную партию теперь исполняла флейта, чьи перепевы навевали густую, полную воспоминаний грусть.

При мыслях о неуловимом сибиряке боевое возбуждение подполковника пополнилось сексуальным, а без того частый пульс замолотил еще быстрее.

Отогнав греховные образы, Чэнь Юйдяо сосредоточилась на операции «Прозрачное бронзовое зеркало». Лиса всегда переиграет тигра, оставив грозного хищника с носом: мудрость всегда победит силу. Так произойдет и сегодня, когда она с честью защитит свой комбайн и его бесценное содержимое.

Название придумывала сама, отдавая дань поразительным талантам предков. Еще в эпоху династии Тан умельцы Поднебесной научились выплавлять удивительные бронзовые зеркала, щедро украшенные узорами и письменами. Когда свет солнца падал на полированную поверхность, с тыльной стороны зеркала, как в современном проекторе, на стене или поднесенной ладони отражались чудесные светящиеся рисунки.

План по обороне внутренней сети «Императора Шихуанди» был как раз таким изобретением – хитроумным, таинственным, секрет которого знают лишь посвященные…

Не всякий посмеет взглянуть в глаза умирающего врага
5 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

– Умри, тварь… – зачарованно шептал ломщик, стискивая подлокотники.

Температура падала одновременно в пяти автономных реакторах, расположенных в разных частях комбайна. Системы охлаждения трех уже принялись сбоить, еще два пока держались, экстренно консервируясь, чтобы избежать аварии. Под руками Листопада начали выходить из строя аварийные дизельные генераторы, батареи Ллейтона искусственно разряжались на глазах.

Утирая со лба пот, Степан со смесью ужаса и восхищения смотрел на результат проведенной операции. Левиафан падет под его смертельный ударом! Падет, доказав человечеству, что путь к звездам – путь порока и предательства. А как следует поступать с предателями, Гринивецкий познал на собственном опыте…

Наблюдая, как машинисты Поднебесной все еще отчаянно пытаются вычистить сеть от настоящей интервенции чужеродного софта, Степан силой заставил себя откинуться на спинку офисного кресла. Повертел затекшей шеей. Спина тоже окаменела, плечи налились свинцом, мышцы бедер уже сводило судорогой. Допив остатки чудовищно кислой газировки, Листопад жадно следил за необратимыми последствиями своего триумфального взлома.

Реакторы, отвечающие за двигательные функции комплекса, продолжали набирать тепло. Программы, вброшенные Степаном в электронные мозги «Императора», нагло обманули систему энергообеспечения, свели ее с ума и заставили делать жуткие вещи…

Совсем скоро они перегреются окончательно. Это приведет к повреждению тепловыделяющих элементов и расплавлению топлива. Затем – несколько взрывов, выбросов топлива и продуктов распада внутрь станции, попытки ускоренной консервации и эвакуации, которые ни к чему не приведут.

Через несколько часов «Император Шихуанди» превратится в пустотелый монументальный памятник человеческому тщеславию, потерянный в Саянских горах. Радиоактивный, мертвый памятник, выжившие на котором станут рассказывать

потомкам страшные истории о возмездии Геи…

– Давай, гадина, подыхай…

Степан был готов умереть. Давно, уже несколько лет назад, только став Защитником. Не мог решиться на последний шаг томительные две недели – все верно, но ничего постыдного в этом юноша не видел. Скорее – предпочитал находить предназначение и судьбу. Потому что именно сегодня, почуяв вкус чужой крови и до конца осознав возложенную собратьями ответственность, он принял окончательное, предельно взвешенное решение.

Отныне он превратится в могучего льва, добровольно отдавшего себя в жертву. Умрет, как и обещал ему мудрый Порфирион. Во имя великого дела – во имя матери-Земли и ее будущего. Лучше быстрая, хоть и мучительная, смерть от невыносимой дозы ядерной чумы, чем бесконечные пытки китайских контрразведчиков.

Попытка сбежать в горы не имела смысла.

Да, когда-то они с братьями-защитниками разрабатывали и такой план. А руководство «Мидгарда» даже включилось в сетевой аукцион по продаже некой «плаценты». Но еще за несколько месяцев до начала операции наставник с грустью сообщил юноше, что чудесная вакцина, способная помочь Листопаду после возвращения из радиоактивного пекла, неожиданно снята с торгов. И еще раз высоко оценил мужественность Степана, когда тот все равно согласился на миссию…

«Раллер» просигналил, что на втором реакторе взорвался водород, образованный от контакта пара с металлическими частями двигательных отсеков. Однако толчка ломщик не почувствовал – монстр все еще крепко стоял на *медных ногах*, а взрыв произошел в носовой части комплекса.

Впрочем, тряхни сейчас резервный бункер машинистов, Листопад все равно бы не обратил на это внимания…

– Что за черт?..

Его глаза не отрывались от экрана, ежесекундно сверяясь с дублирующими данными «балалайки». Часть секретных библиотек сети комплекса не успела замуроваться в неприступные блоки зашифрованных данных, и теперь ищейки Гринивецкого сумели отыскать один из таких секторов. Так спасатели находят выживших под обломками рухнувшего небоскреба…

Все еще искренне не доверяя тому, что сообщал «раллер», Степан принялся листать многочисленные таблицы. Информация была обрывочной, не очень структурированной, но чтобы потерять дар речи, хватало и того. Обновленные отчеты о

повреждениях ПТК сыпались на экраны ворохом осенних листьев, но теперь Степан за ними не следил.

Дело сделано, и он без всяких отчетов знал, что реакторы восстановлению подлежать не будут. Могучие траки больше никогда не провернутся, двигая махину на запад. А сам он совсем скоро получит смертельную дозу облучения.

Но вот информация, почерпнутая из засекреченных файлов, к которым ломщик вдруг получил доступ…

– Этого не может быть… это чудовищно… – едва слышно пробормотал Листопад, придвигаясь поближе к «раллеру». – Так вот, значит, *что* ты такое?..

В следующую секунду сеть комбайна легла. Молниеносно, разом, как погибшая на лету птица.

«Раллер» ослеп, «балалайка» зажгла тревожные маяки. Активированные программы выдали десятки предупреждений о некорректном прекращении работы. Отключая аппаратуру и сворачивая провода, постаревший лицом юноша задумчиво рассматривал оловянного солдатика – свой счастливый талисман.

Комбайн не спешил содрогаться от взрывов, что казалось немного странным, но Степан точно знал, что с минуты на минуту его затрясет, как в эпилептическом припадке.

Поднимаясь на затекшие ноги, он с равнодушием прислушался, как этажом выше кто-то лязгнул дверью резервного бункера машинистов НОАК.

Легче всего нанесенное оскорбление смывается слезами чужой боли
7 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

Тончайшие иголки входили в кожу гладко и безболезненно, несмотря на трясущиеся руки врача. Пожилой китаец, имени которого Квон Пэн даже не запомнил, дрожал осиновым листком на ветру. Все норовил что-то уронить и каждую свободную секунду косился на инфорсера, застывшего за плечом. Кстати, на поиске мастера иглоукалывания настоял именно Цзи…

– Таблеткам и иным снадобьям это не повредит, – учтиво кланялся он, приглаживая жучиные усишки и не решаясь поднять взгляд на опухшую скулу Большого Брата. – Ты не хуже меня знаешь, что игла лечит даже сотрясение мозга…

Кипяток хотел гневно выругаться, запретив инфорсеру болтать лишнее, но сил не хватило даже на это. В конце концов, от остальных офицеров травмы все равно не скроешь. Поэтому он смирился, и уже через час в крепость «Алмазной кобры» доставили обмирающего от страха старичка.

Вреда иглы действительно не причиняли и боли – тоже. Квон Пэн не мог унять себя совсем по другому поводу, сотрясаясь от ярости и скрежеща зубами. Проклятый всеми богами сибиряк, будь он неладен, дитя гиены и гадюки!

Непостижимо, но Веберу удалось побить Большого Брата, заставить его признать поражение. И это на глазах у десятка «сорокдевяток» и нескольких 426-х! Похожий на стального дикобраза, Кипяток лежал на кушетке, стискивая кулаки.

Нарушить данное при всех слово он не мог. Даже если бы захотел. В структуре организации все равно нашлись бы те, кто внимательно следил за соблюдением традиций и исполнением неписаного кодекса. Даже если речь шла о чужестранце.

Поэтому Вебера пришлось отпустить. С тяжелым сердцем, все еще покачиваясь от нелегкой схватки, но Кипяток лично указал ему на дверь, стократно жалея о принятом вызове.

Чертов Вебер! О, когда Квон Пэн окончательно встанет на ноги с помощью лекарств, лечебных настоек и иглоукалывания, чужаку лучше покинуть комбайн. Потому что не таить злость и не искать мести Кипяток слова не давал. И если Вебер продолжит мешаться под ногами, суя свой уродливый нос не только в дела Триады, но и в саму суть «Императора Шихуанди», Большой Брат

его уничтожит.

На этот раз без честных дуэлей, свидетелей и соблюдения правил. Закует в цепи, прострелит ноги, переломает пальцы, вырежет язык и медленно опустит в чан с кислотой, наблюдая за зрелищем с пиалой чая в руках.

Сейчас Пэн ненавидел чужаков – и Вебера, и лживого Йена – не так, как один человек способен ненавидеть другого. Его ярость была иного, гораздо более глубокого порядка. Так может ненавидеть божество. Всесильно, безгранично, дико, с единственной актуальной потребностью: убить. Наказать, заставить пожалеть о каждом прожитом дне, заживо вырвать из тела жилы и слить кровь, вынудить заклинать о пощаде…

– Большой Брат? – склонившийся в поясе «сорокдевятка» показался где-то на самом краю бокового зрения, привлекая к себе внимание. – У нас появились проблемы…

Кипяток похолодел, первым делом решив, что недостойным поражением накликал беду на все отделение «Союза». Пожилой терапевт, в этот момент бережно обрабатывающий его предплечье, и вовсе вздрогнул, от неожиданности потеряв меткость и болезненно уколов Квон Пэна в локоть.

Босс зашипел, вырвал руку, привстал на кушетке. Длинные гибкие иглы, пронзающие его лицо и руки, заколыхались диковинным жутковатым ковром.

– Какого дьявола?! – рыкнул он, но закушенная губа инфорсера Цзи указывала, что новость на самом деле достойна тревожить раненого Большого Брата. – Говори…

Теперь Кипяток заметил, что согнувшийся пополам «сорок девятый» был одним из наголо бритых машинистов «Союза трех стихий», посменно дежуривших за компьютерным терминалом «Кобры». Неприятная догадка ужалила Пэна куда больнее иголок безымянного старика, и новая вспышка злости сотрясла его широкие плечи.

– Мы зафиксировали проникновение во внутреннюю сеть комбайна, – прошептал рядовой так, словно наказание за взлом могло ударить и по нему. – Точечное, очень быстрое. Есть основания полагать, что машинисты Желтого Каракурта перехватили вторжение…

Кипяток сел на кушетке так стремительно, что пожилой целитель отшатнулся. Мышцы Пэна напряглись, превращаясь в стальные тросы, и вонзенные в плоть десятки игл отозвались болезненным ураганом.

Это они! Русские, с недавних пор считающие себя чуть ли не новой расой. Один из них, пусть неудачи преследуют их потомков еще сто веков, все-таки ринулся в сеть «Императора Шихуанди»,

чтобы ударить по электронным мозгам комплекса!

Скользкая гадина Денис Йен, обманувший Большого Брата россказнями про жертвенных козлят! Безумец, напугать которого не смог ни идущий по пятам Вебер, ни мощь «Союза Небес, Земли и Человека». Куда только смотрел кандидат Гао, позволив полукровке добраться до сети?!.

Повинуясь короткому жесту Цзи, целитель бросился к боссу, осторожно и быстро вынимая из его кожи иглы. Кипяток, бешено вращая глазами, этого не замечал, до свежих кровоподтеков кусая губы.

– Найти ублюдков! – прорычал он, не совсем четко выговаривая слова. На обнаженную грудь с татуировками упала капля слюны. – Разорвать на куски! Сгноить! Живыми взять, схватить! Доставить!

Он вскочил, похожий на разбуженную среди ночи огромную рыжую сойку. Завертел головой, и «сорокдевятки» услужливо кинулись к своему боссу со всех сторон, жадно ловя каждый взгляд.

– Смогли узнать, откуда вошел ломщик?!

– Да, Большой Брат! Кормовые зоны, уровень шесть, закрытый сектор. – Машинист, принесший безрадостную весть, все еще стоял поодаль, не торопясь разгибать спину.

Корма? На секунду Кипяток задумался так глубоко и неожиданно, что застыл на месте и позволил старику расторопно выдернуть из себя еще пару десятков иголок. Корма… Да, он что-то слышал о кормовых тайниках, где располагались резервные убежища военных. Территория никогда не входила в зону интересов «Кобры», а потому Пэн плохо знал, что именно скрывает шестой ярус.

Но решение принял мгновенно.

– Цзи, отбери людей! Человек пятнадцать, сам останешься за старшего. Отряд поведу лично я… – Он прищурился, повернувшись к оружейному хранилищу. – Что встали, ленивые свиньи?! Бегом несите мои доспехи и стволы!

Он собственными руками, в которых еще болтались тонкие железные иглы, вырвет сердце Йена. Главное, перехватить выродка до того, как в названные отсеки доберутся прихвостни Каракурта…

Трудясь на двух господ, важно правильно расставить приоритеты 10 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

– Ребята, соберитесь, прошу вас! – Ибн Бармак ан-Тейшейра был не просто возбужден, он начинал злиться. – У нас остались считаные часы для работы, а вы ползаете, как сонные мухи! Рамон! Какого дьявола ты снял маску? Работаем, работаем, хорошие мои, рано расслабляться! Какого дьявола я давал вам полдня отдыха, если вы все равно похожи на улиток?!

Он бодро хлопнул в ладоши, но даже посторонний наблюдатель заметил бы, что этим группу не воодушевить. Устали все – от интервьюеров до монтажеров, и заставить журналистов работать активнее мог только действительно длительный отдых. Причем где-то вне угрюмых сводов китайского ПТК. Подальше от воздуха, пропитанного каменной и железной пылью, которой, казалось, насквозь пропахла кожа.

Буньип остро ощущал накопившуюся в людях лень, их апатию и отсутствие задора. Болтаясь с камерой по пятам режиссера, он послушно наводил объектив, куда ему указывали, но играть свою роль становилось все сложнее. Особенно под градом критики Ахмеда ибн Бармака, который поэтапно превращался во все более и более нетерпимого к промахам зануду.

Фокус, прицел, начало съемки. Он продолжал копить в памяти профессиональной камеры все новые и новые файлы, снимая, с его точки зрения, одно и то же. Маниакальное желание запечатлеть каждый уголок «Императора Шихуанди» начинало раздражать, а монотонность действий клонила в сон.

Оператор повернулся, регулируя закрепленный на поясе штатив, взял нужный ракурс и заснял целую галерею аляповатых картин, призывающих поднебесников трудиться не покладая рук.

Напрямую частная коммерция на борту комплекса запрещена не была, а потому патриотические плакаты и лозунги мирно соседствовали с рекламными объявлениями и подсвеченными лайт-боксами. Растяжки над коридорами-улицами и яркие плакаты, расклеенные на любом свободном участке стены, гласили: «Регулярно протирай и смазывай вверенную тебе технику», «Человек – покоритель природы!», «Готовься достойно встретить врага в случае нападения на прокладочный комплекс», «Мы многого добьемся, грамотно используя ресурсы страны».

С них на рабочих комбайна смотрели улыбчивые, розовощекие юноши и девушки, один вид которых вызывал желание что-то сделать для Китая. С пропагандой соседствовали вывески, часто сделанные от руки: «Быстрая и недорогая починка обуви», «Заточка ножниц», «Пошив и ремонт одежды» или «Новейшие средства гигиены для трудолюбивых рабочих «Императора Шихуанди».

Засняв патриотический антураж под невнятные комментарии апатичной журналистки, сеньор Бадоса вдруг опустил камеру, глядя в дальний конец улицы. Там над низкорослыми китайцами возвышалась коротко стриженная макушка, смутно знакомая Леону Брейгелю. Приподняв на лоб операторскую полумаску, Рамон нахмурился, не обращая внимания на недовольное бурчание режиссера.

Работник сибирского посольства, вырвавший Буньипа из рук сумасшедшего кама, куда-то спешил, расчищая себе путь в людском потоке. Вот он мельком обернулся, позволив рассмотреть кровавые отметины на лице. Поудобнее подбросил на плече увесистую армейскую сумку и исчез в толпе, свернув к пассажирским эскалаторам. Интересная все-таки жизнь у местных чиновников, нечего сказать…

Бадоса, продолжавший игнорировать недовольные выкрики ан-Тейшейры, начал сопоставлять в голове детали головоломки. *Черно-белый* человек, выручивший австралийца, определенно попал в переплет. И пусть Леон не считал себя должником таинственного сибиряка, сбор информации все еще входил в его прямые обязанности. Каким-то глубинным, не поддающимся анализу чувством посланник Цикла чуял, что разыскиваемый им полукровка и нападение на ПТК непременно связаны с этим необычным человеком…

Рамон Бадоса расстегнул широкий ремень. Снял легкую каркасную конструкцию штатива, осторожно опуская ее прямо на грязный железный пол. Вынул из «балалайки» психопривод, стянул с лица операторские шоры.

Сигнализация в голове Буньипа переключилась в активный режим, подавая сигнал к завершению операции. Вообще-то, Брейгель не планировал отступление по часам. Он точно знал, что, когда момент наступит, верная интуиция сама укажет – личина журналиста перестала быть актуальной. Перешагивая через камеру, Леон вежливо кивнул режиссеру.

– Бадоса? – Челюсть Ахмеда опустилась. – Ты чего?

– Прости, ан-Тейшейра, мне требуется отпуск. – Он продолжал торопливо снимать с пояса операторскую аппаратуру, аккуратно складывая в одну кучу. – Возможно, длительный.

Спасибо, что дал возможность заработать…

– Что?! Ты с ума сошел?! – Режиссер не мог поверить глазам. – Ты в своем уме? Какой отпуск?

– Boa sorte, amigos! – на родном языке попрощался Рамон с группой, ускользая в узкоглазую толпу.

– Стой! – взвизгнул Ахмед ибн Бармак. – Бездельник! Я лишу тебя премии!..

Завершения его гневной тирады Буньип уже не слышал, выискивая путь среди китайцев.

Отслуживший свое Рамон медленно таял, возвращая тело австралийскому чудовищу, и уже через несколько мгновений оно с удовольствием растворилось в человеческой массе. Если бы у десятков поднебесников, спешащих в ту минуту к эскалаторам, позже спросили, был ли рядом кто-то чужой, например европеец, все единодушно ответили бы – нет. Браслет слежения – назойливый подарок коменданта, пущенные по следу дезертира военные обнаружат в ближайшей вентиляционной шахте…

Сибиряк нашелся в шестидесяти футах впереди.

Шагая ровно и быстро, он постоянно осматривался, со всей очевидностью пытаясь вычислить слежку. Но если на вольном просторе горных склонов он сумел выследить австралийца, не дав себя обнаружить, то в суете и толчее улочек Буньип был сильнее.

Брейгель проследит за своим спасителем.

Выяснит все, что может показаться интересным нанимателю в зеркальной маске, а затем покинет комбайн. Как только Леон узнает, куда направляется чиновник в спортивном костюме, он вернется в свою гостиничную комнатку, соберет небогатый скарб, уничтожит следы пребывания на ПТК и уйдет. Но сначала – проследит за своим спасителем…

Опаздывать некрасиво. А иногда – и опасно
14 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

Нужно спешить.

Эта нехитрая мысль, вытеснив из головы Вебера вообще *все*, билась в черепной коробке с упорством пойманной в силок птицы. Да, Илья мог бы схватить Листопада и утром, когда ему представился для этого шанс. Но не сумел, облажался, и потому – нужно спешить.

Если младший Гринивецкий пошел на убийство, отомстив китайскому корешу за предательство, в голове юноши определенно что-то изменилось. Он *осмелился*, проявив черты характера, о которых не подозревал даже брат. Он переступил черту, и Вебер хорошо знал, что это значит. Когда-то юный Илья и сам пересек невидимую линию, но до сих пор не мог забыть, как перевернулся с ног на голову казавшийся таким знакомым мир.

Листопад вырвался из кокона, набрался решимости и готов нанести удар. Прямо сейчас.

На этот раз Илья даже не стал петлять, сбрасывая с хвоста приставленного комендантом соглядатая. Дождался, пока переодетый в штатское офицер дойдет до угла, где притаился Леший, шагнул навстречу.

И взглянул прямо в глаза так, что у молодого поднебесника подогнулись ноги. Надвинулся, хорошо представляя, какое впечатление производит на офицера. Медленно покачал головой, дернул разбитой губой. Китаец исчез с глаз со скоростью пули. Виду, что догадался о разоблачении, не подал, но затерялся в толпе испуганным зверьком, больше в поле зрения не попадаясь.

Возможно, связался со своими, перепоручил советника кому-то из коллег, но на это Вебер плевал – необходимое время он выиграл, растворяясь в глубинах ПТК. Еще в посольстве, сразу после разговора с Терпением, Леший внимательно изучил карту, в том числе и сегменты, не попадавшие в «официальные туристические путеводители».

Работники пытались было прикинуться, что ничего в запросах советника посла не понимают, но уровень прав доступа сделал свое дело. Уже через несколько минут «балалайка» Ильи впитывала все, что сибиряки сумели тихонечко собрать о закрытых территориях «Ильи Муромца».

Затем Вебер прямо в посольстве, вскрыв неприкосновенные запасы офиса, набрал побольше еды. Он не знал, сколько времени проведет в засаде, но настраивался на пару-тройку дней, забив найденную на складе сумку пачками галет и банками синтетического мяса.

Забросив увесистую ношу за плечо, Леший молча покинул офисный бокс, провожаемый недоумевающими взглядами работников. Большинство их, не посвященное в ценность нового сотрудника, до сих пор не могло понять, что делает среди добропорядочных чиновников этот рослый мужчина в спортивном костюме и с разбитым в кровь лицом…

А затем побежал – легким пружинистым шагом, кое-как лавируя в потоках китайских рабочих, запугав наблюдателя и перестав размышлять обо всем, кроме того, что нужно спешить…

Комплекс жил размеренной и скучной жизнью труженика, заступая на смены и возвращаясь с них на заслуженный отдых. Китайский рабочий, ставший не только плотью и кровью, но и символом «Ильи Муромца», послушным муравьем полз по ярусам комбайна, ел, пил, спал, употреблял алкоголь и наркотики, трахался, воровал и снова полз работать.

Ощущая, как давят на его плечи низкие потолки палуб-коридоров, Илья вдруг поймал себя на мысли, что хочет как можно скорее убраться отсюда. Хоть через Саяны пешком, но лишь бы наконец вырваться из темных и тесных ярусов, забитых китайскими работягами…

Несколько раз он встречал чужестранцев: таких же белых ворон, какой являлся сам. Журналисты, от усталости едва переставляющие ноги, продолжали сновать по лабиринту «Муромца», снимая свои документальные шедевры. Было хорошо заметно – многотонный груз пожравшего приезжих железного бегемота давит и на них, делая лица серее, а движения медлительнее и скупее.

Оставляя за спиной многолюдные уровни и цеха, Вебер торопливо продвигался в глубь прокладочного комплекса. И все равно убедился, едва достигнув нужного места, что безнадежно опоздал…

– Терпение меня грохнет… – прошептал он, замирая в тени и осматриваясь.

В кормовых этажах было мрачно и душно. Освещенным оказался только один широкий коридор, с легким изгибом уводящий вперед. Словно хлебные крошки Гензеля и Гретель, он манил вперед, даже не пытаясь скрыть недавнего присутствия чужака.

Вынув из кармана телескопическую дубинку, уже не раз

выручавшую его за время командировки, Илья зашагал вперед. Необходимость в многодневном запасе пищи отпала, а потому он аккуратно поставил ненужную сумку у стены…

Шел медленно, внимательно прислушиваясь и с опаской заглядывая в боковые ответвления. Карта сообщала, что справа находится угольный склад, это подтверждал легкий специфический запах. Где-то слева располагались склады летательных аппаратов и цистерна с водой. Однако совсем скоро план палуб потерял актуальность – в конце коридора Вебер заметил массивную круглую дверь, приоткрытую на несколько пальцев.

Внутри шуршали системы вентиляции, потрескивали набирающие накал лампы дневного света, где-то на глубине гудели мощные промышленные аккумуляторы. Застыв на пороге, Илья осмотрел верхний отсек бункера, вдруг разобрав громкое бормотание, доносящееся с минус-второго этажа…

– Вот, значит, что ты такое?! – сдавленно выкрикнул кто-то по-русски.

В ту же секунду Вебер шагнул ко входной двери, с неаккуратным шумом захлопывая округлую створку. Капкан закрыт, и если Листопад не умеет превращаться в змею или насекомое, он попался. Осталось лишь понять, как много вреда ломщик успел причинить чуду китайской техники…

Леший достиг винтовой лестницы, с тревогой вслушиваясь в сигналы компьютеров ПТК о сбое. Не теряя времени, двинулся вниз. Выставив перед собой трость, спустился на средний уровень убежища, невольно бросив взгляд на массивные батареи Ллейтона, гнездящиеся еще ниже.

Подошвы его ботинок были отрегулированы для бега, а потому звук шагов почти не доносился до находящегося внизу человека. Тем большим стало удивление Ильи, когда он обнаружил, что одинокий обитатель резервных штабов оказался готовым к его визиту.

Бледный, тощий младший Гринивецкий выглядел жалким и подавленным. Лицо юноши покрывала серая пыль. Там, где еще недавно покоился парик, ее было меньше, отчего лысая голова ломщика неестественно блестела. Степан стоял столбом, держась за спинку кресла, словно собирался упасть без сил. На столе Вебер заметил раскрытый «раллер» с погасшим экраном, сверток психоприводов, бутылку и игрушечного солдатика.

– Ну, здравствуй, Листопад, – прошипел он, со злости прикусывая губу.

Даже небогатых познаний в тонкостях профессии машинистов хватало, чтобы понять, что внутренняя сеть

китайской станции уже обрушена.

– Успел, значит, начудить?..

– А… это ты… – Степан, двигаясь медленно и сонно, снимал с себя последние элементы маскировки – накладные брови и специальные силиконовые вставки в челюсть. – Ты, вообще, кто такой будешь-то?..

Вебер внимательно осмотрелся, но только окреп в изначальном предположении – ломщик был на этаже один, по слою пыли на полу к компьютерному терминалу вела сиротливая вереница следов. На всякий случай ступая в отпечатки ботинок молодого машиниста, Илья двинулся к нему.

– Можешь называть меня Лешим… Брат прислал. Так что, Степа, много дурного сделать успел?

Он остановился в двух шагах от черенка, опустив руку с оружием. Ему отчаянно хотелось врезать щенку, возомнившему себя всесильным. Молокососу, поставившему на порог конфликта хрупкий мир с Китаем, выстраиваемый четыре долгих года. Но как бы ни чесались руки, Илья оставался профи, а потому лишь гнобил ломщика взглядом.

– Да не важно уже… Пришел меня корить?

– Нет, Степа, я пришел тебя забрать. Домой. Если понадобится, силой.

– Не будет никакого дома…

Степан швырнул силиконовые вкладки на стол. Спохватившись, принялся собирать провода и «раллер». И тут же бросил это занятие, словно разочаровавшись или что-то вспомнив.

– Реакция уже началась, комбайну конец…

Равнодушие и обреченность, с которыми Листопад отвечал ему, заставили Илью напрячься. С таким видом сообщают родным, что неизлечимо больны; с таким видом ставят в известность, что на город через считаные минуты рухнет межконтинентальная ракета.

– Кстати, Леший. – Юноша вдруг качнулся, снова оборачиваясь к нему. – У тебя еще есть шанс выжить. Если поторопишься, конечно, то покинешь комбайн до того, как он начнет разваливаться на куски…

– Ты с чего это взял, малыш?

Илья не спешил двигаться с места, примериваясь к Степану. Тот казался рослым и худым: если его вырубить, на плечах заболтается неудобным костлявым рюкзаком.

– Ну, про вот это вот… что комбайн развалится?

– Реакция запущена, – заводным болванчиком повторил Листопад. – Я видел лично. Через несколько минут произойдет

цепь ядерных взрывов, уничтожающих двигательную систему комплекса…

При упоминании о ядерном взрыве Вебер вздрогнул, невольно вспомнив проклятый «Куэн Као». Оттуда ему тоже, чуть ли не силой, пришлось вытаскивать ломщика. Разница состояла лишь в том, что Пружинка был обдолбан «синдином», а Листопад вообще никуда не хотел. Неужели парнишка не лжет и на самом деле сумел найти доступ к реакторам «Муромца»? Теперь Илья задумался про жену и дочь…

– Пойдем, Степан, – стараясь не выдать закипающих эмоций, пробормотал он. – Ничего там снаружи не взрывается… Пойдем, малец, не заставляй делать тебе больно…

Листопад хотел что-то спросить, глаза его удивленно распахнулись, а на щеки даже вернулась бледно-розовая краска. Но ломщика опередили – этажом выше вдруг щелкнули электронные замки, вскрытые снаружи. По полу загрохотали армейские ботинки, и чей-то грубый голос, смутно знакомый Лешему, зычно выкрикнул по-китайски:

– Внимание, это официальная операция армии Китайской республики! Всем оставаться на местах! Руки на затылок, «балалайки» вынуть и положить рядом! Немедленно лечь на пол и опустить головы! Не шевелиться и ждать дальнейших приказов!

Степан так и остался стоять с открытым ртом, ошалело выслушивая инструктаж, а Илья уже прыгал за соседние терминалы. Высоко и как можно дальше, поджимая ноги и не касаясь устилающей пол пыли.

Нырнул за стеллажи с серверами. Присел так, чтобы оставалось видно застывшего истуканом Гринивецкого.

Тот не пошевелился, даже когда с лестницы скатились трое солдат НОАК в камуфлированной броне и униформе. В следующий миг удар прикладом автомата в живот повалил Листопада на колени.

Признавать поражение чудовищно неприятно
17 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

Сознание забунтовало, отказываясь работать, как перегревшийся процессор.

Слова человека, назвавшегося Лешим, еще звенели в ушах, а мозг уже активировал защиту, замыкаясь в крабовый панцирь недоверия и испуга. В себя привел только сильный удар в живот, заставивший Степана упасть на колени.

Били прикладом автомата.

Сквозь брызнувшие слезы, пытаясь вдохнуть, Листопад смог рассмотреть, что автоматчиков двое. В подвижных металлопластиковых доспехах, выкрашенных в горный камуфляж, они казались ожившими духами Саянского хребта.

В лицо Гринивецкого ткнулись стволы. Третий – тот самый офицер, что в августе с улыбкой встречал «помощника министра» у дверей комбайна, пригнул голову ломщика, торопливо вынимая его «балалайку». В отличие от рядовых бойцов, командир патруля не носил боевого комплекса защиты, но правую руку держал на поясной пистолетной кобуре.

Офицер что-то пророкотал по-китайски, Степан разобрал лишь «армия Народной Республики Китай». Машинист замотал блестящей головой, заставив старшего лейтенанта задумчиво уставиться на чип в пальцах.

– Поздно пожаловали… – корчась от боли, прошипел Листопад.

– Господинь помосьник министира, – перейдя на ломаный русский, проговорил старлей, осматривая пустой операционный зал. – Вы арьестованы по обивинению в нападении на сеть насего вельикого комплекса «Имипириатор Сихуанди»! У вась есть сообсники?

– Сообщники? – стараясь не обращать внимания на автоматные стволы, прикасавшиеся к его щекам, переспросил Степан. – Нет, товарищ военный. Ваш комплекс уничтожил один-единственный человек. Я – Листопад, младший сын Порфириона, истинный защитник Геи.

Дождавшись, пока «балалайка» переведет слова ломщика, арестовавший его офицер странно улыбнулся. И эта улыбка внезапно так не понравилась Гринивецкому, что юноша

побледнел.

– Можете ржать сколько влезет, – онемевшими губами пробормотал он. – Но через несколько минут все будет кончено, а мы превратимся в живые трупы…

– Вы гилубоко осибаетесь, господинь Гиринивеський, – продолжая победно скалиться, офицер вдруг поклонился. – Вы показали сьебя талантиливым ломсиком. Но победить мось Подинибесной вам не удалось. Одинако теперь мы обиладаем всеми небиохадимыми доказательствами васего пиреступления и имеем пираво на польносенный арест!

– Не смог победить? – выдохнул Степан. – Скажи мне это через минуту, когда…

И вдруг замолчал, прислушиваясь.

Комбайн, безусловно, обладал феноменальной системой амортизаторов и гироскопов, не позволявших конструкции рухнуть даже при мощнейшем землетрясении. Но чтобы побежденный Левиафан вообще не содрогался под ударами умирающих реакторов? А ведь с момента падения сети прошло куда больше двух минут.

Ничего там снаружи не взрывается. Именно это сказал ему Леший, появившийся в бункере, как табакерочный чертик, и так же ловко его покинувший. *Ничего не взрывается…*

Этого не могло быть. Он собственными глазами видел, как его атакующие программы ломали сеть, лишая китайских машинистов полномочий и запуская необратимые реакции. Он этими самыми руками только что вонзил гарпун в сердце монстра, ползущего среди гор.

Уверенность, с которой себя держал китаец, вдруг напугала Листопада больше, чем грозные доспехи его сопровождающих. Взглянув на матовые забрала неглубоких армейских шлемов, он перевел затравленный взгляд на лицо старшего лейтенанта.

– Одиновириментно сь васим вторзением мы запусьтили заситную пирограмму «Пирозрасьное бирондзовое зеркало», – поучительно промолвил тот. – Эта уникальная пирограмма обладает необиходимым исикусьтвенным интеллектом, ситобы в резиме реального виремени созьдавать 100 % «зеркало» всей винутренней сети комплекса.

Он еще продолжал свою лекцию, а Листопад вдруг все понял. Руки безвольно повисли, голова упала на грудь. Его провели, как ребенка, а он даже не знал, куда нужно смотреть, пока взрослый дяденька фокусник «откусывает» себе палец.

– Наси масинисты следили за казьдым васим сягом, господинь Гиринивеський. Они отдавали долзьное васим умениям. Но сьтурм «зеркала» никак не отиразился на настоясей

сети комбайна. Васа миссия не удалась.

Если бы в комнате находился Порфирион, он бы наверняка тотчас отрекся от своего ученика. Не заметить, что в схватке с искусственным интеллектом «Императора» его плавно увели на дублирующие сервера, подсунув пустышку! Позора такой величины не испытывал, пожалуй, ни один ломщик современности…

Программа, конечно, была безупречной. Великолепное зеркало, каких не видывали лучшие машинисты России! Точное, стопроцентное отражение происходящего на борту бродячей фабрики. *Полный* клон, до самых незначительных пустячков, до самых крохотных деталей. Динамически изменяющаяся система, распознать которую не смог бы и сам Чайка. Сеть, воссозданная в резервных бункерах армейских машинистов, оказалась фальшивкой…

– Я увелен, – с трудом вспоминая русские слова, продолжал офицер, – сито теперь в обороне насего комплекса соверсенно не останется осютимых биресей. Но васей вины, господинь Гиринивеський, это не уменьсяет. Подинимайтесь, вы идете сь нами.

Жизнь, еще десять минут назад перечеркнутая навсегда, и не подумала оборваться. Его, конечно, казнят. Но гибель героя окажется решительно не такой, как ее представлял себе Листопад. Порфирион, разумеется, сумеет создать легенду даже из его провала. Запишет в мученики, окружит ореолом заговоров и предательства.

Но когда Степан вспомнил все трудности, через которые прошел: окровавленный нож в руках и ликующее чувство победы над мятежным гекатонхейром, силы оставили его окончательно. Он попробовал встать, но повалился вперед, ударяясь ладонями в пол, и его стошнило оранжевой струей газировки. Как же он опустошен! У него не хватит смелости даже броситься на солдат, чтобы погибнуть при задержании…

Вероятно, Леший атаковал именно в этот момент, потому что начала схватки Гринивецкий не отследил. Услышал мягкие шаги, несколько мощных ударов, когда пластик хрустнул о пластик, и в поле его зрения вдруг повалились тела в военной форме.

Утирая оранжевую слюну, ломщик поднял голову, мутным взглядом рассматривая стоящего над собой земляка. У ног Лешего, лишенные чувств, лежали все трое китайцев, которых тот отправил в нокаут ударами телескопической дубины.

«Вероятно, сработала программа боевой «балалайки», – летним облаком пронеслось над пустыней раскаленного сознания Степана. – Простой человек никогда бы не нашел дыр в защитных

армейских костюмах, чтобы вот так – несколькими взмахами палки, – выключить сразу троих».

Офицер, свой удар получивший прямо по фуражке, лежал на спине перед ломщиком, уставившись в потолок бункера белками закатившихся глаз. «Балалайка» Листопада выпала из его пальцев, вторая рука даже не успела расстегнуть кобуру. Не совсем отдавая себе отчет в действиях, Степан потянулся вперед, забирая чип и вставляя в затылок.

– Подъем! – приказал Леший, не тратя лишних слов. – Ты идешь со мной.

И подхватил парня под локоть, резко дергая вверх. Мир закружился, но на ногах Гринивецкий устоял, сдержав повторный позыв рвоты. Как жалок и ничтожен он был сейчас! Как несправедливо и жестоко обошлась с ним Гея, ради спасения которой он не жалел собственной жизни…

– Что дальше? – выдохнул ломщик, ошалело рассматривая китайских солдат.

– Бежать, – отрезал Леший, наклоняясь и вынимая из кобуры офицерский пистолет. – Если, конечно, нет желания попасть на каторгу…

Грубо и болезненно схватив черенка за плечо, он потащил его к винтовой лестнице. В последний раз обернувшись на место своего триумфального позора, Степан с сожалением попрощался с верным «раллером». И с одиноким оловянным солдатиком, оставшимся самоотверженно охранять брошенное хозяйское оружие.

Важные вопросы нужно решать лично
21 минута от начала операции «Бронзовое зеркало»

Ломщик, проникший на борт ПТК, оказался на удивление хорош.

Это Чэнь Юйдяо видела, изучая маневры проникновения и программы, которыми пользовался диверсант. В деле машинистов подполковник понимала немного, но свежие отчеты операторов комбайна были сопровождены краткими комментариями. Поэтому она хорошо представляла себе, где противник сумел проломить оборону, каким образом проник в массивы данных и как сумел «перехватить» управление.

Беспокойство вызывала мимолетная активность ломщика на секретных массивах, во время атаки переходящих в режим «запертый сундук». К сожалению, полноценное клонирование сети предполагало и перенос этих, по своему уникальных баз данных и программ, отвечающих за стадию «Мао».

Как много успел увидеть чужак, пока сегменты сети сворачивались в неприступные зашифрованные бастионы? Это Каракурт рассчитывала узнать при личном общении с врагом. Оно, кстати, должно состояться с минуты на минуту, и если ломщик к тому же окажется видным мужчиной… О, если развить сладкую мысль – вдруг это будет сам Вебер?..

Подполковник перевела взгляд на коммуникатор, и тот вдруг засигналил, словно этого и ждал. Юйдяо даже вздрогнула, только сейчас ощутив, в каком напряжении пребывает последнюю четверть часа. Мгновенно поразилась грозной тишине, наполняющей наушники радиопередатчика. Ху молчал, а его победоносная тирада о поражении вражеского ломщика прервалась.

– Товарищ подполковник?

Голос секретаря был полон скрытой паники. Плохо скрытой.

Не торопясь отвечать рядовому, Чэнь Юйдяо дотянулась до передатчика на поясе, пробежавшись по офицерским частотам. Тишина, везде тишина, а ведь она строго приказала Болло рапортовать о каждом своем шаге!

– Докладывайте! – Комендант ударила по клавиатуре стационарного коммуникатора так сильно, что чуть не сбросила с рабочего стола. – Быстро!

– Товарищ подполковник, мы потеряли связь с группой старшего лейтенанта Ху, – подтвердила ее самые худшие опасения штабная секретарша, заикаясь от страха.

– Что случилось?! – Каракурт вскочила из-за стола, ускользая из прицела видеокамеры. – Немедленно выяснить!

– Связь оборвалась… только что… мы держали прямой контакт с бойцами, приставленными к старшему лейтенанту, но…

– Это я знаю сама! – оборвала ее Юйдяо, срывая гарнитуру с золотисто-коричневых волос. – Собирайте оперативную группу в ИБК, тревога по уровню «желтый»!.. Отставить! Я лично возглавлю операцию, отделение быстрого реагирования в полную боевую готовность!

– Есть, товарищ подполковник!

– Сбор у штабных лифтов через сто двадцать секунд…

Каракурт шагнула к высоким сейфам в углу кабинета.

Швырнула на стол пояс с кобурой, чуть не разбив сенсорное покрытие, выдернула из шкафа бронежилет. Проворно влезла в броню, подтянула ремни, подгоняя по фигуре. Обмотала вокруг шеи кевлайкровую горжету, застегнула «липы». Щитки на ноги решила не вешать, чтобы не терять времени; подхватила оружейный пояс, небрежно накидывая на плечо.

Где они с Болло могли просчитаться? Вебер оказался заодно с младшим Гринивецким? Или тот действовал под прикрытием профессионального боевика, которого вычислить не сумели?

Даже если бы компьютерный террорист оказался вооружен, старший лейтенант Ху не из тех, кто запросто дает себя в обиду… Кто способен разом уложить бронированную группу, которую и не всякая пуля-то возьмет? Что же произошло внизу?

Выдернув из кобуры верный «дыродел», Чэнь Юйдяо сняла оружие с предохранителя, щелкнула затвором.

– Товарищ подполковник, группа быстрого реагирования собрана и ожидает ваших приказаний! – бойко отчиталась секретарша, отдавая честь в камеру коммуникатора.

Отлично. Даже если ломщик действует не один, двадцать спецназовцев в «саранче» позволят не только оцепить зону ведения боевых действий, но и подавить любое сопротивление. Лишь бы Болло оказался цел, иначе враги Желтого Каракурта пожалеют, что родились на этот гадкий свет…

Опасно недооценивать скорость лесного пожара
23 минуты от начала операции «Бронзовое зеркало»

Ситуация складывалась как нельзя хуже.

Впрочем, могло быть еще поганее – если бы кто-то из оглушенных китайцев успел записать на «балалайку» лицо человека, напавшего на патруль. Хотя нет. Просто ситуация *еще* не успела дойти до критического «плохо». Когда старлей очнется, солдаты сумеют сопоставить детальки, и Илью ждет очень неприятная беседа с комендантом…

Из бункера выходили осторожно, словно снаружи могла ждать засада. Вполне ведь могла, нужно заметить. И пусть Вебер не собирался вступать с НОАК в открытый бой, если от этого будет зависеть жизнь подопечного, пистолет он в дело пустит.

На какое-то мгновение снова показалось, что вокруг не коридоры «Ильи Муромца», а экранированные щитами палубы «Куэн Као». Защемило сердце, позвавшее домой. Он вернется, обязательно вернется, чтобы поднять на руки дочь и станцевать со Светкой хотя бы один медленный танец. В пустой комнате, без музыки, под аплодисменты заливающейся смехом Верочки…

Рванув безвольного ломщика через круглую дверь резервных залов, Илья подумал, что синяки от его пальцев Степан будет врачевать долго. Если, конечно, вообще останется, что лечить.

Леший хорошо слышал исповедь старлея, в деталях рассказавшего, как сумел опростоволоситься Гринивецкий. И пусть комбайну тот не сумел причинить даже самого крохотного вреда, оснований для его ареста у китайцев теперь было больше, чем у дурака фантиков.

– Шевели граблями, урод… – включая в «балалайке» карту и пытаясь понять, как быстрее покинуть запретную зону, яростно прошептал Илья.

Ломщик молчал, тряпкой болтаясь в руках наемника. Казалось, мыслительные процессы в его голове отступили куда-то глубоко-глубоко, оставив иллюминаторы глаз слепо таращиться на происходящее пустыми пыльными стекляшками. Отставать, впрочем, тот намерен не был – едва ноги Листопада начинали заплетаться, Илья усиливал хватку, заставляя черенка взвизгивать от боли и возвращаться в суровую реальность.

Вариантов виделось два.

Первый – рискованный, но ведущий к спасению: выбираться на поверхность и ускользать в горы. Проскочить десяток километров внешнего оцепления и выйти к пограничным заставам БАРСа, где свои в обиду не дадут. Второй представлялся менее опасным, но более опрометчивым с точки зрения политики – пробиваться к посольству, на штурм которого комендант не пойдет даже в припадке бешенства…

– За мной! – негромко скомандовал Вебер, увлекая Листопада в освещенный коридор. – Да шевелись ты, овощ…

И тут же накинулся на ломщика, отталкивая в коридор-переулок. Потому что в дальнем конце освещенной части палубы, размахивая оружием и что-то крича, показался целый десяток китайцев.

Во главе отряда вышагивал рыжий поднебесник, которого Леший уже имел честь знать. Облаченный в темно-красный кевлайкровый комплекс индивидуальной боевой защиты, тот был похож на древнего военачальника, ведущего свою армию в рукопашную атаку. В обеих руках Квон Пэн держал по «дрели» с увеличенными магазинами.

– Вон они! – раздался под сводами комбайна дикий крик одного из рядовых бандитов, и Вебер смачно выругался.

В следующий миг по титановым стенам коридора рубанула «дрель», тишину расколола визгливая автоматная трель, а босс Триады заверещал – победно, дико, злобно. Их обнаружили, не дав продвинуться от бункера машинистов и на полтора десятка шагов…

Первым на добычу кидается вожак стаи
24 минуты от начала операции «Бронзовое зеркало»

«Сорокдевятки», молчаливо напиравшие на босса со спины, внушали уверенности не меньше, чем штучные пистолет-пулеметы в руках Большого Брата. Кипяток, закованный в красный бронежилет ручной работы, вышагивал на самом острие человеческого клина, словно презирая пулю, способную ударить из засады в темноте. Облегченная «саранча», стилизованная под пластинчатый китайский доспех XIII века, превращала его в неуязвимого героя мифов, в одиночку убивающего целые армии врага.

Армий тут и не будет – доспехи были предосторожностью на случай столкновения с охраной посольства сибиряков или залетными бойцами Каракурта. Равно как и верные «дрели». Убивать Вебера и его приятеля Пэн собирался голыми руками…

– Вон они! – Крик шагающего справа рядового ударил в ухо, едва отряд «Союза трех стихий» вступил в освещенный проход.

Мог бы и не кричать – электроника в иссиня-черных очках Большого Брата уже заметила две человеческие фигуры, ныряющие в боковое ответвление. В этот же момент другой «сорокдевятка» бросился к распределительным щиткам, на полную мощность врубая иллюминацию шестого кормового яруса, а Квон Пэн вскинул левую руку.

Программа в очках не успела до конца подкорректировать выпущенную очередь. Поэтому град пуль ударил в голую стену, высекая искры и наполняя коридоры воплями визгливого оружия. Запрокинув голову, Кипяток позволил своей ярости вырваться наружу в громогласном, совершенно безумном вопле.

– Вебер! Йен! Поганые обманщики, водившие за нос самого Квон Пэна! Пришел час вашей смерти, сучьи дети!

Он поднял вторую руку, выпуская в проулок еще одну очередь и расхохотавшись. Смех Большого Брата слился с воем пистолет-пулемета, подстегивая его боевую лихорадку.

Отряд за спиной Кипятка рассыпался, занимая позиции. Кто-то полез на железные балконы сланцевого хранилища, кто-то продолжал колдовать над системами освещения, кто-то решил прикрывать босса, оставшись рядом.

– Покажись, гнида! Захотел подставить под удар мое

братство?! Думал, Каракурт посчитает, что это я дал тебе выход в сеть? Ты и правда дурак, Вебер, если решил убедить коменданта, что я хочу вреда величайшему достижению своего народа!

Все еще стоя прямо посреди коридора, он вытянул обе руки, выпуская в темный проулок, куда нырнули беглецы, сразу оба магазина. Подполковник Юйдяо, конечно, не оценит перестрелку в закрытых зонах ПТК, но сейчас Квон Пэну было на это начхать.

Он поймает Вебера, живым или мертвым. Если с ним Денис Йен, так грамотно разыгравший карту невинной овечки, бонус станет двойным. Если второй беглец – не ломщик, пытки развяжут сибиряку язык. Но босс «Союза» все равно схватит лже-полукровку.

– Остановись, Квон Пэн! – вдруг закричали из переулка, и Кипяток узнал голос Вебера. – Я победил тебя в честном бою, и ты обещал меня отпустить! Держи свое слово!

– Жри отбросы, ублюдок! Ты унес ноги из моего дома, и больше я тебе ничего не должен!

– Ты совершаешь большую ошибку!

Кипяток замер, с интересом склонив рыжую голову набок.

Судя по эху, ускользавшие от него противники уже покинули закуток, переместившись куда-то левее и выше. Бросая на пол пустой магазин, он махнул разряженной «дрелью» ближайшим «сорок девятым». Проглотив молчаливый приказ, шестеро боевиков потянулись в сторону складов с деталями аэростатов, рассыпаясь на пары.

– Что ты имеешь в виду, Вебер?! – крикнул Пэн, рассчитывая выманить сибиряка на новый ответ.

– Комбайн остался невредим! – К его удивлению, советник посла отреагировал сразу, но вовсе не оттуда, где этого ожидал Большой Брат. – Я же обещал, что сам накажу преступника! Но ты не должен мешать!

– Я сам, сучий ты сын и кусок дерьма, решаю, что должен, а что нет! – взревел Квон Пэн, с лязгом вгоняя в «дрели» снаряженные магазины и вскидывая оружие. – Выйдешь сейчас, твоя смерть станет быстрой! Заставишь меня гоняться за тобой по лабиринтам, будешь сутками гнить заживо!

В коридорах по левую руку от Кипятка раздалась пальба. Сначала глухо затявкали автоматы «сорокдевяток», им ответил тяжелый крупнокалиберный пистолет. Кто-то выругался по-китайски, и злость босса всколыхнулась с новой силой.

– Ты сам сделал выбор! – брызжа слюной, завопил он, бросаясь к хранилищу аэрозондов.

Еще четверо рядовых ринулись за Большим Братом, прикрывая его спину. Но в этот момент автоматная очередь

навылет пробила сразу двоих бойцов, швырнув на пол и заставив Квон Пэна в ужасе обернуться.

На некоторые поступки не стоит и решаться
26 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

Способность мыслить и здраво рассуждать возвращалась.

Медленно, спотыкаясь, словно смертельно больной пес, нашедший дорогу к родному дому. Происходящее вокруг постепенно обретало краски, а в уши ворвался грохот стрельбы.

Человек, назвавшийся Лешим, куда-то его тащил. Больно вцепившись в бицепс, оставляя синяки и игнорируя протесты. Он *спасал* Степана, вытаскивая из кромешного ада, в который превращался этаж комплекса.

Ради чего? Чтобы уберечь от каторги или смертной казни? Или чтобы заставить до конца дней страдать, вспоминая поражение?..

Свернув в узкий технический коридор и укрывшись от выстрелов, они не стали задерживаться надолго. Двинулись еще глубже, где пол покрывал склизкий слой пыли, перемешанной с каменной крошкой и осевшей на металл взвесью машинного масла.

Здесь проходы были совсем узкими, больше напоминая лазейки или случайно оставленные щели в стенах. Повсюду виднелись лестницы и подъемники, облегчавшие труд кладовщиков – они вели одновременно на десятки балконов и одновременно не вели никуда. Однако Леший, вероятно, знал куда идти, потому что не останавливался ни на одном повороте или лестничной площадке.

Затем Листопад услышал, как китайцы что-то кричат.

О да, он знал этот голос. Голос человека, которого безусый мальчишка Степан смог обвести вокруг пальца, как в сказках крестьянский сын оставляет в дураках людоедов и великанов. Это был голос босса местной Триады, которого все называли Кипятком. Это был голос бывшего начальника Чи Вай Гао.

При воспоминании об убитом китайчонке у Гринивецкого отнялись ноги, и он пошатнулся. На руке тут же прибавилось синяков, а сжавшаяся кисть Лешего чуть не «отсушила» мышцу.

– Остановись, Квон Пэн! – выкрикнул тот, приседая на колено и вынуждая опуститься ломщика.

И прокричал что-то еще, но Степан уже не слушал ни его слова, ни визгливые ответы Кипятка.

Дело всей его жизни рухнуло, расползлось гнилой мешковиной. Растрескалось трухлявым пнем. Он не сумел защитить Геос от жуткого дракона, пожиравшего Мать-Планету заживо. Он не оправдал ожиданий наставника Порфириона. И даже в жертву себя принести не сумел, в последний миг испугавшись болезненной смерти…

Леший снова куда-то поволок его, заставляя наступать на пятки. А затем им навстречу выскочили сразу двое поднебесников – в коротких куртках, с яркими смелыми прическами и татуированными лицами. Автоматы в руках бандитов полыхнули огнем, над головами сибиряков свинец впился в железо.

Наемник брата вдруг рванул Степана так сильно, что чуть не вырвал руку из суставной сумки. Заставил рухнуть на грязный пол, а его трофейный «дыродел» трижды рявкнул в ответ.

Одного из бандитов ранило в грудь. Перевалившись через перила балкона, он молча рухнул куда-то в глубь склада, роняя оружие. Второму перебило обе ноги, и он упал на живот, пронзительно матерясь.

Перепрыгивая через поверженных противников, Леший дернул Степана за собой, слетая по лестнице на пол-этажа вниз и грубо утрамбовывая ломщика в очередной закуток.

– Ты сам сделал выбор!.. – раскатился по коридорам новый крик Кипятка.

А через секунду стрельба вдруг раздалась со всех сторон, словно Листопада бросили в гигантскую жестяную банку, наполненную щебнем, и хорошенько встряхнули.

– Проклятье… – выругался Леший, выглядывая из укрытия. Добавил еще пару ругательств, проверил емкость пистолетного магазина. – За мной…

На этот раз пришлось перебегать довольно большой участок открытой местности. Пригнувшись сам и принудив Степана тоже склонить голову, наемник несся заячьими зигзагами, стреляя вверх и в сторону.

Обнаружив, что еще способен испытывать удивление, Листопад вдруг догадался, что Леший не настроен бить на поражение, теперь открывая огонь только для отвлечения внимания. И сразу же заметил новых участников схватки – закованные в камуфлированную броню, в перестрелку вступили солдаты НОАК…

– Хватит… – прошептал ломщик, но его непрошеный спаситель не расслышал, трамбуя юношу под какую-то новую лестницу и заслоняя своим телом. – Хватит, я сказал!

– Чего?! – Покрытое ссадинами и кровоподтеками лицо наемника было перекошено, в глазах горел диковатый огонек.

– Я сказал – хватит! – значительно тверже ответил Гринивецкий, рванувшись из его хватки.

Пришло время положить этому конец.

Пусть Порфирион воспитывает нового ученика и изобретает очередной способ сразить дрессированного китайского Левиафана. Для Степана Гринивецкого по прозвищу Листопад пришло время покинуть этот мир, в толще земной коры соединив свою душу с душами предков, составлявших живое сердце Иерарха…

На несколько секунд ему даже удалось вырваться – не ожидавший такой прыти Леший среагировал запоздало. Выскочив из-под лестницы, паренек ринулся на открытое место, раскидывая руки.

– Я здесь, стреляйте!..

Большего Листопад ни сделать, ни сказать не успел. Рука цепного пса Терпения ухватила его за шкирку, рванув так, что ломщик грохнулся на спину. Поволокла обратно, а в челюсть впечаталась рукоять «дыродела», рассыпая фонтаны огня и искр.

Поверх голов что-то грохотал усиленный громкоговорителем женский голос, но Степан слышал только жаркое дыхание наемника, склонившегося над ним и заслонившего свет.

– На пулю нарваться решил, значит?! Себя убить чужими руками?! Думаешь, я жену и дочь дома оставил, ради тебя жопу рвал, чтобы ты *чик* – и нет забот?!

От Лешего веяло ожесточением, напугавшим ломщика пуще автоматных очередей. Прямо до обморока. Ах, лучше бы он все же успел подставиться под выстрел…

– Хочешь вкус свинца попробовать? Ну, держи, пробуй…

Листопад почувствовал, как к левому бицепсу приставили ствол, а затем руку прошибла боль. Жгучая, мокрая, тянущая. Наемник его брата, не удержав гнева, выстрелил в него, одновременно заглядывая в глаза.

Если шакал забывает свое место, тигр выпускает когти
27 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

Открывать огонь пришлось раньше, чем она успела хоть что-то скомандовать.

Отделение едва скатилось на шестую палубу, оперативно двинувшись вперед сработанными боевыми тройками, как навстречу вдруг посыпались вооруженные люди.

Подполковник сначала не поверила собственным глазам, от неожиданности замешкавшись с приказом. Но захваченные врасплох бандиты без раздумий изготовились огрызаться свинцом, и ее бойцы первыми надавили на спусковые крючки.

Троих или четверых «кобр» удалось положить на месте, изрешетив или покалечив. Остальные, сориентировавшись на нового противника, отступили в глубь складского комплекса, где хранился полезный хлам для летательных аппаратов.

Вышагивая за спинами солдат, Чэнь Юйдяо не могла прийти в себя. Неужели на Болло напали люди Кипятка? Квон Пэн окончательно спятил, подписав себе приговор? Не случайно же он отправил вооруженный до зубов отряд в кормовую часть… А может, взлом являлся детищем Триады? Тогда зачем ее ломщики воспользовались резервным бункером, нарвавшись на «Зеркало»?..

Опекавший подполковника рядовой шел в правом пеленге в двух шагах впереди. Юйдяо ухватила солдата за край доспеха, придвигая к себе. Сорвала с бронированного плеча внешний микрофон, приложила к губам. «Балалайка» Каракурта рисовала предположительную картину боя, расставляя вероятные цели и анализируя места возможной атаки в недрах склада.

– Внимание, это подполковник Народно-Освободительной армии Китая Чэнь Юйдяо! – Усиленный встроенным в ИБК мегафоном, ее голос рванулся в коридоры. – Приказываю немедленно прекратить огонь, сложить оружие и выйти с поднятыми руками!

Триада, еще до появления сил гарнизона вступившая в бой с невидимым пока врагом, отходила, но отстреливаться ее бойцы не прекращали. Юйдяо заметила, как очередь из автомата разгрызла доспех одного из солдат, окрасив камуфляж красным. В ответ на это ее люди убили еще одного бандита.

– Это официальная операция вооруженных сил комплекса!

Немедленно прекратить сопротивление и сдаться! – Приставленная к коменданту тройка бойцов взяла женщину в «коробочку», выводя на удачный наблюдательный пост на верхних балконах склада. – Ваши действия признаны государственной изменой, вы подлежите уничтожению! Прекратите огонь, и до суда вам сохранят жизнь!

В ответ на требования Каракурта по ограждениям балкона рассыпался град пуль, и Юйдяо наконец-то заметила лидера бандитов. В красном доспехе, вооруженный двумя длинноствольными «дрелями», в закоулках склада бесновался сам Квон Пэн.

От неожиданности подполковник потеряла дар речи, а уже через секунду вдруг обнаружила, за кем именно охотились головорезы Кипятка. Выбравшись из-под укромной лестницы, на открытое пространство выскочил европеец – лысый, с традиционными татуировками машиниста. Паренек шатался, раскинув в стороны руки.

Он что-то крикнул, вероятно, сдаваясь в плен, но не успела Чэнь Юйдяо сориентироваться, как за спиной чужестранца выросла рослая фигура. Сгребла смельчака за шиворот, повалила на пыльный пол, утащила из-под пуль, и сердце Каракурта обмерло.

Вот уж действительно, как старики говаривают – слепой кошке попалась дохлая мышь… Потому что человеком, не позволившим машинисту сдаться, оказался сам Вебер, своенравный советник сибирского посла. Поставленное на паузу сердце снова заколотилось, на этот раз с удвоенной силой, а к щекам подполковника прилила кровь.

Вот за кем охотился Кипяток! Вот кого ловил в кормовых ярусах. Вот кто отстреливал его бандитов до того, как в происходящее вмешались солдаты! Значит, боевым прикрытием ломщика все же обеспечили…

– Квон Пэн! – выкрикнула подполковник, снова прижимая микрофон к губам. – Я знаю, что ты здесь! Сдайся, и я сделаю все, чтобы твоих людей помиловали! Немедленно прекратите огонь! Вы совершаете государственное преступление…

Ответ лидера Триады оказался еще безумнее, чем стремление перехватить *ее* добычу.

– Пошла ты, сука, на!.. – Шальной крик Кипятка был настолько визгливым и громким, что без всякого мегафона перекрыл грохот автоматных очередей.

Какое-то время подполковник молча наблюдала за боем, с горечью отмечая, как на тактической карте гаснут биомаяки ее людей, убитых или выведенных из строя. Затем переключилась на

внутренние каналы оперативной группы, бросая в эфир негромкий приказ:

– Зачистить уровень, работать на поражение. Группы два и три – начать поиски старшего лейтенанта Ху. Вызвать подкрепление и оцепить корму до двенадцатого яруса. Двух белых взять живыми. Повторяю, щенка с татуировками машиниста и его напарника взять живьем!..

Солдаты, до этого момента по большей части огрызавшиеся в ответ на беспорядочную пальбу бандитов, перешли в настоящую атаку. Бой, разгоревшийся на самом пороге резервных залов для машинистов комбайна, закипел с новой силой.

У черного тоже бывают полутона
29 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

Существо без имени скользило в тени, с интересом наблюдая за развернувшимся побоищем.

В былые времена существу доставляли удовольствие и такие схватки – полные свистящего свинца, когда строй на строй в тесных переулках Анклавов сходились крохотные профессиональные армии. Несмотря на то что эти дни остались в прошлом, следить за перестрелкой, оставаясь незримым наблюдателем, было жутко увлекательно.

Существо без имени почти перестало быть человеком, сливая свою плоть с полумраком палубных коридоров. Оно больше не идентифицировало себя по имени, не имело ни пола, ни вероисповедания, ни возраста. Словно меняющая шкуру змея, оно ждало нового воплощения, пока оставаясь бесплотным духом. Болотное чудовище, скользящее за спинами сражавшихся, наблюдало за тем, как люди убивают один другого.

Схватка становилась все интересней, и оно было радо, что дождалось самого разгара битвы. Три стороны, беспорядочно рассыпанные по улочкам шестого яруса, заливали полы кровью и усыпали гильзами. А ведь еще десять минут назад казалось, что военные хотят просто арестовать чиновника и его приятеля, зажатых в бочке с единственной круглой дверью. Туда, впрочем, существо лезть не решилось, раздосадованное малочисленностью путей отхода.

Вот оно заметило, как совсем рядом от него двое китайцев с остервенением расстреляли из «дрелей» закованного в боевую защиту рядового НОАК. Броня лопалась под осиным роем пуль, но бандиты продолжали давить на спусковые крючки до тех пор, пока тело под кирасой не превратилось в алую кашу. В воздухе осязаемо витал вирус ожесточения и неистовства, передавшийся бойцам от их буйнопомешанного рыжего вожака.

Показавшаяся из-за поворота тройка автоматчиков в такой же камуфлированной «саранче» мгновенно уничтожила стрелков, отомстив за смерть однополчанина.

Существо улыбнулось, уходя в новую тень. Наблюдать, как солдаты задержались возле убитого, считывая данные с системы жизнеобеспечения костюма, было неинтересно.

Несмотря на примерно равную численность сторон, воины

гарнизона оказались куда собраннее и толковее разномастного сброда с татуированными кобрами на щеках. Используя укрытия, они медленно, но очень скоординированно продвигались внутрь склада, зачищая одного противника за другим. Тройки, на которые разбились бойцы в «саранче», почти не разрывались, в подавляющем большинстве случаев имея локальный перевес в огневой мощи.

Однако исключения существовали, в чем существо без имени имело шанс тут же убедиться. Одинокий солдат с открытым шлемом подвернулся прямо под ноги, даже не успев вскинуть автомат. Судя по всему, системы связи его ИБК вышли из строя: тактический экран на забрале был погашен, а сам поднебесник яростно терзал замолчавшую рацию.

Не дав тому опомниться, существо выстрелило в лицо китайца из «дыродельчика», убив наповал и даже не позволив сообразить, кого именно тот обнаружил в темном складском переулке. Перешагнув через убитого, болотное чудовище двинулось дальше, исчезая в густых тенях. Растворившаяся в воздухе гильза потянулась за ним легким дымным хвостом.

Как бы ни складывался бой, наибольшего интереса австралийского нелюдя заслуживали отнюдь не сумасбродные «кобры», бросавшиеся под пули с остервенением берсерков. И не солдаты гарнизона, одерживающие над ними верх. Существо следило за человеком, которого почти не знало.

За сибирским чиновником в рваном спортивном костюме, с разбитым лицом и разряженным пистолетом в руке. За *черно-белой* сущностью, так похожей на собственную сущность болотного демона.

Разница, с точки зрения внимательного наблюдателя, состояла лишь в одном. Если себя демон ощущал жителем многоэтажных трясин, в которые давно превратились города, то его недавний спаситель представлялся повелителем диких чащоб и гор, полных угрозы и необъяснимой тревоги…

Именно он оказался третьей стороной, зажатый со всех сторон жадным до крови огнем сражения. При этом, что выглядело еще более интригующим, не один. Неужели самопожертвование и являлось путем человека, вырвавшего безымянное существо из рук дикарей? Спасать других, расчерчивая мир на черное и белое? Рисковать собой, чего бы это ни стоило?

Ожившая тень с любопытством наблюдала, как напарник лесного демона рванулся из укрытия, вскидывая руки. Что-то крикнул по-русски, но тут же получил от чиновника удар в бритый затылок и был рывком заброшен обратно под железную

лестницу. Так мурена атакует свою добычу – удар, глухой щелчок челюстей, и хищник снова в норе, словно и не существовал.

Существо растянуло губы в улыбке. Оно обязательно нарисует его карандашный портрет, осталось только получше запомнить лицо и выбрать композицию наброска. Ночной освободитель определенно нравился Буньипу, с недавних пор связанный с ним невидимой ниткой…

Однако теперь существо хмурилось. Убедившись, что человек-лесник окружен почти со всех сторон, находясь на грани поражения, оно выбралось из засады и двинулось в сторону. На ходу вынуло из нагрудного кармана неразлучный блокнот.

Оно до сих пор не считало себя чем-то обязанным человеку в спортивном костюме. Но и позволить тому сгинуть в вонючих коридорах комбайна тоже не могло. Оно даст спасителю шанс, а уж воспользуется ли им чиновник, пусть решает всемогущая судьба…

Нелепо отказываться от возвращаемого долга
32 минуты от начала операции «Бронзовое зеркало»

Патрон, потраченный на придурковатого Степана, оказался последним. Затвор отскочил, зафиксировавшись в открытом положении. Гильза отлетела по дуге, звякнув о ступени лестницы.

Но Вебер не жалел. Пользы от армейского «дыродела» все равно было немного – стрелять по солдатам Юйдяо, неожиданно появившимся на игровой доске, он не собирался. А вот показательная боль, причиненная ломщику, свои плоды принесла.

Тот завыл, схватившись за простреленную руку так, словно пуля прошла не вскользь, только порвав кожу, а раздробила кости. Но в глаза Листопада вернулся светлячок здравого смысла, и тот уже не рвался лишить себя жизни. Убедившись, что черенок более не одержим побегом, Илья осмотрелся, попытавшись прочитать картину развернувшегося вокруг боя.

Дела обстояли не лучшим образом.

Да что там говорить – дела были откровенно паршивыми. Мобильные тройки солдат в легкой камуфлированной защите продолжали наступление на склад, уверенно тесня висельников. Повсюду виднелись трупы и раненые, причем, по самым скромным подсчетам, Кипяток потерял больше половины своих людей.

А еще ситуацию усугубляло появление коменданта, чей усиленный мегафоном голос Вебер слышал чуть раньше. Подполковник предлагала бандитам сдаться, однако действия ее солдат говорили о другом – на складе шла зачистка, во время которой поднебесники стреляли не по ногам врагов, а на поражение.

Путей отхода не осталось. «Балалайка» пометила карту оранжевым, прочертив возможные варианты отступления, но все маршруты пролегали или через простреливаемые участки, или через зоны склада, уже занятые солдатами НОАК.

Отложив бесполезный пистолет на пол, Вебер брезгливо покосился на подвывающего Листопада. И этот человек хотел с честью погибнуть в огне ядерных взрывов, в одиночку уничтожив железного мастодонта?

Илья быстро выглянул из укрытия, с горечью убедившись, что кольцо сжимается. Конечно, он мог бы дотянуться до оружия

одного из убитых, при желании вооружившись даже автоматом. Но сопротивление боевикам Юйдяо означало мгновенную смерть, а такого пункта в свой план Леший не включал.

Кроме этого, только сейчас Вебер обнаружил, что шальная пуля все же задела его бедро, по касательной разодрав кевлайкровую ткань и оставив громадный синяк, который через считаные минуты лишит его возможности не только бегать, но и, возможно, даже ходить.

– Что ж за денек-то… – прошептал он, вздергивая Листопада на ноги.

Остается сдаться подполковнику, надеясь на помощь Терпения. Потому что, если…

В этот момент голова Ильи закружилась, а желудок подпрыгнул, словно по нему ударили ногой. Одна из потолочных ламп треснула, заискрив и погаснув. А затем резиновые стены будто повело влево, резким толчком выправив обратно.

Стрельба мгновенно стихла, уголовники Кипятка заголосили из своих укрытий. Им вторили испуганные голоса солдат Каракурта. Сам Пэн, дважды раненный в руку, но все еще вооруженный «дрелью», мелькнул в соседнем коридоре.

– Внимание, всему персоналу! – приятный женский голос обрушился на поле боя из скрытых в стенах динамиков, заставив всех невольно задрать головы. – Сейсмологи комплекса зафиксировали горное землетрясение с магнитудой пять с половиной баллов. Эпицентр находится на безопасном расстоянии, уровень угрозы определен как низкий-низкий-средний. Ожидание повторных толчков – высокое. Пожалуйста, всему персоналу! Во избежание несчастных случаев настоятельно рекомендуем прекратить работы в цехах и на фабриках, а также держаться за поручни…

Железные стены бронированной ловушки стали словно каучуковыми, в глазах Вебера потемнело. Иррациональный страх толкнул в сердце, легкие выдавили последний воздух, но он не позволил приступу паники овладеть сознанием. Вскочил, утягивая за собой Листопада, и бросился к примеченному ранее переулку, уже не пытаясь прятаться.

– Ожидаемое время повторного толчка – полторы минуты, – продолжали мягко информировать обитателей комбайна его операторы. – Пожалуйста, выключите рабочие станки, остановите технику и держитесь за…

Перекрывая громкий инструктаж, над складом прокатился голос Каракурта. На этот раз без мегафона – подполковник перегнулась через балконные перила, вытягивая вперед руку.

– Вебер! Схватить его! Взять живым!..

Большего Илья не слышал, да и не хотел. Сердце уходило в пятки, адреналин зашкаливал за все разумные пределы. Внутри было неспокойно, желудок мутило, глаза невольно стекленели. Казалось, в его горло изнутри вцепился кто-то грязный и пещерный, живший на планете миллионы лет назад, но все еще не потерявший благоговейного ужаса перед танцами земной коры.

Стараясь не вспоминать, как сильно и по-детски испугался сегодня, едва комплекс тряхнуло в первый раз, Леший мчался вперед, безвольной собачонкой волоча за собой Степана. В пол рядом с ногой впечаталась пистолетная пуля, еще две искорки взвизгнули на стене. А он уже бросал Листопада в коридор перед собой, одновременным ударом в челюсть роняя бандита, невесть как оказавшегося на пути.

Чуть не потерял равновесие, ногой отшвыривая «дрель» оглушенного головореза подальше. Затравленно осмотрелся, сверился с «балалайкой». И уже ринулся в следующий поворот, как вдруг заметил на стене белоснежный листок.

Вырванный из блокнота, он казался настолько чуждым и неуместным, что сразу приковал взгляд Ильи. Листок с простым карандашным рисунком, наколотый на выступающий из стены болт. Примерно на уровне груди, проглядеть сложно. А ниже бумаги, почти неразличимый в полумраке закутка из широких стеллажей, виднелся лаз вентиляционного отверстия. С приоткрытой на ладонь створкой, так и манящей внутрь…

Вебер подскочил, срывая листок с железяки. Ему хватило считаной доли мгновения, чтобы понять, что именно изображено на белой шершавой бумаге. В следующий миг Илья уже заставлял Листопада упасть на колени, пинками загоняя в спасительный люк.

Нырнул следом, сминая рисунок шаманского бубна в кулаке, и принялся с глухим рычанием протискиваться в узкую неудобную нору.

Проигранный ва-банк вызывает жалость. Сыгравший – зависть к предвидению
3 часа 21 минута от начала операции «Бронзовое зеркало»

Листопад больше не ощущал себя героем в сверкающих латах. Он ощущал себя приговоренным к смерти, которого помиловали за секунду до расстрела, чуть не сведя с ума. Или смертельно больным, промотавшим все сбережения за какую-то жалкую неделю, а затем узнавшим, что врачи перепутали диагноз.

Или вообще персонажем известной виртуальной игры. Вот хозяин аккаунта управляет действиями Степана – заставляет взять протянутую чашку кофе, попроситься в туалет или протереть лицо влажной салфеткой. И вдруг выходит из Сети покурить или вздремнуть, бросая куклу в одной позе, застывшую на офисном стуле фарфоровым болванчиком.

Только сейчас юноша начинал осознавать, что на самом деле натворил.

И что вообще произошло за эти несколько часов.

Только сейчас пришел страх – умереть от бандитской пули, быть схваченным китайскими контрразведчиками или навсегда застрять в тесной вентиляционной шахте, куда его запихал Леший. Еще три часа назад все это казалось несущественным, ненастоящим, как пришедшая на память виртуальная игра.

– Нет, спасибо, у меня еще есть… – Степан заставил себя вежливо улыбнуться, отказываясь от очередной чашки с терпким запахом, протянутой сотрудницей посольства.

Все они – мужчины и женщины, сибирские чиновники, ставшие заложниками ситуации, – были серы лицом. Старались держаться молодцами, абы кого на комбайн поднебесников Сибирь не отправляла. Но Листопад все равно видел, каким ужасом переполнены окружавшие его люди. Потому что осада, в которую свора подполковника взяла крохотную суверенную территорию Республики после боя на корме, ничем хорошим закончиться не могла…

Его спаситель тоже был здесь. Его тюремщик, его страшный

сон. Человек, посланный Эдуардом на его поиски и поимку. Наемник, отыскавший его в брюхе комплекса и не отдавший узкоглазым.

Женщина, которую местные называли Желтым Каракуртом, тоже находилась неподалеку. В отличие от Лешего – за толстыми стенами и механическими дверями, сейчас заблокированными изнутри.

Истекая кровью и протискиваясь в жадное жерло шахты, Степан еще долго слышал за спиной неутихающий грохот боя. Как выяснилось позже, комендант методично зачистила склады, уничтожив последние очаги сопротивления. А затем бросилась в погоню, объявив на комбайне едва ли не военное положение.

Патрули были усилены, многие ярусы и палубы перекрыты, повсюду шныряли солдаты. Как Леший вообще умудрился протащить Гринивецкого к посольству, оставалось загадкой.

Память подсказывала, что несколько раз тот силой принуждал ломщика применять свои способности. Выудил из кармана психопривод, заставил подключиться к механизму запирания переборок. Заставил снова *ломать*.

Наверное, без умений Листопада сибиряки угодили бы в руки китайцев. Но общего впечатления это не меняло: упертый он тип оказался, этот Леший. Жестокий. Прямой, как рельса, и такой же несгибаемый. Терпение знал, кого послать за братом…

Ведь тому даже хватило смелости поругаться с послом Республики. Степан, еще в себя не пришедший, все же смог запомнить, как рычал Леший, когда в переговоры с подполковником возжелал вступить именно посол.

– Благодаря дурости этого щенка, – доказывал мордоворот в спортивном костюме, брезгливо кивая на притихшего Листопада, – заварилась каша, размешать которую не в силах никто из вас. Отдадите брата министра китайцам – полетят головы. Попробуете передать его БАРСу – начнется бойня. Признаете объективность выдвинутых комендантом обвинений – полетят головы. Попробуете по-тихому сдать меня и молокососа китаезам – головы полетят со свистом…

На ближайший офисный стол упала прозрачная пластина документов Лешего с набором голографических печатей внутри.

– Вот мои полномочия, подтвержденные министром, – хмуро басил наемник Терпения, завершая спор. – Но уверяю, они значительно выше, чем вы способны представить. Хотите сохранить шкуры и рабочие места? Позвольте мне собрать все шишки на себя. Не хотите – прикажите парням в холле арестовать меня, отдайте поднебесникам и посмотрите, что из этого выйдет…

В целом аргументы озвучивались весомые. При этом Степан чувствовал – не прислушайся сотрудники дипмиссии к этим доводам, парой сломанных носов станет больше, а арестовать себя наемник все равно не позволит.

Пожилой величавый посол, оказавшийся бюрократом разумным, хоть и не самым решительным, какое-то время еще пробовал возражать. Но пошептался с младшими советниками и великодушно сдался, отдаваясь на волю судьбы. Вид, однако же, имел такой, будто человек министра не спасал посольство от дипломатического скандала, а взял их всех в заложники…

В итоге Леший, которого, как чуть позже выяснилось, звали Ильей, вызвался сам говорить с Каракуртом.

Связались по внутренней сети, которую так и не смог сломать Листопад. Долго искали слова.

Конечно, Чэнь Юйдяо хотела только одного – посольство выдает ей всех незарегистрированных на борту, сопровождать ломщика должен именно Вебер. Иначе: штурм, скандал, ноты протеста, разрыв дипломатических отношений и прочие «казни египетские». Степан сомневался, что подполковник уполномочена сыпать угрозами такого масштаба, но горящие яростью глаза женщины говорили, что сейчас это не самое важное…

Впрочем, Леший оказался нисколько не дуболомом, каким привиделся Листопаду при первом знакомстве. Осторожно подбирая термины и определения, он уводил беседу от рифов непонимания, заставив подполковника спустить пар.

Первым делом он безапелляционно назначил повторный сеанс связи через пятнадцать минут, не слушая возражений. В посольстве сразу встали на уши, едва не кинувшись на дерзкого переговорщика с кулаками. Но телескопическая дубинка, уже знакомая Степану, легла на стол рядом с документами Вебера, и бунт стих.

Чуть позже Гринивецкий, равно как и посол, были вынуждены признать правоту наемника.

Начать вооруженные действия против официальных лиц Сибирской Республики для коменданта Юйдяо означало не только совершить карьерное самоубийство, но и поставить под угрозу сам проект «Звездный Путь». И пусть втайне Листопад хотел именно этого, в минуты шаткой неопределенности воинственная часть его сознания стыдливо помалкивала…

Когда лицо подполковника повторно появилось на экране коммуникатора, она уже перевела дух. Говорила взвешенно и более хладнокровно, однако на правоте настаивала и требований не смягчала.

Обвинения сыпались одно за другим: шпионаж,

промышленный шпионаж, попытка взлома сети, политический саботаж, террористическая диверсия с целью полного уничтожения ПТК, сопротивление официальным властям комплекса и даже убийства местных беззаконников, совершенные во время схватки у резервного бункера.

Леший, чьи скулы превратились в один одутловатый синяк, от атак ловко уходил, настаивая на деликатности сложившейся ситуации и отрицая одно обвинение за другим. Заведя беседу в тупик, снова предложил передышку, и только тогда Степан догадался, что наемник элементарно тянет время…

Осадой тот, кстати, тоже руководил толково.

Ведущие на внешние балконы двери забаррикадировал, жалюзи закрыл, свет приглушил. Рассадил по рабочим местам всю пару десятков сотрудников, чтобы не путались под ногами. Троих посольских охранников разместил за баррикадой в приемном холле, приказав в случае опасности стрелять, но обязательно выше голов. Выставил у вентиляционных решеток четверых добровольцев-«нюхачей», в чьи обязанности входило проверять воздух, поступающий внутрь офисов.

Пока китайцы не отрубили внешнюю связь, Илья убедил генерального консула связаться с Новосибирском и отправить зашифрованную сводку событий лично министру информационной безопасности. Словно древнеримский диктатор, сосредоточивший власть в своих руках, он быстро нашел общий язык с недовольными и умело поддерживал сторонников, принимая решения решительно и без промедлений.

Через час его слушались все, в том числе и примолкший посол. Безоружные, старательно скрывающие страх чиновники сейчас напоминали Листопаду консервы, плотно набитые в банку. Вопрос состоял в том, осмелится ли Каракурт отведать этих консервов…

А еще через полчаса, выторгованных Лешим на «размышления», Степан понял, чего именно ждал Илья, изматывая подполковника пустыми беседами.

– Эй, сопля, иди-ка сюда… – Негромкий голос вывел ломщика из легкого транса, в котором тот пребывал после провала операции Порфириона.

Несмотря на собственный приказ, Леший стоял у широкого окна, двумя пальцами раздвигая плотные жалюзи. Снаружи по-кошачьи подкрадывалась сентябрьская ночь, но Гринивецкий сумел рассмотреть, да и искусственная иллюминация помогала: в предгорьях вокруг ПТК поблескивало, словно кто-то рассыпал по ним пригоршню болотных гнилушек. Это, как догадался Листопад, нескромно маяковали оптические прицелы снайперов

Каракурта, взявших балкон посольства под контроль.

Илья хотел сказать юноше что-то еще, но передумал. И только кивнул вбок и влево, приглашая взглянуть. Осторожно, словно мог вот-вот напороться на пулю, Степан приник к окну, выглядывая.

На расчищенную и хорошо освещенную прожекторами площадку перед комбайном, на самый край пестрого ярмарочного городка приземлялся реактивный вертолет с огромной эмблемой БАРСа на «хамелеоновом» борту. Медленно, осторожно, будто боялся сорвать с насиженных мест палатки артистов и торгашей.

– Это за нами, да? – прошептал Листопад, не глядя на Лешего.

– Наверное… – Тот пожал плечами, но скривился от боли и принялся разминать левую подмышку. – Если повезет, так сказать…

Под прицелами противовоздушных систем и «ревунов» армейская машина сибиряков грузно коснулась земли, замирая в паре десятков метров от внешнего городка. Теперь стало слышно, как шумно гомонят наполнявшие ночную ярмарку поднебесники. Тыча в вертолет пальцами, они вертели головами и почти не обращали внимания на многочисленное оцепление из солдат НОАК, пытавшихся согнать рабочих поближе к комплексу.

У реактивного «Махаона» откинулась бортовая аппарель, с такого расстояния казавшаяся игрушечной. Да и сам летательный аппарат, способный перевозить до десяти десантников, рядом с громадой «Императора Шихуанди» выглядел стрекозой, присевшей возле туши бегемота. По крохотному пандусу быстрым шагом спустились четверо крохотных спецназовцев – в ИБК, хоть «коловороты» и висят на груди стволами вниз, демонстрируя мирную готовность к неприятностям. За ними…

– Ты ведь знал? – спросил Листопад, перед глазами которого сейчас пронеслась вся его недлинная жизнь. Особенно ярко – последний месяц, проведенный в глубинах прокладочного комбайна. – Знал, что он прилетит, да?

– Догадывался… – Леший только хмыкнул, рассматривая человека в инвалидной коляске, шустро съезжавшей по вертолетному трапу. – У твоего братца есть одна навязчивая черта. В сложных ситуациях – ты уж прости за неэтичный каламбур, – ему никак не сидится на месте…

– А если бы он не прилетел? – Степан отвернулся от темного окна и прислонился спиной к жалюзи, мечтая только об одном – чтобы кто-то из снайперов на горных склонах переволновался и выстрелил… – Если бы он не прилетел, Леший, ты отдал бы меня китайцам?

– Если бы не мороз, Степа, овес бы до неба дорос… – Илья взглянул на бледных сотрудников, с интересом и надеждой посматривающих в их сторону.

Конечно, они слышали, что возле комплекса приземлился вертолет. Да вот только радости или облегчения на их лицах младший Гринивецкий прочитать не мог.

– Ну, пойдем, Степка. Похвастаем брату твоими геройствами…

Леший легонько, почти по-дружески хлопнул его по плечу. Ровно там, где рукав Степана был распорот, а под одеждой виднелась перевязка.

– Дамы и господа! – повысив голос, эту речь Илья адресовал уже всем работникам посольства. – Спасибо за проявленное мужество, хладнокровие и выдержку! Вы продемонстрировали черты по-настоящему сибирского характера, и я обязательно упомяну об этом в официальном отчете. Уверен, что осадное положение отменят с минуты на минуту. А мы отбываем на заключительный раунд переговоров с комендантом Юйдяо…

– Исход которых не может предсказать даже сам Геос, – задумчиво прошептал ему вслед Листопад, но молодого ломщика никто не расслышал.

Заколотого быка не вернуть в стадо
3 часа 56 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

Ночная осенняя прохлада подступала влажными волнами, забивала нос запахами вянущих трав, тянулась под воротник и в бесформенную прореху на штанине. Палаточный табор притих, собравшись на самой границе, где его отрезали от сибирского вертолета цепь гарнизонных солдат и линия переносных прожекторов. По самым скромным подсчетам Ильи, Каракурт выгнала из комбайна не меньше двухсот автоматчиков, а снайперы по-прежнему занимали позиции на западных предгорьях.

Рабочие прокладочного комплекса, еще двадцать минут назад беззаботно уплетавшие сахарную вату и глазеющие на цирковых акробатов, выглядели притихшими и подавленными. Толпились стадом, словно боялись, что сторожевые псы в камуфляже загонят в душные недра «Ильи Муромца», негромко переговаривались. Открыто пялиться на коменданта или ее офицеров опасались.

Толпа ночных гуляк, насчитывающая несколько сотен поднебесников, старалась быть незаметной и осторожной, шепотом обсуждая увиденное перед комплексом. Подогретая слухами, она жадно вслушивалась в происходящее на посадочной площадке. Начинала придумывать детали, которыми обогатит историю уже этим утром, пересказывая ее занятым на вахтах товарищам.

А обсуждать было что.

Весть о том, что русские поймали террориста, которого отказываются выдать Каракурту, облетела передвижную фабрику со скоростью ветра. Еще говорили о том, что Триада решилась свергнуть коменданта Юйдяо. Доверительно пересказывали ход сражения на корме, безбожно искажая любую мелочь. Когда любопытные рабочие высыпали на улицу следить за переговорами, молва искренне полагала, что с армией бандитов столкнулось не меньше сотни солдат…

Из посольства их все-таки выпустили, хоть Вебер до последней секунды опасался роковой интриги. Сначала подполковник лично спустилась к приземлившемуся снаружи «Махаону», несколько томительных минут общалась с Терпением. А затем отдала бронепехоте распоряжение пропустить сибиряков на улицу – распутывать непростой клубок зарождавшегося

скандала решили у стен «Муромца».

Комбайн, как за прошедшие дни Илья убедился лично, на комфортное перемещение высокопоставленных инвалидов рассчитан не был. А потому жест Каракурта выглядел проявлением уважения к министру. Однако первым делом Вебер заподозрил подвох, на всякий случай приковав к себе Листопада мягкими эластичными наручниками.

По «улицам» комплекса двигались так, чтобы Лешего не смогли оттеснить от ломщика. А еще Илья откровенно прикрывался Гринивецким и послом, справедливо рассудив, что выстрел из шокера или первая игла транквилизатора будет предназначаться именно ему, а не юноше.

Впрочем, китайцы, хоть и смотревшие волками, поползновений не совершали, провожая затравленными взглядами, но вперед не суясь. Организовали кратчайший путь, с которого убрали всех рабочих, беспрепятственно проводили троих сибиряков наружу.

Только там Илья позволил себе ослабить хватку. Степана, конечно же, отстегнул, но дубинку убирать не спешил, с демонстративной рассеянностью поглядывая по сторонам.

Стоящие на границе светового круга китайцы казались озлобленными, напряженными, готовыми на любой, даже самый опрометчивый, поступок. В серьезности лиц сибиряки им нисколько не уступали – сопровождавший Терпение спецназ «коловороты» по-прежнему держал стволами вниз, но глаза «барсов» говорили: мы готовы, только дай приказ. Их была всего горстка против целой армии, но Вебер знал, что до соревнования «кто кого» лучше не доводить…

Каракурт, подтянутая и возбужденная, даже не сняла брони, под которой вступила в бой возле резервного бункера. На левом наплечнике виднелась свежая отметина от пули, бронзовые волосы под фуражкой слиплись от пота. Несмотря на жаркий и непрерывный спор с министром, комендант находила время бросать на Илью странные, очень внимательные и долгие взгляды.

За спиной подполковника, смурной и поджавший губы, виднелся старлей, которого Илья оглушил в операционном зале машинистов. Ху смотрел на сибиряков с неприкрытой ненавистью, и Леший даже порадовался, что бразды правления сосредоточены в руках Юйдяо, а не этого злобного крепыша.

Несмотря на строжайший запрет Желтого Каракурта, Вебер заметил в толпе и рослые фигуры чужеземцев. Он не догадывался, как именно иностранные журналисты собирались вывозить с комбайна эксклюзивные кадры, но сейчас те с

оптимизмом снимали происходящее на небольшие скрытые камеры или «балалайки». Быть может, где-то среди них сейчас находился и авантюрист Бадоса, умеющий крайне своевременно возвращать долги?

Игнорируя прохладу и растущее напряжение, подполковник и министр не спешили приходить к консенсусу. Уже четверть часа они обменивались фразами разной степени деликатности, пытаясь выиграть словесную дуэль. И если Терпение устраивала хотя бы ничья, Каракурт жаждала крови. Из ее уст Илья не услышал ничего нового, чего подполковник не сказала лично ему еще в посольстве – признать, арестовать, выдать, наказать!

Впрочем, за аргументами Терпения Леший тоже следовал без интереса. Он выполнил задание, пусть и не совсем так, как планировал. А чем закончится соблюдение casus foederis, военные и политики решат сами. Даже в такой щекотливой ситуации, когда напавшим на союзников агрессором стал родной брат сибирского министра.

Виновник, кстати, стоял в сторонке, понурившись. К разговору прислушивался вполуха, невнимательно. По сторонам тоже почти не глазел, погруженный в обкусывание бескровных губ. В ответ на тихое приветствие брата он лишь кивнул, в глаза Эдуарду стараясь не смотреть. Встал, окруженный «барсами», да и затих.

Худой, по-юношески нескладный, он вдруг вызвал у Ильи неожиданный приступ жалости. Жгуче захотелось найти человека, промывшего парню мозги, и хотя бы разок поболтать с тем по душам…

А затем Степан вдруг выкинул новый фортель, заставивший челюсть Лешего удивленно опуститься. Потому что все эти пятнадцать минут Листопад вовсе не дремал стреноженным жеребцом, ожидая участи. Он копил силы…

– Хватит! – Его крик прокатился над головами переговорщиков так звонко и неожиданно, что кое-кто из солдат в оцеплении вздрогнул, схватившись за автомат. – Хватит воздух молоть… Дайте, я скажу.

В наступившей тишине стало слышно, как ночной ветер подвывает, запутавшись в антеннах на крыше «Ильи Муромца». Каракурт побагровела, хрустнула шеей, но стиснула зубы и смолчала; Терпение удивленно повернулся в кресле, словно не поверив, что голос подал именно его брат.

– Хватит! – повторил Листопад. Хотел сделать шаг вперед, но стоявший справа «барс» вежливо придержал за локоток, не позволив. – Все это… все, что случилось здесь, на борту этого комплекса… все это из-за меня. Значит, и в переговорах

участвовать мне.

Старлей за спиной Юйдяо что-то зашептал подполковнику, она раздраженно отмахнулась. Эдуард все еще собирался с мыслями, чтобы ответить Листопаду, но Степа не дождался его реакции, продолжив:

– Споры бессмысленны. Я на самом деле хотел причинить ПТК вред, хоть у меня ничего и не получилось… – Юноша мотнул головой на тушу комбайна, и глаза его блеснули непрошеной слезой обиды. – Но я могу доказать, что моя миссия не имеет никакого отношения ни к моему брату, ни к Сибирской Республике вообще! Да и к Китаю она отношения не имеет! – Он рубанул рукой воздух. – Если такой комплекс построят вудуисты или русские, мы попробуем разрушить и его…

Вебер с интересом и опаской наблюдал за ломщиком, замечая, как в скрытой полумраком толпе китайцев зашевелились журналисты. Оставалось надеяться, что Каракурт вытряхнет из них дурь, не позволив происходящему перед «Муромцем» просочиться на телеэкраны или в Сеть…

– Степа, пожалуйста, замолчи! – Эдуард, крутанув коляску, наконец-то обрел дар речи. Посол Республики, стоявший рядом с министром, побелел и схватился за сердце. – Не вмешивайся, пожалуйста, и позволь мне завершить беседу с подполковником… Госпожа Юйдяо, вы ведь понимаете, что это не для протоко…

– Перестань затыкать мне рот, братец, – окрепнув голосом, оборвал его Листопад и все же сделал вперед короткий шаг. – Я уже не черенок!

Сказано было негромко, но продолжительная тишина разнесла фразу над всем притихшим городком. От негодования Терпение вцепился в подлокотники, красноречиво уставившись на спецназовцев. Но ломщик смотрел на Каракурта, а та всем видом демонстрировала готовность слушать дальше. Даже несмотря на шипение старшего лейтенанта, все еще что-то доказывающего коменданту.

– Да, товарищ Юйдяо, – сказал Степан, через разделяющие их метры глядя женщине прямо в глаза, – я воспользовался своим родством с сибирским министром. Но я обманул не только китайцев, но и своих сородичей. На этом любая связь с Республикой заканчивается, а поэтому я настаиваю, что почвы для политического скандала нет!

Штабисты Каракурта негромко зароптали, теперь принявшись нашептывать подполковнику все вместе, но она снова отмахнулась, жестом предлагая Листопаду продолжить. Илья потер небритый подбородок, совсем иначе взглянув на тощего молодого человека с лысой головой.

– Да, за мной был послан уполномоченный сотрудник министерства, почти справившийся со своей задачей. – Степан обернулся, щурясь от бьющих в лицо галогенных ламп, и нашел среди военных фигуру Ильи. – Но он не шпионил в пользу Сибири, никого не убивал и никак не препятствовал дружбе ваших государств. Я смогу подтвердить это, если будет нужно…

При упоминании о Вебере глаза подполковника засверкали, и женщина даже подалась вперед учуявшим добычу хищником.

– Кто в таком случае, – громко спросила она, переводя взгляд с одного Гринивецкого на другого, – напал на старшего лейтенанта Ху и его патруль?!

И даже демонстративно ткнула в старлея пальцем, словно это все объясняло.

Илья тяжело вздохнул, готовый к худшему. Но уже через мгновение медленно выпустил воздух из легких, не очень-то веря ушам.

– Это были бандиты человека по имени Кипяток, – уверенно ответил ломщик, расправляя плечи. – Это они оглушили людей старшего лейтенанта Ху и вывели меня из бункера. После чего я был освобожден Леш… официальным представителем министерства информационной безопасности… Таким образом, я повторяю свое заявление – если нет скандала, то и повода для переговоров тоже нет.

Вебер, задумчиво потиравший окаменевшую шею, глянул в сторону Каракурта. Выдержал ее взгляд, полный негодования и ярости, снова покосился на паренька. В который раз – по-новому.

Он будто бы наблюдал за ростком, заснятым в режиме ускоренной съемки. Вот тот едва пробился из-под влажной земли, но вот уже тянется к небу, набирая силу. Еще через несколько секунд он уже не тщедушный побег – он молодой ствол, грозящий стать ветвистой колонной могучего дуба.

Но дальше, и это Илья знал наверняка, ему не взойти – как посаженному в кадку дереву, экстерьер которого с этой минуты станут формировать садовники. Тем не менее, при всем трагизме происходящего, впечатление все равно было мощным – в глазах Лешего Степан возмужал за какие-то считаные минуты. Решившись на самоубийство, но не выдав Вебера и попытавшись защитить брата…

– Я несколько часов наблюдал за перепуганными и ни в чем не повинными работниками посольства, – продолжил Листопад, снова не позволив Терпению себя перебить, – и принял окончательное решение – я сдаюсь вам, товарищ Юйдяо.

Ценнейшее сокровище проигравшего – затаенная месть
4 часа 02 минуты от начала операции «Бронзовое зеркало»

– Я вырву ваши глаза, сукины дети! Размельчу их в блендере, залью молоком и выпью на завтрак!

В сторону полетел полупустой пояс с подсумками для изогнутых магазинов к пистолет-пулемету. Одна снаряженная обойма выскочила из брезентового кармана, с лязгом ударив в подножие алтаря, но Кипяток не заметил, продолжая бушевать.

– Вы племя выродков, рожденных в вонючей канаве за городской свалкой!

Он рычал и пытался выскользнуть, но доспех снимали сразу пятеро «сорокдевяток» под командованием господина Цзи, так что даже привстать с лежанки босс возможности не имел. Запекшаяся кровь и термический ожог на правом плече пока не позволяли отодрать наплечник, но рядовые бандиты выливали туда уже вторую банку лекарства, и скоро корка должна была размякнуть.

– Я вырежу ваши сердца кухонной ложкой! – Квон Пэн рычал, вращая глазами так, словно хотел выдавить их из орбит. – Проткну печень и заставлю сожрать собственные пальцы!

Поглаживая усики, Цзи гадал, отчего больше бесится Большой Брат. Боль понятна, она заставляет людей кричать, даже самых сильных. А Пэн вообще был ранен трижды, если не считать ожога и недавних побоев.

Но инфорсер с необъяснимой уверенностью полагал, что босс ярится совсем не от физических страданий. Каракурт, с которой «кобрам» пришлось вступить в неожиданный бой несколько часов назад, уничтожила сразу дюжину братьев «Союза трех стихий». Безжалостно, даже не пытаясь взять пленных.

– Вы, пропахшие мочой мешки тухлятины, какого дьявола вы делаете?!

Кипяток застонал, дернулся в руках «сорокдевяток», обмяк и закусил губу. Вместе с бесформенными лоскутами кожи темно-красный наплечник его боевого доспеха отошел прочь, и помощники сняли пластину, откладывая в сторону.

– Осторожнее, семя гиены, или я заставлю тебя откусить

собственный…

Большой Брат задышал тяжело и часто, по-собачьи высунув язык. Цзи озабоченно обернулся, нетерпеливыми взмахами руки подгоняя медиков братства. Те, сбиваясь с ног, заканчивали наполнять ванну специальным медицинским раствором, в котором боссу предстоит провести не меньше сорока часов.

Кипяток, почуяв, что контроль над ним ослаблен, попытался вскочить. Рядовые, испуганно заголосив, осторожно навалились на босса, придавливая его обратно к лежанке. А тот вдруг уставился в лицо нависавшего над ним молодого человека, совсем недавно ставшего полноценной «коброй».

– Я убью тебя! Лично убью! И семью твою вырежу! Вот этими руками! Ножом… Ай, суки…

Пэн выгнулся дугой, тяжело рухнул обратно, ногой задев прикроватный столик с хирургическими инструментами. Доспех на правой половине груди, где ремни и пластины практически спеклись с плотью, еще не был снят. Подскочил один из медиков, вопросительно глядя на инфорсера. Цзи вздохнул, утвердительно кивая, и дернул себя за ус.

Медик тут же воткнул в бедро Большого Брата очередной инъектор с обезболивающим. «Вряд ли поможет, – мельком подумал старший 426-й. – Но они обязаны делать все возможное, пока у Пэна не пройдет припадок и душевная боль не покроется пленкой забвения. Быть может, переполненный лекарствами, босс хотя бы потеряет сознание?..»

– Я тебя запомнил! – Теперь Кипяток нацелил гневный взгляд на медика. – И тебя тоже! Вы все поплатитесь, выродки!

Квон Пэн вдруг заметил своего любимого офицера, стоящего у изголовья. Улыбнулся плотоядно и безумно. Но от «сорокдевяток» в этот момент отвлекся, и те принялись торопливо срезать остальной доспех вместе с омертвевшей кожей вожака.

– Цзи! – змеей зашипел тот, облизываясь сухим языком. – Доставить мне сибиряка! Вебера сюда, немедленно! И полукровку! Готовь станки, брат! Я лично колесую этого выродка! О, Будда…

Еще один элемент доспеха оказался отодран от окровавленного бока Кипятка, и он снова выгнулся на гимнастический «мостик». «Да, это не муки телесной боли, – в который раз подумал инфорсер, следя за гримасами босса. – Это маска ненависти к людям, сумевшим нанести «Алмазной кобре» подлый и коварный удар».

О, с каким удовольствием он доставил бы сибиряка к ногам Большого Брата! Без всяких рыцарских поединков, просто

притащил бы в цепях. Но оказалось, что это невозможно. Во всяком случае, сейчас.

После того как Желтый Каракурт завершила истребление его собратьев, а Квон Пэн и еще двое бойцов вонючими канализационными стоками ушли в кормовые трюмы, след Вебера оборвался.

Позже, почти через час после схватки, когда Кипяток уже добрался до штаб-квартиры и над ним начали колдовать медики, стало ясно, что Вебер тоже выскользнул из ловушки коменданта. Однако же и теперь оставшись в недосягаемости – подполковник заперла русских в посольстве, введя на комбайне военное положение. Члены «Союза Небес, Земли и Человека» мгновенно залегли на дно: рядовые маскировали татуировки, старшие уходили в подвалы и бронированные убежища, пушеры сворачивали бизнес, бордели взяли выходной.

А еще через пару часов Вебер и Денис Йен вообще покинули борт «Императора». Машинисты, теперь не отходившие с рабочих мест даже по нужде, и сейчас держали опухшую рожу сибиряка в прицеле внешних камер комбайна, осторожно прицепившись к Сети.

Наблюдая, как Квон Пэн медленно затихает, перекачанный обезволивающими препаратами, Цзи глубоко вздохнул. Большому Брату не удалось поймать Вебера и его тщедушного напарника, нанесших «Союзу трех стихий» оскорбительную пощечину. Но «кобры» терпеливы и умны. Когда настанет час мести, они его не упустят.

Некоторые поступки достойны предельной решимости
4 часа 05 минут от начала операции «Бронзовое зеркало»

Илья, еще несколько секунд назад догадавшийся, на что собрался пойти ломщик, обреченно вздохнул. Терпение вытянулся в кресле, будто ему заклинило позвоночник, посол Республики опять схватился за грудь.

Офицеры Поднебесной зашумели, вслед за ними рокот прокатился и по толпе, заставив нервничать автоматчиков обеих сторон. Каракурт молчала, с пристальным прищуром рассматривая Степана. Эдуард что-то негромко и торопливо говорил брату, оживленно жестикулируя.

Сам ломщик окружающих не слушал, глядя куда-то вперед и вверх, и Леший догадался, что юноша все еще сражается с собственным страхом…

– Стойте! – вдруг крикнул тот, вынудив всех замолчать. Сибиряков – обиженно, поднебесников – удивленно. – Я сдамся подполковнику Чэнь Юйдяо, но сделаю это с одним-единственным условием.

Каракурт кивнула, словно этого и ждала, а Терпение обреченно покачал татуированной головой. Плечи министра поникли, он развернул коляску к китайцам.

– Говорите, господин Гринивецкий. – Юйдяо кивнула, похрустев шеей и закладывая руки за спину. – В чем состоит ваше условие?

– Наметившийся политический скандал будет замят, словно его не существовало, – ответил Листопад, и Илья догадался, что паренек давно отрепетировал в голове финальную стадию переговоров с комендантом. – Все свидетельства должны быть уничтожены. «Балалайки» иностранных журналистов отформатированы, записи камер проверены наиболее тщательно. – Степан протянул руку, указывая на мелькавшие в толпе бледнокожие лица. – Из внутренней сети комбайна также должны быть удалены все свидетельства и записи нашего пребывания на борту. Если товарищ комендант готова выполнить мои условия, я сдамся…

Старший лейтенант Ху опять чем-то возмущался, но Вебер видел, что Каракурт почти не замечает своего адъютанта. Она задумчиво пожевывала тонкую губу, покачиваясь на каблуках и

торопливо размышляя над требованием ломщика.

Терпение, снова крутанув коляску, подъехал поближе к брату. Его изящные костюмные брюки почти до колена покрылись серо-желтой пылью, поднятой из-под колес. «Барсы» тактично расступились, отворачиваясь.

– Остановись, брат, – прошептал Эдуард, и Илья поразился горечи, звучащей в голосе калеки. – Не совершай опрометчивых поступков… Решил играть в героя? Ради чего, безумец?!

– Это не геройство… И поступок вовсе не опрометчив…

– Возьми свои слова обратно! – Терпение разговаривал с Листопадом снизу вверх, безуспешно пытаясь заглянуть в глаза брата. – Я сумею разрешить ситуацию, и уже сегодня утром мы будем в Новосибирске…

– Нет, Эдик… я принял решение, и будет глупостью полагать, что оно плохо обдумано мной.

– Ты неверно оцениваешь цену такого поступка!

– Эх, брат… – Листопад наконец-то посмотрел на министра и неожиданно улыбнулся. – Мне жаль тебя, превратившегося в обыкновенный офисный гаджет. Неужели ты никогда не был готов на самопожертвование? На истинное, огненное, сродни настоящей любви, сводящей с ума? Сродни любви, заставляющей не беречь себя, сжигающей дотла, без остатка и пепла…

– Остановись, умоляю… ты идешь по пути максимализма и фанатичной слепоты, присущей юнцам! – От улыбки младшего брата лицо Эдуарда Гринивецкого исказила гримаса ужаса. – Не делай этого!

Степан отрицательно покачал головой, обернувшись на погруженную в раздумья подполковника. Офицеры попробовали что-то робко советовать коменданту, но женщина рявкнула на свиту, и ее оставили в одиночестве, поглядывая с затаенным страхом.

– Ты когда-то *верил* во что-то настолько, Эдик, что был готов отдать жизнь? – подставляя лицо осеннему ветру, спросил Листопад.

– Я и сейчас верю! – прошептал Терпение, устало потирая лицо. Отряхнул пиджачный лацкан от пыли, положил тонкие пальцы на подлокотники. – В Сибирь. В свободную и сильную Республику. И если будет нужно – отдам за нее жизнь. Осознанно и без сомнений. Но тебя, Степа, развели, словно малька в аквариуме. Запугали, одурачили, бросили в погоню за химерой. Пойдем со мной, покажи мне этих людей, и я докажу свою правоту…

Степан снова улыбнулся, и Илья заметил, что теперь он выглядит куда старше брата.

– Откуда тебе знать, Эдик, что меня одурачили? – Ломщик словно бы случайно отыскал среди военных лицо Вебера, довольно долго глядя наемнику в глаза. – Ты убежден, что цель в жизни может быть только одна – твоя. Убежден настолько, что даже не можешь представить, что *это* – мое собственное решение. Осознанное. И лишенное сомнений.

– Лезть под гильотину?

– А если и так?..

– Степа, ты болван, если идешь на смерть ради обыкновенных террористов, – еще раз покачав головой, устало пробормотал Терпение, через плечо покосившись на Каракурта.

Разговаривая с братом, Степан продолжал смотреть на Илью, и тот сумел разглядеть теплые искорки, в этот миг промелькнувшие в глазах Листопада. И даже оказался готов к тому, что ломщик ответит именно так:

– А ты на самом деле до сих пор считаешь, что я делаю *это* ради «Мидгарда»?

И шагнул в сторону, не позволяя брату продолжить спор. Отодвинул «барса», выступил вперед.

– Ну что, товарищ подполковник?! – повысив голос, спросил он Юйдяо. – Вы принимаете мое условие?

Вокруг «Ильи Муромца» снова сгустилась тишина, нарушаемая лишь далеким шумом ночной стройки. Еще раз качнувшись на каблуках, комендант решительно кивнула, тоже повышая голос:

– Я принимаю ваше условие, господин Гринивецкий. Вы будете арестованы по подозрению в убийстве гражданина КНР Чи Вай Гао и использовании его личности для проникновения на секретные объекты фабрики. Такое обвинение вы находите приемлемым?

Вместо ответа Каракурту Листопад зажмурился, чему-то задумчиво улыбаясь.

– Прошу вас сделать пятнадцать шагов вперед и поднять руки над головой, – продолжила Юйдяо, давая знак автоматчикам. – Господин министр, господин посол, я убеждена, что на этом диалог окончен. У вас есть полчаса, чтобы все несанкционированные лица и единицы техники покинули внутреннюю зону безопасности «Императора Шихуанди». Спасибо за сотрудничество.

Четверо солдат в «саранче» шагнули вперед, готовые взять ломщика под стражу, но юноша не двинулся с места.

– Товарищ Юйдяо? – позвал он.

Желтый Каракурт, уже собравшаяся возвращаться к самоходной станции, раздраженно развернулась на пятках.

– Что еще?!

– Вы позволите мне попрощаться с братом?

Чэнь Юйдяо оглянулась на офицеров. Посмотрела на Терпение, подарила Веберу еще один долгий необъяснимый взгляд. Отрывисто дернула подбородком, зашагав к трапам «Муромца».

– У вас одна минута…

«Барсы», недоумевающе переглядываясь, попятились еще сильнее, оставляя Гринивецких на пустынном пыльном пятаке, освещенном, словно театральные подмостки. Эдуард прокрутил колеса, подкатываясь ближе, а Степан опустился на одно колено.

Так они и стояли, взявшись за руки, и Листопад говорил настолько тихо, что Илье не помогла даже новая слуховая система «балалайки». Впрочем, единственное слово из диалога братьев он все же разобрал. Уже поднимаясь с колена и целуя Терпение во влажную щеку, Степан довольно отчетливо произнес:

– Мао…

А затем Листопад ушел, с трудом переставляя тощие ноги.

Позволил солдатам надеть на себя наручники, непрозрачную маску, вынуть «балалайку». Терпение, в одиночестве оставшийся на ярком пыльном пятаке, остекленевшим взглядом смотрел ему вслед.

Когда ломщика увели в комбайн, а на окраинах палаточного городка толпа принялась расползаться, Эдуард развернул коляску. Попробовал вертеть колеса, но пальцы только скользили по пыльной резине, и он включил электромотор.

Командующий «барсами» капитан вежливо наклонился над министром.

– Эдуард Анатольевич, у нас двадцать две минуты, чтобы покинуть воздушное пространство…

Терпение перебил его небрежным взмахом руки. Отрешенно осмотрел предгорья, заснеженные пики, палатки, китайцев и махину комплекса. Заметил Вебера.

Илья подошел, ощутимо прихрамывая и не поднимая глаз.

– Эдуард… Ты прости меня… Не успел, выходит… – «Советник посла» все еще пытался представить, что произошло бы, схвати он Степана до его проникновения в бункер. – Я…

– Замолчи, Леший, – оборвал его министр, но злости в словах не звучало, и Илья удивленно поднял голову. – Надо было в Новосибирске ловить, вот тогда бы успели. Но тут только я виноват… А в таком замесе иначе бы и не произошло, я Степу хорошо знаю. Нет твоей вины, уж поверь… Ах да, и о деньгах не печалься, заплачу в полном объеме.

– Деньги?! – Щеки Вебера вспыхнули, он поджал губу. Комок

обиды толкнулся в горло так, что даже дыхание перехватило. – Да ты чего, Эдуард Анатольевич!? Я же не ради денег…

Но Терпение уже не слушал наемника. Снова включив мотор, он покатил к вертолету, вокруг которого нервно переминались спецназовцы. Вскинул коляску на дыбы, с помощью «барса» взъехал на трап «Махаона».

Перегнулся через поручни кресла, свешиваясь к подскочившему послу Республики. Тот, продолжая массировать левую половину груди, застыл возле министра, старательно запоминая инструкции и поручения. Ох, нелегкими будут первые дни восстановления его отношений с Каракуртом…

Илья обернулся на прокладочный комплекс, разглядывая его левый борт, освещенный, как новогодняя елка. Пыхтели трубы жилых бараков, крутились лопасти систем вентиляции, из заводов и фабрик стравливался пар и дым станков, на балконах виднелись солдаты и зеваки. Словно облепленный ракушками кит, титан дожидался часа, когда снова пустится в дорогу по волнам Саянского хребта.

Вебер покосился на засыпающий ярмарочный городок, снова вспомнив оператора Бадосу, склонного к отчаянным авантюрам. И задумался, вдруг решив, что неповоротливый гигант с логотипом корпорации «Тонни Ютонг» на борту, где им всем довелось встретиться, является идеальным образом Поднебесной Империи. Метафорой во плоти, прогрызающим скалы символом.

Бездушная машина проглотила молодого ломщика, прожевала и спрятала в огромном желудке, словно его никогда не существовало в природе. Так, впрочем, теперь официально и объявят.

– Так что, Леший, летишь? – усталый, но громкий голос Терпения заставил Илью обернуться.

Машинист развернул коляску на верхнем краю аппарели, глядя на наемника свысока. Под глазами его пролегли тени.

– Или еще погостить у подполковника собрался? Оставайся, если хочешь. Я ведь заметил, как смотрела она на тебя…

Ничего не ответив министру, бывший советник посла осторожно поднялся по трапу, исчезая в пропахшем оружейным маслом нутре «Махаона».

За короткий промежуток времени они с Гринивецким снова оказались на борту одного вертолета. Однако на этот раз Илья не испытывал чувства выполненного долга, как ни пытался. Вместо этого он ощущал измотанность, досаду и искреннюю обиду за недавние слова Эдуарда. Устроившись у окна, Леший поудобнее умостил травмированную ногу и отвернулся, сделав вид, что дремлет.

Двигатели вертолета заработали, последние спецназовцы оказались внутри, трап подняли и задраили. От посадочной площадки к громаде ПТК еще спешил посол Республики, а «Махаон» уже поднимался в воздух, разворачиваясь в густую осеннюю мглу.

Путь домой наполняет сердца благодатью
7 часов 22 минуты от начала операции «Бронзовое зеркало»

Идти было легко, даже несмотря на перенесенные за последнюю неделю трудности.

Привычный рацион таблеток он заменил на прикупленные на борту консервы и концентраты, поэтому буквально через пару дней начнет снова набирать форму. А дальше – все пойдет намного проще.

На самой границе он на сутки заляжет в пещеру и будет спать, пока это не станет утомительно. Но и тогда он продолжит отсыпаться, пополняя силы. Затем покинет лежку и пересечет границу Омарского эмирата, в пыльных пустынях которого Буньипа встретят надежные люди. Учитывая отсутствие нормальных дорог и до Катаклизма, дальше они двинутся на верблюдах или лошадях. И снова – на запад, через безжизненные горы и плоские раскаленные равнины.

Когда караван достигнет новорожденного побережья Среднеазиатского моря, он попрощается с провожатыми. Если почует хоть малейший намек враждебности или попытку ограбить его, убьет всех троих. А затем спустится к морю, где в условном месте Леона дожидается знакомый турок, уже не раз выручавший за совсем смешные деньги.

На его стареньком, но очень шустром катере Брейгель сначала достигнет Средиземного моря, а затем и южного побережья Франции. Конечно, не мгновенно, с заходами в порты Великой Турции и Большой Албании для дозаправки батарей Ллейтона. А когда Новый Марсель все же встретит Брейгеля, его ждет новое перевоплощение, позволяющее беспрепятственно путешествовать по Европе.

О том, как Буньип встретится с заказчиком и доберется до Канады, он пока не думал совершенно. Всему свое время, как сказали бы мудрецы. А сейчас настало время мерно топать на запад, время от времени проверяя, нет ли погони.

За спиной, упакованный в непромокаемую пленку, покоился бубен, стоивший немало человеческих жизней. Пожалуй, Леон не будет делиться с Циклом подробностями его добычи. Человек в

зеркальной маске наверняка упрекнет Буньипа за то, что тот не убрал свидетеля, пусть и ставшего его спасителем. Учитывая, что австралиец и сам ощущал по этому поводу легкое смущение, разговоров на заданную тему он не жаждал.

А вообще лишних вопросов он избежит без труда – слишком много хороших новостей и подарков удалось раздобыть, чтобы омрачать их обсуждение лишними деталями. Леон выполнил задание, собрал информацию и нашел очередную старинную вещь, в которых так нуждался патрон. Когда он расскажет Циклу о комбайне и его обитателях, а также о необычных переговорах сибиряков и китайцев, чувство смущения растает майским снегом. Вместе с воспоминаниями о странном чиновнике, невесть откуда оказавшемся в недружелюбных горах…

Буньип шагал вперед, почти не пользуясь режимом «сова», настолько успел привыкнуть к полумраку и мертвенному свету ярких осенних звезд. Совсем скоро за его спиной, поднимаясь из-за вершин, часть которых одета в сверкающие снежные колпаки, покажется солнце. Обогнет по дуге, заглянет в лицо, щедро приласкав австралийца и наполнив его глаза пляшущими сполохами, бессильными перед фильтрами «балалайки». Но это все завтра. А пока, упиваясь ночной прохладой, болотное чудовище запоминало мистическую, полную сумрачных тайн картину.

Когда за бортом заплещутся бездонные морские волны, а утлая турецкая посудина понесет его к руинам Стамбула, он достанет верный блокнот. Смежив веки и вспомнив мрачные краски ветреной горной ночи, Леон быстрыми штрихами карандаша перенесет на бумагу все величие приближающегося дня. В самом благородном из существующих – черно-белом стиле, насквозь пропахшем графитом.